УНИВЕРСИТЕТ ПРОКУРАТУРЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (филиал)

АЛЬМАНАХ

молодого исследователя

Выпуск 20

Санкт-Петербург, 2026

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (филиал)
УНИВЕРСИТЕТА ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

АЛЬМАНАХ

МОЛОДОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

Выпуск 20

Санкт-Петербург
2026

УДК 34(05)
ББК 67я5
А57

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Е.В. ЕЛАГИНА, кандидат юридических наук, доцент
(*главный редактор*)

М.Н. КУСТОВ
(заместитель главного редактора)

И.Д. КАРАБИН
(ответственный секретарь),

Ю.М. БОБРОВА, О.А. ГУРЕЕВА,
А.В. ЗАРУБИН, И.Б. ЛОМАКИНА

Под общей редакцией
заместителя директора Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации
кандидата юридических наук, доцента
А.А. САПОЖКОВА

Статьи печатаются в редакции авторов

E-mail: almanakh2016@mail.ru

А57 **Альманах** молодого исследователя / под общ. ред. А.А. Сапожкова. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2026. — Вып. 20. — 1 CD-R (2,23 Мб). — Систем. требования: ПК с процессором Intel Core i3 и более; 512 Mb и более; CD/DVD-ROM дисковод; Microsoft Windows XP и выше; SVGA 800×600.16 bit и более; Adobe Acrobat Reader 8.0 и выше. — Загл. с экрана. — Текст : электронный.

Подписано к использованию 22.06.2026.
Уч.-изд. л. 21,25. Тираж 15 экз. Заказ 15/26.
1 электрон. опт. диск (CD-R). 2,23 Мб.

© Санкт-Петербургский
юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры
Российской Федерации, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение к читателю 6

I. ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА 7
Давлятшин Т.Х., Попов П.В. Развитие права под влиянием философских идей ..... —
Пластинин М.П. Теория евразийства в идеях Н.С. Трубецкого 12

II. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА 17
Абитова Д.К. Забастовка: к вопросу абсолютности права ..... —
Большакова Д.Ю., Гаджибаева А.А. К вопросу об обеспечении баланса интересов участников долевого строительства 25
Голубев А.Н., Фираго Б.И. Развитие институтов опеки и попечительства в Древнем Риме 29
Гуревич В.Е. Правовая природа и модели регулирования публичного обещания награды в странах романо-германской и англо-саксонской правовых семей 34
Зуенко Д.М. Ребенок как участник гражданского оборота: проблемы защиты имущественных интересов несовершеннолетних при использовании цифровых активов 40
Машкова К.М. Проблемы защиты интересов должника при обращении банком взыскания на заложенное имущество 44
Мерзлов П.А., Федорченко Д.Р. Институт исковой давности в римском частном праве 48
Соломатников С.С. Правовой статус кредитных рейтинговых агентств в России 51

III. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НАУКИ 56
Арсаева А.Х., Данченко М.В. Проблемы уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений террористической и диверсионной направленности ..... —
Бадракова Л.А. Практические и теоретические проблемы, связанные с реализацией права на необходимую оборону 61
Белова К.Д. Об особенностях личности преступника, совершившего изнасилование, и некоторых факторах, способствующих его совершению 66
Иванова В.В. Целесообразность гуманизации уголовных наказаний 70
Маркешина С.В., Пирвердиев Р.Р. Необходимая оборона: философско-правовой анализ феномена в современном правопорядке 74
Махаринская М.И. Предметы и технологии двойного назначения как предмет преступлений против интеллектуальной собственности 79
Сидоров М.А. Новорожденный ребенок как потерпевший от преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ 84

IV. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ 90
Доценко А.С. Правовое регулирование судебно-медицинской экспертизы в Российской Федерации ..... —
Иванова К.А., Мурзина В.А. «Не следственные» следственные действия — последствие несовершенства юридической техники 95

Колесниченко О.Г. Специфика собирания, проверки и оценки доказательств по уголовным делам с участием лиц, имеющих сенсорные нарушения ... 101
Прокофьев К.А. Правовые критерии оценки клиентских карт в системе судебных доказательств ... 106
Терехова Н.В. К вопросу о применении портретной экспертизы ... 109

V. ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ВЗГЛЯД МОЛОДОГО УЧЕНОГО ... 113
Абибулаева К.А., Ищенко П.О. О некоторых вопросах реализации прокурором полномочий по защите прав и законных интересов граждан в административном судопроизводстве ... —
Андреев Д.В. Некоторые процессуальные аспекты участия прокурора в делах о защите трудовых прав: сопоставительный анализ ГПК РФ и КАС РФ ... 116
Бритаева В.В., Ирдулина И.В. Прокурорский надзор за законностью исполнения наказаний, не связанных с изоляцией от общества, как средство обеспечения эффективности уголовной политики ... 121
Буркина Ю.О. Защита прокуратурой социально-экономических прав участников специальной военной операции ... 127
Власова М.В. О некоторых проблемах участия прокурора в производстве об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами ... 131
Григорьев И.А., Степина М.А. Актуальные проблемы осуществления прокурорского надзора за исполнением законов о безопасности дорожного движения ... 135
Зыков Р.В. Актуальные проблемы участия прокуроров в рассмотрении судами ходатайств об условно-досрочном освобождении от дальнейшего отбывания наказаний на примере деятельности Вологодской прокуратуры по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях Вологодской области ... 140
Иванова К.А. Актуальные вопросы прокурорского надзора в сфере охраны здоровья несовершеннолетних ... 146
Конкина А.Т. Участие прокуратуры в защите экономических прав собственников помещений в многоквартирных домах ... 151
Ларионов О.Ю. Исковое заявление прокурора об обращении имущества в доход Российской Федерации: практические проблемы ... 155
Мурзина В.А. Актуальные вопросы прокурорского надзора за соблюдением законодательства в сфере защиты прав несовершеннолетних от деструктивной информации ... 161
Ребковец М.А. Взаимосвязь деятельности органов прокуратуры по правовому просвещению и информированию с профилактикой правонарушений ... 165
Сальников Н.А., Семенченко А.А. Соотношение правового регулирования участия прокурора в гражданском и административном судопроизводстве ... 170
Сергеева Д.Д., Украинцев А.Р. Содержание актов прокурорского реагирования при осуществлении надзора за исполнением законов, структура и основные требования к оформлению ... 174
Уварова Д.Р. Некоторые аспекты инициативной формы участия прокурора в судебном разбирательстве о защите интересов несовершеннолетнего в случае отказа законного представителя от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни ... 178

VI. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТДЕЛЬНЫХ ОТРАСЛЕЙ ПРАВА ... 184
Антонов А.А., Протасова Е.А. Перспективы развития экологических прав граждан Российской Федерации ... —
Демченко К.И., Немкина У.А. Гласность и открытость судебного разбирательства как принцип административного судопроизводства ... 187

Ивина М.А. Всероссийский физкультурно-спортивный комплекс «Готов к труду и обороне» (ГТО): правовые и организационные основания в системе физического воспитания образовательных организаций 191
Колтунцев В.А. Использование интернет-переписки как доказательства в арбитражном процессе 195
Краснова Е.Д., Шеставин И.А. Актуальные проблемы осуществления государственного финансового контроля в Российской Федерации 198
Кузнецова Е.М. Международная банкротная взаимность в российской судебной практике 202
Куулар Д.А. Методика поддержания физической формы прокурорского работника в условиях профессиональной деятельности 207
Кучерявенко С.А., Попов М.Ю. Конституционная защита прав несовершеннолетних в алиментных обязательствах 211
Махаринская М.И., Соколовская С.И. Проблемы реализации принципа активной роли суда в административном судопроизводстве 216
Никитина В.С. Состояние аффекта как обстоятельство, смягчающее административную ответственность 219
Пенкина В.С. Конституционные основы развития экономических отношений (на примере Конституции КНР и Конституции РФ) 225
Степанян Р.А., Прокопенкова Л.А. Правовой статус международных наблюдателей в российском избирательном процессе 230
Терещенко Д.В. Регулирование цен на жизненно важные лекарства 234
Толстякова А.Е. К вопросу о правовом регулировании физической культуры и спорта 238

Требования к авторскому оригиналу 243

Обращение к читателю

Уважаемые читатели!

В 2026 году исполняется 10 лет с момента выхода в свет первого выпуска «Альманаха молодого исследователя». Очевидно, что для «студенческого» издания это достаточно солидный срок.

«Альманах молодого исследователя» является полноценным научным изданием. И если изначально он создавался с целью предоставить возможность магистрантам Института опубликовать свои статьи, поскольку подготовка в качестве выпускной квалификационной работы магистерской диссертации подразумевала опубликование основных результатов исследования, то в настоящее время цель издания – предоставление возможности студентам и аспирантам нашего Института, а также других высших учебных заведений опубликовать результаты своей научно-исследовательской работы.

В 20 выпусках Альманаха опубликовано более 900 статей. Отдельные статьи процитированы в публикациях 103 российских изданий, включая журналы, рекомендованные ВАК, среди которых, например, такие уважаемые научные журналы, как «Государство и право», «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России», «Вестник евразийской науки», «Вестник Московского университета МВД России», «Baikal Research Journal», «International Law Journal», а также в зарубежных журналах «Вестник Конституционного суда Республики Таджикистан», «Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана»; 108 статей из опубликованных в Альманахе были процитированы хотя бы один раз, 33 статьи – 2 раза, 15 статей – 3 раза, и есть статьи-лидеры, которые были процитированы 4, 5, 6, 8 и 13 раз.

За 10 лет существования издания его формат не менялся – сборник статей, посвященных актуальным темам различных отраслей права. Неизменной остается и редакционная политика журнала – требовательность не только к содержанию, но и к оформлению статей. Соответственно, редакционная коллегия не допускает публикации, качество которых не соответствует требованиям, предъявляемым к научным трудам. В связи с этим не могу не поблагодарить за работу созданный в составе нашего студенческого научного общества сектор РИС, возглавляемый Иваном Карабиным, являющимся и ответственным секретарем редакционной коллегии. Члены этого сектора выполняют первичную обработку статей, осуществляя техническую проверку соответствия каждой всем требованиям по форматированию текста, оформлению сносок, ссылок и т.п., возвращают статьи авторам, собирают макет по секциям.

Хочется выразить отдельную благодарность научным руководителям авторов статей, поскольку именно они помогают студентам найти интересную тему, сформировать навык письменной речи, помогают научиться трансформировать свои мысли в связное последовательное изложение, фактически являются первыми редакторами.

В завершение от имени редакционной коллегии желаю всем авторам творческих идей, полета мысли, интересных находок.

Надеемся на дальнейшее плодотворное сотрудничество.

Главный редактор
Е.В. Елагина

I. ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Научная статья
УДК 340.12

РАЗВИТИЕ ПРАВА ПОД ВЛИЯНИЕМ ФИЛОСОФСКИХ ИДЕЙ

Тимур Хамитович ДАВЛЯТШИН[1], **Павел Витальевич ПОПОВ**[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] tima.davlyatshin07@mail.ru
[2] pavelpopov2007@mail.ru

Научный руководитель профессор кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор философских наук, профессор **Александр Александрович ЛУГОВОЙ**, aa.lugovoi@yandex.ru

Аннотация. В эпоху стремительной цифровой трансформации правовые системы сталкиваются с необходимостью регулирования принципиально новых явлений, таких как искусственный интеллект (ИИ), нейросети и глобальная цифровизация. Этот процесс обнажает фундаментальную проблему — разрыв между динамикой общественных отношений и консервативной природой позитивного права. Статья показывает, что разрешение данного противоречия лежит в развитии права под началом философских идей. Целью работы является выявление ключевых механизмов и анализ исторических примеров влияния философских идей на развитие правовых доктрин и институтов. Исследование демонстрирует, что именно философия, выступая в роли источника ценностных ориентиров и теории, обеспечивает право ресурсами для качественных изменений.

Ключевые слова: философия права, естественное право, позитивизм, общественный договор, принцип разделения властей, права человека, справедливость, историческое развитие права, аксиология права

Original article

DEVELOPMENT OF LAW UNDER THE INFLUENCE OF PHILOSOPHICAL IDEAS

Timur H. DAVLYATSHIN[1], Pavel V. POPOV[2]
[1,2] St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia
[1] tima.davlyatshin07@mail.ru
[2] pavelpopov2007@mail.ru

Scientific adviser Professor of the Department of General Humanitarian and Socio-Economic Disciplines of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor **A. A. Lugovoy,** aa.lugovoi@yandex.ru

Abstract. In an era of rapid digital transformation, legal systems are faced with the need to regulate fundamentally new phenomena, such as artificial intelligence (AI), neural networks and global digitalization. This process exposes a fundamental problem — the gap between the dynamics of public relations and the conservative nature of positive law. The article shows that the resolution of this contradiction lies in the development of law under the beginning of philosophical ideas. The aim of the work is to identify key mechanisms and analyze historical examples of the influence of philosophical ideas on the development of legal doctrines and institutions. The study demonstrates that it is philosophy, acting as a source of value guidelines and theory, that provides the right with resources for qualitative change.

Keywords: philosophy of law, natural law, positivism, social contract, principle of separation of powers, human rights, justice, historical development of law, axiology of law

Современный мир характеризуется беспрецедентным ускорением технологического прогресса, где искусственный интеллект, нейросети и в целом цифровизация переопределяют границы привычных социальных и экономических отношений. Правовые системы, функция которых состоит в упорядочивании этих отношений, оказываются в состоянии постоянного запаздывания. Возникает проблема: как консервативный по своей природе правовой механизм может находить ресурсы для глубинных, качественных трансформаций, адекватных вызовам времени?

Ответ на этот вопрос лежит за пределами юридических компетенций. Он требует обращения к философским основаниям права. Философия, отвечая на вопросы о сущности справедливости, свободы, достоинства и легитимности власти, выполняет роль основателя правового развития. Следовательно, необходимо проследить, как сквозь призму истории и современных вызовов философские идеи формируют правовые доктрины, институты и целые отрасли права. Актуальность темы обусловлена острой необходимостью в ценностном компасе для навигации в цифровом ландшафте, где традиционные правовые категории подвергаются давлению [1, с. 5—16; 2, с. 5—18].

Право и философия связаны отношениями взаимной необходимости. Если позитивное право регулирует конкретные поведенческие акты, то философия права исследует его предельные основания. Это взаимодействие осуществляется через несколько ключевых механизмов.

Во-первых, философия поставляет праву фундаментальные концепты. Такие категории, как «естественное право», «общественный договор», «правовое государ-

ство» (Rechtsstaat), «суверенитет» и «права человека», изначально были продуктом философской рефлексии и лишь впоследствии приобрели правовой статус. Без их философского осмысления они оставались бы пустыми абстракциями.

Во-вторых, философия формирует аксиологический каркас права, то есть правовые ценности. Право является институционализацией морального минимума общества. Философские учения обосновывают иерархию ценностей (справедливость, свобода, безопасность, равенство, достоинство), которую право призвано воплощать и защищать. Вопрос о том, какая ценность является приоритетной — индивидуальная свобода или общественная безопасность, — решается на философском, а не на юридико-техническом уровне.

В-третьих, философия определяет методологию правопонимания. От того, какую парадигму разделяет законодатель или судья — естественно-правовую, позитивистскую или социологическую, — зависит подход к созданию, толкованию и применению норм. Например, позитивист, отделяющий право от морали, и сторонник возрожденного естественного права по-разному оценят закон, формально корректный, но вопиюще несправедливый.

Таким образом, философия выступает одновременно как источник легитимации права (обосновывая, почему закону следует подчиняться) и как инструмент его критики (предоставляя эталон для оценки действующих норм).

Следовательно, необходимо окунуться в историю. Историческое развитие права представляет собой процесс преобразования философских идей в социальные институты [3, с. 9]. Каждая эпоха предлагала свой ответ на ключевые вопросы правового бытия.

Платон в «Государстве» утверждал, что настоящий закон должен соответствовать высшей, идеальной Справедливости, существующей как вечный образец: «Справедливость есть величайшее благо» [4, с. 120]. Аристотель в «Этике» и «Политике» разделил право: естественное («общее для всех по природе») и условное («установленное людьми»), а справедливость — на распределяющую (по заслугам) и уравнивающую (взаимность) [5, с. 152]. Стоики развили это, понимая под естественным законом (lex naturalis) универсальный божественный разум, управляющий миром и человеком: как говорил Сенека, истинный закон — это правильный разум, согласный с природой.

Средневековье осуществило теологический синтез. Фома Аквинский систематизировал идею иерархии законов: вечный (божественный разум), естественный (участие тварного разума в вечном законе), человеческий (позитивное право) и божественный (Откровение). Эта схема обеспечивала моральный критерий для оценки человеческих установлений: закон, противоречащий естественному праву, терял силу.

«Законы, установленные людьми, считаются справедливыми лишь постольку, поскольку они соответствуют естественному праву... Если же закон в чём-либо расходится с естественным правом, то он уже не закон, а извращение закона». [6, Вопрос 95, Статья 2]

Эпоха Просвещения секуляризировала естественное право и превратила его в инструмент социального переустройства. Теория общественного договора (Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо) дала рациональное, нерелигиозное обоснование государству и праву, выводя их легитимность из согласия управляемых [2, с. 30—40]. Эта идея легла в основу современного конституционализма. Дж. Локк развил учение о неотчуждаемых естественных правах (жизнь, свобода, собственность), заложив философскую основу для биллей о правах, а также закрепил принцип разделения властей, выделив три основные власти: законодательную, исполнительную и федеративную, как механизм защиты свободы. Ш. Монтескье в труде «О духе законов»

систематизировал и видоизменил эту идею, преобразовав идею Локка и сформулировав классический принцип разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную как главную гарантию политической свободы и защиты от деспотизма, который впоследствии стал основополагающим принципом конституционного устройства демократических государств.

И. Кант связал право с автономией воли и категорическим императивом, определив право, как «совокупность условий, при которых произвол одного лица совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы». Г.В.Ф. Гегель в «Философии права» представил право, как диалектическую объективацию идеи свободы, последовательно раскрывающуюся в абстрактном праве, морали и нравственности (семья, гражданское общество, государство) [7, с. 67—70].

XIX-XX века ознаменовались противостоянием юридического позитивизма (Дж. Остин, Дж. Бентам, Г. Кельзен), который настаивал на чистоте правовой науки и отделении права от морали, и возрожденного естественного права. Ужасы тоталитарных режимов, совершавших преступления в рамках формально действующих законов, доказали необходимость «надпозитивного» морального критерия, что вернуло в правовой дискурс вопросы справедливости и человеческого достоинства.

Философские концепции продолжают напрямую влиять на формирование современных правовых институтов и отраслей.

Современная концепция прав человека является прямым наследником идей естественного права, переосмысленных после Второй мировой войны. Теория справедливости Джона Ролза (справедливость как честность) с ее принципами равных свобод и дифференциации (допускающей социально-экономическое неравенство только если оно улучшает положение самых обездоленных) служит интеллектуальной основой для антидискриминационного законодательства, политики социального государства и прогрессивного налогообложения.

Идеи Юргена Хабермаса о коммуникативном действии и делиберативной демократии нашли отражение в правовых процедурах. Принципы инклюзивности, аргументированности и публичности легли в основу институтов публичных слушаний, обязательных общественных обсуждений законопроектов, экологических экспертиз. Право здесь выступает формой организации рационального диалога.

Цифровизация поставила вопрос о переосмыслении классических прав. Исследователи указывают на необходимость адаптации конституционных норм к новым реалиям, выделяя такие аспекты, как право на цифровую идентичность, защиту персональных данных, доступ к интернету и «право на забвение» [8, с. 65—68]. Этот процесс — яркий пример того, как абстрактные философские категории частной жизни, автономии и достоинства получают новое, технологически обусловленное измерение.

Наиболее остро необходимость философско-правового синтеза проявляется в сфере регулирования искусственного интеллекта и нейросетей [9, с. 5—7]. Здесь новые технологии требуют ответа на старые философские вопросы.

Алгоритмы, используемые в кредитном скоринге, найме, правоприменении, могут воспроизводить и усиливать человеческие предубеждения, порождая феномен «алгоритмической несправедливости». Ответом на этот вызов стали этические хартии, закрепляющие принципы, напрямую восходящие к философии прав человека: соблюдение основных прав, недискриминация, качество и безопасность, прозрачность и контроль со стороны пользователя[1]. Законодательные инициативы,

[1] Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающей их сфере. Страсбург: Европейская комиссия за эффективное правосудие (CEPEJ), 2018. 24 с.

такие как Акт ЕС об искусственном интеллекте, вводят классификацию систем ИИ по уровню риска, что является практической попыткой реализовать философский принцип предосторожности и пропорциональности.

Генеративные нейросети ставят под сомнение традиционные правовые категории.

Авторское право: кому принадлежат права на произведение, созданное ИИ — пользователю, разработчику алгоритма или никому? Судебная практика (например, отказ Бюро по авторским правам США в регистрации произведения, созданного с помощью ИИ) склоняется к тому, что охрана требует творческого вклада человека. Этот подход опирается на классическую философскую антропологию, выделяющую творчество как сущностную черту человека.

Ответственность: в случае причинения вреда автономным автомобилем или вследствие ошибочной медицинской рекомендации ИИ возникает проблема, как бы размытой ответственности. Философские теории ответственности (основанные на вине, причинении или контроле) требуют адаптации к ситуации, где решение принимает нечеловеческий агент.

Субъектность: хотя сегодня ИИ рассматривается как инструмент или объект права, дискуссии о возможности наделения развитых автономных систем ограниченной правосубъектностью (по аналогии с юридическими лицами) носят отчетливо философский характер, затрагивая проблемы воли, сознания и достоинства.

Достоинство и приватность в цифровую эпоху. Обучение нейросетей на больших данных, включая охраняемые авторским правом произведения или личную информацию, создает конфликт между инновациями и фундаментальными правами. Этичная разработка ИИ требует уважения к человеческому достоинству, что включает прозрачность (объяснимость решений), право на человеческое вмешательство и защиту приватности. Как отмечают эксперты, ключевой проблемой становится нахождение баланса интересов и разработка справедливых компенсационных моделей для правообладателей, чей контент используется для обучения ИИ [9, с. 6—9].

Таким образом, философские идеи выступают катализатором глубинных, качественных изменений в праве, обеспечивая его ценностное наполнение и адаптацию к меняющейся картине мира. От античного поиска объективной справедливости до современной борьбы с алгоритмической дискриминацией право черпает ресурсы для саморазвития и легитимации в философской рефлексии.

Исторический путь показывает, что все крупнейшие трансформации — становление концепции прав человека, принципа разделения властей, социального государства — были инициированы и обоснованы философской мыслью. Сегодня, перед лицом вызовов искусственного интеллекта и цифровизации, этот диалог приобретает критическую важность. Регулирование технологий — это не только техническая, но и мировоззренческая задача, требующая ответа на вопросы о справедливости, свободе, ответственности и природе человеческого достоинства в новом контексте.

Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой новых философско-правовых синтезов, способных адекватно ответить на антропологические и этические вызовы технологической эпохи. Необходимо углубленное изучение проблем алгоритмического управления, цифрового суверенитета, этики данных, а также переосмысление таких категорий, как субъектность, вина и собственность в условиях развития автономных систем [1, с. 10—14]. Только через постоянное обращение к своим философским основаниям право может оставаться не просто системой правил, а живым инструментом утверждения справедливости и защиты человеческого в человеке.

Список источников

1. Зорькин В.Д. Providentia, или О праве будущего в эпоху цифровизации / В.Д. Зорькин // Государство и право. 2020. № 6. С. 5–16.
2. Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права / Жан-Жак Руссо; [пер. с фр. А.Д. Хаютина]. Москва : РИПОЛ классик, 2018. 256 с.
3. Есикова Т.В. Развитие правовых представлений: история и современность / Т.В. Есикова // Психология и право. 2012. Том 2, № 3. С. 1—11.
4. Платон. Государство / Платон; [пер. с древнегреч. А.Н. Егунова]. Санкт-Петербург : Наука, 2021. 576 с. (Классики философии).
5. Аристотель. Никомахова этика / Аристотель; [пер. с древнегреч. Н.В. Брагинской]. Москва : АСТ, 2020. 352 с. (Эксклюзивная классика).
6. Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть III. Вопросы 75-119: 5-94773-003-0, 966-521-161-7. Издательство: Киев: Эльга, Ника-Центр, Элькор-МК, Экслибрис. 2002. Перевод Еремеева, А.А. Юдина.
7. Гегель Г.В.Ф. Философия права / Георг Вильгельм Фридрих Гегель; [пер. с нем. Б.Г. Столпнера, М.И. Левиной]. Москва : Мысль, 1990. 524 с.
8. Бурьянов М.С. Глобальные цифровые права человека в контексте рисков цифровизации / М.С. Бурьянов // Век глобализации. 2020. № 3. С. 61–73.
9. Зорькин В.Д. Право и вызовы искусственного интеллекта / В.Д. Зорькин // Российская юстиция. 2023. № 5. С. 5–9.

Информация об авторах

Т.Х. Давлятшин — студент 1 курса.
П.В. Попов — студент 1 курса.

Information about authors

T.H. Davlyatshin — 1st year student.
P.V. Popov — 1st year student.

Научная статья
УДК 316.75

ТЕОРИЯ ЕВРАЗИЙСТВА В ИДЕЯХ Н.С. ТРУБЕЦКОГО

Михаил Петрович ПЛАСТИНИН
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
mplastinin99@gmail.com

Научный руководитель профессор кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор философских наук, профессор **Александр Александрович ЛУГОВОЙ**, aa.lugovoi@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу формирования и философской сути идейно-мировоззренческого движения евразийства в работах Николая Сергеевича Трубецкого, как самобытного и нетипичного проявления цивилизационной теории. На основе его публикаций рассматривается идея об особом пути развития России в рамках «нового материка» Евразии и построения московской государственности на наследии империи Чингисхана, а также сравниваются фундаментальные положения евразийства с иными российскими политическими течениями XIX—XX века.

Ключевые слова: евразийство, Евразия, цивилизационный подход, культура, самобытность, православие

Original article

THE THEORY OF EURASIANISM IN THE IDEAS OF N.S. TRUBETSKOY

Mikhail P. PLASTININ
St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia
mplastinin99@gmail.com

Scientific adviser Professor of the Department of General Humanitarian and Socio-Economic Disciplines of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor **A. A. Lugovoy,** aa.lugovoi@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the formation and philosophical nature of the ideological and philosophical movement of Eurasianism in the works of Nikolai Sergeevich Trubetskoy, as an original and atypical manifestation of civilizational theory. Based on his publications, the idea of a special way for Russia within the framework of Eurasia and the construction of Moscow statehood based on the empire of Genghis Khan, and the fundamental provisions of Eurasianism are compared with other Russian political movements of the XIX-XX century.

Keywords: Eurasianism, Eurasia, civilizational approach, culture, identity, Orthodoxy

Первая четверть XX века. Ключевой этап развития человеческой истории, совместивший в себе радость и горе имперского наследия европейских держав. Время, когда затишье перед бурей ощущалось лёгким бризом, «ревущие двадцатые» только набирали свои обороты, а страны-победительницы Великой войны пожинали плоды закончившихся боевых действий. Именно тогда, в среде русской эмиграции, зарождается идея об особой значимости самобытной культурной идентичности России в рамках «нового материка» Евразии. Одним из главных теоретиков данной мысли стал князь Николай Сергеевич Трубецкой, описавший в своих работах базис философии евразийства. Каковым же было это течение?

Данное идейно-мировоззренческое направление, в первую очередь, разделяло географические понятия Европы и Азии, вводя промежуточную между ними «самодовлеющую хозяйственную область» Евразии. В отличие от своих материковых соседей, по словам Николая Сергеевича, данная местность обладала 1) широтным делением на горную, степную, лесную и тундровую зону, меридионально изрезанную крупными водными артериями; 2) отсутствием выхода к открытому морю и малой изрезанностью береговой линии; 3) континентальным климатом. Также, несмотря на достаточно широкое расовое разнообразие, философ замечает: «Между этими крайними точками (расами) существует целая непрерывная цепь промежуточных переходных звеньев» [1, с. 39]. Учитывая географическую обособленность, эта антропологическая целостность наталкивает автора на мысль об исторической необходимости государственного объединения Евразии.

Именно здесь и проявилась роль самобытной русской цивилизации, как наследницы империи Чингисхана. При этом, являясь одним из первых, кто в целом выдвинул подобную смелую теорию, Николай Сергеевич Трубецкой видел отголоски ядра монгольской монархии в истинно русской религиозной форме, заменившей хана на православного царя.

Само православие, согласно идеям евразийства, являлось основой народного самосознания и творческого духа русской государственности. «Провозглашая своим лозунгом национальную русскую культуру, евразийство идейно отталкивается

от всего послепетровского, санкт-петербургского, императорско-оберпрокурорского периода русской истории. Не императорское самодержавие этого периода, а то глубокое всенародное православно-религиозное чувство, которое силой своего горения переплавило татарское иго во власть православного русского царя и превратило улус Батыя в православное московское государство, является в глазах евразийцев главной ценностью русской истории», — утверждал Трубецкой [1, с. 185].

Во многом православная вера пыталась противостоять главному недугу мирового сообщества по евразийству — хищничеству романо-германской цивилизации. Под этим понятием Николай Трубецкой обобщал ведущие европейские державы тех лет (Англию, Америку, в том числе и Германию), возводивших в эталон свой образ жизни, уничижая при этом право на самобытность иных народностей. Антагонизм евразийства с засилием романо-германцев крайне остро проявлялся в вопросах культурного колониализма. Сам Николай Сергеевич был абсолютно против подобной формы поглощения мира одной цивилизацией. «Так или иначе, в России эпохи европеизации никто не чувствовал себя совсем в своем доме: одни жили как бы под иноземным игом, другие — как бы в завоеванной ими стране или в колонии», — отмечал он [1, с. 91]. Те «другие» — интеллектуальная элита не-романо-германских стран, поддавшаяся соблазну «вкусить блага передовой цивилизации». Основной задачей евразийцев как раз-таки и было открыть глаза интеллигенции, на лживость этих догм. «Она должна понять вполне ясно, твердо и бесповоротно: что европейская культура не есть нечто абсолютное, не есть культура всего человечества, а лишь создание ограниченной и определенной этнической или этнографической группы народов, имевших общую историю, что только для этой определенной группы народов, создавших ее, европейская культура обязательна», — писал в статье «Европа и человечество» Н.С. Трубецкой [1, с. 175].

Видя своими глазами свержение православного монарха в России, поражение русской армии в Первой мировой войне, буйство революций, в своей статье «Русская проблема» он крайне пессимистично рассматривал будущее Отечества. В его идеях молодая Советская республика сможет восстановиться только с утратой своего суверенитета. «Страница истории, на которой написано «Россия — великая европейская держава» раз навсегда перевернулась. Отныне Россия вступила в новую эпоху своей жизни, в эпоху утраты независимости» [1, с. 253].

Тем не менее даже в этом неутолимом мраке философ видел луч надежды (помимо утопичной всемирной революции). Встав в один ряд с иными зависимыми государствами, Россия, как страна, привыкшая быть равной с Европой, сможет возглавить авангард сопротивления романо-германскому влиянию. «В прежнее время, когда Россия еще была великой европейской державой, можно было говорить о том, что интересы России сходятся или расходятся с интересами того или иного европейского государства. Теперь такие разговоры бессмысленны. Отныне интересы России неразрывно связаны с интересами Турции, Персии, Афганистана, Индии, быть может Китая и других стран Азии», — писал Трубецкой [1, с. 255]. Как можно понять, данные идеи многополярности особенно актуальны и в современном мире. Стоит заметить, что работы Николая Сергеевича удивительно тонко описывают текущее противостояние «коллективного Запада» с Российской Федерацией, указывая отечественным исследователям на историческое постоянство данной проблемы, лежащей в основе евразийской теории.

Однако же, как идейно-мировоззренческое течение, в начале XX века евразийство чётко дало понять о своей независимости от прочих философских направлений русской мысли прошлых лет. Так, в статье «Мы и другие» Николай Сергеевич Трубецкой указал на различия данной концепции с консервативными, либеральными и революционными воззрениями.

Со времён Петра I, отмечал автор, в среде русской интеллигенции жили две довольно схожие идеи «Россия — как великая европейская держава», поддерживаемая представителями правительственных кругов, и «Россия — как европейская цивилизация», направленная на прогрессивно настроенных граждан [1, с. 183]. Если первые стремились утвердить могущество внешнее, то вторые пытались изнутри привнести «цивилизацию» в русское общество. Как можно понять, за этими утверждениями во многом сокрыты концепции славянофильства и западничества.

Хоть и евразийство, на определённом уровне, было идейным продолжателем деятельности славянофилов, однако Николай Трубецкой называл подобное глубоким недоразумением [1, с. 189]. Многие консерваторы и правые пытались приписать идеи евразийцев «к своим», при этом не видя саму суть фундаментальных различий. «Евразийская философия стоит на почве православия, исповедуя его как единственно подлинную форму христианства, и признает, что именно в качестве единственной веры православие и могло сыграть в русской истории роль творческого стимула» [1, с. 193]. Славянофильство же есть движение реакционное, построенное на мнимом сохранении «православия и народности» под верховенством самодержавия («православие, как аксессуар, а народность, как казённая декламация» [1, с. 191]). Оно поощряет имперские амбиции и панславизм, как форму частного национализма, однако это не даёт никаких глобальных плодов в борьбе народов мира с романо-германской оккупацией.

В свою очередь, с западниками у евразийцев было куда больше противоречий и различий, поскольку первые являлись непосредственными представителями той интеллигенции, которая прославляла инородный, зависимый путь развития русской национальной культуры, а также утверждала безапелляционность европейской цивилизации.

В целом же, конфликт данных двух направлений Николай Сергеевич Трубецкой описывал так: «На подмостках, не ими выстроенных, инженеры возвели стены здания и заспорили о том, какую лучше сделать крышу, совершенно забыв исследовать, как и для чего были сооружены подмостки, на которых велся спор; подмостки оказались живыми, зашевелились, стены здания треснули, повалились, похоронив под собой часть инженеров, и спор о крыше потерял всякий смысл» [1, с. 186].

Евразийство не зацикливалось только на представления послепетровской эпохи, движение видело будущий путь в восстановлении самобытности ещё Московского государства. Оно «отвергает не то или иное политическое убеждение старых направленцев, а тот культурно-исторический контекст, с которым это убеждение сопряжено в сознании старых направленцев... поскольку для евразийства самым важным является именно изменение культуры, изменения же политического строя или политических идей без изменения культуры евразийством отметается как несущественное и нецелесообразное» [1, с. 187].

Довольно часто современники путали евразийство с революционным народничеством, однако и это было абсолютно неверно. Сохраняя внешнюю напускную русскую самобытность, народники были самими что ни на есть популяризаторами романо-германских концепций (социализма, парламентской демократии и других). Они пытались «оживить» спящую русский самость, однако исключительно выборочными антисоциальными методами: «идеализация нетерпимости к «барам», насмешки над попами, использование разбойничьих песен, вера в рационалистические сектантства» [1, с. 194].

Тем временем в евразийстве даже сам бунт расценивался как непозволительное действие (наиболее ценными для устойчивости национальной культуры считались народная покорность воле Божией, идеализация царской власти, духовные стихи, набожность, обрядовое исповедничество). Философия евразийства руководствова-

лась в первую очередь не тем пригодны ли определённые институты европейским концептам (как в народничестве), а исключительной ценностью явлений в общей целостности русской самобытной культуры. Причём не все аспекты оставались. Например, общинное хозяйство (переходящее, разрушительное явление) — лишь историческая форма, которая в конечном итоге должна исчезнуть, поскольку она вредила производительности крестьянских хозяйств и не являлась существенным признаком самобытности [1, с. 195].

Кроме того, многие называли евразийство «православным большевизмом», однако это было определение с сущностным противоречием внутри. Несомненно, большевистская идеология была сходна с евразийской в вопросах антиколониализма, коренной перестройки прошлой романо-германской культуры в России. «Но все это сходство только внешнее, формальное», — был уверен Николай Трубецкой [1, с. 197]. В молодой Советской республике шло изменение природы культуры не в этническом, а классовом характере, что с точки зрения евразийства не только бессмысленно, но и в целом является показателем деградации («На деле при этом должен мыслиться не переход верхов к культуре низов, неизбежно элементарной, а к созданию верхами новой культуры с таким расчетом, чтобы между ней и культурой низов различие было не качественное, а в степенях. Только при этом условии упразднится бескультурность средних слоев нации, и национальный организм станет культурно цельным, здоровым и способным к дальнейшему развитию в целом как в своих верхах, так и в низах» [1, с. 199]).

Большевизм в представлении Трубецкого — это движение разрушительное, а не созидательное, не способное воссоздать из пепла прошлых лет новую культурную сущность. Государственный атеизм, обезличивание национальных культур, прославление романо-германской идеи коммунизма только доказывают различие данного течения с евразийством.

Таким образом, теория евразийства в идеях Н.С. Трубецкого представляет собой спектр довольно самобытных и нетипичных концепций регуляции общественной жизни через культурные и цивилизационные преобразования по «оживлению» русского народного самосознания. Работы философа пропитаны духом патриотизма, а также предполагают качественно новый подход по определению места России на мировой арене. Тезисы, выдвинутые им ещё в начале XX века, актуальны до сих пор и представляют собой ценный материал для общественных дискуссий в современной российской действительности.

Список источников

1. Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана: Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока / Москва: Издательство Эксмо, 2012. 336 с.

Информация об авторе

М.П. Пластинин — студент 1 курса.

Information about author

M.P. Plastinin — 1st year student.

II. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

Научная статья
УДК 349.2

ЗАБАСТОВКА: К ВОПРОСУ АБСОЛЮТНОСТИ ПРАВА

Дисана Казбековна АБИТОВА
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
abitova_disana@mail.ru

Научный руководитель старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации **Юлия Михайловна БОБРОВА,** j.m.bobrova@gmail.com

Аннотация. В статье исследуется сущность института забастовки с точки зрения теоретических и практических аспектов. Исследования в этой области имеют огромное значение для понимания тенденций развития законодательства стран мира по обеспечению социально-экономических прав граждан, в связи с чем автором проведён сравнительно-правовой анализ национальных законодательств Мексики и Российской Федерации. По итогу проведённой работы сделаны соответствующие выводы, обозначены перспективные направления развития отечественного трудового права по вопросам регулирования института забастовки.

Ключевые слова: забастовка, абсолютность права, теоретический аспект, практическая реализация, трудовое законодательство

Original article

STRIKE: ON THE QUESTION OF THE ABSOLUTENESS OF LAW

Disana K. ABITOVA
St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia
abitova_disana@mail.ru

Scientific adviser Senior Lecturer of the Department of Civil Law Disciplines of St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Justice Counsellor **J.M. Bobrova, j**.m.bobrova@gmail.com

Abstract. The article examines the essence of the strike institution from the perspective of theoretical and practical aspects. Research in this field is of great importance for understanding the trends in the development of legislation worldwide in ensuring citizens' socio-economic rights, which is why the author conducted a comparative legal analysis of the national legislations of Mexico and the Russian Federation. Based on the work carried out, appropriate conclusions were drawn, and promising directions for the development of domestic labor law regarding the regulation of the strike institution were identified.

Keywords: strike, absoluteness of rights, theoretical aspect, practical implementation, labor legislation

Право на забастовку — одно из неотъемлемых составляющих «прав человека третьего поколения», или «прав солидарности»[1]. Принадлежа каждому человеку в отдельности, оно реализуется посредством сплочённых действий трудовых коллективов, объединённых общими целью и интересами. Именно с этим связаны некоторые споры об отнесении рассматриваемого социально-экономического права к тому или ному поколению прав человека[2]. В рамках исследуемой темы особую важность представляет иной вопрос — определение абсолютности права на забастовку.

Любое право в силу своей социальной природы является относительным, и реализация его находится в прямой зависимости от внешних обстоятельств, например, исторического контекста. Кроме того, говоря об исследуемом нами социально-экономическом праве, можно отметить, что, «поскольку забастовка — способ экономического воздействия на работодателя и реализация работниками права на забастовку, по сути, вступает в конфликт с экономическими правами работодателей, а также третьих лиц, напрямую не участвующих в конфликте (государство, контрагенты работодателя), право на забастовку не абсолютно» [1, с. 282]. Однако данное положение не исключает возможности проведения сравнительно-правового анализа различных механизмов объявления забастовки, установленных национальным трудовым законодательством, с целью выявления степени свободы реализации гражданами принадлежащего им права.

Необходимо затронуть общие положения о трудовых забастовках, которые включают в себя как теоретические аспекты, так и нормы международного права. В качестве основных принципов (концепций) права на забастовку выделяют коллективный характер права (вплоть до законодательного закрепления количественного минимума участников забастовки); существование права на забастовку только для законных забастовок, т.е. соответствующих законодательно определённым критериям (законность целей забастовки, применяемых средств); проведение предварительных процедур (примирения, посредничества, арбитража); гарантированность государством; признание незаконности только на основании решения независимого органа (признание презумпции законности забастовки); уравнивание права на забастовку правом на локаут [2, с. 1044—1073]. Практическая реализация вышеперечисленных концепций отличается разнообразием, которое выражается в при-

[1] Vasak K. A 30-year struggle; the sustained efforts to give force of law to the Universal Declaration of Human Rights [Текст] / Vasak K. // The UNESCO Courier: a window open on the world, XXX, 11, 1977. C. 29.

[2] «Свободными являются не сколько эти объединения, собрания граждан, культовые организации, сколько сами граждане, которые располагают по своему выбору правом объединяться, проводить собрания или поклоняться культу», т.е. право на забастовку, с этой точки зрения, осуществляется непосредственно и индивидуально, что говорит о возможности его отнесения ко второму поколению прав человека (Рудинский Ф.М. Гражданские права человека: общетеоретические вопросы // Право и жизнь. 2000. № 31. С. 72).

дании государством одним из них преимущественного значения, в то время как на другие, напротив, налагает запреты (например, запрет на объявление локаута). В связи с этим видится целесообразным проведение сравнительно-правового анализа трудового законодательства нескольких государств. С этой целью необходимо постоянное обращение к историческому аспекту развития права на забастовку.

«Законодательство о забастовках формировалось от категорического их запрета и квалификации как преступлений (французский закон Ле-Шапелье (1791 г.)) до их легализации — вначале через признание свободы работников на объединение, а затем и через провозглашение этого права на уровне конституций» [2, с. 1036]. Первым государством, на конституционном уровне закрепившем право на забастовку, стала Мексика, сделавшая это в своей Конституции 1917 г. Именно в Мексике состоялась первая исторически зафиксированная забастовка, которая пришлась на 1582 г., «когда церковные певчие отказались выполнять свои обязанности в знак протеста против уменьшения их жалованья». В настоящее время ситуация с трудовыми забастовками в Мексике остаётся довольно активной, что подтверждается статистическими данными, подготовленными Национальным институтом статистики и географии Мексики (INEGI)[1]. Согласно им, в 2024 г. в Мексике всего было зарегистрировано 95 226 трудовых конфликтов, что на 20,4 % больше, чем в 2023 г., случаев забастовок — 1469 (+16,6 %)[2], которые в большинстве случаев были вызваны требованием пересмотра трудового договора (36,4 %) и заработной платы (20,6 %). Забастовочные движения в Мексике не только являются частым явлением, но и порой принимают значительные масштабы (например, в мае 2025 года тысячи учителей из профсоюза CNTE (National Coordinator of Education Workers) заблокировали доступ в международный аэропорт Мехико[3]). Стоит сказать, что Мексике пользуются правовой защитой т.н. «забастовки солидарности» (VI, ст. 450 Федерального закона о труде). В связи с этим в научной литературе по вопросам трудового права зарубежных стран отмечается, что «крупномасштабные протесты могут вдохновлять дополнительные волны мобилизации, вводить новые рамки мышления и изменять общественное мнение в сторону поддержки целей протестующих» [3, с. 3].

Право на забастовку закреплено в статье 123 Конституции Мексики 1917 года, которая входит в раздел «О труде и социальном обеспечении». В соответствии с ней законодательством признаются локауты и забастовки, которые, в свою очередь, имеют законный характер, «если их целью является достижение равновесия между различными факторами производства, гармонизация прав трудящихся и целей капитала»[4]. На конституционном уровне также закреплены иные положения, содержащие основные принципы процедуры объявления трудовой забастовки. В их числе предварительное направление работодателю уведомления, что составляет один

[1] Estadísticas sobre Relaciones Laborales de Jurisdicción Local (ERLAJUL) 2024 / [Электронный ресурс] // INEGI : [сайт]. URL: https://www.google.com/url?sa=t&source=web&rct=j&opi=89978449&url=https://www.inegi.org.mx/contenidos/saladeprensa/boletines/2025/rellaborales/ERLAJUL2024.pdf&ved=2ahUKEwiAs9DWrc2SAxXI4wIHHS0IHTMQFnoECC4QAQ&usg=AOvVaw16XrNdozGb_qh6LznFKOdQ (дата обращения: 09.02.2026).

[2] В Российской Федерации за тот же 2024 год количество забастовок, напротив, снизилось на 30 % (Итоги развития социально-трудовых отношений и анализ социально-трудовых конфликтов в Российской Федерации в 2024 году / [Электронный ресурс] // Федерация профсоюзов Санкт-Петербурга и Ленинградской области : [сайт]. URL: https://lfpspb.com/news/новости-лфп/20320-итоги-развития-социально-трудовых-отношений-и-анализ-социально-трудовых-конфликтов-в-российской-федерации-в-2024-году.html?ysclid=mlfoc4m8g6321090622 (дата обращения: 09.02.2026)).

[3] Simon R., Emiliano R.M. Teachers Protest Shuts Down Mexico City's International Airport / Simon R., Emiliano R.M. [Электронный ресурс] // The New York Times : [сайт]. URL: https://www.nytimes.com/2025/05/23/world/americas/mexico-city-teachers-protest-airport-shutdown.html (дата обращения: 25.01.2026).

[4] Mexico 1917 (rev. 2015) Constitution / [Электронный ресурс] // Constitute : [сайт]. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Mexico_2015 (дата обращения: 28.01.2026).

из начальных этапов единой процедуры объявления забастовки, которая закреплена главой 20 Федеральным законом о труде (Ley Federal de Trabajo, FLL)[1] (ст. 920—938). На начальных стадиях работники в лице профсоюза направляют работодателю перечень предъявляемых требований, а также высказывают намерение начать забастовку, указывая при этом цель, день и время забастовки (по общему правилу, не менее чем за шесть дней до даты, установленной для приостановки работы). Второй экземпляр требований, а также иные документы (например, свидетельство о регистрации коллективного договора, выданное Федеральным центром трудового примирения) направляются в суд (ст. 928), или иной уполномоченный орган, которые направляют работодателю копию повестки о вызове в суд в течение сорока восьми часов после ее получения. Суд созывает стороны на согласительное слушание, в ходе которого посредник компетентного согласительного центра может вмешаться, чтобы попытаться достичь компромисса. Суд предписывает работодателю удовлетворить требования работников в той мере, в какой это уместно. Оценивая намерение рабочих объявить забастовку, судебный орган может признать его как юридически необоснованным (в таком случае работники возвращаются на работу в течение 24 часов), так и законным, определяя при этом необходимое количество работников, которые должны продолжить работу, «приостановление которой нанесет серьезный ущерб безопасности и сохранности помещений, машин и сырья» (ст. 935). В противном случае, работодателю предоставляется право найма других работников (ст. 936). В то же время суд может, напротив, признать незаконность забастовки. И здесь мы сталкиваемся с проблемой разграничения т.н. «юридически несуществующей забастовки» (the legally nonexistent strike), то есть «не имеющей законного основания для ее проведения»[2], и «незаконной забастовки» (the unlawful strike). Оно проводится в зависимости от характера совершённого правонарушения и правовых последствий для работника. При «юридически несуществующей забастовке» не соблюдаются юридически формальные требования (например, к количеству работников), что представляет собой менее серьёзное нарушение по сравнению с «незаконной забастовкой», которая признаётся таковой в силу совершения большинством бастующих насильственных действий, а также в случае войны (XVIII, ст. 123 Конституции Мексики). Юридические последствия для работников характеризуются в первом случае обязанностью вернуться к исполнению трудовой функции в течение 24 часов, во втором — увольнением[3].

Помимо прочего, Федеральным законом о труде закреплён перечень трудовых функций, осуществление которых бастующие работники обязаны продолжить: работа транспортных средств, находящихся в пути следования, работа больниц, санаториев при наличии в них пациентов и т.д. (ст. 466). Установлены и другие ограничения, относящиеся к профессиональной принадлежности работников, что обосновывается правовым характером складывающихся между ними и государством отношений[4].

[1] Mexican Federal Labor Law / [Электронный ресурс] // Start-Ops Mexico : [сайт]. URL: https://start-ops.com.mx/mexican-laws/labor-law-in-english/ (дата обращения: 28.01.2026).

[2] MEXICO 2015 HUMAN RIGHTS REPORT / [Электронный ресурс] // U.S. Department of State : [сайт]. URL: https://2009-2017.state.gov/documents/organization/253239.pdf (дата обращения: 07.02.2026).

[3] Carlos de Buen Unna. Conflictividad en la terminación de las relaciones de trabajo una propuesta de reforma / Carlos de Buen Unna [Электронный ресурс] // Instituto de Investigaciones Jurídicas (IIJ-UNAM) : [сайт]. URL: https://www.juridicas.unam.mx/ (дата обращения: 09.02.2026). С. 89.

[4] Так, судебной практикой признаётся «административный характер правовых отношений с государством военнослужащих, морских пехотинцев, сотрудников дипломатической службы, прокуроров, экспертов и сотрудников правоохранительных органов» с установлением определённых «административно-трудовых нюансов» (Executive (SCJN 2017) of the Supreme Court of Justice, Plenary. ACTION OF UNCONSTITUTIONALITY 1/2015. TLAXCALA STATE COMMISSION ON HUMAN RIGHTS. MAY 11, 2017. SPEAKER: J.M.P.R. SECRETARY: G.P.L.A. Mexico City Agreement of the Tribunal P. of the Supreme Court of Justice of the Nation / [Электронный ресурс] // vlex : [сайт]. URL: https://vlex.com.mx/

Как мы уже говорили ранее, история развития забастовочного движения довольно динамична и отношение законодателя к данному аспекту трудовых отношений было довольно различным. Исключением не является и российское государство, первоначально рассматривавшее забастовки как деяние, приравненное к восстанию против властей, что, в свою очередь, каралось смертной казнью[1]. Однако в дальнейшем уголовная ответственность за экономические стачки была и вовсе отменена Временными правилами от 2 декабря 1905 г., которые устанавливали наказуемость «наиболее опасных проявлений участия в забастовках»[2]. «Таким образом, под воздействием событий 1905 г. в Российской империи делается первый шаг к допущению, пусть и в минимальной степени, возможности прекращения работы в целях принуждения работодателей к удовлетворению требований наемных работников» [4, С. 136—137].

В современной России право работников на забастовку как способ разрешения коллективного трудового спора провозглашено Конституцией Российской Федерации[3], положения которой полностью пронизывают Трудовой Кодекс Российской Федерации, что находит своё выражение в основополагающих началах трудового законодательства (ст. 2 ТК РФ), а также в перечне прав работников (ст. 21 ТК РФ). Рассмотрению и разрешению коллективных споров, в свою очередь, посвящена глава 61 ТК РФ. Согласно ей, забастовка представляет собой «временный добровольный отказ работников от исполнения трудовых обязанностей (полностью или частично) в целях разрешения коллективного трудового спора»[4] (ст. 398 ТК РФ). Право на забастовку характеризуется «пассивным» состоянием, поскольку его активизация находится в зависимости от наличия определённых оснований: безрезультатность примирительных процедур, невыполнение работодателем условий достигнутого соглашения, неисполнение им решения трудового арбитража (ст. 409 ТК РФ). Уже на данном этапе статья отсылает нас на ряд исключений из общего правила (ст. 413 ТК РФ), а также устанавливает запрет работодателям на организацию забастовок и участие в них (локаут)[5], в то время как в Мексике они узаконены.

Процедура объявления забастовки, установленная трудовым законодательством Российской Федерации, отличается многоэтапностью. Согласно ст. 410 ТК РФ решение об объявлении забастовки принимается собранием (конференцией) работников организации (структурного подразделения)[6] по предложению представительного органа работников, ранее уполномоченного ими на разрешение коллективного трудового спора. Решение считается принятым, если за него проголосовало не менее половины работников, присутствующих на собрании (конференции). Однако при невозможности проведения такого собрания (созыва

vid/708031317 (дата обращения: 09.02.2026)).

[1] Например, ст. 1791 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (1845 г.) (Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Санкт-Петербург : Тип. 2 отд-ния собств. е. и. в. канцелярии, 1845. [4], IV. С. 693—694).

[2] Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Санкт-Петербург, 1908. Т. 25, отд. 1. № 26987. С. 850.

[3] Ст. 37 Конституции РФ: «признается право на индивидуальные и коллективные трудовые споры с использованием установленных федеральным законом способов их разрешения, включая право на забастовку» («Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Доступ из спарв.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

[4] «Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 28.12.2025, с изм. от 06.02.2026) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

[5] Который, впрочем, определяется ТК РФ как — «увольнение работников по инициативе работодателя в связи с их участием в коллективном трудовом споре или в забастовке» (ст. 415).

[6] Что, в свою очередь, делает неправомерным объявление забастовки работниками цеха, отдела, бригады и т.п. (См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 26 августа 2005 года №93-Г05-14).

конференции) представительный орган работников имеет право утвердить свое решение, собрав подписи более половины работников в поддержку проведения забастовки, что не соответствует международным стандартам[1]. Для каждого случая установлены свои сроки проведения забастовки (например, предупредительной[2]: на локальном уровне — после трёх календарных дней работы примирительной комиссии, на иных уровнях социального партнёрства — после четырёх) с обязательным уведомлением работодателя, сроки направления которого также варьируются в зависимости от субъекта, объявившего забастовку. При этом установлена обязанность по обеспечению минимума необходимых работ (услуг), который определяется соглашением работодателя, представительного органа работников совместно с органом местного самоуправления в трехдневный срок со дня принятия решения об объявлении забастовки на основе федерального перечня, исходя из вероятности причинения вреда здоровью или угрозы жизни граждан (ст. 412 ТК РФ)[3].

Основания признания незаконности забастовки содержатся в п. 59 Постановления Пленума ВС РФ от 17.03.2004 № 2[4], которые сгруппированы ТК РФ в два больших блока (ст. 413 ТК РФ), выделяемых по критериям принадлежности к определенной категории работников и создания угрозы обороне страны и безопасности государства, жизни и здоровью людей[5]. Перечень таких исключений конкретизируется отдельными федеральными законами[6]. На наш взгляд, действующая формулировка ТК РФ предоставляет законодателю правомочие по определению не-

[1] См.: п. 556 (Свобода объединения: сборник решений, принятых Комитетом по свободе объединения Административного совета МОТ, и выработанных им принципов / Международное бюро труда. 5th (rev.) ed. Женева: МБТ, 2016. С. 127).

[2] «Прибегнуть к такой забастовке можно лишь один раз за все время рассмотрения коллективного трудового спора. При этом ее продолжительность не должна превышать один час» (Статья 410 ТК РФ. Объявление забастовки / [Электронный ресурс] // Кодексы и Законы РФ — Российское Законодательство и Судебная практика : [сайт]. URL: https://www.zakonrf.info/tk/410/ (дата обращения: 08.02.2026)).

[3] См.: пп. 606, 609 (Свобода объединения: сборник решений, принятых Комитетом по свободе объединения Административного совета МОТ, и выработанных им принципов / Международное бюро труда. 5th (rev.) ed. Женева: МБТ, 2016. С. 138).

[4] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.03.2004 № 2 (ред. от 09.12.2025) «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5 Существование подобных ограничений базируется на положениях Конституции Российской Федерации, предусматривающих, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц (ч. 3 ст. 17 Конституции РФ), а также что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ). См. также главу «Случаи ограничения или запрещения забастовок и гарантии компенсации» (Свобода объединения: сборник решений, принятых Комитетом по свободе объединения Административного совета МОТ, и выработанных им принципов / Международное бюро труда. 5th (rev.) ed. Женева: МБТ, 2016. С. 130—137).

[6] Вот некоторые из них: Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 28.12.2025) «О статусе судей в Российской Федерации» (п. 14 ч. 3 ст. 3); Федеральный закон от 22.08.1995 № 151-ФЗ (ред. от 07.07.2025) «Об аварийно-спасательных службах и статусе спасателей» (п. 3 ст. 11); Федеральный закон от 21.11.1995 № 170-ФЗ (ред. от 21.04.2025) «Об использовании атомной энергии» (ст. 39); «Воздушный кодекс Российской Федерации» от 19.03.1997 № 60-ФЗ (ред. от 28.11.2025) (п. 1 ст. 52); Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ (ред. от 02.11.2023) «О чрезвычайном положении» (п. «ж» ст. 11); Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ (ред. от 13.12.2024) «О военном положении» (п. 10 ч. 2); Федеральный закон от 10.01.2003 № 17-ФЗ «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» (п. 2 ст. 26); Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (п. 15 ч. 1 ст. 17); Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О муниципальной службе в Российской Федерации» (п. 14 ч. 1 ст. 14).

ограниченного круга лиц, лишённых права на объявление забастовки[1]. Забастовка является незаконной и в том случае, если она была объявлена без учета сроков, процедур и требований, предусмотренных ТК РФ[2]. Решение о признании забастовки незаконной принимается судом по заявлению работодателя или прокурора. Работники обязаны прекратить забастовку и приступить к работе не позднее следующего дня после вручения копии решения суда органу, возглавляющему забастовку, иначе они могут быть подвергнуты дисциплинарному взысканию за нарушение трудовой дисциплины. В отношении работников, не принимавших участия в забастовке, при наличии письменного заявления осуществляется выплата простоя, а в отношении участников — компенсационные выплаты в соответствии с коллективным договором или соглашением (ст. 414 ТК РФ). Данный вопрос в трудовом законодательства Мексики регулируется на уровне обычая[3].

В рамках проведения сравнительно-правового анализа необходимо сопоставить положения рассмотренных нами норм трудового законодательства Российской Федерации и Мексики. Так, ТК РФ устанавливает принудительность трудового арбитража для всех работников государственных служб[4], чьи социально-экономические права в силу специфики деятельности значительно ограничены, в то время как в Мексике принят отдельный Федеральный закон о работниках, находящихся на государственной службе, в том числе регулирующий порядок объявления забастовки[5]. Отсрочка или приостановление забастовки в Российской Федерации осуществляется по решению суда или Правительства Российской Федерации (ст. 413 ТК РФ), в Мексике — по просьбе профсоюза (ст. 927 Федерального закона о труде). Кроме того, нормы трудового законодательства Мексики в большей степени соответствуют стандартам МОТ в том отношении, что работодатель на время забастовки не вправе привлекать к работе иных лиц, за исключением случаев жизненной необходимости (ст. 936 Федерального закона о труде), российское же законодательство не предусматривает такого запрета. Более того, ст. 59 ТК РФ предоставляет работодателю возможность заключения срочного трудового договора на время исполнения обязанностей отсутствующего работника, за которым сохраняется место работы (например, в силу ст. 414 ТК РФ), что нивелирует значение института забастовки[6]. Единственный действующий механизм медиации в Мексике — обращение

[1] С другой стороны, гарантия защиты интересов таких категорий работников обеспечивается в РФ, например, путём запрещения права на локаут в соответствии со стандартами МОТ (п. 600, Свобода объединения: сборник решений, принятых Комитетом по свободе объединения Административного совета МОТ, и выработанных им принципов / Международное бюро труда. 5th (rev.) ed. Женева: МБТ, 2016. С. 136).

[2] Более того, ст. 20.26 КоАП РФ предусматривает административную ответственность за самовольное прекращение работы как средство разрешения коллективного или индивидуального трудового спора («Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 09.01.2026) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

[3] Nancy Malacara Huelgas laborales en México: ¿Qué hacer si tu empresa está en paro? / Nancy Malacara [Электронный ресурс] // EXPANSION : [сайт]. URL: https://expansion.mx/carrera/2023/10/27/huelgas-en-mexico-que-hacer (дата обращения: 08.02.2026).

[4] П. 575: «Слишком широкое определение понятия „государственный служащий“ может привести к весьма значительному ограничению или даже запрещению права на забастовку в отношении этой категории работников» (Свобода объединения: сборник решений, принятых Комитетом по свободе объединения Административного совета МОТ, и выработанных им принципов / Международное бюро труда. 5th (rev.) ed. Женева: МБТ, 2016. С. 130).

[5] LEY FEDERAL DE LOS TRABAJADORES AL SERVICIO DEL ESTADO, REGLAMENTARIA DEL APARTADO B) DEL ARTICULO 123 CONSTITUCIONAL / [Электронный ресурс] // ACADEMIA : [сайт]. — URL: https://www.academia.edu/33147233/LEY_FEDERAL_DE_LOS_TRABAJADORES_AL_SERVICIO_DEL_ESTADO_REGLAMENTARIA_DEL_APARTADO_B_DEL_ARTÍCULO_123_CONSTITUCIONAL_LEY_FEDERAL_DE_LOS_TRABAJADORES_AL_SERVICIO_DEL_ESTADO_REGLAMENTARIA_DEL_APARTADO_B_DEL_ARTÍCULO_123_CONSTITUCIONAL (дата обращения: 09.02.2026).

[6] Исходя из этого, наблюдается несоответствие стандарту, установленному п. 633 (Свобода объеди-

в федеральные или местные центры примирения и регистрации труда[1]. Российское трудовое законодательство, в свою очередь, предусматривает наличие примирительной комиссии, института посредничества и трудового арбитража, в своей совокупности составляющих многоступенчатую и довольно сложную систему, предусматривающую для каждого из случаев свои условия и сроки реализации, что также не отвечает требованию по свободному осуществлению работниками своих прав[2].

Проведённое нами исследование неизбежно приводит нас к мысли о том, что «ограничения права на забастовку и возможности работодателя по противодействию забастовочным действиям работников в России очень велики и не соответствуют существенному количеству международных трудовых стандартов в этом отношении» [5, с. 567]. Однако нужно отметить, что ряд положений трудового законодательства России, не соответствующих международным требованиям, говорит нам о существовании перспектив для дальнейшего совершенствования отечественного трудового права.

Список источников

1. Акопов Д.Р. Трудовое право : учебник /под ред. С.Н. Ерёминой, Е.А. Степановой. Москва : ИНФРА-М, 2025. 331 с.

2. Лушников А.М., Лушникова М.В. Курс трудового права: Учебник: В 2 т. Т. 2. Коллективное трудовое право. Индивидуальное трудовое право. Процессуальное трудовое право. М.: Статут, 2009. 1151 с.

3. Chambers-Ju, Christopher & Trasberg, Mart. Framing Labor Action: Experimental Evidence from Teachers in Mexico [Текст] / Chambers-Ju, Christopher & Trasberg, Mart. // Perspectives on Politics. 2025. С. 1—18.

4. Коробченко В.В., Сафонов В.А. Развитие правового механизма разрешения конфликтов в сфере труда в России: краткий исторический очерк / Ежегодник трудового права, no. 10, 2020, С. 131—159.

5. Актуальные проблемы трудового права: учебник для магистратов / отв. ред. Н.Л. Лютов. Москва : Проспект, 2017. 688 с.

Информация об авторе

Д.К. Абитова — студентка 2 курса.

Information about author

D.K. Abitova — 2nd year student.

нения: сборник решений, принятых Комитетом по свободе объединения Административного совета МОТ, и выработанных им принципов / Международное бюро труда.– 5th (rev.) ed. – Женева: МБТ, 2016. С. 142-143).

[1] IRLEX Legal Database on Industrial Relations Mexico 2020 / [Электронный ресурс] // International Labour Organization : [сайт]. URL: https://wwwex.ilo.org/dyn/irlex_en/f?p=14100:1100:0::NO::P1100_THEME_ID:105131# (дата обращения: 09.02.2026).

[2] П. 548: «установленные законом процедуры объявления забастовки не должны быть настолько сложными, чтобы сделать объявление законной забастовки невозможным на практике» (Свобода объединения: сборник решений, принятых Комитетом по свободе объединения Административного совета МОТ, и выработанных им принципов / Международное бюро труда. 5th (rev.) ed. Женева: МБТ, 2016. с. 126).

Научная статья
УДК 347.4

К ВОПРОСУ ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ БАЛАНСА ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ ДОЛЕВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Дарья Юрьевна БОЛЬШАКОВА[1], **Альбина Альбертовна ГАДЖИБАЕВА**[2]
[1,2] *Юридический институт Пензенского государственного университета, Пенза, Россия*
[1] dariabolshakova5002@mail.ru
[2] albina25052007@mail.ru

Научный руководитель кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Частное и публичное право» юридического института Пензенского государственного университета **Данил Евгеньевич ФЕОКТИСТОВ**, d_e_f@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена рынку долевого строительства Российской Федерации, который представляет собой один из наиболее динамичных секторов экономики, обеспечивающий жилищные потребности населения, но при этом порождающий устойчивый круг гражданско-правовых конфликтов. Рассматривается феномен злоупотребления правом со стороны дольщиков в форме необоснованного взыскания неустойки и компенсаций за несущественные недостатки. Отражены меры государственного вмешательства, включая моратории на неустойку и ограничения гарантий, введенные для стабилизации отрасли. Выявлены коллизии при банкротстве застройщиков и ипотечном финансировании.

Ключевые слова: дольщик, долевое строительство, застройщик, злоупотребление правом, защита права, судебная практика

Original article

ON ENSURING THE BALANCE OF INTERESTS OF PARTICIPANTS IN CO-OPERATIVE CONSTRUCTION

Daria Y. BOLSHAKOVA[1], **Albina A. GADZHIBAYEVA**[2]
[1,2] *Penza State University Law Institute, Penza, Russia*
[1] dariabolshakova5002@mail.ru
[2] albina25052007@mail.ru

Scientific adviser Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Private and Public Law at the Penza State University Law Institute, **D.E. Feoktistov**, d_e_f@bk.ru

Abstract. The article is devoted to the market of shared-equity construction in the Russian Federation, which is one of the most dynamic sectors of the economy, providing housing needs of the population, but at the same time generating a steady circle of civil law conflicts. The phenomenon of abuse of rights by equity holders in the form of unjustified collection of penalties and compensations for minor deficiencies is considered. Government intervention measures, including penalty moratoriums and guarantee restrictions, introduced to stabilize the industry are reflected. Collisions have been identified in the bankruptcy of developers and mortgage financing of projects. The analysis of court decisions demonstrates the inconsistency of law enforcement.

Keywords: shared-equity construction, equity holder, developer, abuse of law, protection of law, judicial practice

Рынок долевого строительства в Российской Федерации представляет собой один из наиболее динамичных секторов экономики и выполняет ключевую функцию в обеспечении жилищных потребностей населения. Вместе с тем, несмотря на последовательную работу законодателя по совершенствованию правового регулирования, данная область остаётся источником устойчивых гражданско-правовых проблем. Основным нормативным актом, урегулировавшим отношения в этой сфере, выступает Федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон № 214-ФЗ), положения которого тесно коррелируют с общими нормами Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ).

Явление, в публицистическом дискурсе часто обозначаемое как «потребительский экстремизм», в науке квалифицируется через призму института злоупотребления правом (ст. 10 ГК РФ). В контексте долевого строительства это выражается в необоснованном завышении требований о взыскании неустоек и штрафов, в предъявлении требований о компенсации морального вреда и в инициировании исков, мотивированных не устранением реального ущерба, а получением материальной выгоды за счёт застройщика; нередки и иски, касающиеся несущественных недостатков передаваемого объекта [1, с. 61].

До сентября 2024 года доля исков, содержащих признаки злоупотребления правом со стороны участников долевого строительства, занимала значительную долю общего массива судебных споров в данной предметной области. При этом судебные органы не всегда применяют ст. 10 ГК РФ эффективно, что объясняется процедурными трудностями доказывания злоупотребления правом, обусловленными необходимостью установления субъективной стороны недобросовестного поведения истца.

Злоупотребление правом подрывает устойчивость гражданского оборота и создает дополнительные риски для застройщиков, оказывая, в конечном счёте, влияние на формирование цены квадратного метра жилья. Отдельной проблемой является отсутствие в доктрине и правоприменительной практике чётких критериев разграничения добросовестного осуществления прав и их злоупотребления в сфере долевого строительства; это затрудняет выработку единообразной практики судов и приводит к элементам непредсказуемости при разрешении споров.

Иллюстративным примером служит следующая фактическая ситуация. Ю.А. Рычков отказался принимать акт сдачи-приемки жилого помещения из-за обнаруженных строительных дефектов. Застройщик должен был передать квартиру до 30 июня 2018 года, однако фактическая передача состоялась спустя четыре месяца — акт был подписан дольщиком лишь в последних числах октября 2018 года. Обладатель жилья, выявивший нарушение установленного срока передачи объекта, потребовал начисления неустойки, однако компания отказалась её выплачивать.

Тогда Рычков Ю.А. обратился в суд с требованием взыскать с общества около 200 тысяч рублей за задержку передачи жилья, а также компенсировать моральный урон и применить штрафные санкции. Первая инстанция удовлетворила все заявленные требования, однако последующее решение апелляционного суда поставило под сомнение данное решение — по его мнению, обнаруженные дефекты не мешали приёму недвижимости, а истец проявил недобросовестность[1].

[1] См. подробнее Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции 12 марта 2020 г. № 88-4585/2020.

Подобную позицию поддерживает и правовая позиция, изложенная в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. В пункте 25 указано, что в неустойке может быть отказано при наличии признаков злоупотребления правом со стороны участника долевого строительства, который уклонялся от принятия объекта в установленный срок либо отказывался это делать.

Пример: между Р. и ООО «Тикон» был подписан договор Участия в Долевом Строительстве, где застройщик взял на себя обязательство передать квартирный объект до 31 декабря 2008 года. Однако фактическая передача произошла с нарушением срока — акт приёма-передачи подписан 16 апреля 2010 года. Суд первой инстанции признал просрочку застройщика и взыскал неустойку, а также компенсацию морального вреда, не принимая во внимание факт уклонения истца от подписания документа. Апелляционная инстанция, изучив материалы дела, пересчитала сумму неустойки и компенсации морального ущерба с учётом установленных обстоятельств и правовой квалификации поведения сторон[1].

Приведённые случаи демонстрируют нередко встречающееся недобросовестное поведение участников долевого строительства с целью получения необоснованных компенсаций от застройщиков.

В целях устранения такой практики в ч. 6 ст. 8 Закона № 214-ФЗ были внесены изменения, согласно которым застройщик в аналогичной ситуации может составить односторонний акт или иной документ о передаче объекта долевого строительства, что закон признает фикцией принятия объекта.

На основании приведённых ситуаций делается вывод о случаях злоупотребления правами со стороны участников долевого строительства с целью получения необоснованных компенсаций от застройщиков.

В условиях нестабильной экономической конъюнктуры государство ввело ряд мер, ограничивающих взыскание неустоек, что, по замыслу законодателя, должно было предотвратить банкротства застройщиков и дальнейшие задержки ввода объектов, однако это создало меры, значительно ограничивающие добросовестных дольщиков.

С 2020 года последовательно вводились моратории на взыскание неустоек: впервые 3 апреля 2020 г., затем повторно с 29 марта 2022 г. по 30 июня 2023 г., и последний период действия — с 22 марта 2024 г. по 31 декабря 2025 г. С 1 января 2026 г. мораторий на начисление неустойки за новые периоды просрочки прекратил свое действие; при этом по ранее образовавшимся долгам предусмотрена отсрочка до 31 декабря 2026 г. включительно.

Кроме того, в 2024—2025 годах были приняты нововведения, регулирующие гарантийные обязательства и ограничивающие максимальные размеры взысканий: минимальный срок гарантии на отделочные работы и их элементы снижен с трёх до одного года; гарантийный период исчисляется с момента передачи объекта дольщику и не может изменяться по соглашению сторон; установлен предел совокупного взыскания за нарушения, связанные с отделкой и монтажом конструкций — 3% от стоимости договора, хотя возможность назначения более высокой санкции остаётся при наличии соответствующей оговорки; общий гарантийный срок застройщика для объекта долевого строительства уменьшен с пяти до трёх лет.

Поправки, внесённые в Федеральный закон № 2300-1 от 7 февраля 1992 года «О защите прав потребителей», которые вступили в силу с 1 февраля 2026 года, также применяются в сфере долевого строительства[2]. Так, предусмотрена возмож-

[1] См. подробнее П. 25 «Обзор практики разрешения судами споров, возникающих в связи с участием граждан в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 04.12.2013) (ред. от 04.03.2015).

[2] См. подробнее Федеральный закон от 28 декабря 2025 г. № 500-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

ность освобождения от уплаты штрафа в размере 50 % от суммы, определённой судом, если невыполнение обязательства продавцом стало следствием нарушения обязательств его контрагентом.

Практика показывает, что суды первой и апелляционной инстанций не всегда удовлетворяют требования дольщиков полностью даже при наличии существенных нарушений со стороны застройщика. В подтверждение этого следует упомянуть определение Верховного Суда Российской Федерации, где в споре о расторжении договора участия в долевом строительстве истцы предъявляли требования в связи с недостатками в квартире, а застройщик не устранил выявленные дефекты[1]. Лишь Верховный суд встал на сторону истцов, когда суды первой и апелляционной инстанций игнорировали значительные нарушения застройщика.

В настоящий момент, несмотря на внедрение эскроу-счетов и усиление государственного надзора, продолжают существовать значимые проблемные вопросы, требующие доктринального осмысления и практических решений.

Механизм проектного финансирования на основе эскроу-счетов, установленный Федеральным законом № 214-ФЗ, приобрёл центральное значение в реформировании системы защиты прав участников долевого строительства. Существенным этапом этой реформы стало вступление в силу с 1 июля 2019 года правила, согласно которому привлечение средств дольщиков допускается исключительно через эскроу-счета в отношении договоров участия в долевом строительстве, представленных на государственную регистрацию после указанной даты.

По данным Банка России на 1 декабря 2025 года, в отношении завершённых в 83 субъектах РФ проектов, финансировавшихся через эскроу-счета, было открыто 2,6 млн таких счетов; с них перечислено 14,8 трлн рублей в адрес застройщиков или на погашение кредитных обязательств банков[2]. Эти объёмы способствовали существенному сокращению числа пострадавших участников долевого строительства и повышению прозрачности рынка.

Тем не менее, сохраняются определённые риски для дольщиков. В частности, при банкротстве застройщика после ввода объекта в эксплуатацию, но до передачи прав по договору участия в долевом строительстве, участник строительства вправе заявить свои требования о передаче объекта или денежные требования в Реестр требований кредиторов. Удовлетворение таких требований может отодвинуться на месяцы, вследствие чего дольщик рискует оказаться и без жилого помещения, и без возмещённых средств [2, с. 244—245].

При приобретении жилого помещения с привлечением ипотечного кредита банкротство застройщика не является основанием для одностороннего прекращения обязательств по ипотеке: кредитный договор представляет собой самостоятельное обязательство между банком и заемщиком, которое сохраняется даже при приостановке или прекращении строительных работ. Заёмщик может обратиться в кредитную организацию с просьбой о пересмотре условий — например, о предоставлении платежных каникул, снижении процентной ставки или уменьшении размера ежемесячного платежа — однако кредитор не обязан идти навстречу таким требованиям.

Исходя из изложенного, следует признать, что ранее недобросовестные участники долевого строительства имели возможность добиваться от застройщиков значительных денежных взысканий; в ответ законодатель ввёл комплекс нормативных ограничений, сужающих такую практику. Одновременно данные меры ощутимо

[1] См. подробнее Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 09.10.2018 №47-КГ18-14.

[2] См. подробнее [Электронный ресурс] URL: https://cbr.ru/banking_sector/equity_const_financing/ (дата обращения: 10.02.2026).

затронули добросовестных дольщиков, существенно ограничив их фактическую способность получать возмещение за обоснованные дефекты.

По мнению М.В. Антюфеевой, эффективная реорганизация законодательства в данной сфере предполагает системный подход — с усилением финансового надзора, увеличением гарантийных обязательств перед участниками проектов и более строгой юридической ответственностью для застройщиков [3, с. 79].

Таким образом, договор участия в долевом строительстве по-прежнему играет ключевую роль в развитии жилищной инфраструктуры, но его нормативно-правовое обеспечение нуждается в углублённом совершенствовании. Устранение пробелов в законодательстве и расширение механизмов защиты интересов дольщиков способны существенно снизить потенциальные риски и укрепить общественное доверие к этому формату строительства.

Список источников

1. Кирсанов А.Р. Правовые основы «потребительского экстремизма» на рынке долевого строительства // Имущественные отношения в РФ. 2020. №8 (227). С. 61.

2. Калдар-Оол Ш.Ш., Салчак А.А. Проблемы защиты прав участников долевого строительства при нарушении застройщиком договорных обязательств // Вестник науки. 2026. №1 (94). С. 244—245.

3. Антюфеева М.В. Договор участия в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости: проблемы правового регулирования // Вестник магистратуры. 2025. №6—4 (165). С. 79.

Информация об авторах

Д.Ю. Большакова — студентка 2 курса.
А.А. Гаджибаева — студентка 2 курса.

Information about authors

D.Y. Bolshakova — 2nd year student.
A.A. Gadzhibayeva — 2nd year student.

Научная статья
УДК 34

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТОВ ОПЕКИ И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА В ДРЕВНЕМ РИМЕ

Артём Николаевич ГОЛУБЕВ[1], **Богдан Игоревич ФИРАГО**[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] golubevart616@gmail.com
[2] firagobogdan@yandex.ru

Научный руководитель старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук **Эдуард Асхатович КУЗБАГАРОВ,** ekuzbagarov@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена историко-правовому анализу эволюции институтов опеки (tutela) и попечительства (cura) в Древнем Риме. Прослеживается их развитие от архаичных форм, основанных на родовых интересах и охране имущества наследников, до сложной публично-правовой системы, ориентированной на защиту уязвимых

членов общества. Рассматриваются основные виды опеки: законная, завещательная, опека патронов, а также особенности опеки над несовершеннолетними и женщинами. Отдельное внимание уделяется становлению назначаемой опеки (tutela dativa) как обязанности государства, усилению контроля за деятельностью опекунов и развитию их ответственности. Авторы показывают, как римское право сформировало базовые принципы, повлиявшие на современное законодательство в области опеки и попечительства.

Ключевые слова: Римское право, опека (tutela), попечительство (cura), недееспособность, несовершеннолетние, опека над женщинами, законная опека, завещательная опека, назначаемая опека, публично-правовая обязанность, ответственность опекуна, институты защиты, историко-правовое развитие

Original article

DEVELOPMENT OF INSTITUTIONS OF GUARDIANSHIP AND TRUSTEESHIP IN ANCIENT ROME

Artyom N. GOLUBEV[1], Bogdan I. FIRAGO[2]
[1,2] St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia
[1] golubevart616@gmail.com
[2] firagobogdan@yandex.ru

Scientific adviser Senior Lecturer of the Department of Civil Law Disciplines at the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences **E.A. Kuzbagarov**, ekuzbagarov@yandex.ru

Abstract. This article provides a historical and legal analysis of the evolution of the institutions of guardianship (tutela) and trusteeship (cura) in Ancient Rome. It traces their development from archaic forms based on patrimonial interests and the protection of heirs' property to a complex public legal system focused on protecting vulnerable members of society. The main types of guardianship are examined: legal, testamentary, patronal guardianship, as well as the specifics of guardianship over minors and women. Particular attention is paid to the development of appointed guardianship (tutela dativa) as a state responsibility, increased oversight of guardians' activities, and the development of their responsibilities. The author demonstrates how Roman law shaped the basic principles that influenced modern legislation in the field of guardianship and trusteeship.

Keywords: Roman law, guardianship (tutela), trusteeship (cura), incapacity, minors, guardianship of women, legal guardianship, testamentary guardianship, appointed guardianship, public-law duty, responsibility of the guardian, institutions of protection, historical and legal development

Институты опеки и попечительства, которые сегодня кажутся неотъемлемой частью любой правовой системы, прошли долгий и сложный путь становления. Их истоки с поразительной ясностью прослеживаются в римском праве, где они сформировались под влиянием меняющихся социальных, экономических и политических условий. Эта статья посвящена анализу эволюции этих институтов в Древнем Риме — от их архаичных форм, продиктованных интересами рода, до развитой системы публично-правовых обязанностей, направленной на защиту уязвимых членов общества.

Сама суть опеки (tutela) в римской традиции определялась как забота о лицах с ограниченной дееспособностью [1, с. 81]. Первоначально, в глубокой древности, эта забота имела весьма специфический характер. Её основной целью была не столько защита самого опекаемого, сколько охрана имущества в интересах его потенциальных наследников [2]. Ближайшие родственники, ожидавшие наследства, были напрямую заинтересованы в том, чтобы имущество не было растрачено малолетним, безумным или, согласно тогдашним воззрениям, легкомысленной женщиной. Поэтому порядок призвания к опеке изначально полностью совпадал с порядком призвания к наследованию по закону [2].

В соответствии с этим принципом сложились и первые виды опеки. Наиболее древней была законная опека (tutela legitima), которая автоматически переходила к ближайшему агнату (родственнику по мужской линии) после смерти отца семейства [1, с. 82]. Этот вид был прямо санкционирован Законами XII таблиц. Если же отец желал изменить этот порядок, он мог назначить опекуна по завещанию, что породило завещательную опеку (tutela testamentaria) [2]. Уже это простое разделение показывает, как индивидуальная воля начала корректировать архаичные родовые установления.

Особое место занимала опека патронов над вольноотпущенниками. Хотя в Законах XII таблиц о ней прямо не говорилось, римские юристы путём толкования пришли к выводу, что право патрона на наследство вольноотпущенника логически влечёт за собой и право на опеку над ним [3]. Это яркий пример того, как юридическая логика развивала и дополняла прямое предписание закона.

Римское право чётко разделяло две основные категории лиц, нуждавшихся в покровительстве: несовершеннолетние (impuberes) и женщины (mulieres). Опека над несовершеннолетними (tutela impuberum) была более сложной и разнообразной по своему содержанию. Интересно, что римский опекун не занимался воспитанием ребёнка — эта обязанность возлагалась на мать или других когнатических родственников [1, с. 82]. Сферой ответственности опекуна было исключительно имущество подопечного. Его роль варьировалась в зависимости от возраста опекаемого. Если ребёнок был младше 7 лет (infans), то есть не мог внятно выражать свою волю, опекун полностью управлял его имуществом (gestio) [1, с. 82]. Для детей от 7 до 14 лет (мальчиков) или до 12 лет (девочек) опекун выступал в роли лица, дающего своё одобрение (auctoritas) сделкам, которые малолетний совершал сам [2].

Определение возраста совершеннолетия (pubertas) для юношей долгое время было предметом спора. Сабинианцы считали критерием наступление физической зрелости, в то время как прокулианцы настаивали на фиксированном возрасте в 14 лет [2]. Спор разрешил только Юстиниан, установив в качестве общего правила 14-летний возраст [2]. Однако и после этого молодые люди в возрасте от 14 до 25 лет (minores) пользовались особой защитой закона. Закон Плетория (lex Plaetoria) ограждал их от обмана и невыгодных сделок, предоставляя право оспорить такие соглашения [1, с. 83]. Вследствие этого для совершения важных сделок миноры часто прибегали к помощи попечителей (curatores), чьё согласие делало сделку устойчивой [2].

Опека над женщинами (tutela mulierum) представляла собой уникальный и постепенно отмиравший институт. В отличие от малолетних, совершеннолетние женщины сами управляли своим имуществом, но для совершения ряда важных юридических действий им требовалось одобрение опекуна (auctoritas tutoris) [1, с. 82]. К таким действиям относились составление завещания, отчуждение так называемых res mancipi (важнейших вещей, таких как земля, рабы, скот), освобождение рабов и принятие на себя обязательств [1, с. 82]. Формально это объяснялось «легко-

мыслием женского пола» (levitas animi), однако сами римские юристы, например, Гай, скептически относились к этому обоснованию, считая его более изящным, чем истинным [3]. Более вероятной причиной была та же охрана имущественных интересов агнатов, являвшихся наследниками женщины, умершей без завещания [2].

Со временем эта опека становилась всё более формальной. Важным шагом стал закон Клавдия, который отменил законную опеку агнатов над женщинами [3]. Далее, право трёх детей (jus liberorum) освобождало свободнорождённых женщин от опеки, а вольноотпущенниц — от опеки патрона после рождения четырёх детей [3]. В итоге к поздней империи опека над женщинами практически исчезла.

Параллельно с опекой существовал институт попечительства (cura). Хотя в источниках иногда указывается, что разница между ними была незначительной [1, с. 82], ключевое отличие всё же прослеживается. Попечитель (curator) назначался над лицами, которые формально были дееспособны, но в силу тех или иных обстоятельств нуждались в помощи: над безумными (furiosi), расточителями (prodigi) и теми же минорами [2]. Если при опеке требовалось формальное одобрение (auctoritas), даваемое в самый момент сделки, то попечитель мог дать простое согласие (consensus) как до, так и после её совершения [2]. В случае с безумными попечитель полностью управлял имуществом, аналогично опекуну над инфантом.

Наиболее значительной трансформации в римской истории подверглась не столько структура, сколько сущность института опеки. Из права, а точнее, власти (vis ac potestas) родственника-наследника, она постепенно превратилась в обязанность (munus), возлагаемую государством в общественных интересах [2]. Этот переход от частного к публичному началу стал центральным сюжетом в развитии опеки.

В древнейшем праве опекунство было правом, от которого можно было отказаться и которое даже можно было уступить другому лицу посредством судебной цессии (in jure cessio) [3]. Однако такое положение вещей оставляло без защиты тех, у кого не оказывалось ни завещательного, ни законного опекуна. Пробел был восполнен государственным вмешательством. Сначала закон Атилия (lex Atilia), а затем закон Юлия и Тиция (lex Julia et Titia) предписали магистратам — в Риме претору и народным трибунам, а в провинциях наместникам — назначать опекунов в таких случаях [3]. Так возникла назначаемая опека (tutela dativa), которая окончательно утвердила принцип, что забота о недееспособных — задача государства [2].

Вследствие этого опека стала рассматриваться как общественная повинность (munus publicum). Гражанин мог быть принуждён к её исполнению, а для освобождения (excusatio) требовались уважительные причины, такие как преклонный возраст, болезнь или занятие важными государственными делами [1, с. 83]. Одновременно усиливался государственный контроль над деятельностью опекунов. Для совершения наиболее важных сделок, например, отчуждения земельной собственности подопечного, стало требоваться предварительное разрешение магистрата [2]. В период империи даже появились специальные преторы по опекунским делам (praetores tutelares) [2].

Естественно, что эволюция взглядов на природу опеки повлекла за собой развитие и системы ответственности опекунов. Древнее право знало два основных средства защиты. Во-первых, это уголовное обвинение опекуна по подозрению в злоупотреблении (accusatio suspecti tutoris), которое могло привести к его отстранению [1, с. 83]. Во-вторых, после окончания опеки можно было предъявить иск о расхищении имущества (actio rationibus distrahendis), по которому недобросовестный опекун присуждался к уплате двойной суммы причинённого ущерба. Однако этот иск, имевший деликтный характер, нельзя было предъявить к наследникам умершего опекуна.

Со временем эти средства были признаны недостаточными. Преторский эдикт ввёл детально разработанный иск об опеке (actio tutelae), который мог быть как прямым (directa) — для требования отчёта и возмещения убытков от опекуна, так и обратным (contraria) — для взыскания опекуном понесённых им необходимых расходов [2]. Важно, что этот иск, в отличие от древнего, переходил на наследников. Для дополнительного обеспечения интересов подопечных сложился обычай требовать от опекуна предоставления обеспечения (satisdatio) при вступлении в должность, а в императорский период на всё имущество опекуна стала налагаться законная ипотека в пользу опекаемого [2].

Анализ источников позволяет выделить и некоторые специальные случаи и процедуры, демонстрирующие гибкость римского подхода. Например, если опекун отсутствовал, женщина могла просить о назначении временного заменяющего опекуна [3]. Если между опекуном и подопечным возникал судебный спор, для участия в процессе назначался специальный преторский опекун (tutor praetorius), так как свой опекун не мог быть судьёй в собственном деле [3]. Также существовали попечители наследства (curator bonorum) или попечитель ещё не родившегося ребёнка (curator ventris) [2].

В итоге, пройдя путь от родового обычая до сложного публично-правового института, римские опека и попечительство сформировали ту базовую модель, влияние которой ощущается до сих пор. Основные идеи — разделение опеки и попечительства в зависимости от объёма дееспособности, назначение опекуна государством в случае необходимости, строгая имущественная ответственность опекуна, контроль государственных органов за его действиями — были впервые чётко сформулированы и реализованы именно в римском праве. Как отмечается в одной из современных статей, отдельные положения римского права об опеке оказали непосредственное влияние на формирование современного законодательства [4]. Это позволяет говорить не просто об историческом курьёзе, а о живом фундаменте, на котором была построена последующая европейская правовая традиция в области защиты прав недееспособных и несовершеннолетних [5].

Список источников

1. Дротоиз Л.А. История развития института опеки и попечительства в Древнем Риме / Л.А. Дротоиз, Т.С. Широкова // Современные тренды развития регионов: управление, право, экономика, социум: материалы XIX Всероссийской студенческой научно-практической конференции, Челябинск, 21—22 апреля 2021 года. Челябинск: Челябинский филиал РАНХиГС, 2021. Ч. 1. С. 81—83. EDN AQNPLA.

2. Опека и попечительство [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: студенту и аспиранту. URL: https://civil.consultant.ru/elib/books/25/page_54.html (дата обращения: 04.02.2026).

3. Институции (Гай; Дыдынский). Книга I [Электронный ресурс] // Викитека: свободная библиотека. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%98%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%82%D1%83%D1%86%D0%B8%D0%B8_(%D0%93%D0%B0%D0%B9;_%D0%94%D1%8B%D0%B4%D1%8B%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9)/%D0%9A%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B0_I (дата обращения: 04.02.2026).

4. История института опеки и попечительства в римском праве [Электронный ресурс] // КиберЛенинка: научная электронная библиотека. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-instituta-opeki-i-popechitelstva-v-rimskom-prave (дата обращения: 04.02.2026).

5. Покровский И.А. История римского права / И.А. Покровский. Москва: Издательство Юрайт, 2025. 447 с. (Антология мысли). ISBN 978-5-534-17250-8. Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт: [сайт]. URL: https://urait.ru/bcode/568607 (дата обращения: 02.03.2026).

Информация об авторах

А.Н. Голубев — студент 1 курса.
Б.И. Фираго — студент 1 курса.

Information about authors

A.N. Golubev — 1st year student.
B.I. Firago — 1st year student.

Научная статья
УДК 347.5

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И МОДЕЛИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПУБЛИЧНОГО ОБЕЩАНИЯ НАГРАДЫ В СТРАНАХ РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ И АНГЛО-САКСОНСКОЙ ПРАВОВЫХ СЕМЕЙ

Варвара Евгеньевна ГУРЕВИЧ
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
averanovavarvara3@gmail.com

Научный руководитель доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, **Виталий Алексеевич МАКСИМОВ,** maximovva@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена сравнительно-правовому анализу института публичного обещания награды в гражданском праве государств романо-германской и англо-саксонской правовых систем на примере Германии, Франции, Республики Казахстан и США в сопоставлении с российским правопорядком. Исследуются вопросы правовой природы публичного обещания награды, его квалификации как односторонней сделки либо договорной конструкции, а также особенности нормативной регламентации и правоприменительной практики. Особое внимание уделяется порядку распределения вознаграждения при множественности отозвавшихся лиц, условиям и пределам отмены обещания, гарантиям защиты прав лиц, приступивших к исполнению. Проанализированы особенности регулирования в Германии (детализированная законодательная модель), Франции (договорная доктрина и отсутствие специальной нормы), Казахстане (рассмотрение института в рамках публичного конкурса) и США (конструкция одностороннего контракта и широкое применение в правоохранительной практике). В результате исследования выявлены концептуальные различия в понимании правовой природы публичного обещания награды и установлена вариативность моделей его нормативного закрепления, что свидетельствует об отсутствии унифицированного международно-правового подхода к регулированию данного института.

Ключевые слова: публичное обещание награды; односторонняя сделка; односторонний контракт; оферта; акцепт; публичный конкурс; сравнительно-правовой анализ; гражданское право; романо-германская правовая семья; англо-саксонская правовая система; правовая природа обязательства; отмена публичного обещания; распределение вознаграждения

Original article

LEGAL NATURE AND MODELS OF REGULATION OF PUBLIC PROMISE OF REWARD IN THE COUNTRIES OF THE ROMANO-GERMANIC AND ANGLO-SAXON LEGAL FAMILIES

Varvara E. GUREVICH
St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia
averanovavarvara3@gmail.com

Scientific adviser Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines at the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, **V.A. Maximov,** maximovva@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the comparative legal analysis of the institution of public promise of reward in the civil law of the states of the Romano-German and Anglo-Saxon legal systems on the example of Germany, France, the Republic of Kazakhstan and the USA in comparison with the Russian legal order. The issues of the legal nature of the public promise of an award, its qualification as a unilateral transaction or contractual structure, as well as the specifics of regulatory regulation and law enforcement practice are investigated. Special attention is paid to the procedure for distributing remuneration in case of a plurality of respondents, the conditions and limits of cancellation of a promise, and guarantees for the protection of the rights of persons who have begun execution. The features of regulation in Germany (a detailed legislative model), France (contractual doctrine and the absence of a special norm), Kazakhstan (consideration of the institute within the framework of a public competition) and the United States (the construction of a unilateral contract and widespread use in law enforcement practice) are analyzed. As a result of the research, conceptual differences in understanding the legal nature of the public promise of an award have been identified and the variability of models of its normative consolidation has been established, which indicates the absence of a unified international legal approach to regulating this institution.

Keywords: public promise of a reward; unilateral transaction; unilateral contract; offer; acceptance; public competition; comparative legal analysis; civil law; Romano-German legal family; Anglo-Saxon legal system; legal nature of the obligation; cancellation of a public promise; distribution of remuneration

Публичное обещание награды представляет собой достаточно гибкий и универсальный инструмент в гражданско-правовых отношениях. Его сфера применения различна и многогранна: от маркетинга до работы правоохранительных органов и специальных служб. Сравнительно-правовой анализ регламентации и правоприменительной практики данного института продиктован качественным различием подходов в странах романо-германской и англо-саксонской правовых системах. Дальнейшее исследование будет проводиться на примерах таких стран, как Германия, Франция, Казахстан и США. Несмотря на недружественный характер отношений с отдельными государствами[1] анализ данного правового опыта представляется целесообразным и заслуживающим внимания.

Нормативную правовую базу, закрепляющую исследуемый институт в Германском гражданском уложении 1896 года, составляют параграфы 657—661 книги 2 «Обязательственное право». Объявление о назначении награды (именно так называется исследуемый институт в Германии) является односторонней сделкой, порождающие правовые последствия в виде выплаты вознаграждения лицу, которое совершило действие, хотя бы оно действовало, не имея в виду объявления[2]. Условиями возникновения взаимных прав и обязанностей отозвавшегося и призывающего лица являются совершение действия, указанного в объявлении. Немецкий законодатель предусмотрел ситуацию деления награды при одновременном выполнении действия несколькими лицами. Так, согласно параграфу 659 на вознаграждение

[1] Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 05 марта 2022 № 430-р: текст с изм. и доп. на 29 окт. 2022 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Германское гражданское уложение. Книга 2. Раздел 7 // Викитека : [сайт]. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Германское_гражданское_уложение/Книга_2/Раздел_7 (дата обращения: 28.01.2026).

претендует тот, чьи действия оказались первыми. В случае нескольких одновременно отозвавшихся лиц вознаграждение делиться поровну. При неделимости награды отозвавшимися лицами бросается жеребий. В то время как в российской гражданском праве, вопрос распределения неделимой награды не урегулирован.

В Германском гражданском уложении достаточно подробно решен вопрос отмены публичного обещания награды. Законодатель закрепил гарантии защиты прав отозвавшегося лица, обезопасив его от негативных последствий отмены объявления в случае, если лицо приступило к выполнению указанных действий. Отмена, так же как в Гражданском кодексе Российской Федерации, должна быть произведена в той же форме, в которой сделано само объявление. Кроме того, установлен запрет на отмену, если такая возможность была исключена непосредственно в тексте объявления.

Таким образом, сравнительно-правовой анализ гражданского законодательства Германии в части регулирования института публичного обещания награды позволяет сделать вывод о достаточно подробной регламентации. Так, уложение устанавливает односторонний характер сделки, подробно регламентирует вопрос отмены обещания, закрепляя при этом гарантии лица, приступившего к выполнению действий. Параграфы Германского гражданского уложения устанавливают порядок для случаев, когда действие совершено несколькими лицами. Несмотря на подробную регламентацию, законодатель не уделил должного внимания проблемам, возникающим с момента объявления награды и до совершения указанных действий. Так, например, в Гражданском кодексе Российской Федерации закреплено требование об идентификации призывающего лица, а также сохранено право требования возмещения расходов, если лицо приступило к выполнению действий, но не успело их довести до конца.

В рамках той же романо-германской правовой семьи совершенно иной подход демонстрирует законодатель Франции. Ключевым отличием от Германии является то, что французская доктрина достаточно длительный период времени придерживается договорной теории публичного обещания награды (offre de récompense[1]). В отличие от многих стан романо-германской правовой семьи Гражданский кодекс Франции (Code Napoléon[2]) не имеет специальную норму, регулирующую публичное обещание награды. Французская доктрина обращение к неопределенному кругу лиц выполнить действия с последующим вознаграждением рассматривает как оферту (offre au public[3]), а одностороннее действие отозвавшегося лица – акцепт. Соответственно публичное обещание награды рассматривается как один из способов заключить договор. Таким образом, французская правовая доктрина является ярким примером сохранения подхода римских цивилистов в романо-германской правовой системе на современным этапе развития.

Перейдем к анализу института публичного обещания награды постсоветского пространства на примере гражданского законодательства Республики Казахстан. На территории данной страны действует Гражданский кодекс, принятый в 1994 году. Институт публичного обещания награды регулируется положениями 46 главы о конкурсных обязательствах, а именно 911 статьей[4]. Аналогично российскому гражданскому праву исследуемый институт является односторонней сделкой.

[1] Предложение вознаграждения.

[2] Кодекс Наполеона.

[3] Предложение публике.

[4] Гражданский кодекс Республики Казахстан (Особенная часть) от 1 июля 1999 года № 409-I (с изменениями и дополнениями по состоянию на 2026 г.). URL: https://online.zakon.kz (дата обращения: 28.01.2026).

Особенностью правового регулирования публичного обещания награды является то, что оно рассматривается в контексте конкурсных обязательств, что, в сущности, предполагает соревновательный характер и достижение наилучшего результата. Из этого проистекает обязанность инициатора конкурса выплатить вознаграждение его победителю. Также отдельного внимания заслуживает положение о преимущественном праве на заключение с победителем договора на использование произведения с выплатой гонорара. Вместе с тем работы, не удостоенные вознаграждения, организатор конкурса обязан вернуть их авторам.

Таким образом, особенная часть Гражданского кодекса Республики Казахстан не предполагает наличия института публичного обещания награды в том смысле, в каком оно представлено отечественным законодателем. Данный институт в Казахстане рассматривается как публичный конкурс, который в Российской Федерации регламентирован отдельной главой. При достаточно подробной регламентации публичного обещания награды анализ действующего гражданского законодательства Республики Казахстан демонстрирует правовые пробелы в части урегулирования вопросов распределения вознаграждения между несколькими победителями, а также процедуры возмещения убытков содействующим лицам.

Особый интерес для анализа правового регулирования публичного обещания награды представляет опыт США, поскольку в рассматриваемой стране, на наш взгляд, данный институт получил достаточно широкое применение, особенно в практике правоохранительных органов. В США исследуемый институт имеет двухуровневую систему регламентации: на федеральном уровне действуют разнообразные государственные программы по обеспечению национальной безопасности, на региональном уровне каждый штат принимает свод гражданских законов, регулирующих институт публичного обещания награды. Поскольку на территории страны нет единого, кодифицированного Гражданского кодекса[1], на федеральном уровне действует ключевая программа Rewards for Justice (RFJ)[2], основанная в 1984 году. Данная программа является ведущей в области вознаграждений Государственного департамента по национальной безопасности[3]. Стоит отметить, что данная программа не является единственной, действующей на территории страны. Также к наиболее разработанным и широко применяемым на практике можно отнести Narcotics Rewards Program[4]. На протяжении 35 лет с использованием инструментов публичного обещания награды государственный департамент противодействует незаконному обороту наркотических веществ. В рамках ее действия президент Соединенных Штатов Америки Дональд Трамп подтвердил публичное объявление о награде в размере 50 миллионов долларов за информацию, которая будет способствовать задержанию и осуждению венесуэльского государственного деятеля Николаса Мадуро[5].

Особого внимания заслуживает интеграция института публичного обещания награды в механизмы противодействия незаконному обороту наркотиков. Как отмечают В.А. Максимов и А.Ю. Матросов, «на законодательном уровне закреплена выплата денежного вознаграждения за предоставление неопровержимых доказательств в совершении преступления, связанного с незаконным оборотом нарко-

[1] Конституция Соединенных Штатов Америки 1787 г. // Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова : [сайт]. URL: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnstUS.htm (дата обращения: 28.01.2026).

[2] Награда за справедливость.

[3] Rewards for Justice : [official website]. URL: https://www.state.gov/rewards-for-justice (дата обращения: 28.01.2026).

[4] Программа вознаграждений за наркотики.

[5] США пообещали вознаграждение в $50 млн за информацию для ареста Мадуро [Электронный ресурс] // Интерфакс : [сайт]. 2025. 8 авг. URL: https://www.interfax.ru/world/1040214 (дата обращения: 28.01.2026).

тиков» [1, с. 44]. При этом сумма выплаты напрямую зависит от тяжести деяния и может достигать значительных размеров, что стимулирует граждан к активному содействию правоохранительным органам. Указанный подход подтверждает тезис о том, что в США институт публичного обещания награды ориентирован на объединение общественных ресурсов для достижения стратегических государственных целей.

На современном этапе развития национальной программы выплачено более 135 миллионов долларов в качестве вознаграждения лицам, которые предоставили информацию, приведшую к аресту или осуждению преступников[1].

На региональном уровне институт публичного обещания награды имеет более широкое применение, нежели на федеральном. Развитие рассматриваемого правового института осуществляется по различным направлениям: чаще всего его используют правоохранительные органы и их должностные лица в целях поимки преступника и раскрытия преступлений.

В качестве примера рассмотрим коллегию супервизоров, действующей на территории округа Лос-Анджелес. В полномочия данного органа входит составление реестра преступлений, по которым возможно выплата вознаграждения за предоставление информации, способствующей задержанию и привлечению к ответственности преступника. Еще одним примером государственной программы противодействия преступности на уровне штата США с использованием института публичного обещания награды является Texas Crime Stoppers[2]. В рамках ее работы любой гражданин в условиях анонимности может сообщить полезные правоохранительным органам сведения и получить денежное вознаграждение в размере до пяти тысяч долларов. Основными векторами работы техасской программы по противодействию преступности являются обеспечение безопасности в школах (Campus Crime Stoppers[3]), борьба с транснациональной преступностью, опубликование списков разыскиваемых преступников.

В американской доктрине исследуемый институт рассматривается как односторонний контракт — unilateral contract. Обязательство у призывающей стороны возникает в момент обращения отозвавшегося лица с целью получить вознаграждения при условии выполнения указанных в объявлении действий. Соответственно, контракт считается заключенным не в момент выражения согласия на совершения действий, а момент их полного исполнения. Отличительной особенностью применения данного института является то, что отозвавшаяся сторона должна знать об объявлении в момент совершения действий, в противном случае они не приводят к заключению контракта. Механизм отмены публичного обещания награды в правовой системе США демонстрирует схожесть с российским гражданским правом: по общему правилу она возможна в той же форме, в которой дано объявление. Вместе с тем, положение Restatement (Second) of Contracts[4] ограничивает это право в случаях, когда отозвавшееся лицо приступило к выполнению требуемых действий.

Резюмируя анализ, следует отметить, что в правовой системе США институт публичного обещания награды ориентирован на объединение общественных ресурсов для достижения стратегических государственных целей, в частности — противодействие преступности.

Приведенный выше сравнительно-правовой анализ института публичного обещания награды на примере Германии, Франции, Казахстана и США в сравнении

[1] Narcotics Rewards Program // U.S. Department of State : [official website]. URL: https://www.state.gov/inl-rewards-program/narcotics-rewards-program (дата обращения: 28.01.2026).

[2] Техасская программа по борьбе с преступностью.

[3] Программа «Стоп преступности в кампусе».

[4] Переформулировка (второе издание) договоров.

с российским гражданским правом позволяет сформулировать следующие выводы. В зависимости от правовой семьи и системы права складывается многообразие форм природы сделки. Так, в России, Казахстане и Германии публичное обещание награды рассматривается как односторонняя сделка. Схожим к данному подходу является односторонний контракт на примере США. Французская доктрина демонстрирует договорной подход к изучаемым гражданско-правовым отношениям.

Помимо концептуальной неоднородности в правовой природе транслируется несхожесть в правовой регламентации. Максимальное закрепление в нормах права можно наблюдать в Германском гражданском уложении, где урегулированы вопросы распределения награды при множественности отозвавшихся лиц, гарантии прав слабой стороны, отмена обещания награды. Франция, находясь в романо-германской правовой системе, обходится без специальных норм, опираясь на общие требования заключения договора. В гражданском кодексе Республики Казахстан имеется отдельная норма о публичном обещании награды, однако данный институт интегрирован в главу о публичном конкурсе, ограничивая сферу его потенциального применения в правоприменительной практике. Ярким примером англо-саксонской правовой семьи являются США, где данный институт регламентирован на федеральном уровне, а также на уровнях штатов и округов, реализуясь как через судебные прецеденты, как и различные программы.

Таким образом, сравнительно-правовой анализ публичного обещания награды демонстрирует вариативность концептуальных подходов к исследуемому институту. Разнообразие форм подходов подтверждает гибкость правовой природы публичного обещания награды и отсутствие унифицированной международно-правовой концепции его регулирования.

Список источников

1. Максимов В.А., Матросов А.Ю. Опыт США по применению института публичного обещания награды в борьбе с правонарушениями в сфере незаконного оборота наркотиков // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 3 (32). С. 110–115.

Информация об авторе

В.Е. Гуревич — студентка 5 курса.

Information about author

V.E. Gurevich — 5th year student.

Научная статья
УДК 347.21

РЕБЁНОК КАК УЧАСТНИК ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА: ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ

Дарья Михайловна ЗУЕНКО
Крымский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации, Симферополь, Россия
teckerey@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры теории и истории Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Фатма Аблямитовна АМЕТКА**, fatma18@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются гражданско-правовые аспекты участия несовершеннолетних в цифровых имущественных отношениях. Автор рассматривает современные проблемы соотношения фактической и юридической дееспособности ребёнка в цифровой среде, риски вовлечения в гражданский оборот без осознанного волеизъявления и недостаточность механизмов защиты имущественных интересов. Исследуется российское и зарубежное регулирование, а также обосновывается необходимость адаптации гражданско-правовых институтов к условиям цифровизации.

Ключевые слова: несовершеннолетние, цифровые активы, гражданская дееспособность, имущественные права, цифровая экономика, правовая защита

Original article

A CHILD AS A PARTICIPANT IN CIVIL CIRCULATION: PROBLEMS OF PROTECTING THE PROPERTY INTERESTS OF MINORITIES WHEN USING DIGITAL ASSETS

Daria M. ZUENKO
Crimean Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Simferopol, Russia
teckerey@mail.ru

Scientific adviser Associate Professor of the Department of Theory and History of the Crimean Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor **F.A. Ametka,** fatma18@mail.ru

Abstract. The article analyzes the civil law aspects of the participation of minors in digital property relations. The author examines the current problems of the correlation of the actual and legal capacity of a child in the digital environment, the risks of involvement in civil circulation without conscious will, and the insufficiency of mechanisms for protecting property interests. The article examines Russian and foreign regulations and substantiates the need to adapt civil law institutions to the conditions of digitalization.

Keywords: minors, digital assets, civil capacity, property rights, digital economy, legal protection

На сегодняшний день, цифровизация общественных отношений существенно трансформировала традиционные представления о гражданском обороте и его участниках, и, повсеместно, современные технологии уже вовлекают в имущественные отношения лиц, которые ранее практически не рассматривались в качестве самостоятельных участников экономической деятельности. В связи с этим, особое место среди них занимают несовершеннолетние, активно использующие цифровые платформы, сервисы и виртуальные объекты, обладающие реальной имущественной ценностью.

Статьей 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации установлена дефиниция цифровых прав, под которыми понимаются: «названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам»[1].

Как верно отмечают в своих трудах Аблятипова Н.А., Волкова И.Ю.: «современное законодательство направлено на создание наиболее благоприятных условий для реализации имущественных интересов несовершеннолетних, но несмотря на это при различных обстоятельствах совершаются противоправные деяния, влекущие нарушения имущественных прав детей. В том числе эти деяния совершают и законные представители несовершеннолетних» [1, с. 84]. Таким образом, автор считает, что особую значимость проблема приобретает в связи с тем, что цифровые активы нередко вовлекают ребёнка в экономические процессы без его осознанного волеизъявления либо при формальном согласии законных представителей, и в результате чего он становится участником гражданского оборота, не обладая ни достаточной дееспособностью, ни эффективными правовыми инструментами защиты своих имущественных интересов.

Нельзя не согласиться и с мнением Подустовой О.Л., Чурочкиной А.А. о том, что: «появление образовательных цифровых платформ, сайтов городских и государственных услуг, онлайн-магазинов создают ситуацию, когда все сферы жизни начинают переходить на новый формат и становятся элементом большого цифрового мира. Но вместе с большими возможностями приходят и серьезные риски» [2, с. 54].

Отметим, что, в первую очередь, ребёнок в цифровой среде все чаще выступает не только как потребитель информационных услуг, но и как субъект имущественных отношений: он владеет цифровыми аккаунтами в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, также является пользователем виртуальных кошельков, обладателем внутриигровых активов, автором цифрового контента, приносящего доход и так далее, но, при этом, по мнению автора, степень его фактического участия в гражданском обороте зачастую не соответствует уровню правовой защиты, предусмотренному действующим законодательством.

Обращаясь к нормам Гражданского законодательства, необходимо отметить, что Гражданский кодекс Российской Федерации (далее — ГК РФ) на сегодняшний момент предусматривает различные виды дееспособности для несовершеннолетних:

1) предусмотренная ст. 28 ГК дееспособность малолетних;

2) предусмотренная ст. 26 ГК РФ дееспособность несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 (частичная дееспособность);

3) полная дееспособность, приобретенная путем эмансипации в порядке ст. 27 ГК РФ[2].

[1] См. подробнее: «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ// «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, № 32, ст. 3301.

[2] См. подробнее: «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ// «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, № 32, ст. 3301.

В связи с этим, объем дееспособности ребёнка определяется возрастом и прямо зависит от необходимости защиты его имущественных и личных неимущественных интересов, и, по сути, указанная модель в ГК РФ исходит из «презумпции незрелости воли несовершеннолетнего» и направлена на непосредственную минимизацию рисков причинения ему имущественного вреда.

Вместе с тем, использование несовершеннолетним каких-либо онлайн-платформ, различных мобильных приложений, игровых сервисов и социальных сетей позволяет вступать в имущественные отношения практически без внешнего контроля, так как зачастую такие отношения формируются автоматически, в рамках пользовательских соглашений, содержание которых остаётся недоступным для понимания не только ребёнка, но и его законных представителей.

Кроме того, проблему представляет также соотношение фактической и юридической дееспособности несовершеннолетнего в цифровой среде. С одной стороны, он способен самостоятельно совершать действия, влекущие имущественные последствия, однако, если обращаться к действующему российскому законодательству, такие действия почти в каждом случае выходят за пределы допустимого объема его дееспособности.

Обращаясь к зарубежному опыту регулирования участия несовершеннолетних в цифровых имущественных отношениях, то здесь он характеризуется более высоким уровнем уточненности. Так, например, статья 8 Регламента Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2016/679 от 27 апреля 2016 года о защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (Общий Регламент о защите персональных данных, General Data Protection Regulation, GDPR)[1] позволяет несовершеннолетним, достигшим возраста 16 лет без участия законных представителей самостоятельно давать согласие на обработку персональных данных, а также согласие по предложениям услуг информационного общества. В Бельгии, Великобритании, Дании на законодательном уровне установлен минимальный возраст для дачи «цифрового согласия» и равен 13 годам. Установление как такового минимального возрастного порога обусловлено, в первую очередь, тем, что зачастую большая часть несовершеннолетних до достижения этого возраста же имеют различные гаджеты и используют на постоянной основе информационно-телекоммуникационную сеть Интернет, и, до достижения минимально разрешенного возраста вряд ли будут осознавать характер информированных согласий в цифровой среде.

Как отмечают Тумаков А.В., Петраков Н.А. в своей работе: «правомерен ли оборот аккаунтов социальных сетей и т.д. Однако вне всякого сомнения остается тот факт, что аккаунт может обладать экономической ценностью, например, при большой его посещаемости другими пользователями аккаунт может выполнять функцию рекламного щита, следовательно способствовать ведению предпринимательской деятельности» [3, с. 68]. Подобно социальным сетям, ситуация обстоит и с игровым имуществом, где существуют специальные площадки по продаже виртуальных аккаунтов и предметов игры. Автор приходит к выводу, что фактически имеет место совершение сделок, внешне соответствующих конструкции купли-продажи, однако, специфика отчуждаемого объекта позволяет отнести его скорее к результатам интеллектуальной деятельности и при этом пользователь, передающий игровой объект третьему лицу, не наделён исключительными правами на соответствующий цифровой элемент.

[1] См. подробнее: Document 32016R0679 Text Document information Procedure Document summary Up-to-date link Permanent link Download notice Save to My items Create an email alert Create an RSS alert 04/05/2016 Legal act Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) (Text with EEA relevance) // European Union URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj/eng.

Переходя к доходам от цифровой деятельности, считаем необходимым отметить, что он может поступать в том числе в виде вознаграждений от платформ, донатов пользователей, внутриигровой валюты и других ресурсов, обладающих экономической ценностью на территории Российской Федерации[1]. Опираясь на общие положения первой части ГК РФ можем утверждать, что указанные доходы непосредственно относятся к имуществу ребёнка и подлежат использованию в его интересах.

Однако, доступ к доходам ребёнка нередко осуществляется через аккаунты и цифровые кошельки, контроль над которыми фактически принадлежит законным представителям до достижения им полной дееспособности. Кроме того, во многих случаях доходы ребёнка от цифровой деятельности остаются вне поля зрения государства и не сопровождаются какими-либо гарантиями сохранности и целевого использования, что, по мнению автора, противоречит одной из основных целей гражданско-правовой защиты несовершеннолетних.

Подводя итог всему вышеизложенному, следует сделать вывод о том, что эффективная защита имущественных интересов ребёнка в условиях цифровизации гражданского оборота требует достаточно серьезного системного обновления гражданско-правовых подходов.

Список источников

1. Аблятипова Н.А., Волкова И.Ю. Защита имущественных прав несовершеннолетних: анализ системности правоприменительной практики // Legal Concept = Правовая парадигма. 2022. Т. 21, № 1. С. 84—90. DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.12.

2. Подустова О.Л., Чурочкина А.А. Правовые аспекты защиты прав детей в цифровом пространстве // Вопросы безопасности. 2025. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-aspekty-zaschity-prav-detey-v-tsifrovom-prostranstve.

3. Тумаков А.В., Петраков Н.А. Гражданско-правовые аспекты цифрового имущества // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdansko-pravovye-aspekty-tsifrovogo-imuschestva.

Информация об авторе

Д.М. Зуенко — студентка 4 курса.

Information about author

D.M. Zuenko — 4th year student.

[1] См. подробнее: Соцсети – детям, биткоины — внукам // Нотариальная палата Свердловской области URL: https://npso66.ru/socseti-detyam-bitkoiny-vnukam/?ysclid=mlgyt59tfd387166032.

Научная статья
УДК 347.455

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ ДОЛЖНИКА ПРИ ОБРАЩЕНИИ БАНКОМ ВЗЫСКАНИЯ НА ЗАЛОЖЕННОЕ ИМУЩЕСТВО

Ксения Максимовна МАШКОВА
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
ksenia-mashkova@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Нина Николаевна НИКИФОРОВА**, nikiforova.nin2013@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена одному из актуальных вопросов — защите интересов должника при обращении взыскании на единственное жилье. Автор акцентирует внимание на существующих проблемах, анализирует основные положения, указывает на необходимость внесения изменений в действующее законодательство.

Ключевые слова: права должника, обращение взыскание, публичные торги

Original article

PROBLEM OF PROTECTING THE INTERESTS OF THE DEBTOR WHEN THE BANK FORECLOSES ON MORTGAGED PROPERTY

Ksenia M. MASHKOVA
St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia
ksenia-mashkova@mail.ru

Scientific adviser Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor **N.N. Nikiforova,** nikiforova.nin2013@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to one of the topical issues – the protection of the debtor's interests when foreclosing on a single dwelling. The author identifies important problems, analyzes the main provisions, and points out the need to amend the current legislation.

Keywords: debtor's rights, foreclosure, public auctions

Определяющей функцией залога как способа обеспечения обязательства является компенсационная составляющая. Благодаря обеспечительному залогу, в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств, кредитор способен компенсировать свои потери путём реализации имущества на торгах. Таким образом, банку максимально гарантирован возврат средств.

Что касается граждан, то общеизвестно, что для многих приобретение жилья исключительно за счет своих средств является недоступным вариантом,

поэтому в большинстве случаев граждане вынуждены привлекать заёмные (кредитные) средства. Нередкими считаются ситуации, когда приобретённая с привлечением кредитных средств квартира или жилой дом является единственным жильём. В таких условиях, когда у должника в силу жизненных обстоятельств возникает проблема с погашением кредита, встаёт вопрос об обращении банком взыскания на заложенное имущество, являющееся единственным жильём для заёмщика. Фактически речь идёт о выселении должника из принадлежащей ему на праве собственности квартиры. В таких делах в силу ст. 45 ГПК РФ[1] в целях надзора за соблюдением прав граждан принимает участие прокурор.

Проведённый анализ законодательства и судебной практики показал, что, давая заключение в таком деле, прокурору следует проанализировать целый спектр вопросов, от которого зависит соблюдение прав и законных интересов гражданина — должника, при этом возникают определённые сложности.

Так, например, п. 2 ст. 350 ГК РФ предусматривает, что по просьбе залогодателя суд вправе при обращении взыскания на заложенное имущество отсрочить его продажу с публичных торгов на срок до 1 года[2]. Актуальными являются вопросы о том, как прокурору выяснить известно ли должнику-гражданину о наличии у него такого права, воспользовался ли он им, а также вправе ли прокурор разъяснить должнику данное право до начала или в ходе судебного заседания, если по закону задачей прокурора в ходе судебного процесса об обращении взыскания на заложенное имущество является дача заключения о законности или незаконности исковых требований банка.

Следует отметить, что в судебной практике нет случае, когда суд признал бы обращение взыскания незаконным, поскольку правовое регулирование не обеспечивает защиту интересов должника. Из решения суда города Якутска № 2-5928/2020 следует, что обращение взыскание на заложенное имущество возможно, в том числе, если такое жилье для гражданина единственное[3].

Практика показывает, что в подавляющем большинстве случаев такие торги признаются несостоявшимися, процент заключённых сделок по продаже имущества на торгах незначителен.

Так, данные с официального сайта ГИС «Торги» свидетельствует о том, что в 2024 году на публичных торгах реализовано имущество должников в 9,94 % случаев, а в 89,43 % признаны несостоявшимися. В 2025 году состоялись — 6,62 % публичных торгов, признаны несостоявшимися — 92,28 %. Тем самым должник не получает действительной разницы между реальной рыночной стоимостью квартиры и суммой его долга, что нарушает его права и законные интересы на возмещение ему разницы. Сложившаяся практика проведения публичных торгов свидетельствуют о том, что предусмотренный законодательством механизм продажи заложенного имущества должника на публичных торгах, призванный гарантировать защиту его имущественных прав и обеспечить максимальную цену реализации заложенного имущества, на практике не достигает своей цели.

---

[1] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14.11.2002 №138-ФЗ: с изм. и доп. вступ. в силу с 01.01.2026 г. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 20.11.1994 №51-ФЗ: с изм. и доп. вступ. в силу с 01.08.2025 г. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

[3] Дело № 2-5928/2020 : Решение Якутского городского суда Республики Саха (Якутия) от 19.06.2020 г. // Судебные и нормативные акты РФ, сайт: URL: https://jakutskyjak.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=28518202&case_uid=61c6b617-633c-432e-91df-0af2b3a49281&delo_id=1540005.

Во-вторых, при обращении взыскания на заложенное имущество, в том числе на единственное жилье, судебный пристав-исполнитель привлекает оценщика для определения его рыночной стоимости. Если в течение месяца имущество не было реализовано и торги признаны несостоявшимися на основании ст. 91 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»[1], цена снижается на 15 %, а после повторных торгов, которые также признаны несостоявшимися, банк получает право оставить за собой имущество по цене на 25 % ниже его начальной продажной цены, указанной в постановлении судебного пристава-исполнителя об оценке имущества должника.

Из этого следует, что банк может приобрести единственное жилье должника за 75 % его начальной стоимости и зачесть в счет покрытия обязательств. При этом, ипотека не прекращается и у должника остаются обязательства перед банком.

Указанное свидетельствует о том, что существующая процедура реализации имущества должника надлежащем образом не гарантирует защиты его законных интересов, поскольку не обеспечивает реализацию его имущества по максимально возможной цене.

Таким образом, жилье должника отходит банку по стоимости на 25 % ниже его действительной стоимости, который впоследствии реализует это имущество по рыночной стоимости, то есть продаёт в кредит, получая тем самым не только возмещение задолженности, но и дополнительную прибыль за счёт дисконта стоимости квартиры в связи с тем, что торги признаны несостоявшимися.

Указанное свидетельствует о том, что правовое положение кредитной организации в данных правоотношениях является максимально выгодным и защищённым в отличие от правового положения должника. В силу ст. 50 № 102-ФЗ «Об ипотеке»[2] банки, в отличии от иных субъектов, могут обратить взыскание даже на единственное жилье. Должник же вопреки предусмотренному ст. 40 Конституции РФ[3] принципу охраны частной собственности не может гарантированно получить максимальную цену за принадлежащее ему на праве частной собственности жилье. Должник оказывается в проигрышном положении и защитить его право становится сложно.

Не оспаривая обязанность заемщика платить по своим обязательствам, видится целесообразным усовершенствовать действующее законодательство, связанное с обращением взыскания на заложенное имущество должника, являющееся его единственным жильём, в сторону улучшения правового положения должника — увеличения гарантий, направленных на реализацию имущества по максимальной высокой цене.

Проведённый анализ законодательства показал, что причиной признания большинства публичных торгов несостоявшимися является отсутствие покупателей [1, с. 204]. Причинами и условиями данного обстоятельства являются:

— информация о проведении торгов публикуется только на официальном сайте Российской Федерации (www.torgi.gov.ru) и в периодическом издании официального органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации;

— организатор публичных торгов извещает о предстоящих публичных торгах не позднее чем за 10 дней, но не ранее чем за 30 дней до их проведения[4];

[1] Об исполнительном производстве: Федеральный закон от 02.10.2007 №229-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

[2] Об ипотеке (залоге недвижимости): Федеральный закон от 16.07.1998 №102-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «консультант Плюс».

[3] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями на 01.01.2020). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

[4] Об ипотеке (залоге недвижимости): Федеральный закон от 16.07.1998 №102-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «консультант Плюс».

— необходимость выигравшего лица в течение пяти дней внести полную сумму, за которую приобретено имущество.

Абсолютно очевидно, что указанные условия исключают участие в публичных торгах подавляющего числа потенциальных покупателей — граждан и организаций.

Необходимо принять нормы, обязывающие приставов размещать объявление о торгах на сайтах объявлений по месту нахождения имущества. Также необходимо обязать специализированные организации по принудительным торгам проводить разъяснительную работу среди населения, в том числе разъяснять, что, приобретая квартиру на торгах граждане помогают другим гражданам, попавшим в трудную жизненную ситуацию — должникам выручить максимальную рыночную стоимость за реализуемую квартиру.

Продажа недвижимого имущества часто занимает длительное время, так как продавец стремится получить наибольшую цену. Необходимо существенно увеличить период размещения объявления о проведении торгов.

Лицо, выигравшее публичные торги, должно в течение пяти дней после их окончания внести сумму, за которую им куплено заложенное имущество (покупную цену), за вычетом ранее внесённого задатка на счет, указанный организатором публичных торгов. При невнесении этой суммы задаток не возвращается. Естественно, граждане не хотят связываться с задатками. С целью увеличения потенциального числа покупателей необходимо законодательно отменить необходимость внесения задатка.

Кроме того, необходимо обязать банки кредитовать покупателей, желающих приобрести жилье на публичных торга, тем более что реализуемые на публичных торгах объекты уже оценивались банками и признаны допустимыми в качестве объектов залога.

Список источников

1. Григоренко Ю.В., Гриб В.Г. Механизм реализация арестованного имущества: проблемы и перспективы развития // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 8. С. 203—206.

Информация об авторе

К.М. Машкова — студентка 5 курса.

Information about author

K.M. Mashkova — 5th year student.

Научная статья
УДК 340.132

ИНСТИТУТ ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ В РИМСКОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Павел Алексеевич МЕРЗЛОВ[1], **Даниил Романович ФЕДОРЧЕНКО**[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] pavel.merzlov2007@gmail.com
[2] fedorchenko.danyil@yandex.ru

Научный руководитель старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук **Эдуард Асхатович КУЗБАГАРОВ**, jaksonic93@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена историческому генезису и догматическому оформлению института исковой давности в римском частном праве. На основе анализа источников и научной литературы авторы прослеживают путь от отсутствия временных ограничений для защиты нарушенных прав в доклассический период до формирования в праве Юстиниана классической модели исковой давности с 30-летним сроком. В работе рассматриваются предпосылки возникновения института, разграничиваются понятия законных (пресекательных) сроков и исковой давности. Особое внимание уделяется значению исковой давности для стабилизации гражданского оборота.

Ключевые слова: римское право, исковая давность, praescriptio, actiones perpetuae, actiones temporales, преторское право, сроки

Original article

THE EVOLUTION AND DOGMATICS OF THE STATUTE OF LIMITATIONS IN ROMAN PRIVATE LAW

Pavel A. MERZLOV[1], **Daniil R. FEDORCHENCO**[2]
[1,2] St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia
[1] pavel.merzlov2007@gmail.com
[2] fedorchenko.danyil@yandex.ru

Scientific adviser Senior Lecturer at the Department of Civil Law Disciplines, St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law **E.A. Kuzbagarov**, jaksonic93@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the historical genesis and dogmatic formulation of the statute of limitations in Roman private law. Based on the analysis of sources and scientific literature, the authors trace the path from the absence of time limits for the protection of violated rights in the preclassic period to the formation of the classical model of the statute of limitations with a 30-year period in Justinian's law. The paper examines the prerequisites for the institution's emergence, differentiates between the concepts of legal (preemptive) periods and the statute of limitations. Special attention is paid to the importance of the statute of limitations for the stabilization of civil turnover.

Keywords: roman law, statute of limitations, praescriptio, actiones perpetuae, actiones temporales, praetorian law, time limits

Римское частное право, являясь основой современной континентальной правовой семьи, сформировало фундаментальные институты, обеспечивающие баланс между защитой субъективных прав и необходимостью правовой определенности. Одним из таких институтов, значение которого трудно переоценить, является исковая давность (praescriptio) — погашение возможности процессуальной защиты права вследствие того, что в течение известного времени такая защита не была осуществлена заинтересованным лицом [1, с. 241]. В ныне действующем Гражданском кодексе даётся следующее определение исковой давности — «срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено». Его продолжительность составляет по общему правилу три года, при этом не может превышать 10 лет за исключением случаев, установленных № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». Формулировка, данная в ГК РФ, практически полностью повторяет положение ГК РСФСР 1922 года «... право на предъявление иска погашается по истечении трехлетнего срока».

Римляне пришли к осознанию необходимости этого института не сразу; его становление было результатом длительной эволюции, отражавшей усложнение экономических отношений. Первое упоминание о давности вообще содержится в Leges duodecim tabularum, но там речь идёт исключительно о «приобретательной давности», которая предоставляла лицу право называться собственником неукраденной вещи, если он докажет факт обладания вещью и ухаживания за ней. Причем, было установлено лишь 2 срока, которые зависели от того, в отношении чего лицо (давностный владелец) претендует на право собственности: для движимых вещей — 1 год, для недвижимых — 2 года.

Изначально, на заре развития римского общества, защита нарушенных прав осуществлялась в форме частной расправы (самоуправства). На смену ему пришла система судебных исков. В классическом римском праве все иски считались как бы постоянными и не имевшими ограничений по времени (actiones perpetuae) [2, с. 51].

Цивильное право (ius civile) не знало института исковой давности все иски назывались actions perpetuae [3, с. 266], существовали лишь законные сроки (actiones temporales). Право в этом случае действует в течение строго определённого периода времени, так поручительство — в течение двух лет, после чего автоматически погашалось, при исковой же давности бессрочно установленное право погашается бездеятельностью управомоченного лица [4, с. 85]. Важную роль в зарождении института исковой давности сыграло преторское право (ius honorarium). Наделенные широкими полномочиями преторы стали снабжать предоставляемые ими новые иски определенными сроками предъявления. Иски (actiones poenales) погашались годовой давностью [3, с. 266]. Такой же давности подлежали иски, введенные постановлениями эдилов, например actio redhibitoria (иск, имеющий целью расторжение сделки между продавцом и покупателем) и quanti minoris (иск, который давал покупателю право требовать уменьшения покупной цены из-за скрытых недостатков приобретенной вещи). Такие иски, в противоположность к actiones perpetuae, назывались actiones temporales. Во время языческих императоров установлена такая же давность по некоторым искам, основанным на jus civile [5, с. 14].

Цели были прагматичны: побудить потерпевшего к оперативному обращению в суд, пока доказательства сохраняют силу, и оградить ответчика от давних и потому недоказуемых притязаний. Иски, введенные претором и ограниченные сроком (обычно в один год с момента приобретения права на иск), стали называться «срочными» или «темпоральными ((actiones temporales). К ним относились мно-

гие штрафные (actiones poenales) и иски по аналогии (actiones in factum). В отличие от будущей исковой давности, эти сроки не приостанавливались и не прерывались.

Становление института исковой давности в его понимании близком к современному произошло в V веке н.э., в эпоху кодификации права при императоре Юстиниане. Закон 424 г. (императора Феодосия II), воспринятый в Кодекс Юстиниана, установил общую 30-летнюю исковую давность для всех личных исков и исков на вещи (actiones in rem). Более короткие сроки, которые прежде были ограничены actiones temporales, остались в силе (L. 3 C.7, 39) [6, с. 202—203]. Незнание управомоченного лица о своём исковом праве не исключало ни начала, ни продолжения исковой давности (L. 12 § 3 b. C.7, 33) [6, с. 205].

Для различных исков момент возникновения права на иск (actio nata est) определялся по-разному: при праве собственности и других правах на вещи — с момента нарушения кем-либо господства лица над вещью; при обязательствах не делать чего-либо — когда обязанный субъект совершил действие, противоположное принятой обязанности; при обстоятельствах что-либо сделать — когда возникла возможность немедленно требовать исполнения обязанности от обязанного.

В эпоху Юстиниана право на иск погашалось по прошествии 30 лет, для церкви и благотворительных учреждений был установлен срок 40 лет. Важно отметить, что в римском праве истечение исковой давности не уничтожало само материальное право (ius), а лишь лишало его принудительной, судебной защиты (actio). Право продолжало существовать как «натуральное обязательство» (obligatio naturalis). Обязанное лицо получало право противопоставить попытке осуществить погашенное притязание с помощью суда эксцепцию (praescriptio XXX annorum sive longissimi temporis или иную) [6, с. 205]. Судья без требования обязанного лица не учитывал давности. Слово praescriptio которое сейчас используют для обозначения исковой давности и общего понятия о влиянии времени на правоотношения впервые было употреблено в этом более общем смысле глоссаторами, первоначально являлось всего лишь частью эксцепции Exceptio seu praescriptio temporis.

Установление единых сроков исковой давности имело огромное социально-экономическое значение. В первую очередь, это способствовало укреплению правопорядка, повышало стабильность гражданского оборота, тем самым устраняло постоянную угрозу давних, плохо доказуемых исков. Савиньи находил основание давности в возможности злоупотребления со стороны истца, который, «откладывая предъявление иска, этим желает затруднить или сделать невозможной защиту со стороны ответчика. При этом институт стимулировал добросовестных участников оборота к своевременной защите своих интересов, что отвечало требованиям процессуальной экономии и справедливости.

Эволюция института исковой давности в римском праве представляет собой классический пример постепенного движения от архаичных форм защиты к сложной, сбалансированной юридической конструкции. Пройдя путь от полного отрицания временных ограничений, через введение пресекательных сроков преторским эдиктом, римские юристы создали в праве Юстиниана полноценный самостоятельный институт praescriptio с гибкими правилами о течении, приостановлении и перерыве.

Этот институт был основан не на наказании нерадивого кредитора in odium creditorum («в целях обмана кредиторов»), а на идее охраны общественного спокойствия и обеспечения доказательственной базы судопроизводства.

Список источников

1. Полина Н.С. Понятие и значение исковой давности: историко-правовые аспекты [электронный ресурс] // Вестник БГУ. 2012. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-znachenie-iskovoy-davnosti-istoriko-pravovye-aspekty (дата обращения: 29.01.2026).

2. Омельченко О.А. Римское право : учебник. [электронный ресурс] // Изд. 2-е, испр. и доп. Москва : ТОН Остожье, 2000. 208 с. URL: https://studfile.net/preview/3000945/ (дата обращения: 30.01.2026).
3. Исханова Б.А. Исковая давность в современном отечественном и зарубежном гражданском праве [электронный ресурс] // Международный научный журнал «Вестник науки». 2023. №10 (67). Т. 3. С. 264–267. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iskovaya-davnost-v-sovremennom-otechestvennom-i-zarubezhnom-grazhdanskom-prave/viewer (дата обращения: 29.01.2026).
4. Римское частное право: учебник [электронный ресурс] / коллектив авторов; под ред. И.Б. Новицкого, И. С. Перетерского. Москва : КНОРУС, 2021. 608 с. URL: https://djvu.online/file/ofCWULTxbZseL?ysclid=mkzt6gl74v286609302 (дата обращения: 29.01.2026).
5. Энгельман И.Е. О давности по русскому гражданскому праву: Историко-догматическое исследование. [электронный ресурс] // 3-е изд. Санкт-Петербург : Судебный вестник, 1901. XVI, 411 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003579057/ (дата обращения: 30.01.2026).
6. Хвостов В.М. Система римского права. Учебник. М.: Издательство «Спарк», 1996. 522 с.

Информация об авторах

П.А. Мерзлов — студент 1 курса.
Д.Р. Федорченко — студент 1 курса.

Information about authors

P.A. Merzlov — 1st year student.
D.R. Fedorchenco — 1st year student.

Научная статья
УДК 346.62

ПРАВОВОЙ СТАТУС КРЕДИТНЫХ РЕЙТИНГОВЫХ АГЕНТСТВ В РОССИИ

Сергей Сергеевич СОЛОМАТНИКОВ
Факультет права, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
sssolomatnikov@edu.hse.ru

Научный руководитель профессор Департамента публичного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук **Дмитрий Львович КОМЯГИН**, dkomygin@hse.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию правового статуса и регулирования деятельности кредитных рейтинговых агентств в России. Автор рассматривает ключевые вопросы развития законодательного регулирования деятельности рейтинговых агентств, регуляторной практики Банка России и важнейшие публично- и частноправовые аспекты их статуса

Ключевые слова: рейтинговое агентство, кредитный рейтинг, правовой статус, Банк России, регулирование

Original article

LEGAL STATUS OF CREDIT RATING AGENCIES IN RUSSIA

Sergey S. SOLOMATNIKOV
Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, sssolomatnikov@edu.hse.ru

Scientific adviser Professor of the Department of Public Law at the National Research University Higher School of Economics, Doctor of Law, **D.L. Komyagin**, dkomygin@hse.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the legal status and regulation of the activities of credit rating agencies in Russia. The author examines the key issues of the development of legislative regulation of the activities of rating agencies, the regulatory practice of the Bank of Russia and the most important public and private legal aspects of their status.

Keywords: rating agency, credit rating, legal status, Bank of Russia, regulation

Рейтинговые агентства представляют из себя одних из ключевых участников финансового рынка. Их деятельность имеет исключительное значение для всех прочих участников этого рынка — в том числе самих компаний, которые заинтересованы в получении общепризнанного кредитного рейтинга. В то же время, до принятия в 2015 году специального закона о регулировании статуса рейтинговых агентств деятельность по присвоению кредитного рейтинга имело несистемный и фрагментарный характер. Такое положение дел подрывало доверие к российским национальным рейтинговым системам, вынуждая участников рынка обращаться к иностранным рейтингам. Несмотря на принятие закона, тема правового статуса рейтинговых агентств и регулирования их деятельности остается недостаточно освещенной в российской юридической науке. Актуальность обусловлена тем, что статус рейтинговых агентств сочетает в себе публично-правовые и частноправовые аспекты, приобретая таким образом межотраслевой характер.

Краеугольным камнем современного регулирования кредитных рейтинговых агентств остается Федеральный закон от 13 июля 2015 года №222-ФЗ «О деятельности кредитных рейтинговых агентств в Российской Федерации, о внесении изменения в статью 76.1 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» (далее по тексту — закон о рейтинговых агентствах). Его принятие было обусловлено рядом пробелов в регулировании, включая отсутствие гарантий независимости и предотвращения конфликта интересов. Такое положение, в свою очередь, приводило к недостаточной защищенности прав и законных интересов участников рынка при обращении ими к данным рейтинговых агентств. Кроме того, закон направлен также на обеспечение независимости российской финансовой системы. Пояснительная записка к закону указывает, что «[принятие закона] ...повысит системную устойчивость финансового рынка Российской Федерации к неблагоприятным экономическим и международным политическим рискам» . Несмотря на тот факт, что закон является первым нормативным правовым актом, закрепившим системное регулирование деятельности рейтинговых агентств, осуществляемое Банком России, еще в 2013 году Банк России в соответствии с Федеральным законом от 23 июля 2013 года №251-ФЗ был наделен полномочиями по регулированию некредитных финансовых организаций, в том числе рейтинговых агентств, став таким образом фактически мегарегулятором. До момента же принятия данного закона кредитные рейтинговые агентства в России фактически находились вне правового поля [1, с. 45].

Федеральный закон, помимо четкого определения кредитных рейтинговых агентств как юридических лиц, определения структуры их управления и обеспечения деятельности, аккредитации, затрагивает вопросы применения рейтинговых шкал. Согласно закону, основным различием международной и национальной рейтинговых шкал является возможность использования последней исключительно для целей внутригосударственного сопоставления кредитных рейтингов . В то же время, при использовании рейтинга органами публичной власти может приме-

няться только национальная рейтинговая шкала . Федеральный закон устанавливает обязательные требования по обеспечению публичности деятельности кредитных рейтинговых агентств, включая раскрытие всей полноты всей необходимой информации. Кроме того, закон закрепляет возможность создания кредитных рейтинговых агентств только в форме хозяйственных обществ.

Вышеуказанный закон в своей сущности закрепляет особенности публично-правового статуса кредитных рейтинговых агентств в статике. Динамика этого статуса проявляется в регуляторных полномочиях Банка России и его правоприменении. Эти полномочия возложены на Банк России непосредственно законом в соответствии со ст. 15 и 16. Несмотря на тот факт, что рейтинговые агентства играют крайне важную роль в обеспечении функционирования финансового рынка, к организациям, оказывающим профессиональные услуги на финансовом рынке, они отнесены лишь с 1 января 2022 году с принятием Федерального закона № 359-ФЗ от 2 июля 2021 года. Это усилило регуляторный контроль над кредитными рейтинговыми агентствами, несмотря на то, что Банк России и до принятия этих изменений обладал широкими полномочиями при осуществлении контроля за кредитными агентствами. В частности, согласно федеральному закону, Банк России вправе требовать у кредитных рейтинговых агентств замены лиц, входящих в органы управления и внутреннего контроля таких организаций. Данное право регулятора является немаловажным вопросом в определении статуса рейтинговых агентств как коммерческих юридических лиц с одной стороны и системно важных участников рынка с другой. Хотя рейтинговые агентства являются коммерческими организациями, их деятельность направлена на защиту публичного интереса [2, с. 119], что объясняет большой объем императивных норм и широкие полномочия регулятора. Примером такого интереса является не только присвоение суверенного кредитного рейтинга, но и, например, регулирование эмиссии долговых ценных бумаг. В соответствии с ч.3 п.1 ст. 25.5-7 Федерального закона №39-ФЗ от 22 апреля 1996 года «О рынке ценных бумаг» для эмиссии облигаций без срока погашения эмитенту должен быть присвоен наивысший кредитный рейтинг по национальной рейтинговой шкале . Однако регуляторные положения закона о рейтинговых агентствах, а также нормы, закрепляющие невозможность отзыва суверенного кредитного рейтинга, в первую очередь касаются рейтинга, присвоенного по национальной рейтинговой шкале, не касаясь при этом международной шкалы. Это позволяет сделать вывод о том, что значительный публичный интерес заключается в существовании независимой от решений иностранных органов и государств системы кредитного рейтинга в России, при этом ряд норм, например, о статусе рейтинговых аналитиков, методологии или раскрытии информации распространяется на рейтинговые агентства как таковые, а не только на ту деятельность, которая связана с существованием национальной шкалы, что в свою очередь отражает интерес инвесторов и кредиторов в поддержании независимости и прозрачности системы. Важным элементом этих принципов является предотвращение конфликта интересов при осуществлении рейтинговой деятельности, которое затронуто в ст. 9 закона. Закон предусматривает значительное разграничение собственников и учредителей рейтингового агентства с одной стороны и рейтинговых аналитиков с другой, а также обязывает органы внутреннего контроля агентства осуществлять меры по предотвращению конфликта в целях обеспечения независимости рейтинговых аналитиков. Это связано с тем, что большую часть доходов агентства получают от эмитентов, что естественным образом создает предпосылки для формирования конфликта интересов [3, с. 16]. Часть 14 вышеуказанной статьи, помимо прочих представленных мер предотвращения такого конфликта, предоставляет Банку России право устанавливать дополнительные требования к раскрытию информации. Такая дискреция Банка

России вкупе с вышеперечисленными и закрепленными в законе полномочиями демонстрирует, что несмотря на тот факт, что рейтинговые агентства по своей организационно-правовой форме являются коммерческими хозяйственными обществами, значение и соответствующее регулирование их деятельности имеет в значительной степени публично-правовой характер, простираясь за пределы общих правил о деятельности и структуре юридических лиц. В то же время, несмотря на признание такой деятельности общественно значимой, закон не вводит никакой ответственности за нарушение обязательств по открытию, предоставляя фактическую дискрецию в принятии решений об ответственности Банку России [3, с. 18].

Тем не менее, гражданско-правовой аспект деятельности рейтинговых агентств остается важным для понимания их деятельности и того, в каких формах и по какой процедуре происходит присвоение кредитного рейтинга. В соответствии со ст. 3 Закона, рейтинговые агентства не вправе заниматься иной деятельностью, кроме оказания рейтинговых услуг и деятельности, дополнительно указанной в законе. Фактически, закон полагает их правоспособность целевой, что направлено на сосредоточение их деятельности на одном виде предпринимательской деятельности, подобно иным профессиональным участникам финансового рынка [4, с. 201]. Порядок создания и государственной регистрации кредитных рейтинговых агентств является, таким образом, концессионным и зависит от внесения Банком России таких лиц в государственный реестр, что сходно с прочими кредитными организациями, которые, как говорит Е.А. Суханов, обязаны к такому порядка ввиду того, что их деятельность затрагивает интересы многих участников оборота [4, с. 210]. Интересным остается вопрос об определении гражданско-правового статуса договорной деятельности агентств. В соответствии с законом, присвоение кредитного рейтинга происходит посредством заключения договора об осуществлении рейтинговых действий. Такой вид договора может быть отнесен к договорам возмездного оказания услуг и регулируется общими положениями о договорах об оказании услуг. Это отличает их от иных организаций, оказывающих профессиональные услуги в сфере финансового рынка. Заключение ряда договоров, связанных с осуществлением финансовых услуг, таких, как договор банковского вклада, разрешено лишь соответствующим организациям, то есть такие договоры не являются универсальными и ограничены по субъектному составу ограничительными нормами [5, с. 162]. В то же время, договор возмездного оказания услуг по общему правилу является универсальным, и ограничение договорной свободы в данном случае исходит со стороны норм о субъекте договора, а не из сущности нормы о самом договоре. В то же время, допускается присвоение кредитного рейтинга без заключения договора с эмитентом, «не запрошенного кредитного рейтинга», что выходит за пределы гражданско-правового регулирования, хотя и преследует коммерческую цель распространения сведений об агентстве, несмотря на отсутствие договорных правоотношений. Таким образом, регулирование договорных основ деятельности кредитных рейтинговых агентств имеет смешанный характер, которому присущи нетипичные для гражданского права конструкции, в том числе возможность оказания услуг без запроса со стороны эмитента и заключения договора.

Правовое регулирование деятельности кредитных агентств является межотраслевым, сочетая в себе коммерческую форму и публично-правовое регулирование, и в то же время отличным от регулирования деятельности других участников финансового рынка, таких, как кредитные и страховые организации, а с другой, недостаточной проработанностью данной темы в законодательстве и научной литературе. Закон о рейтинговых агентствах передает значительные полномочия по развитию регулирования Банку России, который получает широкие полномочия по вмешательству в деятельность агентств. Такие полномочия существенно сужа-

ют объем диспозитивности деятельности таких организаций, что в сочетании со специфическим регулированием и нетипичными правовыми конструкциями, как утверждает А.С. Селивановский, дает «прямолинейное и фрагментарное регулирование», которое далеко от оптимальной регуляторной политики, способствующей равной защите как инвесторов, так и кредиторов, а также поддержания стабильного развития российской экономики [3, с. 21]. Развитие и уточнение правового статуса кредитных рейтинговых агентств остается важной задачей для юридической науки.

Список источников

1. Чжиен Х. Анализ регулирования деятельности кредитных рейтинговых агентств в России и рекомендации //Проблемы экономики и юридической практики. 2016. №. 5. С. 41—49.

2. Рузанов И.В. Актуальные проблемы правового статуса кредитных рейтинговых агентств с позиций конституционной экономики //Сравнительное конституционное обозрение. 2012. №. 4 (89). С. 115—121.

3. Селивановский А. Кредитные рейтинговые агентства: допуск на рынок / А. Селивановский // Хозяйство и право. 2016. № 2(469). С. 3—22. EDN VOSAKV.

4. Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред.д-р юрид.наук., проф. Е.А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Статут, 2023.

5. Витрянский В.В., Брагинский М.И. Договорное право. Книга первая. Общие положения //М. : Статут. 2011.

Информация об авторе

С.С. Соломатников — студент 2 курса.

Information about author

S.S. Solomatnikov — 2nd year student.

III. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НАУКИ

Научная статья
УДК 343.9

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВОВЛЕЧЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ И ДИВЕРСИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Амина Хасановна АРСАЕВА[1], Милана Витальевна ДАНЧЕНКО[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] amina0739@mail.ru
[2] mil.danchenko@yandex.ru

Научный руководитель доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Андрей Викторович ЗАРУБИН**, Sarubin1@yandex.ru

Аннотация. Статья исследует проблему квалификации вовлечения несовершеннолетних в террористическую и диверсионную деятельность, акцентируя внимание на правовых коллизиях при квалификации таких преступлений в России.

Основное внимание в работе уделено анализу правовых коллизий и проблем квалификации вовлечения несовершеннолетних в террористическую и диверсионную деятельность.

На основе проведенного исследования предложены меры по совершенствованию квалификации преступлений террористической направленности.

Ключевые слова: уголовное право, уголовная ответственность, преступления террористической направленности, террористический акт, диверсия, несовершеннолетние

Original article

PROBLEMS OF CRIMINAL LIABILITY FOR INVOLVING MINORS IN COMMITTING TERRORIST AND SABOTAGE CRIMES

Amina Kh. ARSAEVA[1], Milana V. DANCHENKO[2]
[1,2] St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia
[1] amina0739@mail.ru
[2] mil.danchenko@yandex.ru

Scientific adviser Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Criminal-Executive Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor **A.V. ZARUBIN**, Sarubin1@yandex.ru

Abstract. This article examines the classification of minors involved in terrorist and sabotage activities, focusing on the legal conflicts involved in classifying such crimes in Russia.

The main focus of the work is on the analysis of legal conflicts and qualification problems of involving minors in terrorist and sabotage activities. Based on the conducted research, measures are proposed to improve the qualification of terrorist crimes.

Keywords: Criminal law, criminal liability, terrorist crimes, terrorist act, sabotage, minors

В современном мире угрозу международной безопасности представляет распространение террористической деятельности. Особое значение имеет растущая тенденция вовлечения несовершеннолетних к совершению преступлений террористической и диверсионной направленности.

Особую опасность в наше время представляют диверсионные акты, которые часто используются террористическими организациями как инструмент дестабилизации социально-политической обстановки. Диверсионная деятельность направлена на разрушение критически важных объектов инфраструктуры, что приводит к серьезным экономическим потерям и создает угрозу жизни граждан.

Мощным инструментом вовлечения в террористическую и диверсионную деятельность, в том числе широких масс молодого поколения, а именно несовершеннолетних, выступает сеть «Интернет». В современном мире Интернет стал неотъемлемой частью жизни каждого, а в особенности подростков. Внедрение новых технологий и каналов связи вызывает еще больший интерес у молодежи.

Стоит учитывать особенности психики каждого подростка, с учетом заинтересованности к использованию «запрещенных» сайтов и программ. Именно эти каналы служат источниками связи подростков с представителями террористических организаций. Но даже подросток, который избегает посещения подобных сайтов, может столкнуться с преступниками в сети «Интернет». Развитие мессенджеров способствует большей незащищенности пользователь, поскольку личные данные находятся в открытом доступе, чем в свою очередь пользуются злоумышленники.

Вовлечение подростков в террористические и диверсионные преступления происходят не только путем навязывания террористических идей и «обработки» сознания лица, но и путем шантажа, обман, угроз. Часто мотив подростка не соответствует типичному мотиву терроризма, который предполагает идеологическую или политическую направленность, в таком случае несовершеннолетний может выступать лишь инструментом в руках взрослого организатора, не осознавая всей сути происходящего.

Подростки, действовавшие под влиянием обмана, шантажа или запугивания, не всегда разделяют идеологию терроризма или диверсии. Такие методы вовлечения, вербовки ставят несовершеннолетнего в уязвимое положение. Угрозы расправы, шантаж родными и обман, который предполагает либо вознаграждение за совершение определенных действий, либо отсутствие общественной опасности деяния - то, что влияет на психику ребенка и он становится не вовлеченным в совершение преступления, а непосредственным исполнителем этого преступления, но лишь в силу крайней необходимости. Исключением является цель получения вознаграждения за выполненные действий. В таком случае говорить о крайней необходимости, по нашему мнению, уже не приходится [1, с. 259].

В силу своего возраста подростки не осознают степень опасности, возможные варианты разрешения проблем, поэтому легко могут поддаться манипуляциям. В сети «Интернет» подростки бесконтрольны, поэтому их действия замечают не сразу, что приводит к наступлению общественно опасных последствий.

Справедливо высказывание С.С. Медведева и Н.В. Панькова о том, что несовершеннолетние лица в руках террористов сегодня выступают в качестве орудия, используемого с целью совершения преступлений. Несовершеннолетних активно вовлекают в совершение преступлений террористического характера посредством введения их в заблуждение, предоставления им заведомо ложной информации о последствиях и целях подобных деяний, используя подкуп, шантаж, запугивание, а также иные методы воздействия [2, с. 163].

В то время как несовершеннолетние становятся инструментом в руках преступников, особую актуальность приобретает анализ правовых механизмов противодействия. Поэтому логичным представляется переход от констатации самой проблемы к детальному рассмотрению проблем уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетних в преступления террористической и диверсионной направленности, среди которых можно выделить следующие:

Во-первых, вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступлений террористической направленности одновременно содержит признаки двух составов преступлений: содействие террористической деятельности (ст. 205.1 УК РФ) и вовлечение несовершеннолетнего в совершение тяжкого либо особо тяжкого преступления (п. «б» ч. 4 ст. 150 УК РФ).

Вопрос о том, какая норма обладает приоритетом, является дискуссионным в уголовно-правовой доктрине. Некоторые исследователи полагают, что при рассмотрении вопроса конкуренции уголовно-правовых норм, предусмотренных ст. 150 и 205.1 УК РФ, «в части ответственности за «вовлечение» ст. 205.1 УК является специальной по отношению к общей норме — ст. 150 УК» [3, с. 258].

Следуя этой логике, при вменении ст. 205.1 УК РФ лицу, которое вовлекало несовершеннолетнего в совершение террористического преступления, исключается вменение ст. 150 УК РФ. Таким образом, анализ правовых норм позволяет сделать вывод о том, что основная проблема заключается в коллизии между общей (ст. 150 УК РФ) и специальной (ст. 205.1 УК РФ) нормами, что приводит к двойному вменению наказания при квалификации деяния и назначении наказания.

Данная проблема была решена в пользу специальной нормы. Федеральный закон от 17.11.2025 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» внес следующие изменения в часть 2 статьи 205.1: «Деяния, предусмотренные частями первой или первой.1 настоящей статьи, совершенные в отношении несовершеннолетнего или лицом с использованием своего служебного положения» — ранее уголовное законодательство не предусматривало «совершенные в отношении несовершеннолетнего».

Это значит, что теперь вопрос приоритета специальной нормы решен. Статья 205.1 УК РФ остается специальной по отношению к общей норме — ст. 150 УК РФ («Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления»).

При вовлечении несовершеннолетнего в террористическую деятельность применяться будет именно ст. 205.1 УК РФ, а не ст. 150 УК РФ. Таким образом, двойное вменение исключено — приоритет отдается специальной норме, что соответствует принципам уголовного права. Также законодатель предусмотрел более строгое наказание за вовлечение несовершеннолетних в преступления террористической направленности [4, с. 46].

Если за совершение преступления по ч. 4 ст. 150 УК РФ наказание предусмотрено в виде лишения свободы от пяти до десяти лет с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового, то в ч. 2 ст. 205.1 УК РФ предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от десяти до двадцати лет со штрафом в размере от пятисот тысяч до одного миллиона рублей либо в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от трех до пяти лет либо без такового или пожизненным лишением свободы.

Также возникает вопрос квалификации преступления и вынесения справедливого приговора. Часто действия исполнителей преступлений с участием несовершеннолетних квалифицируются по ст. 205 УК РФ (терроризм), а не по другим статьям, например уничтожение или повреждение чужого имущества (ст. 167 УК РФ) или приведение в негодность путей сообщения (ст. 267 УК РФ). Иногда действия, которые по своей сути являются поджогом или повреждением инфраструктуры, квалифицируются как терроризм только из-за контекста (например, если преступление совершено в период усиления антитеррористических мер). Такой подход считается формальным, так как не учитываются объективные сведения о личности подростков и их поведение, предшествующее преступлению.

Полагаем, что в случае, если вовлечение несовершеннолетнего в преступление террористической направленности предполагает, что подросток не осознает общественной опасности своих действий, то квалификация по статье 205.1 УК РФ излишняя. Подросток, совершивший преступление, путем применения к нему (подростку) угрозы, может не понимать характер действий и реальный мотив подстрекателя, поэтому о вышеуказанных статьях говорить не приходится. Действия в таком случае нужно расценивать как: конкретная статья Особенной части УК РФ со ссылкой на часть 4 статьи 33 УК РФ.

Если рассматривать случай, когда вовлечение несовершеннолетнего предполагает его осознанность в противоправности деяний, то квалификация уже предполагает наличие состава преступления статьи 150 УК РФ. Например, несовершеннолетний совершил поджог служебной машины сотрудников полиции, исходя из корыстных целей, таких как месть или вражда, то деяние может быть квалифицировано по п. «г» ч. 4 ст. 150 УК РФ и ст. 167 УК РФ.

Если рассматривать квалификацию по статье 205.1 УК РФ, то состав преступления образуется в случае вовлечения подростка в террористическую деятельность.

На практике имеются случаи совершения преступлений длящегося характера. В случае, когда преступление начинается в момент несовершеннолетия лица, а оканчивается в момент уже его совершеннолетия, то квалификация предусматривает момент окончания преступного деяния и сроки давности совершения преступления.

Если рассматривать статью 205.1 УК РФ, то согласно абзацу 2 пункта 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (в ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности», склонение, вербовку или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений, перечисленных в части 1 статьи 205.1 УК РФ, следует считать оконченным преступлением с момента совершения указанных действий, независимо от того, совершило ли вовлекаемое лицо соответствующее преступление террористической направленности.

Таким образом, если действия, составляющие объективную сторону преступления по статье 205.1 УК РФ, были совершены в период несовершеннолетия лица, то преступление считается оконченным в этот момент. Последующее достижение совершеннолетия не влияет на квалификацию деяния, так как состав преступления уже окончен. Что касается сроков давности привлечения к уголовной ответственности, они исчисляются с момента окончания преступления. Для преступлений террористической направленности, к которым относится ст. 205.1 УК РФ, сроки давности не применяются (ч. 5 ст. 78 УК РФ).

Если рассматривать статью 150 УК РФ, то согласно абзацу 4 пункта 42 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2011 № 1 (в ред. от 09.12.2025) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», преступления, ответственность за которые предусмотрена статьями 150 и 151 УК РФ, являются оконченными с момента совершения несовершеннолетним преступления, приготовления к преступлению, покушения на преступление.

Таким образом, для квалификации по данной статье необязательно доведение преступного деяния до конца, наличие самого факта привлечения и наличия уже каких-либо действий несовершеннолетнего (например, приготовление к преступлению) достаточно для квалификации по данной статье. В случае наступления совершеннолетия вовлекаемого лица, учитывается наличие преступных действий этого лица до достижения 18 лет. Если действия совершены — дальнейшие действия не учитываются для определения наказания вовлекающего (они квалифицируются по части 4 статьи 150 УК РФ), а наличие дальнейших действий в совершеннолетнем возрасте предполагает наказание уже вовлеченного лица по общим правилам.

Таким образом, вовлечение несовершеннолетних в преступления террористической и диверсионной направленности обуславливается их психической незрелостью и неосознанием последствий своих действий. Профилактика в сфере пользования социальными сетями, разговоры о возможных методах воздействия террористических организаций на сознание помогут снизить риски вовлечения несовершеннолетних в совершение подобных преступлений.

Список источников

1. Дикаев С.У. Терроризм : феномен, обусловленность и меры противодействия (уголовно-правовое и криминологическое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2004. С. 258–259.

2. Жамборов А.А., Курманова М.К. Подростковый терроризм: причины возникновения и пути противодействия // Журнал прикладных исследований. 2022. № 6. С. 765—768.

3. Медведев С.С., Паньков Н.В. Криминологические аспекты вовлечения несовершеннолетних в совершение террористических преступлений // Эпомен. 2019. № 26. С. 160–166.

4. Герасимов А.А., Герасимова Т.С. Правовые аспекты ответственности за вовлечение несовершеннолетних в террористическую деятельность в России // CETERIS PARIBUS. 2024. № 7 С. 42—48.

Информация об авторах

А.Х. Арсаева — студентка 2 курса.
М.В. Данченко — студентка 2 курса.

Information about authors

A.H. Arsaeva — 2nd year student.
M.V. Danchenko — 2nd year student.

Научная статья
УДК 343.228

ПРАКТИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С РЕАЛИЗАЦИЕЙ ПРАВА НА НЕОБХОДИМУЮ ОБОРОНУ

Лина Алимовна БАДРАКОВА
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия, lina.badrakova@bk.ru

Научный руководитель доцент кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, доктор юридических наук, доцент **Дмитрий Александрович ПАРХОМЕНКО**, parkhomenkoda@mail.ru

Аннотация. Статья направлена на решение проблемы законодательной регламентации и практическому применению необходимой обороны. Автор анализирует положения закона, касающиеся института необходимой обороны, предлагает изменение способа правовой регламентации обстоятельств, исключающих преступность деяния. Также исследуется историческое развитие института необходимой обороны.

Ключевые слова: необходимая оборона, общественно опасное посягательство, превышение пределов необходимой обороны, обстоятельства, исключающие преступность деяния, естественное право

Original article

PRACTICAL AND THEORETICAL PROBLEMS RELATED TO THE REALIZATION OF THE RIGHT TO NECESSARY DEFENSE

Lina A. BADRAKOVA
Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Russian Federation, Moscow, Russia
lina.badrakova@bk.ru

Scientific adviser Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Science (Law), Associate Professor, **D.A. PARKHOMENKO**, parkhomenkoda@mail.ru

Abstract. The paper explores pressing issues related to the legislative framework and practical implementation of the concept of self-defense. The author reviews existing legal norms that regulate the right to necessary defense and suggests amendments to the rules governing circumstances that negate the criminal character of an act. Special attention is also given to the historical evolution of the institution of necessary defense. Keywords: self-defense, socially dangerous conduct, excess of self-defense, circumstances excluding criminal liability, natural rights.

Keywords: necessary defense, socially dangerous encroachment, exceeding the necessary defense limits, circumstances precluding the criminality of an act, natural rights

Всеобщность защиты прав, свобод и законных интересов всеми способами, не противоречащими закону, закреплена в ст. 7 Всеобщей декларации прав человека, ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, также

в соответствии с ч. 2 ст. 45 Конституции Российской Федерации каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом[1]. Так законодатель, опираясь на нормы международного права, регламентирует естественное право обороны, которое позволяет считать необходимую оборону субъективным правом, нашедшим пределы своей реализации в уголовном законе. Ранее в Конституции СССР 1977 г. устанавливалась обязанность уважать права и законные интересы других лиц, быть непримиримым к антиобщественным поступкам, всемерно содействовать охране общественного порядка[2], где мы первый раз можем увидеть попытку российского законодателя регламентировать отношения, возникающие в связи с отражением общественно опасного посягательства. Однако, акцент, как и было на всем протяжении существования Советского Союза, делался на защите государственных интересов, а не на интересах личности. По сути, необходимая оборона по замыслу советского законодателя должна была, в первую очередь, гарантировать защиту общественного порядка, что она просто не могла сделать в силу того, что ее социально-правовое назначение заключается в обеспечении эффективной реализации естественного по происхождению права личной обороны субъектами, специально на то не уполномоченными [1, с. 32]. Лишь в 1993 году с принятием новой Конституции, закрепившей приоритет прав и свобод человека и гражданина, институт необходимой обороны стал действительно надежной гарантией реализации естественного по совей природе права на оборону от каких-либо посягательств, получив свое законодательное закрепление в нормативно-правовом акте, имеющем высшую юридическую силу на территории всего государства. Не преувеличением будет сказать, что именно этот институт является одним из самых действенных средств борьбы против общественно опасных посягательств.

В уголовном законе конституционное положение о праве на защиту всеми законными способами получает последующую конкретизацию в ст. 37 Уголовного кодекса Российской Федерации, в которой декларируется право каждого человека на защиту своих интересов. Автор предлагает более детально проанализировать данную статью.

Во-первых, первое, что бросается в глаза неопределённость адресатов. Очевидно, что главным адресатом нормативных установлений о необходимой обороне, является потенциальный субъект необходимой обороны, а не правоприменитель или неправомерно посягающий, но ответ на вопрос, кто может являться потенциальным субъектом, остается неясным. Более удачной представляется регламентация, описанная в ч. 1 ст. 13 в редакции Федерального Закона от 1 июля 1994 г. УК РФ о внесении изменений и дополнений в уголовный кодекс РСФСР и уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: «Каждый имеет право на защиту своих прав и законных интересов, прав и законных интересов другого лица, общества, государства от общественно опасного посягательства независимо от возможности избежать посягательства либо обратиться за помощью к другим лицам или органам власти». Однако, слово «каждый» просуществовало в уголовном законе примерно два года (в период 1994–1996 гг.), а в период 1997–2002 гг. редакция ст. 37 УК РФ по большому счету мало чем отличалась от ст. 13 УК РСФСР в первоначальной редакции. На взгляд автора слово «каждый» разрушает какую-либо неопределенность в во-

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/e8d3411eef83427471ae3409d62570cd0ae3b62a/ (дата обращения: 17.01.2026 г.).

[2] Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3009#BTQ5b8VfrizC6288 (дата обращения: 17.01.2026 г.).

просе о том, кто может быть потенциальным субъектом естественного по происхождению права обороны.

Во-вторых, читая Уголовный кодекс (обратим внимание на тот факт, что в соответствии с принципом законности — преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только им), адресат не найдет ответ на вопрос каким должно быть посягательство, чтобы стать «общественно опасным». На этот вопрос можно ответить, изучив Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19, в котором законодательное описание необходимой обороны дополняется двумя требованиями: общественно опасное посягательство должно быть наличным и действительным (реальным). Подобное положение вещей ущемляет права лица, осуществляющего защиту, поскольку для гражданина, не обладающего специальными юридическими знаниями, нормативно-правовые акты выступают основным ориентиром, на основании которого принимается решение о допустимом способе действий. Скорее всего, ему неизвестно о практики восполнения пробелов уголовного закона решениями Верховного Суда Российской Федерации. Поэтому, государство должно быть заинтересовано в соблюдении права или в его использовании по назначению, нужна информация доступная для понимания, так как адресаты в большинстве своем не имеют юридического образования, не понимают специфику правового регулирования какой-либо отрасли права. Исходя из сказанного, автор предлагает внести в ст. 37 УК РФ требования к посягательству, необходимые для признания его по-настоящему общественно опасным и в дальнейшем создающие состояние необходимой обороны. Также очень прозрачной для обычного человека звучит формулировка ч. 2 ст. 37 УК РФ, исходя из которой превышением пределов необходимой обороны признаются действия, явно не соответствующие характеру и степени общественной опасности. Возникает вопрос, как человек, на которого внезапно совершили нападение, в таких условиях должен максимально быстро оценить обстановку, разгадать мотив нападающего и при этом сохранить хладнокровие. Так, принимая во внимание эти обстоятельства, а также то, что инициатором конфликта выступает неправомерно посягающий, законодатель Федеральным законом от 08.12.2003 № 162-ФЗ дополнил ст. 37 УК частью 2.1 следующего содержания: «Не являются превышением пределов необходимой обороны действия обороняющегося лица, если это лицо вследствие неожиданности посягательства не могло объективно оценить степень и характер опасности нападения»[1]. Так субъективное восприятие конфликта, которое напрямую влияет на формирование умысла, мотива и цели, ранее никак не отражавшееся в уголовном законодательстве России о необходимой обороне, получило свое законодательное закрепление.

В-четвертых, исходя их текста закона, необходимая оборона в зависимости от того, на что направленно общественно опасное посягательство на жизнь обороняющегося или другого лица либо на иные менее значимые блага, чем жизнь, — устанавливает в ст. 37 УК РФ соответствующие этой направленности два вида необходимой обороны: в ч. 1 — беспредельной; в ч. 2 — предельной. Что делать если обороняющийся с полной уверенность считает, что его действия попадают под ч. 1 ст. 37 УК, а следователь, применяющий уголовный закон, по каким-либо причинам считает такую оборону явно не соответствующей характеру и степени общественной опасности посягательства [2, с. 29]? К сожалению, практика показывает, что в таких случаях человек привлекается к уголовной ответственности за превышение пределов необходимой обороны. По данным официальной открытой судебной ста-

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 25.01.2026 г.).

тистики, доминируют лица, превысившие пределы необходимой обороны, в сравнении с тем, кто реализовал такое в право в установленном законе порядке. Так, по итогам 2024 г. количество первых составило 484 (143 по ч. 1 ст. 108 и 341 по ч. 1 ст. 114 УК РФ), а вторых (оправданных по данным статьям) — 10 человек[1]. Это может говорить об одном — законодательство несовершенно, оно не выполняет одну из своих центральных функций в демократическом государстве — охранительную, а именно защиту наиболее важных и ценных аспектов общественных отношений, в данном случае это законные права и свободы человека и гражданина. Возникает вопрос, насколько это справедливо с точки зрения ч. 2 ст. 45 Конституции Российской Федерации?

Актуальные проблемы института необходимой обороны в свое время предельно точно сформулировали И.Э. Звечаровский и Ю.Я. Чайка, говоря: «Избрав путь общего определения правомерности необходимой обороны (на все случаи жизни), законодатель тем самым поставил потенциального субъекта необходимой обороны в ситуацию, при которой он должен не только дожидаться нападения, но и определить его направленность (на жизнь или другие блага) и выяснить характер применяемого или угрожающего насилия, т. е. решить те вопросы, которые вызывают трудности даже у специалистов и которые без разъяснения Пленума Верховного Суда однозначно толковаться (а следовательно, и применяться) не будут. Цена же ошибки общеизвестна: конфликт с уголовным законом со всеми вытекающими отсюда последствиями» [3, с. 34]. Делается вывод, что такие выходящие за рамки ст. 37 УК РФ требования к соразмерности причиненного и предотвращаемого вреда приводят к фактическому уничтожению института необходимой обороны и, по сути, к бездоказательному осуждению правомерно обороняющегося, можно даже сказать, что закон на стороне неправомерно посягающего, ему буквально приходится защищаться сначала от посягательства, затем от уголовного преследования, что полностью обесценивает институт необходимой обороны.

В-пятых, наряду к существующим положениям ч. 1 ст. 37 УК РФ, автор считает целесообразным использование любой силы, в том числе право лишить жизни посягающего, если тот совершает или пытается совершить следующие деяния: а) изнасилование или иные действия сексуального характера; б) террористический акт; в) разбойное нападение; г); насильственное посягательство на граждан с проникновением в их жилище, независимо от времени суток; д) похищение человека; е) захват заложников. Данные положения должны найти свое законодательное закрпление, исходя из особой опасности данных посягательств для человека, общества и государства, а также систематической встречаемости на практике. Заметим, что попытка легализовать одно из этих положений обсуждалась в Государственной думе, а именно был внесен на обсуждение законопроект, расширяющий пределы самообороны для россиян при защите жилища[2]. Предлагалось дополнить ст. 37 УК частью 2.2 следующего содержания: «Не являются превышением пределов необходимой обороны действия обороняющегося лица при защите от посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, при незаконном проникновении в жилище против воли проживающего в нем лица» [4, с. 47]. Однако, данная законодательная инициатива не получила одобрения со стороны депутатов, хотя в правоприменительной практике подобные ситуации возникали достаточно

[1] Отсчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам за 12 месяцев 2024 г. Форма 10-а [Электронный ресурс] // Данные судебной статистики. URL: https://cdep.ru/index.php?id=79%20item=8946&item=8946 / (дата обращения: 25.01.2026 г.).

[2] Законопроект № 648716-8 [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/648716-8 (дата обращения: 25.01.2026 г.).

часто и практически всегда вызывали серьезные сложности при их юридической оценке. Вместе с тем представляется очевидным, что поддержка предложений, направленных на расширение пределов необходимой обороны при посягательствах, сопряжённых с незаконным вторжением в жилое помещение, была бы обоснованной и оправданной. Это, по меньшей мере, обусловлено тем фактом, что право на неприкосновенность жилища закреплено на конституционном уровне.

Рассмотрены самые проблемные вопросы правового регулирования института необходимой обороны, также высказаны возможные пути их разрешения посредством совершенствования уголовного законодательства.

В заключение, следует сказать, что институт необходимой обороны требует совершенствования как в теории, так и на практике. Представляется, что привлечение к уголовной ответственности лиц, действовавших в состоянии необходимой обороны, наносит непоправимый ущерб обществу, разрушает веру граждан в закон, усиливает правовой нигилизм, уничтожающий в людях какое-либо желание участвовать в осуществлении государственных функций. Исходя из сказанного, дальнейшее исследование проблемы является перспективным и востребованным.

Список источников

1. Звечаровский И.Э., Пархоменко С.В. Уголовно-правовые гарантии реализации права на необходимую оборону / Звечаровский И.Э., Пархоменко С.В. Иркутск: Иркут. юрид. ин-т (фил.) Акад. Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 1997. 126 с.

2. Звечаровский И.Э., Кому необходима необходимая оборона? / И.Э. Звечаровский // Уголовное право. 2013. № 1. С. 28—30.

3. Звечаровский И.Э, Чайка Ю.Я Законодательная регламентация института необходимой обороны / И.Э. Звенчаровский, Ю.Я. Чайка // Законность. 1995. № 8. С. 33—41.

4. Наумов А.В., Меркурьев В.В., Тараканов И.А. Нуждается ли статья 37 УК РФ в кардинальном изменении: судебная практика и законотворческие перспективы / Наумов А.В., Меркурьев В.В., Тараканов И.А. // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 2. С. 45—53.

Информация об авторе

Л.А. Бадракова — студентка 3 курса.

Information about author

L.A. Badrakova — 3rd year student.

Научная статья
УДК 343.933

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА, СОВЕРШИВШЕГО ИЗНАСИЛОВАНИЕ, И НЕКОТОРЫХ ФАКТОРАХ, СПОСОБСТВУЮЩИХ ЕГО СОВЕРШЕНИЮ

Кристина Дмитриевна БЕЛОВА
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
pro100kristinka26@yandex.ru

Научный руководитель профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права, доктор юридических наук, кандидат социологических наук, профессор **Лариса Владимировна ГОТЧИНА,** lgotchina@yandex.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается личность преступника, совершающего изнасилование, изучаются его возрастные, психологические характеристики, аспекты выбора жертвы, мотивы, побуждения и преследуемые цели преступника.

Ключевые слова: преступление, изнасилование, преступник, маньяк

Original article

ABOUT THE PERSONALITY OF THE CRIMINAL WHO COMMITTED RAPE AND SOME FACTORS THAT CONTRIBUTED TO ITS COMMISSION

Kristina D. BELOVA
St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia
pro100kristinka26@yandex.ru

Scientific adviser Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Law, Doctor of Law, Candidate of Sociology, Professor **L.V. GOTCHINA,** lgotchina@yandex.ru

Abstract. This article examines the personality of a rapist, studying their age, psychological characteristics, aspects of victim selection, motives, drives, and goals.

Keywords: crime, rape, criminal, maniac

Правоохранительные органы всех стран мира, в том числе и Российской Федерации (далее — РФ), используют практику составления криминологического портрета для установления преступников. Так, например, на сайте Генеральной прокуратуры Российской Федерации[1] указан социальный портрет преступности за 2021 год. Если сравнивать преступников по принадлежности к гражданству, то мужчин-граждан РФ, совершающих деяния, предусмотренные Уголовным Кодексом Российской Федерации (далее — УК РФ), 682 034 тыс. человек (95, 98 %); мужчин, являющихся гражданами других государств или лицами без гражданства, всего

[1] Портал правовой статистики от Генеральной Прокуратуры. : офиц. сайт. URL: http://crimestat.ru/social_portrait (дата обращения: 04.02.2026).

28 591 тыс. человек (4,02 %). Также на сайте присутствуют и другие критерии сравнения: по возрасту, социальному статусу и образованию.

В данной научной статье будет рассмотрен портрет преступника, совершившего изнасилование. Проведенный мною анализ показывает, что в действиях преступника находят отражение многие свойства его личности, а это, в свою очередь, позволяет создать модель наиболее вероятного типа насильника — мысленно представляемую систему, которая, отображая или воспроизводя объект поиска, способна замещать его таким образом, что исследование модели дает новую информацию об искомом преступнике [1, с. 3].

Начнем наш анализ с изучения факторов, один из них — это семейный, особенно влияющий на формирование преступника-насильника в детстве и подростковом возрасте. Как известно, формирование личности начинается именно в детские и подростковые годы, когда происходит усвоение социальных норм и установок, прививаются нормы морали и нравственности. У многих преступников, совершивших изнасилование, детство протекало тяжело. В большинстве случаев они росли в неблагополучных семьях, где отсутствовала эмоциональная теплота, а отношения отличались суровостью и жестокостью. Один из самых известных профайлеров ФБР Роберт Ресслер писал: «Насильник начинает формироваться в возрасте 8–10 лет»[1]. Как правило, это дети, которых часто избивали или сексуально унижали. Они замкнутые, закрытые, необщительные. Вспоминая детство своего сына, один из отцов преступников заметил: «Ему всегда больше нравилось быть самому по себе. Мне думалось, что это не вполне естественно»[2]. У большинства убийц в детстве были сложные отношения с матерью или отцом, или они не могли найти общего языка с отчимом. Также эти дети часто становились свидетелями или даже жертвами насилия. В дальнейшем у людей, пострадавших от такого насилия в детском или подростковом возрасте, проявляется комплекс симптомов, связанных с ранним негативным сексуальным опытом.

В семейных историях выявлены также и психиатрические проблемы. В ряде случаев матери временно отсутствовали в семьях в связи с госпитализацией в психиатрической клинике. Примером психиатрических проблем и агрессивного поведения может служить краткий обзор уголовного прошлого отца из жизни одного исследуемого преступника:

Когда объекту исследования, как пишет Д. Дуглас, было тринадцать, его отец застрелил одного из своих братьев. До этого отец обвинялся в умышленном поджоге и страховом мошенничестве. На суде по делу об убийстве его признали невменяемым и освободили от уголовной ответственности. Судебно-психиатрическая экспертиза установила, что виновный страдает паранойей. Отца также подозревали в двух других убийствах: человека, нарушившего границы его владения, и пропавшего без вести приемного ребенка. После суда отца поместили на принудительное лечение в психиатрическую клинику штата, откуда он сбежал через два года с помощью жены. Позже он был задержан полицией соседнего штата, но отпущен в связи с отказом властей экстрадировать его [2, с. 67].

Семейные истории некоторых сексуальных маньяков содержали случаи жестокого обращения и халатности. В частности, Педро Алонсо Лопес — маньяк, известный как «андский монстр», ставшим таким из-за жестокого обращения матери, ко-

[1] Карасева Е.А., Норбекова Ю.С. Формирование личности серийного убийцы // Материалы IX Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». URL: https://scienceforum.ru/2017/article/2017037119 (дата обращения: 05.02.2026).

[2] Джон Дуглас Сексуальные маньяки. Психологические портреты и мотивы / Джон Дуглас, Энн Берждес, Роберт К. Ресслер ; [перевод с английского С. Богданова]. Москва : Эксмо, 2023. С. 134 : ил.

торая избивала и пытала сына за любые проступки[1]. Или всем известный Андрей Чикатило. До 12 лет маньяк страдал недержанием мочи, за что его регулярно избивала мать[2].

Сексуальный опыт насильников. Психологически травмирующие случаи прямого сексуального принуждения имели место как в семье («Еще ребенком я переспал со своей матерью», «Отец насиловал меня с четырнадцати лет», «Мой сводный брат попытался изнасиловать меня»), так и вне ее («Когда мне было то ли семь, то ли восемь, в городе меня снял какой-то мужик»[3]), а также во взрослом возрасте в тюрьме. Сексуальный опыт этих убийц часто ограничивался фантазиями, аутоэротизмом или сексуальным самоудовлетворением.

Современный «портрет» серийного сексуального насильника выглядит так: возраст — 22—30 лет. Скорее женат, может иметь детей. Ранее не судим, но 15 % ранее имели судимости за совершение половых преступлений. Таким образом, в каждом седьмом случае имел место специальный рецидив. Внешне преступник всегда чист, выбрит, выглажен [3, с. 5]. Более того, «сексуальные маньяки» внешне выглядят вполне нормальными, спокойными, не привлекают внимания, возможно, имеют высшее образование, скрытны. Следовательно, никто из их окружения не думал, что эти люди способны на такие тяжкие преступления. Существует мнение, что часть изнасилований совершается «половыми психопатами» (такой термин выделяет Скорченко П.Т.) хотя точнее их надо определять, как психопаты с половыми извращениями. Данный ученый также считает, что чаще всего преступник-насильник является для жертвы знакомым, человеком с которым она недавно познакомилась, где-то виделась, он может быть коллегой или даже другом. Многие изнасилования также совершаются мужчинами, ранее не знакомыми с жертвой. В данном случае преступления часто совершаются лицами в алкогольном опьянении; сексуальными психопатами; недавно освободившимися из мест заключения, как правило, из числа осужденных за те же преступления [3, с. 34].

При совершении изнасилования преступники компенсируют половую неудачу, реализовываются в своих же глазах, психологически утверждаются. На таких людей, как правило, практически не обращают внимания, считают их «невидимками», поэтому они без труда могут убедить своего начальника, что они находились в момент совершения преступления на рабочем месте, тем самым обеспечив себе алиби [4, с. 5].

Отмечу, что у каждого «сексуального маньяка» своя «узкая специализация», например, изнасилование только малолетних девочек (или недалеко ушедших от них по возрасту несовершеннолетних); либо определенным образом одетых женщин (девушек), либо делается акцент на месте совершения преступления [1, с. 3]. Эта особенность начинает проявляться еще в раннем детстве, поэтому следователям, работающим по делам данной категории, при проверке версий необходимо изучать личности подозреваемых, начиная с этого периода их жизни.

В частности, казанский маньяк Шутов, который с 2003 по 2012 год изнасиловал 65 исключительно стройных блондинок с длинными волосами. Выбрав жертву, он несколько дней следил за ней, чтобы узнать о ней максимум информации и застать врасплох[4]. Или же Михаил Попков, известный как «Ангарский маньяк». Экс-со-

[1] Сотни смертей и всего 16 лет тюрьмы: как мальчик, избитый матерью, стал страшным преступником : сайт. URL: https://dzen.ru/a/aP9dsSyG4z_83Wnl (дата обращения: 10.02.2026).

[2] Съеденный брат и насилие в детстве. Почему засекретили «Дело маньяка Чикатило»? : сайт. URL: https://life.ru/p/1138440 (дата обращения: 10.02.2026).

[3] Джон Дуглас Сексуальные маньяки. Психологические портреты и мотивы / Джон Дуглас, Энн Берджес, Роберт К. Ресслер ; [перевод с английского С. Богданова]. Москва : Эксмо, 2023. С. 56. : ил.

[4] Десять лет во власти маньяка : сайт. URL: https://www.kazan.kp.ru/daily/26099/2997271/ (дата обращения: 10.02.2026).

трудник МВД подвозил на машине одиноких подвыпивших женщин, завозил их в лес, насиловал и убивал, но не всех. Попков выбирал тех, кого считал «развратными». В период с 1992 по 2010 гг. он совершил 80 убийств в Иркутской области[1].

Также каждый насильник действует в своей «зоне комфорта», к слову, Александр Спесивцев, известный как Сибирский Потрошитель или Новокузнецкий монстр, совершал убийства в своей квартире в Новокузнецке с 1991 по 1996 годы[2], а, например, у Орского маньяка Валерия Андреева «зоной комфорта» была Лесополоса вдоль трассы. Преступник предлагал молодым девушкам, которые шли вдоль дороги или стояли на остановке, подвезти их, но поездка заканчивалась для них изнасилованием и расправой[3].

Особый интерес представляет отношение насильников к собственным преступлениям. Анализ следственно-судебной практики продемонстрировал, что подавляющее большинство лиц, совершивших изнасилования, не признали себя виновными. У многих преступников даже появляется почти искренняя уверенность в том, что они ни в чем не виноваты, или их вина невелика. В ходе предварительного следствия и судебного заседания менее 15 % преступников полностью признали свою вину. Около 60 % заявили о своей невиновности и порядка 22 % признали вину частично (факт якобы добровольного полового сношения). В остальных случаях преступники в ходе предварительного следствия и судебного разбирательства меняли свои первоначальные показания как в сторону признания вины, так и наоборот [5, с. 7].

Анализируя изложенное, можно сделать вывод, что у данных лиц преобладают следующие личностные свойства:

1) грубость, нередко переходящая в жестокость, часто необъяснимую;

2) циничное потребительское отношение к окружающим;

3) примитивные взгляды на взаимоотношения полов, сводящиеся исключительно к физиологическому сношению;

4) злоупотребление алкогольной продукцией;

5) наличие патологий в психике, как правило, не исключающих вменяемости. Все эти признаки свидетельствуют о низкой вероятности возможного перевоспитания преступников данной категории и предполагает применение к ним самых суровых мер уголовной ответственности.

Список источников

1. Брылев В.И., Лях Л.А. Криминалистический анализ личности преступника и потерпевшей от изнасилования //Текст: семиотика и структура. М. : Право, 2012. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskiy-analiz-lichnosti-prestupnika-i-poterpevshey-ot-iznasilovaniya (дата обращения: 04.02.2026).

2. Джон Дуглас Сексуальные маньяки. Психологические портреты и мотивы / Джон Дуглас, Энн Берджес, Роберт К. Ресслер ; [перевод с английского С. Богданова]. Москва : Эксмо, 2023. 368 с. : ил.

3. Шалагин А.Е., Идиятуллов А.Д. Криминологическая характеристика и предупреждение серийных насильственных преступлений //Текст: семиотика и структура. М. : Право, 2023. URL: https://vestnikesiirk.ru/ru/nauka/article/72198/view (дата обращения: 04.02.2026).

3. Скорченко П.Т. Расследование изнасилований. М.: Былина, 2004. 224 с.

4. Нерода А.С., Куратова Е.Н. Портрет личности преступника, совершающего преступления против половой свободы и половой неприкосновенности (ст. 131 УК РФ) / А.С. Нерода, Е.Н. Куратова. Текст

[1] Таксист, людоед и Миша-улыбка : сайт. URL: https://aif.ru/society/law/taksist_lyudoed_i_misha-ulybka_10_samyh_zhutkih_manyakov_osuzhdennyh_nedavno (дата обращения: 10.02.2026).

[2] «Мамин маньяк»: история Новокузнецкого монстра, которому помогала мать : сайт. URL: https://ren.tv/longread/1222166-mamin-maniak-istoriia-novokuznetskogo-monstra-kotoromu-pomogala-mat (дата обращения: 10.02.2026).

[3] «Не чувствуешь себя в безопасности даже дома» Россиянка годами шла по следам самых страшных маньяков страны. Они до сих пор на свободе : сайт. URL: https://lenta.ru/articles/2020/10/21/maniac/ (дата обращения: 10.02.2026).

: непосредственный // Новый юридический вестник. 2019. № 1 (8). С. 60—62. URL: https://moluch.ru/th/9/archive/113/3711 (дата обращения: 04.02.2026).

5. Иванов А.В., Фаткутдинов З.М. Социально-психологические особенности обвиняемых и потерпевших по делам об изнасиловании малолетних. //Текст: семиотика и структура. М. : Право, 2016. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskie-osobennosti-obvinyaemyh-i-poterpevshih-po-delam-ob-iznasilovanii-maloletnih (дата обращения: 04.02.2026).

Информация об авторе

К.Д. Белова — студент 3 курса.

Information about author

K.D. Belova — 3rd year student.

Научная статья
УДК 343.9.01

ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ ГУМАНИЗАЦИИ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ

Виктория Валерьевна ИВАНОВА
Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний России, Санкт-Петербург, Россия
sweetteddy820@gmail.ru

Научный руководитель доцент кафедры организации режима юридического факультета Университета ФСИН России, кандидат юридических наук **Ахмед Абдурахманович АБДУРАЗАКОВ**, abdurazakov1982@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается степень эффективности гуманизации уголовных наказаний, основанная на анализе международной и российской практики. Чрезмерный акцент на смягчении мер без обеспечения баланса с общественной безопасностью и индивидуализации наказания ставит под сомнение эффективность гуманизации как инструмента исправления осуждённых и предупреждения преступлений. В работе уделено внимание противоречию в балансе между правами человека и общественной безопасностью.

Ключевые слова: гуманизация наказаний, уголовные наказания, международные стандарты, права человека, ресоциализация, пробация, рецидив, альтернативные меры, индивидуализация наказания, эффективность наказания

Original article

THE EXPEDIENCY OF CRIMINAL PUNISHMENT HUMANIZATION

Victoria V. IVANOVA
Saint Petersburg University of the Federal Penitentiary Service of Russia, St. Petersburg, Russia
sweetteddy820@gmail.ru

Scientific adviser Associate Professor of the Department of Regime Organization at the Law Faculty of the Federal Penitentiary Service University of Russia, Candidate of Legal Sciences, **A.A. ABDURAZAKOV**, abdurazakov1982@gmail.com

Abstract. The article examines the effectiveness of the humanization of criminal penalties based on an analysis of international and Russian practices. An excessive emphasis on mitigating measures without ensuring a balance with public safety and individualization of punishment casts doubt on the effectiveness of humanization as a tool for rehabilitating convicts and preventing crime. The paper focuses on the contradiction in the balance between human rights and public safety.

Keywords: humanization of punishments, criminal punishments, international standards, human rights, resocialization, probation, recidivism, alternative measures, individualization of punishment, and the effectiveness of punishment

Актуальность данного научного исследования заключается в растущем влиянии принципа гуманизации уголовных наказаний, как в международном, так и в национальном праве т.к. в последние десятилетия правовая концепция развивается именно в этом направлении. Такой подход позволяет реализовать основную цель — исправление правонарушителей, максимально гуманным способом. Возникает сомнение в целесообразности чрезмерного акцента уголовного правосудия на гуманизации наказаний. Цели наказания чётко сформулированы в ч. 2 ст. 43 УК РФ и строятся на равноправном балансе трёх ключевых оснований: восстановлении социальной справедливости, исправлении осуждённого и предупреждении новых преступлений. При этом восстановление справедливости и предотвращение рецидива могут быть даже приоритетнее для достижения высшей цели права, однако международные и российские нормы упорно продвигают гуманизацию, видя в ней главное средство исправления.

Целью научного исследования является всесторонний анализ эффективности политики гуманизации уголовных наказаний на основе как международного опыта, так и российской правоприменительной практики.

Мишель Фуко в работе «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» отвергает гуманизацию как прогресс в смягчении нравов общества. Автор указывает на то, что переход от публичных казней и пыток к тюремному заключению в XIX веке стал не гуманным актом, а более изощрённой формой власти, направленной на тотальный контроль не только над телом, но и над душой преступника. Также Мишель Фуко подчёркивает символический характер «гуманизации» — государство присваивает себе право надзора за заключёнными, заменив физическое насилие на постоянное наблюдение и контроль. Реформаторы XVIII—XIX веков использовали идею человечности не ради защиты прав и интересов осуждённого, а для ограничения чрезмерной жестокости наказаний, измеряя их по стандарту человеческой боли, что привело к созданию «нового политического анатомического устройства». Такой способ — не уменьшение наказаний, а их «лучшее» внедрение в общество через паноптизм и нормализацию поведения [1, с. 200—250].

Гуманизация наказаний в международной практике проявляется через развитие стандартов обращения с осуждёнными и стремление к минимализации негативных последствий наказания. Основными источниками являются «Минимальные стандартные правила ООН» (правила Нельсона Манделы), которые направлены на защиту прав заключённых, обеспечение достойных условий содержания и поощрение социальной адаптации.

Если разбираться в этом вопросе чуть глубже, то можно заметить, что многие учёные подчёркивают то, что гуманизация наказаний - принцип, который позволяет обеспечить баланс между необходимостью наказания за правонарушения и соблюдением прав человека. По мнению В.П. Кашепова, гуманизация включает снижение жестокости мер, а также повышение эффективности и социальной справедливости [2, с. 23]. Данный подход актуален как для международного, так и

для российского законодательства, где постепенное внедрение гуманистических методов, возможно, подтверждает их значение в современном уголовном праве [3, с. 181].

Международные стандарты, в свою очередь, подчёркивают необходимость применения альтернативных мер, таких как условное осуждение, пробация, исправительные работы, которые как раз таки и помогают восстановлению личности осуждённого и снижению рецидива. Таким образом, гуманизация в международной практике, на первый взгляд, выглядит довольно эффективным инструментом не только защиты прав человека, но и повышения результативности уголовного правосудия.

Что касается России, то с 1990-х годов идёт интенсивное развитие института гуманизации наказаний, что отражено в теоретических разработках Гусева А.С., Короткова А.В. [4, с. 112—115] и ряде законодательных инициатив. Принцип гуманизации закреплён в Уголовном кодексе и актах уголовно-исполнительной системы, направленных на обеспечение прав осуждённых и создание возможности для социальной реабилитации. В России закреплён принцип гуманизации как одна из основ уголовно-исполнительного законодательства (статья 8 УИК РФ).

За последние годы законодательство направлено на расширение применения мер, не связанных с лишением свободы, таких как судебный штраф, обязательные работы, домашний арест и иные. Судебная практика подтверждает тенденцию к сокращению наказаний и применению альтернативных мер, что способствует снижению числа заключённых и уменьшению долговременных социальных издержек. Например, количество замен неотбытой части лишения свободы более мягкими мерами выросло с 44 % до 49 %, а случаев снятия судимости стало больше — с 68 % до 73 %[1]. Однако, исследования выявляют некоторые противоречия: с одной стороны, гуманизация ведёт к снижению социального напряжения и уменьшению криминогенных факторов, с другой — вызывает обеспокоенность по поводу недостаточной строгости наказаний и возможного негативного влияния на профилактику преступлений. Согласно анализу Теохарова А.К., эффективность наказаний напрямую зависит не только от их гуманности, но и от чёткости исполнения и соответствия преступлению [5, с. 63].

Отсюда вытекает главная исследовательская проблема — насколько обоснован приоритет гуманизации наказаний или же смягчение мер является невыгодным и требующим системного подхода. Анализируя вышеописанное, можно прийти к определённому выводу о том, что с одной стороны смягчение наказаний, сопровождаемое гарантией прав и условием содержания, способствует ресоциализации и снижению рецидивов, а с другой же гуманизация приводит к тому, что человек не чувствует вины за совершённое преступление и погружается в атмосферу комфорта. Это, наверное, и есть самый «опасный» аспект, поскольку осуждённый не должен хотеть или не бояться вернуться в места лишения свободы. Но при этом жёсткая репрессия без возможности исправления также зачастую приводит к деградации личности и росту повторных преступлений. Здесь и возникает дополнительный вопрос, о необходимости подбора наказания под каждого, совершившего преступление индивидуально и соразмерно содеянному для того, чтобы защитить права не только отдельной личности, но и всех остальных.

В международной практике прослеживается тренд на внедрение альтернативных наказаний как более долгосрочно эффективных[2]. Россия же переживает период

[1] Адвокатская палата Московской области. Достижение года — гуманизация права и его применения [Электронный ресурс] // АПМО: [сайт]. 2023. 28 дек. URL: https://alrf.ru/news/dostizhenie-goda-gumanizatsiya-prava-i-ego-primeneniya/ (дата обращения: 15.11.2023).

[2] Минимальные стандартные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила): резолюция 45/110 Генеральной Ассамблеи ООН от 14 дек. 1990 г. // Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН. 1990. 45-я сессия. № 110.

поиска баланса между гуманностью и строгой ответственностью. Исследования показывают, что чрезмерное смягчение без комплексных реформ уголовно-исполнительной системы может привести к снижению дисциплины и доверия общества к правосудию. Поэтому всё чаще на практике применяются иные меры уголовно-правового характера для отдельных категорий нарушителей, что показывает соразмерность наказания и совершённого правонарушения.

Гуманизация уголовных наказаний является важной и необходимой составляющей современной уголовной политики, направленной на защиту прав человека и повышение эффективности исполнения наказаний. Международный опыт демонстрирует положительное влияние гуманизации на профилактику преступлений и ресоциализацию осуждённых [6, с. 54]. В то же время, российская практика требует внимательного взвешивания мер гуманизации с учётом общественной безопасности и необходимости строгого, но справедливого наказания.

Для достижения оптимального результата необходимо интегрировать гуманизацию с развитием альтернативных мер и совершенствованием системы исполнения наказаний, обеспечивая баланс между защитой прав личности и интересами общества. Сомнение о действительной эффективности гуманизации до сих пор остаётся довольно спорным, особенно с учётом российской уголовной практики. Для подтверждения эффективности гуманизации как механизма полного исправления осуждённого требуется поставить в приоритет интересы общества в целом при одновременном применении индивидуализированного подхода к назначению и исполнению наказаний. До реализации данного условия гуманизация не может быть признана полноценным инструментом достижения целей уголовного правосудия.

Список источников

1. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова. Бишкек: MANAS, 2020. 496 с.

2. Кашепов В.П. Гуманизация современного уголовного законодательства: монография. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: ИНФРА-М, 2015. 336 с.

3. Гусев А.С., Казак И.Б. О принципе гуманизации в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации. // Аграрное и земельное право. 2025. № 1. С. 180—181.

4. Коротков А.В., Лашова У.В. Гуманизация как направление современной уголовной политики в России: проблемы и противоречия // Молодой ученый. 2020. № 45 (335). С. 112—115.

5. Теохаров А.К., Бондарь А.Я., Батболд Г. Эффективность исполнения уголовного наказания // Вестник ЮГУ. 2021. № 4 С. 61—65.

6. Расторопова О.В. Уголовные наказания и их альтернативы // Вестник Самарского юридического института. 2023. №3 (54). С. 58—61

Информация об авторе

В.В. Иванова — студентка 3 курса.

Information about author

V.V. Ivanova — 3rd year student.

Научная статья
УДК 343.228

НЕОБХОДИМАЯ ОБОРОНА: ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА В СОВРЕМЕННОМ ПРАВОПОРЯДКЕ

Софья Владимировна МАРКЕШИНА[1], **Роман Рачикович ПИРВЕРДИЕВ**[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] dashadushina@mail.ru
[2] sofya.ii05@mail.ru

Научный руководитель профессор кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор **Александр Александрович ЛУГОВОЙ**, aa.lugovoi@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуются философскоправовые аспекты института необходимой обороны. Проанализированы теоретические основания права на самозащиту в рамках ключевых философских доктрин (естественное право, кантовский деонтологизм, утилитаризм), а также правовые критерии необходимой обороны по ст. 37 УК РФ (наличие посягательства, соразмерность, своевременность, цель защиты). Особое внимание уделено проблемным зонам правоприменения (мнимая оборона, превышение пределов) и этическим дилеммам современной практики — от применения оружия до вопросов киберсамообороны. Сделан вывод о многомерности феномена необходимой обороны как синтеза естественного права, моральных императивов и прагматических соображений, что требует междисциплинарного осмысления в условиях технологизации сферы безопасности.

Ключевые слова: необходимая оборона, философия права, естественное право, соразмерность защиты, этика насилия, правоприменение, киберсамооборона

Original article

NECESSARY DEFENCE: A PHILOSOPHICAL AND LEGAL ANALYSIS OF THE PHENOMENON IN THE MODERN LEGAL ORDER

Sofya V. MARKESHINA[1], **Roman R. PIRVERDIEV**[2]
[1,2] Saint Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia
[1] dashadushina@mail.ru
[2] sofya.ii05@mail.ru

Scientific adviser Professor at the Department of General Humanities and SocioEconomic Disciplines, Saint Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation; Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Honoured Worker of Higher Education of the Russian Federation, **A.A. LUGOVOI**, aa.lugovoi@mail.ru

Abstract. The article examines the philosophical and legal aspects of the institution of necessary defence. It analyses the theoretical foundations of the right to self-defense

within the framework of key philosophical doctrines (natural law, Kantian deontology, utilitarianism), as well as the legal criteria of necessary defence under Article 37 of the Criminal Code of the Russian Federation (the presence of an unlawful attack, proportionality, timeliness, and the aim of protection). Special attention is paid to problematic areas of law enforcement (apparent defence, exceeding the limits of defence) and ethical dilemmas in contemporary practice — from the use of weapons to issues of cyber self-defense. The authors conclude that the phenomenon of necessary defence is multidimensional, representing a synthesis of natural law, moral imperatives, and pragmatic considerations, which calls for interdisciplinary reflection in the context of the technologisation of the security sphere.

Keywords: necessary defence, philosophy of law, natural law, proportionality of defence, ethics of violence, law enforcement, cyber self-defense

Проблема необходимой самообороны остаётся одной из наиболее дискуссионных в философии права и уголовном законодательстве. Её актуальность обусловлена целым рядом факторов: ростом преступности и связанным с ним ощущением дефицита безопасности у граждан, неоднозначностью правовых критериев (прежде всего — соразмерности и своевременности действий), этическими коллизиями между фундаментальным правом на жизнь и общеправовым запретом на насилие. Цель данной работы — проанализировать феномен необходимой самообороны через призму философских доктрин и современной правоприменительной практики, выявив точки напряжения между моральными установками, юридическими нормами и реальными ситуациями самозащиты.

Несмотря на то, что понятие необходимой обороны встречалось и в древности, философские основания права на самозащиту уходят корнями в доктрины естественного права и рационализма классического периода. Томас Гоббс в труде «Левиафан» (1651) утверждал, что в «естественном состоянии» каждый человек обладает неограниченным правом на самозащиту; государство лишь упорядочивает это право, но не отменяет его [1, с. 91]. Джон Локк в «Двух трактатах о правлении» (1689) дополнил гоббсовскую модель важным ограничением: самооборона легитимна лишь при условии пропорциональности — вред, причинённый нападающему, не должен превышать предотвращённый, что отвечает принципу соразмерности. Иммануил Кант в «Метафизике нравов» (1797) вывел право самообороны из категорического императива: человек не может быть средством для чужого произвола, поэтому сопротивление насилию — моральный долг. При этом Кант подчёркивал, что самооборона ненаказуема, но не невинна: она остаётся актом насилия, оправданным исключительно необходимостью [2, с. 62].

Утилитаристский подход (Иеремия Бентам, Джон Стюарт Милль) оценивает оправданность самообороны через призму последствий: если предотвращённый вред существенно превосходит причинённый, действие морально допустимо. Современный же прагматизм (например, в трактовке Ричарда Рорти) рассматривает право на самозащиту не как абстрактный принцип, а как инструмент поддержания социального порядка.

В правовом поле ключевые критерии необходимой обороны в Российской Федерации закреплены в статье 37 Уголовного кодекса Российской Федерации. Согласно закону, необходимая оборона исключает преступность деяния при соблюдении четырёх условий: наличие общественно опасного посягательства (угроза должна быть реальной, наличной и противоправной); соразмерность защиты (причинённый вред не должен явно превышать опасность посягательства); своевременность (действия обороняющегося должны совпадать по времени с нападением); цель защиты (исключительно пресечение посягательства, а не месть или кара).

Однако на практике применение этих критериев сталкивается с рядом проблемных зон [3, с. 4]. Оценка соразмерности в экстремальных ситуациях осложнена стрессом и дефицитом времени на взвешивание последствий [3, с. 5]. Мнимая оборона — защита от воображаемой угрозы — регулируется Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 19: ответственность наступает лишь при наличии вины (легкомыслие или небрежность). Превышение пределов необходимой обороны (часть 2 статьи 37 УК РФ) предполагает умышленное причинение явно чрезмерного вреда, что влечёт уголовную ответственность.

Однако сложности, связанные с этим вопросом, лежат не только в рамках правового пространства, но и затрагивают остальные сферы общественной жизни [3, с. 4]. Этические дилеммы современной практики самообороны проявляются в нескольких ключевых аспектах. Во-первых, защита третьих лиц порождает вопрос о моральном обязательстве: должен ли человек рисковать жизнью ради незнакомца? Кантовский подход допускает отсутствие такой обязанности, если это ведёт к саморазрушению; утилитаристский же взгляд оправдывает риск, если суммарный вред минимизируется. Во-вторых, использование оружия и специальных средств (электрошокеров, газовых баллончиков, огнестрельного оружия) требует чёткого разграничения между допустимой защитой и эскалацией насилия. Огнестрельное оружие, согласно пункту 2 Постановления Пленума ВС РФ № 19, допустимо лишь при угрозе жизни. В-третьих, развитие автоматизированных систем обороны (сигнализаций, ловушек) и киберсамообороны (противодействие хакерским атакам) создаёт правовой вакуум: неясно, кто несёт ответственность за вред, причинённый роботом, и допустимо ли активное нанесение ущерба злоумышленнику в цифровом пространстве [4, с. 61].

Культурно религиозные аспекты восприятия самообороны варьируются в зависимости от ценностных систем. В христианстве (Мф. 5:39) призыв «не противиться злому» трактуется как отказ от мщения, но не от защиты жизни. В исламе самооборона дозволяется в рамках принципа «аль дарура» (необходимость), однако запрещает излишество. Буддизм, акцентируя принцип ахимсы (ненасилие), допускает защиту от смертельной угрозы как меньшее зло. Эти различия подчёркивают, что универсальными остаются лишь базовые принципы (защита жизни, пропорциональность), тогда как их конкретное применение зависит от культурно религиозного контекста.

Современные вызовы в сфере самозащиты обусловлены стремительной технологизацией средств обеспечения безопасности и соответствующей эволюцией правового регулирования, что порождает комплекс междисциплинарных проблем теоретического и прикладного характера [4, с. 61]. Внедрение высокотехнологичных решений — таких как «умные дома» с автоматизированными системами обороны, беспилотные летательные аппараты для охраны территорий и искусственный интеллект в системах безопасности — актуализирует фундаментальный вопрос о демаркации между правомерной самозащитой и неправомерным нападением. Особую остроту приобретает проблема юридической ответственности за ошибочные решения автономных систем: в отсутствие чёткого нормативного регулирования остаётся неопределённым, кто должен нести ответственность за причинение вреда — разработчик алгоритма, владелец системы или оператор, контролирующий её работу [3, с. 5].

В правовом поле наблюдаются две разнонаправленные тенденции, отражающие противоречивость подходов к регулированию самообороны [3, с. 4]. С одной стороны, в ряде юрисдикций происходит расширение границ допустимой самозащиты, что наиболее ярко проявляется в доктрине «stand your ground» (США), отменяющей обязанность к отступлению перед применением силы. Подобные нормы,

ориентированные на безусловную защиту личности и собственности, создают правовые предпосылки для более широкого внедрения автоматизированных систем обороны, но одновременно повышают риски избыточного применения насилия. С другой стороны, в судебной практике многих стран прослеживается тенденция к детализации критериев соразмерности оборонительных действий, включая учёт психоэмоционального состояния обороняющегося (стресс, испуг, аффект), временных параметров угрозы и соотношения средств нападения и защиты. Это требует разработки сложных алгоритмических моделей, способных имитировать человеческую оценку ситуации с учётом субъективных и контекстуальных факторов.

Параллельно формируются первые подходы к законодательному регулированию киберсамообороны — нового правового феномена, возникающего в условиях цифровизации угроз [3, с. 5]. Применение автоматизированных средств противодействия кибератакам (например, «ответных» вирусов или систем блокировки вторжений) ставит вопросы о допустимости превентивных действий, границах «цифровой самообороны» и соотношении частных инициатив с государственными полномочиями в сфере информационной безопасности. Для выработки адекватных регулятивных механизмов необходимо сформировать междисциплинарные этические и юридические рамки, учитывающие специфику киберпространства как среды, где традиционные понятия территории и непосредственной угрозы трансформируются и риски эскалации конфликтов при автоматизированном ответе на цифровые атаки. А также включают такие аспекты, как необходимость балансировки прав владельцев информационных систем и интересов общественной безопасности и проблемы доказательства причинно следственных связей в случаях косвенного ущерба от «оборонительных» действий.

Философский анализ позволяет сформулировать ключевые принципы, сохраняющие актуальность в условиях цифровизации и глобализации. Во-первых, самооборона — это естественное право, предшествующее государству (Гоббс) [1, с. 91]. Во-вторых, она представляет собой моральный императив, ограничивающий зло (Кант) [2, с. 62]. В-третьих, это прагматический инструмент минимизации вреда (утилитаризм). Несмотря на наличие различий в трактовках, общими критическими критериями легитимности остаются: защита жизни как высшая ценность; насилие как последнее средство; соразмерность как обязательный ограничитель.

Перспективы исследования лежат в трёх плоскостях. Во-первых, требуется разработка этических кодексов для «умных» систем самообороны, определяющих границы автономных решений о применении силы [3, с. 4]. Во-вторых, необходим междисциплинарный диалог о допустимости насилия в цифровую эпоху, учитывающий технологические, правовые и моральные аспекты. В-третьих, актуальна гармонизация правовых норм с учётом культурно религиозного разнообразия, чтобы обеспечить баланс между индивидуальной безопасностью и общественными интересами.

В заключение хочется отметить несколько выводов. Необходимая оборона представляет собой сложный правовой и философский феномен, укоренённый в естественном праве человека на защиту жизни и достоинства. В российском законодательстве её основы закреплены в ст. 37 УК РФ и ст. 45 Конституции Российской Федерации, гарантирующей право защищать свои права и свободы любыми незапрещёнными способами. Правомерность обороны определяется совокупностью строгих условий: наличие реального и общественно опасного посягательства, соразмерность защитных действий угрозе, своевременность реагирования и направленность исключительно на пресечение нападения (а не на месть). При этом закон учитывает психологические реалии: если из-за неожиданности нападения человек не мог объективно оценить степень опасности, его действия не признаются превышением пределов обороны.

На практике применение этих норм сталкивается с существенными трудностями — прежде всего, из-за оценочного характера ключевых понятий («явное несоответствие», «соразмерность»), что порождает неоднородность судебной практики [3, с. 4—5]. Особую сложность представляет разграничение необходимой обороны и мнимой обороны (защиты от воображаемой угрозы), а также квалификация действий при длящихся посягательствах. Законодательство стремится сбалансировать интересы: с одной стороны, обеспечить человеку реальную возможность самозащиты, с другой — не допустить произвола и эскалации насилия.

Философски необходимая оборона осмысляется через призму разных доктрин: от гоббсовской идеи самозащиты как естественного права в «войне всех против всех» до кантовского понимания сопротивления насилию как морального долга [2, с. 62]. Утилитаристский подход добавляет прагматический критерий — сопоставление предотвращённого и причинённого вреда. В культурно религиозном измерении подходы также различаются: христианство акцентирует отказ от мести, ислам допускает оборону в рамках принципа необходимости, буддизм разрешает защиту лишь как меньшее зло.

Таким образом, институт необходимой обороны выполняет двойную функцию: с одной стороны, он служит сдерживающим фактором для преступников, с другой — гарантирует гражданину конституционное право на самозащиту [4, с. 61]. Однако его эффективное применение требует дальнейшей конкретизации правовых критериев, учёта психоэмоциональных факторов и выработки единых подходов в судебной практике. В условиях развития технологий (автоматизированные системы, киберпространство) особенно актуальным становится обновление нормативной базы, чтобы обеспечить баланс между индивидуальной безопасностью и общественными интересами [3, с. 4].

Список источников

1. Гоббс Т. Левиафан/ Т. Гоббс; пер. с англ. Москва: Мысль, 2023. 768 с.
2. Кант И. Метафизика нравов. / И. Кант; пер. с нем. СанктПетербург: Наука, 2021. 528 с.
3. Есько С.С., Батютина Т.Ю. Необходимая оборона как неполноценная гарантия защиты прав и свобод личности со стороны государства // // Universum: экономика и юриспруденция. //Электронная библиотека Киберленинка. Москва. 2023. №11 (109). С. 41—45
4. Юшков Ю.Н. Институт необходимой обороны и его роль в борьбе с преступностью в современных условиях / Ю.Н. Юшков // Государство и право. 1992. № 4. С. 61–72.

Информация об авторах

С.Ф. Маркешина — студентка 1 курса.
Р.Р. Пирвердиев — студент 1 курса.

Information about authors

S.F. Markeshina — 1st year student.
R.R. Pirverdiev — 1st year student.

Научная статья
УДК 343

ПРЕДМЕТЫ И ТЕХНОЛОГИИ ДВОЙНОГО НАЗНАЧЕНИЯ КАК ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Мария Игоревна МАХАРИНСКАЯ
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
shulgina044@mail.ru

Научный руководитель профессор кафедры, кандидат юридических наук, доцент Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации **Дмитрий Анатольевич БЕЗБОРОДОВ**, sansbarbe@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются проблема преступлений против интеллектуальной собственности в контексте оборота предметов и технологий двойного назначения. Анализируются правовые коллизии, возникающие при совмещении требований патентного права и режимов экспортного контроля. В работе обосновывается значимость правовой защиты предметов и технологий двойного назначений от неправомерных посягательств.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, технологии двойного назначения, промышленный шпионаж, экспортный контроль, патентное право

Original article

DUAL-USE ITEMS AND TECHNOLOGIES AS THE SUBJECT OF CRIMES AGAINST INTELLECTUAL PROPERTY

Maria I. MAKHARINSKAYA
St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia
shulgina044@mail.ru

Scientific adviser Professor of the Department, Candidate of Law, Associate Professor, Senior Adviser of Justice of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation **D.A. BEZBORODOV**, sansbarbe@mail.ru

Abstract. The article examines the problem of crimes against intellectual property in the context of trafficking in dual-use items and technologies. The article analyzes the legal conflicts that arise when combining the requirements of patent law and export control regimes. The paper substantiates the importance of legal protection of dual-use items and technologies from unlawful encroachments.

Keywords: intellectual property, dual-use technologies, industrial espionage, export control, patent law

Процесс глобализации в современном мире способствует инновационному развитию технологий в рамках единого информационного пространства. Активное

формирование и развитие информационных технологий приводит к увеличению интеллектуального потенциала государства, который в свою очередь порождает необходимость модификации правовой базы, а также усиления контроля за нарушение законных прав в сфере интеллектуальной собственности. До настоящего времени коренные, принципиальные проблемы интеллектуальной собственности как правовой и социально-экономической категории остаются дискуссионными, включая и само понятие — интеллектуальная собственность [1, с. 3]. Нормативное регулирование данной сферы видоизменяется с невероятной скоростью, однако некоторые проблемы в рамках уголовно-правового поля всё же не были исчерпаны ответом законодателя. В рамках данной статьи мы рассмотрим возможность признания предметов и технологий двойного назначения в качестве предметов по преступлениям против интеллектуальной собственности.

Инновационная деятельность и её государственное развитие признаётся приоритетом для стабильного экономического развития общества. Конституция Российской Федерации[1] (ст. 44) устанавливает, что каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, интеллектуальная собственность охраняется законом. В современных реалиях государственная политика Российской Федерации направлена на научно-технологическое развитие и достижение инновационного развития общества, что отражается в Указе Президента от 28.02.2024 года №145 «О научно-технологическом развитии Российской Федерации»[2]. Нормативно обозначенные проблемы в рамках данного указа выражаются в следующем: ограниченность путей коммуникации в рамках передачи знаний и технологий между оборонным и гражданскими секторам экономики, сдерживающие развитие и использование предметов и технологий двойного назначения и невосприимчивости экономики и общества к инновациям.

Особый интерес вызывает определение «предметы и технологии двойного назначения», под ним понимается сырье, материалы, оборудование, научно-техническая информация, работы, услуги, результаты интеллектуальной деятельности, которые могут быть использованы для создания оружия массового поражения, средств его доставки, иных видов вооружения и военной техники. То есть в совокупности это все товары, которые могут применяться в быту (гражданское применение), а также при создании оружия, военной техники. Терехин Н.В. рассматривает особый «юридический статут» продукции двойного назначения, который определяется опасностью свободного обращения этой группы товаров, информации, работ, услуг, технологий, результатов интеллектуальной деятельности на мировом рынке [2, с. 12]. Причём несмотря на достаточно двойственную правовую природу этого явления, список таких предметов «с двойным назначением» является исчерпывающим и определён Постановлением Правительства[3]. В качестве примера можно привести различные спутниковые технологии, которые могут использовать как для гражданских нужд в качестве GPS навигации, так и для военных — разведка, наблюдение. Различные химические вещества демонстрируют также двойственную природу своего назначения, например, некоторые прекурсоры, которые используются для производства различной лакокрасочной продукции и клеев, также могут быть компонентами взрывчатых веществ.

[1] Конституция Российской Федерации (принятая всенародным голосованием 12.12.1993 года, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Указ Президента от 28.02.2024 года №145 «О научно-технологическом развитии Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой сиcетмы«КонсультантПлюс».

[3] Постановление Правительства РФ от 19.07.2022 года № 1299 «Об утверждении списка товаров и технологий двойного назначения, которые могут быть использованы при создании вооружений и военной техники и в отношении которых осуществляется экспортный контроль». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

«Предметы и технологии двойного назначения» имеют существенные преимущества относительно военных и гражданских технологий в рамках самостоятельных явлений. Лидерство такой категории способствует уменьшению сроков и затрат на создание научно-технического задела, позволяет сократить технологический разрыв между военными и гражданскими секторами экономики, стимулировать создание многофункциональных технологий и предметов, направленных на решение различных задач, а также помогает оптимизировать бюджетную политику государства и деятельность внебюджетных фондов.

Сама по себе модель «предметов и технологий двойного назначения» крайне интересна и актуальна в современных реалиях, поскольку все созданные в прошлом самостоятельные научно-технические модели, которые выполнялись по заказу государства, при попадании в условия формирующегося рынка технологий используются крайне неэффективные. Связано это с тем, что различные научно-исследовательские организации создают объекты интеллектуальной собственности, однако не наделяют их свойствами «товара», что приводит к исключению таких новшеств из списка «технологий».

Рассмотрение значимости и особенностей такой категории требует анализа охраны «двойных технологий». Касательно дифференцирующих признаков можно выделить следующее:

1. Технические особенности товаров.
2. Область применения (использования) товаров.
3. Наличие экспортного контроля.

Однако их специфика создаёт уникальные риски для правообладателей: от кибершпионажа до принудительного изъятия патентов в интересах национальной безопасности. Защита разработок правообладателями предметов двойного назначения происходит через:

Патенты (на изобретения, полезные модели);

Коммерческую тайну (ноу-хау);

Авторские права (на ПО, документацию);

Но в то же время стоит заметить, что правовая охрана сталкивается с некоторыми ограничениями, такими как ограничения на экспорт, блокирующие монетизацию интеллектуальной собственности, а также засекречивание технологий по решению государства.

При этом возникает вопрос: каким образом могут совершаться преступления против интеллектуальной собственности в сфере ТДН и в чём их специфика.

Следует отметить, правообладателем в такой ситуации — обычно к числу таких лиц относят субъекты, которые разрабатывают, производят или контролируют технологии, способные применяться как в гражданских, так и в военных целях. Конечно, основную массу составляют крупные корпорации, в число которых входят оборонно-промышленные компании, IT-компании или же промышленные конгломераты, с другой стороны, такими субъектами выступают государственные структуры, включая государственные корпорации и агентства. Также категорию правообладателей могут пополнить субъекты, кому были переданы те или иные права на технологию, посредством договора (например, лицензионного). Справедливым следует считать возможность наличия законных прав на предметы двойного назначения сразу у нескольких правообладателей, как с государственной, так и с гражданской стороны.

Отсюда возникает проблема противоречий между одной и второй стороной. Конфликты между правообладателями товаров двойного назначения возникают из-за пресечения интересов коммерческого использования технологий и ограничений, связанных с национальной безопасностью и экспортным контролем. Охра-

на интеллектуальной собственности в таком случае будет регулироваться сложным взаимодействием патентного права, режимов экспортного контроля и международных актов.

Затрагивая тему экспортных отношений, важно отметить, что предметы и технологии двойного назначения составляют специфическую разновидность предмета преступления, предусмотренного ст. 189 УК РФ, поскольку обладают двойственной функциональной природой — они могут применяться как в гражданских, так и в военных целях, включая создание оружия массового поражения (ОМП) и вооружений. В отличие от специализированных военных технологий или компонентов, предметы двойного назначения формально не предназначены исключительно для оборонных нужд, однако их потенциальная применимость в сфере военного производства обуславливает необходимость особого правового режима оборота.

Как справедливо отмечает Ульянова В.В.: «В связи с тем, что неконтролируемое распространение вооружения, военной техники, оружия массового поражения и средств его доставки не только негативно влияет на обеспечение национальных интересов России на мировой арене, но и создает риск их попадания в руки террористов, что, в свою очередь, представляет реальную угрозу миру и безопасности человечества, важное значение приобретает правовое обеспечение борьбы, в том числе с помощью уголовного закона, с незаконным экспортом контролируемых товаров и технологий» [3, с. 104—105]. Норма ст. 189 УК РФ охватывает незаконный экспорт или передачу таких предметов, если существует реальная возможность их использования в запрещённых целях. При этом ключевое значение для квалификации имеет:

1. Наличие предмета в официальных списках контролируемых товаров (например, в перечнях экспортного контроля РФ, установленных Указом Президента № 1665, или в международных режимах нераспространения).

2. Установление потенциальной пригодности для применения в военной сфере, что требует проведения специальных экспертиз и анализа конечного использования.

3. Субъективная осведомлённость виновного о возможных последствиях передачи (прямой умысел или косвенный умысел в виде осознания риска).

В случае же наличия патентной защиты предметов и технологий двойного назначения, подлежащих экспортному контролю, могут возникнуть некоторые ограничения, а именно экспортная деятельность помимо патентования требует также наличие специальной лицензии, при отсутствии которой может быть нарушена монетизация такой деятельности. Помимо всего прочего, государство при реализации мер охраны может посчитать экспорт ТДН в качестве угрозы национальной безопасности, что станет причиной аннулирования или ограничения патента. Этим подтверждается вывод о том, что даже при наличии законных прав не исключается возможность признания ТДН в качестве предмета по статье 189 УК РФ.

Таким образом, предметы двойного назначения не тождественны всему объёму предмета преступления по ст. 189 УК РФ, но образуют его наиболее сложную и проблемную категорию в силу необходимости дифференциации легального гражданского оборота и противоправных действий, что актуализирует вопросы толкования умысла виновного лица и оценки степени общественной опасности деяния в контексте обеспечения национальной и международной безопасности. Также это требует тщательного нормативного регулирования и судебно-экспертного толкования, чтобы избежать как избыточной криминализации законной внешнеэкономической деятельности, так и недооценки угрозы незаконного распространения критически значимых технологий.

Помимо этого, оборот предметов и технологий двойного назначения часто связывается с незаконным получением и распространением конфиденциальной информации, признаки которой попадают под состав статьи 183 УК РФ, охраняющий

коммерческую, налоговую и банковскую тайну. Наибольший интерес к предмету исследования представляет категория коммерческой тайны, которая определяется законодателем как «режим конфиденциальности информации, позволяющий ее обладателю при существующих или возможных обстоятельствах увеличить доходы, избежать неоправданных расходов, сохранить положение на рынке товаров, работ, услуг или получить иную коммерческую выгоду»[1]. В условиях возрастающих рисков экономического шпионажа и технологических утечек сведения о таких предметах и технологиях двойного назначения могут квалифицироваться как охраняемые законом данные, особенно если их разглашение способно нанести ущерб экономическим интересам предприятия или безопасности государства. Развитие интернета и киберфизических систем расширяет зону уязвимости технологий двойного назначения, делая их мишенью для хакерских атак и цифрового саботажа [4, с. 45]. Поскольку разработка, производство и оборот ПДН часто сопровождается режимом коммерческой тайны, их незаконное копирование, передача и использование третьими лицами попадают под признаки состава преступления, предусмотренного ст. 183 УК РФ, а соответственно подтверждает возможность признание такой категории в качестве предметов по данному составу.

Предметы и технологии двойного назначения могут приобретать признаки предмета преступления по статье 147 УК РФ («Нарушение изобретательских и патентных прав») в случае, если они представляют собой охраняемые патентом изобретения, полезные модели или промышленные образцы, а их незаконное использование, воспроизведение или распространение осуществляется без разрешения правообладателя. По мнению Леонтьева Б.Н.: «Патентование технологий двойного назначения создает правовую защиту, однако одновременно раскрывает технические решения, что требует баланса между открытостью и режимом секретности» [5, с. 28]. При этом ключевым условием является наличие патентной защиты соответствующей технологии или изделия, поскольку статья 147 УК РФ охраняет именно исключительные права, а не режим экспортного контроля или ограничения оборота товаров двойного назначения. Таким образом, несмотря на потенциальную двойственность применения таких технологий, их квалификация в рамках ст. 147 УК РФ зависит исключительно от нарушения патентных прав, а не от их функционального назначения.

Актуальным также является вопрос возможности совокупности данных преступлений между собой. Теоретически такая ситуация возможна при условии, что деяние субъекта содержит признаки составов нескольких преступлений, не охватываемым единым умыслом и не образующих идеальной совокупности. Однако, для квалификации необходимо установить: отсутствие конкуренции норм, разделённость деяний, различие объектов посягательства. Таким образом, несмотря на родовую принадлежность статей их совокупность допустима при доказанности самостоятельности преступных деяний, то есть при реальной совокупности (разновременные деяния), либо при эксцессе исполнителя в групповых преступлениях. Примером в рамках статей 147 и 189 УК РФ можно выделить следующее: передача за границу технологии с использованием чужого запатентованного компонента без лицензии может образовывать совокупность, если умысел охватывал как экспорт, так и присвоение прав на изобретение.

Проведённый анализ позволяет констатировать, что предметы и технологии двойного назначения, обладая дуализмом функционального применения, могут выступать в качестве предмета преступлений против интеллектуальной собственности. Особенность регулирования таких объектов заключается в необходимости

[1] О коммерческой тайне: Федеральный закон от 29.07.2004 № 98-ФЗ (ред. от 08.08.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

чёткого разграничения между охраной интеллектуальных прав и контролем за оборотом стратегически значимых разработок. Это обусловлено принципиальным различием защищаемых правовых ценностей — частных интересов правообладателей в первом случае и государственной безопасности во втором. Дальнейшее совершенствование правового механизма требует более точных критериев квалификации, учитывающих как коммерческую ценность инновационных разработок, так и потенциальные риски их неконтролируемого распространения. Особую актуальность приобретает вопрос баланса между защитой интеллектуальной собственности и интересами национальной безопасности в условиях технологического развития.

Список источников

1. Шестаков Д.Ю. Интеллектуальная собственность в Российской Федерации: теоретико-правовой анализ: дис. докт. юрид. наук. М., 2000. 346 с.
2. Терехин Н.В. Международно-правовые аспекты экспортного контроля за передачей продукции двойного и военного назначения (На примере России и США): дис. канд. юрид. наук. М., 2004. 187 с.
3. Ульянова В.В. Противодействие финансированию терроризма: дис. канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010. 184 с.
4. Кузнецов Д.И. Кибербезопасность и защита критических технологий. // Информационное общество. 2023. № 1.
5. Леонтьев Б.Н. Патентное право и национальная безопасность. // ИС. Промышленная собственность. 2021. № 5.

Информация об авторе

М.И. Махаринская — студентка 4 курса.

Information about author

M.I. Makharinskaya — 4th year student.

Научная статья
УДК 343.622

НОВОРОЖДЁННЫЙ РЕБЁНОК КАК ПОТЕРПЕВШИЙ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО ст. 106 УК РФ

Максим Александрович СИДОРОВ
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
m.sidorov.03@mail.ru

Научный руководитель профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, кандидат социологических наук, профессор, **Лариса Владимировна ГОТЧИНА,** lgotchina@yandex.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена отсутствию легального определения понятия «новорождённый ребёнок», имеющего ключевое значение для квалификации деяния в рамках ст. 106 УК РФ. На основе анализа положений действующего законодательства, материалов судебной практики, позиций учёных автором сформулированы критерии новорождённости, позволяющие выработать единообразный подход к определению содержания исследуемого понятия в практической сфере.

Ключевые слова: новорождённый ребёнок, критерии новорождённости, убийство новорождённого ребёнка, преступление, судебно-медицинская экспертиза

Original article

A NEWBORN CHILD AS A VICTIM OF A CRIME UNDER ARTICLE 106 OF THE CRIMINAL CODE OF RUSSIAN FEDERATION

Maksim A. SIDOROV
St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia
m.sidorov.03@mail.ru

Scientific adviser Professor at the Department of Criminal Law, Criminology and Criminal-Executive Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Candidate of Sociological Sciences, Professor, **L.V. GOTCHINA,** lgotchina@yandex.ru

Abstract. This article addresses the lack of a legal definition of the term "a newborn child," which is crucial for qualifying offenses under Article 106 of the Criminal Code of Russian Federation. Based on an analysis of current legislation, case law, and scholarly opinions, the author formulates criteria for defining a newborn child, allowing for a uniform approach to defining the concept in practice.

Keywords: a newborn child, newborn criteria, a murder of a newborn child, a crime, a forensic examination

Предусмотренное диспозицией ст. 106 УК РФ понятие «новорождённый ребёнок» в силу отсутствия его легального определения является оценочным, в связи с чем раскрытие его содержания зависит от усмотрения правоприменителя. Данное понятие имеет ключевое значение при квалификации деяния в рамках рассматриваемого состава преступления. Однако отсутствие законодательно закрепленных критериев новорождённости не способствует формированию единообразной практики применения данной нормы.

Необходимо определить временные границы, в рамках которых ребёнок считается новорождённым. На сегодняшний день законодателем определен момент рождения ребёнка. Согласно ч. 1 ст. 53 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» указанный момент обусловлен отделением плода от организма матери посредством родов. В данном случае правовое значение для квалификации деяния по ст. 106 УК РФ имеет именно начало внеутробной жизни нового человека, а не момент начала уголовно-правовой охраны его жизни, который наступает раньше. Поэтому считаем целесообразным исчислять период новорождённости именно с момента рождения.

Решая вопрос о наличии в деянии признаков рассматриваемого состава преступления, необходимо исходить из того, что ребёнок родился живым и этот факт осознавался его матерью. Так, судебная коллегия Верховного Суда Республики Крым, рассмотрев дело в качестве суда апелляционной инстанции, приняла решение о направлении дела на новое рассмотрение в силу наличия существенных нарушений уголовно-процессуального закона. Судом первой инстанции не дана оценка доводам стороны защиты о том, что ребёнок родился мертвым, что семья готовилась к рождению ребёнка, «после родов осужденная с супругом сразу же поехали в

родильный дом, а не предприняли мер к сокрытию трупа новорожденного»[1]. Установление факта наступления смерти по иным причинам, не связанным с деянием матери, лишает деяние характера преступления. Выявление указанного факта в ходе судебного разбирательства может повлечь за собой прекращение производства по делу и освобождение осужденной от уголовной ответственности с правом на реабилитацию.

В противном случае посягательство на «жизнь» мертворожденного ребёнка иллюстрирует ошибку в объекте преступного посягательства, что согласно правилам квалификации должно быть квалифицировано как покушение на преступление, которое лицо намеревалось осуществить. Таким образом, если ребёнок родился мертвым, а его мать, не осознавая этого факта, совершает действия, направленные на лишение его жизни, то содеянное надлежит квалифицировать как покушение на убийство новорождённого ребёнка, то есть по ч. 3 ст. 30, ст. 106 УК РФ.

Критерии живорождения закреплены в медицинских критериях рождения. Согласно данным критериям живорождённым признается ребёнок с момента «отделения плода от организма матери посредством родов при сроке беременности 22 недели и более при массе тела новорождённого 500 грамм и более (или менее 500 грамм при многоплодных родах) или в случае, если масса тела ребёнка при рождении неизвестна, при длине тела новорождённого 25 см и более при наличии у новорождённого признаков живорождения (дыхание, сердцебиение, пульсация пуповины или произвольные движения мускулатуры независимо от того, перерезана пуповина и отделилась ли плацента)»[2].

Необходимость установления факта живорождения при квалификации деяния в качестве убийства матерью новорождённого ребёнка подтверждается материалами судебной практики. Исследуя заключения экспертов в ходе судебного следствия, суды устанавливают, что преступное посягательство совершено на жизнь «живорожденного, жизнеспособного, доношенного, дышавшего, издававшего звуки, имеющего сердцебиение»[3] новорождённого ребенка, который «подает признаки жизни, то есть отмечались самостоятельные дыхательные движения, а также движения конечностей»[4]. Встречаются случаи, когда живорождённый ребёнок является недоношенным, незрелым, но жизнеспособным[5]. Приведенные примеры из материалов судебной практики подтверждают, что определяющим для констатации факта живорождения является установление признаков живорождения.

Момент окончания периода новорождённости не нашел своего закрепления в отечественном законодательстве. Согласно позиции Всемирной организации здравоохранения период новорождённости (неонатальный период) исчисляется «от момента рождения и заканчивается через 28 полных дней после рождения»[6]. Аналогичный подход определения периода новорождённости применяется в педиатрии. Выделяются 2 периода, когда ребёнок считается новорождённым: ранний неонатальный — до 7-х суток жизни, и поздний неонатальный — с 8-го по 28-й день

[1] Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Крым от 28.11.2023 № 22-3547/2023 // Доступ через ИР «Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт)».

[2] Медицинские критерии рождения, утв. Приказом Министра здравоохранения и социального развития от 27.12.2011 № 1687н. «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи» п. 3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Приговор Ленинского районного суда г. Владимира от 26.11.2017 г. № 1-155/2017 по делу № 1-155/2017 // Доступ через ИР «Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт)».

[4] Приговор Ессентукского городского суда Ставропольского края от 15.07.2020 г. № 1-125/2020 по делу № 1-125/2020 // Доступ через ИР «Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт)».

[5] Приговор Ивантеевского городского суда Московской области от 11.03.2025 г № 1-30/2025 по делу № 1-30/2025 // Доступ через ИР «Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт)».

[6] Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем, десятый пересмотр (МКБ-Х) от 02.10.1989. п. 3.12 // Доступ через ПСС «Кодекс».

жизни [1, с. 41]. В словаре медицинских терминов новорождённый — «(neonatus) считается ребёнок с момента рождения до достижения 28 дней жизни» [2]. Единообразие подходов к определению периода новорождённости в разных отраслях медицинских знаний обусловлено тем, что указанный период определен временем адаптации организма младенца к жизни вне утробы его матери, характеризуя этап его анатомического развития.

Совершенно с иной позиции период рассматривается в судебно-медицинской науке и практике, определяющими его продолжительность «от момента рождения до конца 1-х суток» [3, с. 8] жизни ребёнка. Нам видится, столь большая разница в подходах к определению темпоральных границ исследуемого периода обусловлена узкоспециализированным предметом науки судебной медицины, ориентированной на установление причины смерти, механизма образования и характера нанесённых повреждений новорождённому ребёнку, а не на описание физиологических этапов развития младенца.

В науке уголовного права также отсутствует единый подход к определению исследуемого периода новорождённости. Так, Л.Л. Кругликов определял период, в течение которого ребёнок является новорождённым, на основе педиатрических критериев, т.е. до достижения младенцем возраста 4-х недель [4, с. 44]. Данный подход основан на достижениях педиатрической науки, определившей условные границы периода новорождённости. Т.Н. Волкова полагает, что четкого определения возраста новорождённого не существует ни в педиатрии, ни в науке уголовного права [5, с. 9]. Действительно, предложенный в педиатрии период новорождённости определен приблизительно, не учитывая индивидуальных анатомических особенностей каждого организма. Гарантировать, что в указанный период отдельно взятый ребёнок достигнет определенного уровня развития и адаптации к внеутробной жизни, не представляется возможным. В то же время формальное истечение предусмотренного срока новорождённости будет свидетельствовать о том, что ребёнок юридически уже не будет являться новорождённым, хотя фактически результаты исследования его индивидуальных анатомических особенностей будет свидетельствовать об обратном. Поэтому мы разделяем позицию автора о том, что период новорождённости определен не четко, а условно.

Схожей позиции в части невозможности универсального установления периода новорождённости придерживался С.В. Бородин. По мнению ученого неприемлемо устанавливать заранее определённый срок, когда ребёнок признаётся новорождённым в связи с чем данный срок должен устанавливаться в каждом отдельном случае [6, с. 174]. Разделяя позицию автора, отметим, что важная роль при установлении факта того, является ли ребёнок новорождённым, отведена судебно-медицинскому эксперту, привлекаемому для оказания содействия как в ходе досудебного производства по уголовному делу, так и в судебных стадиях уголовного судопроизводства. Так, назначение судебной экспертизы для установления причины смерти, характера и степени вреда, причиненного здоровью, а также возраста потерпевшего, согласно ст. 196 УПК РФ, является обязательным. Для правильной квалификации содеянного в рамках состава преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, необходимо установление и иных юридически значимых обстоятельств.

Так, в ходе проведения исследования трупа младенца экспертам рекомендовано также устанавливать факты того, что ребёнок является новорождённым, родился живым, жизнеспособным, доношенным (зрелым), определять продолжительность внутриутробной и внеутробной жизни ребёнка, а также факт оказания ему необходимой помощи и осуществления надлежащего ухода [3, с. 7]. Например, в основу обвинительного приговора Ивантеевским городским судом Московской области помимо иных доказательств положено заключение судебно-медицинского экспер-

та. Проведенным исследованием установлено, что новорождённый ребёнок женского пола имеет признаки недавнего рождения, живорожденный, недоношенный, незрелый; продолжительность внутриутробной жизни младенца составляет 7,6—8,2 лунных месяцев, срок внеутробной жизни младенца составил до 15 минут[1]. Изложенные обстоятельства имеют важное значение для правильной квалификации деяния, однако рекомендательный характер их установления означает, что постановка соответствующих вопросов перед экспертом зависит от усмотрения правоприменителя.

Отменяя постановление суда о возвращении уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ суд апелляционной инстанции указал, что отсутствие в материалах дела заключения, подтверждающего, что преступление совершено в отношении новорождённого, живорожденного, жизнеспособного ребёнка, а также устанавливающего непосредственную причину и время наступления смерти, характер и степень вреда, причиненного здоровью ребёнка, наличие причинно-следственной связи между действиями С. и наступившими последствиями, является мнением суда о неполноте проведенного расследования[2], что законом не отнесено к основанию для возвращения уголовного дела прокурору. В данном случае неполнота проведенного предварительного расследования обусловила возникновение у суда сомнений в части доказанности юридически значимых обстоятельств, имеющих ключевое значение для правильной квалификации деяния.

В целях совершенствования методики расследования убийства матерью новорождённого ребёнка считаем необходимым дополнить предусмотренный ст. 196 УПК РФ перечень обстоятельств, установление которых должно обязательно осуществляться посредством производства судебной экспертизы. В качестве таких обстоятельств предлагаем предусмотреть установление новорождённости, живорождения, жизнеспособности, а также определение продолжительности внутриутробной и внеутробной жизни ребёнка. Данное нововведение обеспечит формирование единообразного подхода к установлению и закреплению в надлежащей процессуальной форме обстоятельств, подлежащих доказыванию при расследовании преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, за счет придания обязательности их установления посредством проведения экспертизы.

Установление данных обстоятельств является актуальным и в том числе, когда посягательство на жизнь новорождённого ребёнка совершают иные лица, а не его мать. Так, П., из личной неприязни убил своего новорождённого ребёнка, отцом которого он являлся[3]. Согласно заключению эксперта, новорождённый ребёнок родился живым, являлся недоношенным, зрелым, жизнеспособным, с незначительной внутриутробной задержкой развития, продолжительность жизни составила ориентировочно 15 минут, необходимый уход ребёнку не оказывался. Деяние П. судом квалифицировано по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ как убийство малолетнего, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии. Обусловленный новорождённостью признак беспомощности[4], на наш взгляд, не нуждается в дополнительном вменении, так как он уже заложен в признак малолетства, являющийся специальным по отношению к беспомощности.

Таким образом, отсутствие легального определения понятия новорождённого ребёнка и критериев новорождённости существенно усложняет единообразное

[1] Приговор Ивантеевского городского суда Московской области от 11.03.2025 г № 1-30/2025 по делу № 1-30/2025 // Доступ через ИР «Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт)».

[2] Апелляционное постановление Костромского областного суда от 21.04.2025 г. № 22-367/2025 по делу № 1-36/2025 // Доступ через ИР «Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт)».

[3] Приговор Хабаровского краевого суда от 04.04.2018 № 2-12/2018 по делу № 2-12/2018 // Доступ через ИР «Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт)».

[4] Там же.

практическое применение ст. 106 УК РФ. Решения обозначенной проблемы нам видится в установлении признаков новорождённости в каждом конкретном случае исключительно по результатам проведения экспертных исследований. В связи с этим нами предложены соответствующие изменения в ст. 196 УПК РФ в части дополнения перечня обстоятельств, для установления которых назначение и производство судебной экспертизы является обязательным.

Список источников

1. Крюкова Д.А. Здоровый человек и его окружение: учеб. пособие / ДА. Крюкова. Л.А. Лысак, О.В. Фурса; под ред. Б.В. Кабарухина. Изд. 16-е. Ростов н/Д : Феникс, 2017. 474 с.
2. Энциклопедический словарь медицинских терминов. В 3-х томах. Т.2 под ред. Б.В. Петровского. М.: Советская энциклопедия. 1983. 448 с.
3. Судебно-медицинская экспертиза трупов плодов и новорожденных: Учебное пособие / сост. В.И. Витер, А.Ю. Вавилов, К.А. Бабушкина, С.В. Хасанянова. Ижевск. 2016. 76 с.
4. Кругликов Л.Л. Уголовное право России. Особенная часть. Учебник. М.: Проспект. 2014. 816 с.
5. Волкова Т.Н. Правовая защита права на жизнь новорожденного // Законностъ. 2004. № 4. С. 6—10.
6. Бородин С.В. Преступления против жизни. М.: Юристъ. 1999. 356 с.

Информация об авторе

М.А. Сидоров — студент 5 курса.

Information about author

M.A. Sidorov — 5th year student.

IV. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ

Научная статья
УДК 340.6

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Александра Сергеевна ДОЦЕНКО
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
als.dotsenko@gmail.com

Научный руководитель профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Елена Владимировна ЕЛАГИНА,** yelagina@bk.ru

Аннотация. В статье исследуется система правового регулирования судебно-медицинской экспертизы в России. Анализируется деятельность экспертов, порядок лицензирования и контроля качества экспертного производства. Рассматриваются особенности организации экспертной работы, включая новые подходы к проведению исследований и оформлению заключений. Особое внимание уделяется изменениям в порядке проведения судебно-медицинской экспертизы.

Ключевые слова: судебная экспертиза, правовое регулирование, судебная медицина

Original article

LEGAL REGULATION OF FORENSIC MEDICAL EXAMINATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Alexandra S. DOTSENKO
St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia
als.dotsenko@gmail.com

Scientific adviser Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics at the St. Petersburg Law Institute (Branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, **E.V. ELAGINA**, yelagina@bk.ru

Abstract. The article examines the legal regulation of forensic medical examinations in Russia. It analyzes the activities of experts, the procedure for licensing and quality control of expert production. The article also discusses the features of organizing expert work, including new approaches to conducting research and issuing reports. Special attention is given to changes in the procedure for conducting forensic medical examinations.

Keywords: forensic examination, legal regulation, and forensic medicine

Судебная медицина является самостоятельной медицинской наукой, возникшей ещё в глубокой древности в связи с появлением потребности использования медицинских знаний при отправлении правосудия. Сейчас она представляет собой незаменимый научный инструмент, который позволяет использовать на практике достижения судебно-медицинской науки с целью изучения и разрешения всей совокупности медико-биологических вопросов, возникающих у правоохранительных органов при рассмотрении уголовных и гражданских дел.

Понятие медицинской экспертизы дано законодателем в ч. 1 ст. 58 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»[1] — проводимое в установленном порядке исследование, направленное на установление состояния здоровья гражданина, в целях определения его способности осуществлять трудовую или иную деятельность, а также установления причинно-следственной связи между воздействием каких-либо событий, факторов и состоянием здоровья гражданина. Во второй части данной статьи приведён перечень видов медицинской экспертизы: экспертиза временной нетрудоспособности; медико-социальная экспертиза; военно-врачебная экспертиза; судебно-медицинская и судебно-психиатрическая экспертизы; экспертиза профессиональной пригодности и экспертиза связи заболевания с профессией; экспертиза качества медицинской помощи.

Предметом исследования в данной работе является правовое регулирование судебно-медицинской экспертизы, поэтому в условиях ограниченного объёма далее в тексте будут охарактеризованы наиболее значимые нормативные акты.

Производство судебно-медицинской экспертизы (далее — СМЭ) предусматривается различными отраслями процессуального законодательства. Так, в ст. 196 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) указаны обстоятельства, для установления которых назначение СМЭ является обязательным: установление причины смерти, характера и степени вреда, причиненного здоровью, психического (физического) состояния либо возраст подозреваемого, обвиняемого или потерпевшего[2]. Гражданско-процессуальное законодательство устанавливает назначение СМЭ по необходимости в целях установления степени вреда, причинённого здоровью[3], а в случаях ненадлежащего оказания медицинской помощи её назначают даже при наличии результатов экспертизы в рамках уголовного дела[4] [1, с. 172]. Как и в гражданском судопроизводстве, в административном судо-

[1] Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ : текст с изм. и доп. от 23.07.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ : текст с изм. и доп. от 01.09.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Ст. 196.

[3] Гражданско-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ : текст с изм. и доп. от 31.07.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Ст. 79.

[4] Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции № 88-11643/2022 от 13.07.2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

производстве СМЭ также назначается по необходимости для установления степени вреда, причинённого здоровью [2, с. 3]. Подчеркнём, что вне зависимости от того, в рамках какого судопроизводства возникает необходимость производства СМЭ, оно осуществляется в соответствии с Федеральным законом «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», который «определяет правовую основу, принципы организации и основные направления государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации в гражданском, административном и уголовном судопроизводстве»[1].

Производство СМЭ осуществляется в соответствии с нормативными актами, обязательными для исполнения всеми судебно-медицинскими бюро Российской Федерации, которые далее будут охарактеризованы в последовательности в соответствии с их юридической силой.

В первую очередь, это положения Конституции Российской Федерации, которая закладывает правовую базу для основных принципов судебной экспертной деятельности и, соответственно, судебно-медицинской экспертизы. Статьи 45 и 46 Конституции Российской Федерации устанавливают гарантию государственной и судебной защиты прав и свобод человека. Соблюдение прав и свобод человека и гражданина находится в числе основных принципов судебно-экспертной деятельности. С учетом данных положений на суд возлагается обязанность по обеспечению надлежащей защиты прав и свобод человека и гражданина, в том числе посредством привлечения к рассмотрению дела экспертов для дачи заключений по обстоятельствам, имеющим юридическое значение.

Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» устанавливает принципы охраны здоровья и, как указано ранее, определяет виды медицинских экспертиз, включая СМЭ[2]. Статья 62 данного Федерального закона определяет, что «судебно-медицинская экспертиза проводится в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, в медицинских организациях экспертами в соответствии с законодательством Российской Федерации о государственной судебно-экспертной деятельности»[3], а порядок её проведения и порядок определения степени тяжести вреда, причинённого здоровью человека, устанавливаются уполномоченным федеральным органом исполнительной власти.

Исключительное значение имеет ранее упомянутый Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»[4], устанавливающий принципы государственной судебно-экспертной деятельности и определяющий правовой статус государственных судебно-экспертных учреждений и государственных экспертов, в том числе определяющий предъявляемые к ним профессиональные и квалификационные требования. Помимо этого, закон регламентирует порядок производства судебной экспертизы в государственном судебно-экспертном учреждении и порядок организационного, информационного и иного обеспечения их деятельности. Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» устанавливает общие положения об основаниях назначения и производстве судебных экспертиз, а также определяет содержание заключения эксперта [3, с. 116].

[1] О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ : текст с изм. и доп. от 22.07.2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ : текст с изм. и доп. от 23.07.2025. Доступ их справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Ст. 58.

[3] См. там же. Ст. 62.

[4] О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации.

Судебно-медицинская деятельность подлежит обязательному лицензированию в порядке, определяемом Федеральным законом «О лицензировании отдельных видов деятельности»[1] и Постановлением Правительства Российской Федерации от 01.06.2021 № 852[2]. Лицензирование медицинской деятельности, включая экспертные направления, представляет собой комплексную систему государственного регулирования, направленную на обеспечение качества и безопасности медицинских услуг. Лицензионные требования к экспертно-медицинской деятельности включают наличие соответствующей материально-технической базы, квалифицированного персонала с действующим сертификатом специалиста, а также соблюдение установленного порядка проведения экспертиз.

Порядок организации и проведения СМЭ регулируется Приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 25.09.2023 № 491н «Об утверждении Порядка проведения судебно-медицинской экспертизы»[3] (далее — Приказ № 491н), сменившим Приказ Минздравсоцразвития Российской Федерации от 12.05.2010 № 346н «Об утверждении Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации» (далее — Приказ № 346н), в связи с чем были внесены существенные изменения в ранее действовавший порядок организации и производства экспертизы.

Так, Приказ № 491н устанавливает, что СМЭ проводится как государственными, так и иными медицинскими организациями, имеющими соответствующую лицензию с допущением специализации по отдельным видам экспертиз (только трупы, только живые лица и пр.)[4]. Ранее же экспертиза организовывалась исключительно в государственных судебно-экспертных учреждениях (далее — ГСЭУ), закреплённых за конкретной территорией. Производство экспертиз базировалось на административно-территориальном принципе: каждое ГСЭУ обязано обслуживать определённый регион. Таким образом, Приказ № 491н расширил круг исполнителей и привел в соответствие со ст. 11 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», согласно которой, организация и производство судебной экспертизы возможны и в медицинских организациях или их подразделениях, не относящихся к государственным учреждениям[5].

Основанием проведения экспертизы являются: определение (постановление) суда, постановление следователя или дознавателя, руководителя следственного органа. В случае невозможности проведения экспертизы в изначально определённом ГСЭУ допускается передача в иную судебно-экспертную организацию, имеющую возможность проведения необходимой экспертизы[6], в то время как ранее допускалась лишь «передача по территории» другому ГСЭУ.

Руководитель ГСЭУ определяет вид и объем экспертизы, контролирует срок проведения экспертизы, в соответствии с определением (постановлением), а также назначает исполнителей. При недостаточности объектов экспертиза приостанавливается, о чём уведомляется орган, назначивший её, до устранения препятствий; в случае невозможности выполнения экспертизы — материалы возвращаются.

[1] О лицензировании отдельных видов деятельности : Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ : текст с изм. и доп. от 23.05.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Ст. 12.

[2] О лицензировании медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра «Сколково») и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации : Постановление Правительства РФ от 01.06.2021 № 852 : текст с изм. и доп. от 08.05.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] См. там же.

[4] См. там же. П. 2.

[5] О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации.

[6] См. там же. П. 5.

При проведении самой экспертизы эксперт использует медицинские технологии, разрешённые к применению законодательством России, отдавая предпочтение неразрушающим методам. Приказ № 491н унифицировал и технически детализировал порядок производства СМЭ, вместе с тем убрав подробные методические рекомендации Приказа № 346н по осмотру трупов при различных видах травм, порядку производства экспертизы живых лиц и др.

Заключение эксперта оформляется в виде двух экземпляров, а в случае производства комплексной экспертизы, назначенной в двух и более судебно-экспертных организациях, оформляют более двух экземпляров заключения эксперта[1], что является нововведением Приказа № 491н. Само заключение должно содержать сведения об эксперте или экспертах (каждый подписывает разделы по своей компетенции), используемых технологиях, ПО, оборудовании, условиях хранения объектов.

Можно сказать, что современный порядок стал более универсальным, технологичным и юридически формализованным, но утратил часть методических рекомендаций по проведению отдельных видов судебно-медицинских экспертиз, которые могли применять эксперты в практической деятельности. Однако в современной практике отмечается ситуация, что в уголовном процессе используются заключения экспертов, опирающиеся одновременно на действующий Приказ № 491н и утративший силу Приказ № 346н, что ставит под сомнение допустимость такого заключения эксперта в качестве доказательства по уголовному делу.

В связи с тем, что заключение эксперта играет важную роль в уголовном процессе, при его оценке прокурорам необходимо руководствоваться п. 49 ст. 5 УПК РФ, где установлено, что судебная экспертиза — экспертиза, производимая в установленном уголовно-процессуальным законом порядке[2]. Соответственно, в ходе расследования преступления судебно-медицинская экспертиза должна проводиться с учетом положений Главы 27 УПК РФ, а заключение отвечать требованиям ст.ст. 80 и 204 УПК РФ. При этом заключение эксперта, полученное в рамках иного нежели уголовный процесса, относится к иным документам в соответствии со ст. 74 УПК РФ.

Подводя итог, можно сказать, что правовое регулирование судебно-медицинской экспертизы в России является комплексным и в настоящее время идёт по пути унификации и повышения требований к юридической и технической составляющей процедуры. Приказ № 491н устранил монополию государственных учреждений, расширив возможности для участия иных медицинских организаций, имеющих соответствующую лицензию. Порядок производства экспертизы стал более юридически выверенным и технологичным, но менее ориентированным на практическую методику. Нельзя не подчеркнуть, что при оценке заключения эксперта прокурор должен учитывать, что процессуальная безупречность заключения эксперта обеспечивается, в частности, производством её с учетом требований всех соответствующих нормативных источников, соответственно, прокурор должен владеть всей необходимой информацией для качественной полнообъемной оценки заключения эксперта.

Список источников

1. Ефимов А.А., Колоколов Г.Р., Савенкова Е.Н. Роль и возможности судебно-медицинских экспертных исследований, проводимых по материалам гражданских дел, связанных с компенсацией морального вреда [электронный ресурс] // Вестник СГЮА. 2025. №1 (162). С. 172—181. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-i-vozmozhnosti-sudebno-meditsinskih-ekspertnyh-issledovaniy-provodimyh-po-materialam-grazhdanskih-del-svyazannyh-s (дата обращения: 22.09.2025).

2. Божченко А.П. Процессуальные особенности проведения судебно-медицинской экспертизы в рамках уголовного, гражданского судопроизводств и производства по делам об административных правонарушениях // Медицинское право. 2024. № 3. С. 2—6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[1] См. там же. П. 20.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Ст. 5.

3. Шаговик И.Ю., Петренко Е.Г. Современные проблемы правового статуса судебно-медицинской экспертизы [электронный ресурс] // Вестник экономики и права. 2025. № 101. С. 115—120. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-problemy-pravovogo-statusa-sudebno-meditsinskoy-ekspertizy (дата обращения: 23.09.2025).

Информация об авторе

А.С. Доценко — студентка 5 курса.

Information about author

A.S. Dotsenko — 5th year student.

Научная статья
УДК 343.9

«НЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ» СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ — ПОСЛЕДСТВИЕ НЕСОВЕРШЕНСТВА ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ

Ксения Андреевна ИВАНОВА[1], Валерия Алексеевна МУРЗИНА[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] ivanova.ksenia2003@mail.ru
[2] vl.333.mr@gmail.com

Научный руководитель профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор **Елена Владимировна ЕЛАГИНА**, yelagina@bk.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью чёткого разграничения следственных и иных процессуальных действий в уголовном процессе, поскольку от правильного понимания их сущности зависит эффективность и процессуальная безупречность расследования преступлений. В статье также рассматриваются вопросы отнесения контроля и записи телефонных переговоров, а также получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами к иным действиям процессуального характера, а не следственным действиям. Анализируется терминология понятий следственных и иных процессуальных действий. Приводятся мнения учёных об отнесении действий к процессуальным или нет.

Ключевые слова: следственные действия, контроль и запись переговоров, терминология, связь между абонентами

Original article

“NON-INVESTIGATIVE” INVESTIGATIVE ACTIONS ARE A RESULT OF IMPERFECTION OF LEGAL TECHNIQUE”

Ksenia A. IVANOVA[1], Valeria A. MURZINA[2],
[1,2] St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor’s Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia
[1] ivanova.ksenia2003@mail.ru
[2] vl.333.mr@gmail.com

Scientific adviser Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Professor **E.V. ELAGINA**, yelagina@bk.ru

Abstract. The relevance of the study is due to the need for a clear distinction between investigative and other procedural actions in the criminal process, as the effectiveness and procedural impeccability of crime investigations depend on a correct understanding of their essence. The article also discusses the classification of monitoring and recording telephone conversations, as well as obtaining information about connections between subscribers and (or) subscriber devices, as other procedural actions rather than investigative actions. The article analyzes the terminology of investigative and other procedural actions. It also presents the opinions of scientists on whether these actions are procedural or not.

Keywords: investigative actions, control and recording of conversations, terminology, communication between subscribers

Законотворчество в России осуществляется с соблюдением принципов юридической техники, которых необходимо придерживаться как при разработке новых законопроектов, так и при внесении изменений в существующие нормативные акты. Такой подход гарантирует высокое качество законодательства, обеспечивает одинаковое понимание правовых норм всеми участниками правоотношений и способствует единообразному применению законов на практике. Изучение научной литературы по вопросам юридической техники показывает, что позиция авторов данной работы находит широкую поддержку в доктрине. Анализ различных научных работ, от статей до монографий и диссертационных исследований, демонстрирует единое мнение большинства исследователей. Они сходятся во мнении, что юридическая техника выполняет двойную функцию: не только организует структуру правового документа, но и направлена на совершенствование его языкового оформления [1, с. 19]. Невозможно не согласиться с мнением В.Ю. Туранина, высказавшегося следующим образом: «Особое значение юридическая терминология имеет для формулирования законов — основных источников права в современной России. Подготовка любого закона непременно связана с оперированием юридическими терминами, отражающими содержание соответствующих понятий, обозначающих правовые явления и процессы. Юридическая терминология формирует «атмосферу» закона, являясь ключевым звеном, наиболее информативным компонентом законодательного текста. Ее использование всегда было и остается самым эффективным способом донесения информации, заложенной в правовых нормах, до каждого конкретного адресата. Поэтому терминологическая развитость и понятность российского законодательства является основой для долговременного действия и эффективного применения правовых норм» [2, с. 45].

В этой связи важным представляется корректное разграничение понятий «следственных действий» и «иных процессуальных действий» в теории и практике уголовного процесса, поскольку именно от этого зависит результативность и юридическая безупречность расследования.

Законодатель, определяя правила собирания доказательств, рассматривает этот процесс как ключевой элемент доказывания и выделяет производство следственных действий в качестве основного способа собирания доказательств, что и закреплено в ч. 1 ст. 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ). Вместе с тем, в статье 5 УПК РФ — своеобразном «словаре» уголовного процесса — содержание термина «следственные действия» не раскрывается. Отметим, что законодатель до настоящего времени не определил перечень действий, которые являются «следственными», и подчеркнем, что подобный подход остается неизменным на протяжении многих десятилетий, несмотря на многолетнюю дискуссию в научной среде и запрос правоприменителя.

Начиная с советского периода постоянно предпринимаются попытки сформировать исчерпывающий перечень следственных действий, так, профессор С.А. Шейфер в 1981 году в одной из своих фундаментальных работ привел перечень действий, которые, на его взгляд, являются следственными: «1) допрос (обвиняемого, подозреваемого, потерпевшего и свидетеля); 2) очная ставка; 3) назначение экспертизы; 4) осмотр (места происшествия, трупа, местности, помещений, предметов и документов); 5) освидетельствование; 6) обыск (личный, в помещении, на местности); 7) выемка (обычная, документов, содержащих государственную тайну, почтово-телеграфной корреспонденции); 8) следственный эксперимент; 9) предъявление для опознания» [3, с. 23].

В настоящее время, продолжаются попытки очертить перечень следственных действий, при этом отдельные авторы отмечают, что «действующий закон закладывает основу для разработки основного списка процессуальных следственных действий, при формировании которого могут быть учтены положения, представленные в названиях глав 24—27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: 1) осмотр, 2) освидетельствование, 3) следственный эксперимент, 4) обыск, 5) выемка, 6) наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, 7) контроль и запись переговоров, 8) получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, 9) допрос, 10) очная ставка, 11) предъявление для опознания, 12) проверка показаний на месте, 13) судебная экспертиза» [4, с. 115].

Не вступая в полемику с учеными, чьи позиции приведены выше, позволим себе категорически возразить против отнесения к следственным действиям как «назначения экспертизы» (Шейфер С.А.), так и «судебной экспертизы» (позиция авторского коллектива учебного пособия Кальницкий В.В., Ларин Е.Г.), но поскольку предмет исследования в данной статье иной и объем публикации ограничен, мы планируем обстоятельно обосновать свою позицию в последующих работах.

Возвращаясь к теме исследования, отметим, что законодатель в отдельных статьях и говорит о следственных действиях, и называет конкретные «действия» таковыми, однако не закрепляет общий перечень и не указывает критерии, которым они должны удовлетворять, и которые при желании можно усмотреть в содержании ст. 164 «Общие правила производства следственных действий» и ст. 166 «Протокол следственного действия» уголовно-процессуального кодекса.

Если обратиться к ст. 165 УПК РФ, которая называется «Судебный порядок получения разрешения на производство следственного действия», необходимо сделать вывод о том, что все перечисленные в ее части 1 действия являются следственными. Соответственно, правомерным является утверждение, что законодатель относит к следственным действиям и контроль, и запись телефонных переговоров, и получение информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами и все другие, которые перечислены в ст. 165 УПК РФ [5, с. 3—8].

Чаще всего отнесение того или иного процессуального действия к числу следственных возможно в результате сопоставления сразу нескольких норм, то есть чтобы назвать следственное действие таковым, необходимо собрать все фрагменты воедино. Проиллюстрируем конкретными примерами. Так, в п. 2 ч. 3 ст. 186 УПК РФ указывается, что «в ходатайстве следователя о производстве контроля и записи телефонных и иных переговоров указываются основания, по которым производится данное следственное действие». Аналогичная формулировка использована в ч. 2 ст. 186.1 УПК РФ в отношении получения информации о соединении между абонентами и (или) абонентскими устройствами, и в заключительной части 7 статьи закреплено, что: «Если необходимость в производстве данного следственного действия отпадает, то ...». Подчеркнем, что общее количество использования словосочетания «следственное действие» в данной статье равняется шести, что не позволя-

ет усомниться в позиции законодателя. Если буквально воспринимать содержание статьи, то можно сделать однозначный вывод — речь идет именно о следственном действии, но если проанализировать содержание взаимосвязанных статей, то вывод уже не столь однозначен, и можно задуматься, не имеет ли здесь место терминологическая подмена? Однозначно ответить на данный вопрос затруднительно. Мы воздержимся от использования словосочетания «следственное действие» и будем оперировать словосочетанием «процессуальные действия». Определения «контроль телефонных и иных переговоров» и «получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами» закреплены в п. 14.1 и 24.1 ст. 5 УПК РФ в перечне основных понятий, но ни одно из этих понятий не содержит в себе прямого закрепления данных действий как следственных. Полагаем, что законодатель в этой же статье мог бы определить правовую сущность следственных действий. Но поскольку это не сделано, отдельными учеными высказывается мысль о том, «что использование термина «следственные действия» в ст. ст. 186, 186.1 УПК РФ связано всего лишь с редакционными соображениями» [4, с. 201].

Говоря о таких действиях, как контроль и запись переговоров, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, а также судебная экспертиза, стоит отметить, что различные учёные в своих работах по-разному относятся к тому, являются данные процессуальные действия следственными или нет. Так, вышеупомянутый нами профессор Шейфер С.А. негативно высказывался о включении контроля и записи переговоров в число следственных действий и считал это оперативно-розыскным мероприятием [6, с. 105], а Кальницкий В.В. в своей работе отмечает, что «получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами называется не следственным действием, а квалифицированным (проводимым по решению суда) истребованием необходимых материалов» [7, с. 32—38].

В отношении отнесения судебной экспертизы к следственным действиям поясним, что наряду со сторонниками такой позиции, есть и противники, например, В.В. Бычков [8, с. 11—14], С. Б. Россинский [9, с. 211-214] не относят к следственным действиям судебную экспертизу. Нельзя не согласиться и с Елагиной Е.В., сформулировавшей убедительные аргументы, свидетельствующие о том, что судебная экспертиза не может быть отнесена к следственным действиям [1, с. 19—26].

Какие же проблемы возникают вследствие недостатка у законодателя понимания важности чёткого разграничения следственных и иных процессуальных действий (п. 32 ст. 5 УПК РФ)? Не конкретизируя, сформулируем свою позицию в обобщенном виде — если процессуальное действие является следственным, то помимо соблюдения требований специальных статей, регулирующих их производство, необходимо соблюдение, конечно же, общих статей — ст. ст. 164 и 166 УПК РФ, что не просто не осуществляется, а не может быть реализовано в принципе.

На основании рассмотренных мнений можно сделать вывод, что из-за недостаточно четкого понятийного аппарата и неточностей в формулировках существует ряд действий, которые считаются следственными лишь потому, что законодатель их так охарактеризовал в определённых статьях. При этом их сущность и некоторые из особенностей их производства служат основанием для их отнесения именно к иным процессуальным действиям [10, с. 19—23].

Следствием неточности формулировок и отсутствия закрепления чёткого перечня следственных действий законодателем, является возникновение значительного количества практических проблем вопросов, одним из них наиболее значимых является вопрос, кто же будет осуществлять «следственные» действия, предусмотренные статьями 186 и 186.1 УПК РФ? Все следственные действия, которые поистине являются таковыми, проводит следователь, но, к примеру, контроль и запись

переговоров осуществляют специально уполномоченные на то органы (ФСБ РФ или МВД РФ), а информацию о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами предоставляют оператор связи, провайдер и др.

Необходимо также рассмотреть вопрос о правовых последствиях отсутствия закрепления перечня следственных действий в УПК РФ, а также недостаточной определенности понятийного аппарата законодателя. В этой связи, разумно обратить внимание на правовые положения, закреплённые в ч. 3 ст. 209 УПК РФ. Согласно данной норме, после того как предварительное расследование было приостановлено, осуществление любых следственных действий категорически запрещено. Тем не менее, указанная статья обязывает следователя принимать меры по розыску лица, в случае приостановления предварительного расследования в связи с тем, что подозреваемый или обвиняемый скрылся от следствия либо место его нахождения не установлено по иным причинам. Одним из эффективных способов розыска лиц является контроль и запись переговоров, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, однако как уже упоминалось выше, из буквального толкования процессуального закона, указанные действия относятся к следственным, а значит их проведение после приостановления предварительного следствия недопустимо. Аналогичный вопрос касается и проведения судебной экспертизы. На практике распространена ситуация, когда после назначения судебной экспертизы, предварительное следствие приостанавливается, что также впоследствии ставит вопрос о допустимости такого заключения эксперта.

Таким образом, отсутствие легального определения и исчерпывающего перечня следственных действий в УПК РФ порождает как теоретические, так и практические проблемы. Нечеткость понятийного аппарата приводит к тому, что целый ряд процессуальных мероприятий формально квалифицируются[1] как следственные лишь на основании отдельных упоминаний законодателя, хотя по своей сути и характеру они не соответствуют критериям, закрепленным в общих правилах их проведения (ст. 164, 166 УПК РФ).

Подобная неопределенность оказывает непосредственное влияние на механизм доказывания — затрудняет разграничение следственных и иных процессуальных действий, ставит под сомнение юридическую чистоту полученных доказательств и осложняет применение норм о допустимости доказательств. Особенно остро проблема проявляется в контексте применения положений ст. 209 УПК РФ, которая запрещает проведение следственных действий после приостановления расследования. В силу отсутствия четкой законодательной квалификации ряда действий (например, контроля и записи переговоров, получения информации о соединениях между абонентами, судебной экспертизы) возникает коллизия между необходимостью их проведения и формальным запретом, что порождает противоречивую практику и снижает эффективность уголовного судопроизводства.

Представляется, что решение проблемы возможно лишь путем законодательного закрепления легального определения следственных действий, а также формулирования их исчерпывающего перечня. Такая мера обеспечит правовую определенность, повысит уровень гарантий участников процесса и позволит устранить имеющиеся противоречия в правоприменении.

В целях совершенствования отечественного уголовно-процессуального законодательства представляется целесообразным изучить и адаптировать успешный зарубежный опыт регламентации следственных действий. Особого внимания за-

[1] В контексте темы здесь и далее в тексте термин «квалификация» употребляется не в уголовно-правовом смысле, а как производный от лат. qualis — какой, какого качества и facio — делать, то есть как характеристика явления, деятельности, объекта, соотнесённая с установленными критериями, показателями (см., например, Большая российская энциклопедия 2004-2017 https://old.bigenc.ru/economics/text/2055659).

служивает подход, закреплённый в ст. 232 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан, в которой детально регламентирован порядок проведения негласных следственных действий. Данная норма демонстрирует продуманный механизм правового регулирования, включающий чёткие критерии применения, процедуру санкционирования и систему гарантий прав участников процесса.

Список источников

1. Елагина Е.В., Николаева Т.Г. О несовершенстве понятийно-терминологического аппарата, используемого законодателем при формулировании норм уголовно-процессуального закона //Криминалистъ. 2021. № 1 (34). С. 19—26.

2. Туранин В.Ю. Юридическая терминология в современном российском законодательстве (теоретико-правовое исследование) : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Белгород, 2017. 45 [1] с.

3. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М., 1981.

4. Следственные действия: учебное пособие / В.В. Кальницкий, Е.Г. Ларин ; М-во внутренних дел Российской Федерации, Омская акад. Омск : ОмА МВД России, 2015. 222 с.

5. Елагина Е.В. Производство отдельных процессуальных действий, затрагивающих право граждан на тайну переписки и телефонных переговоров / / Криминалистъ. 2019. № 2 (27). С. 3—8

6. Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. Москва : Юрлитинформ, 2004. 183 с.

7. Кальницкий В.В. Вопросы правовой регламентации следственных действий на современном этапе // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 2. С. 32–38.

8. Бычков В.В. Система следственных действий в российском уголовно-процессуальном законодательстве // Рос. следователь. 2013. № 10. С. 11–14.

9. Россинский С.Б. Вопросы соотношения следственных действий с судебными экспертизами в уголовном судопроизводстве // Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях: материалы междунар. науч.-практ. конф. (1–2 ноября 2013 г.) : в 2 ч. Тюмень. 2013. Ч. 2. С. 211–214.

10. Елагина Е.В. Проблемы дифференциации «следственных» и «иных» процессуальных действий // Санкт-Петербургская школа криминалистики: материалы ежегодного криминалистического форума, Санкт-Петербург, 25—26 октября 2019 года / С.-Петерб. юрид. ин-т (фил.) Университета прокуратуры Российской Федерации. Санкт-Петербург: СПбЮИ (ф) УП РФ, 2019. С. 18—23

Информация об авторах

К.А. Иванова — студентка 5 курса.
В.А. Мурзина — студентка 5 курса.

Information about authors

K.A. Ivanova — 5th year student.
V.A. Murzina — 5th year student.

Научная статья
УДК 343.9

СПЕЦИФИКА СОБИРАНИЯ, ПРОВЕРКИ И ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ С УЧАСТИЕМ ЛИЦ, ИМЕЮЩИХ СЕНСОРНЫЕ НАРУШЕНИЯ

Ольга Геннадьевна КОЛЕСНИЧЕНКО
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
kolesnichenko_og@mail.ru

Научный руководитель профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, **Елена Владимировна ЕЛАГИНА**, yelagina@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена проблемам собирания, проверки и оценки доказательств по уголовным делам с участием лиц, имеющих сенсорные нарушения. Рассматриваются объективные и субъективные факторы, влияющие на достоверность доказательственной информации. Обосновывается перспективность интеграции психолого-психиатрической экспертизы с адаптированными психофизиологическими методами для индивидуальной калибровки исследований и объективной интерпретации реакций.

Ключевые слова: допустимость доказательств, сенсорные нарушения, производство по уголовному делу, психолого-психиатрическая экспертиза

Original article

SPECIFIC FEATURES OF COLLECTION, VERIFICATION AND EVALUATION OF EVIDENCE IN CRIMINAL CASES INVOLVING PERSONS WITH SENSORY IMPAIRMENTS

Olga G. KOLESNICHENKO
St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia
kolesnichenko_og@mail.ru

Scientific adviser Professor at the Department of Criminal Procedure and Forensic Science of St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, candidate of legal sciences, associate professor, **E.V. ELAGINA,** yelagina@bk.ru

Abstract. The article is devoted to the problems of collecting, verifying and evaluating evidence in criminal cases involving persons with sensory impairments. The objective and subjective factors influencing the reliability of evidentiary information are considered. The prospects of integrating forensic psychological and psychiatric examination with adapted psychophysiological methods for individual calibration of studies and objective interpretation of reactions are substantiated.

Keywords: admissibility of evidence, sensory impairments, criminal proceedings, forensic psychological and psychiatric examination

Собирание и оценка доказательств по уголовным делам, регламентированные главами 10-11 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), приобретают существенную специфику в случаях, когда источником потенциальной доказательственной информации выступает лицо, имеющее нарушения сенсорных функций, что, в свою очередь, требует особого подхода со стороны правоприменителя для обеспечения достоверности и допустимости полученных сведений в силу комплексного воздействия объективных и субъективных факторов, детерминирующих формирование доказательственной базы.

Литвак А.Г. отмечает, что «любой дефект, то есть физический или психический недостаток, следствием которого является нарушение нормального развития, с неизбежностью приводит к автоматическому включению биологических компенсаторных функций организма. В этом смысле компенсацию можно определить как универсальную способность организма в той или иной мере возмещать нарушения или утрату определенных функций» [1, с. 35].

Ограниченность восприятия выступает объективным фактором, обуславливающим формирование доказательственной информации преимущественно посредством компенсаторных каналов, замещающих/восполняющих утраченные сенсорные функции, в связи с чем показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего или свидетеля (ст. 74 УПК РФ) с рассматриваемыми нарушениями носят опосредованный характер и требуют включения в предмет доказывания (ст. 73 УПК РФ) установление индивидуально-психологических особенностей лица для оценки достоверности восприятия им значимых для дела обстоятельств, условий формирования показаний и их достоверности. Так, нарушение либо утрата зрения неизбежно влечет дезорганизацию пространственного анализа, базирующегося на сложном межанализаторном взаимодействии. В ответ на утрату зрительной функции запускаются компенсаторные механизмы психики, перестраивающие и усиливающие деятельность сохраненных сенсорных систем (слуховой, кинестетической и др.), что обеспечивает частичное восполнение утраченной функции. Когнитивная достройка порождает ключевую проблему проверки потенциальной доказательственной информации — необходимость установления аутентичности сведений, передаваемых лицом с сенсорными нарушениями.

Особо важное значение при собирании доказательств по уголовным делам с участием лиц с сенсорными нарушениями приобретает соблюдение специальных гарантий при их получении. К таким гарантиям, в частности, относятся привлечение квалифицированного сурдо-/тифлосурдопереводчика, обязательное участие защитника, соблюдение рекомендованных медицинским заключением временных ограничений по производству следственных действий. Получение доказательств в нарушение указанных требований влечет последствия в виде признания их недопустимыми, а как следствие — не имеющими юридической силы (ст. 75 УПК РФ).

Если говорить о сурдо-/тифлосурдопереводчике, то производство любого вербального следственного действия (допрос, очная ставка, предъявление для опознания, проверка показаний на месте), невозможно без его обязательного участия. При этом роль переводчика претерпевает существенные видоизменения — из вспомогательного участника в активного субъекта доказательственного процесса. Как следствие, оценки требует не только показания допрашиваемого, но и аутентичность, полнота и беспристрастность осуществляемого перевода.

Процесс собирания доказательств с участием лиц, имеющих сенсорные нарушения, объективно характеризуется повышенными рисками искажения доказатель-

ственной информации, связанными с возможностью субъективных интерпретаций, допущением смысловых ошибок либо как умышленной, так и непреднамеренной неполной передачей сведений, по причине специфики коммуникации через переводчика. Данные обстоятельства обязывают следователя (дознавателя), прокурора и суд применять специальные познания и проявлять повышенную критичность для осуществления действенного содержательного контроля за аутентичностью перевода (как самого процесса коммуникации, так и его результатов). Как следствие, процесс собирания доказательств (ст. 86 УПК РФ) по делам рассматриваемой категории представляет собой сложно выполнимую организационно-коммуникативную задачу, требующую от субъектов доказывания не только процессуальной грамотности, но и компетентности в области психологии лиц с сенсорными нарушениями, а также обеспечения дополнительных процессуальных гарантий.

Однако эффективная реализация данного подхода существенно осложняется субъективным фактором, заключающемся в дефиците у большинства правоприменителей специальных знаний в области сурдо- и тифлосурдопсихологии, что создает риски формальной, поверхностной оценки доказательств без учета природы их формирования (ст. 88 УПК РФ).

Дефицит специальный знаний порождает комплексные трудности как на организационном (подготовительном) этапе, потому что затрудняет выработку эффективной тактики осуществления процессуального действия, соответствующей психофизическому состоянию участника, так и последующую оценку поведения, эмоциональных реакций и способов передачи информации рассматриваемой категорией лиц. Применительно к оценке достоверности показаний лица, имеющего сенсорные нарушения, по правилам ст. 88 УПК РФ традиционные критерии, такие как соответствие действительности, непротиворечивость и соответствие другим доказательствам, должны применяться не абстрактно, а с обязательным учетом психофизиологических особенностей лица. Например, показания глухого свидетеля об устном диалоге, который он «считывал» по губам, подлежит особо тщательной проверке на предмет возможных ошибок, поскольку такой способ восприятия информации зависит от дистанции, освещения, артикуляционных особенностей говорящего.

Усугубляет сложившуюся ситуацию наличие законодательного пробела, на который справедливо Елагина Е.В.: «в уголовно-процессуальном законе не предусмотрена возможность отказа переводчика (сурдопереводчика) от выполнения своих функций, если его знаний недостаточно» [2, с. 53]. Отсутствие института самоотвода переводчика при очевидной нехватке квалификации создает ситуацию, при которой лицо, заведомо неспособное обеспечить аутентичную передачу информации, вынуждено участвовать в производстве следственного действия, что в сочетании с высокими рисками смысловых искажений порождает дополнительную угрозу достоверности доказательств и возлагает повышенную ответственность на правоприменителя, так как он в отсутствие законодательного механизма саморегуляции переводчика должен компенсировать данный пробел посредством критической оценки процесса перевода, что не всегда возможно при дефиците соответствующих познаний.

Выявленные объективные и субъективные препятствия, возникающие при осуществлении проверки и оценки доказательств с неизбежностью ставят вопрос о необходимости изыскания дополнительных процессуальных и тактических средств подтверждения достоверности показаний, данных лицами с сенсорными нарушениями. В связи с этим в научном сообществе и практической среде периодически возобновляется дискуссия относительно целесообразности и допустимости использования психофизиологических исследований, проводимых посредством полиграфа.

Анализ правовой позиции высшей судебной инстанции свидетельствует о том, что Верховный Суд Российской Федерации, начиная с 2019 года, последовательно придерживается однозначной и непротиворечивой позиции о недопустимости использования результатов психофизиологической экспертизы (исследования) в качестве доказательств по уголовному делу (апелляционные определения от 09.07.2019 № 89-АПУ19-5[1], от 13.11.2019 № 5-АПУ19-80[2], от 19.11.2019 № 18-АПУ19-26[3], обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2025)[4] и пр.). Верховный Суд Российской Федерации, аргументируя свою позицию, указывает на вероятностный, а не достоверный характер выводов. Кроме того, суд указывает на отсутствие достаточной научной обоснованности применяемых методик, что в совокупности влечет несоответствие полученных данных требованиям относимости, допустимости и достоверности, предъявляемым к доказательствам 88 УПК РФ. По существу, полиграф рассматривается высшей судебной инстанции как инструмент, результаты применения которого не поддаются объективной и однозначной интерпретации, а также не могут быть подвергнуты всесторонней проверке в условиях состязательности судопроизводства.

Вместе с тем, особенности коммуникации и познавательной способности лиц, имеющих сенсорные нарушения, детерминируют необходимость поиска и внедрения специализированных экспертных методик, адаптированных к потребностям данной категории участников. В качестве надежного инструмента установления индивидуальных психологических особенностей и сенсорных нарушений субъекта взаимодействия Щерба С.П. рассматривает производство психолого-психиатрической экспертизы [3]. С данной позицией трудно не согласиться.

Проведение комплексной психолого-психиатрической экспертизы позволяет получить объективную и научно обоснованную информацию о структурно-динамических характеристиках личности, индивидуально-психологических и психофизиологических особенностях, которые выступили в качестве опосредующих факторов при формировании доказательственной информации. На наш взгляд, именно данные, полученные в ходе указанной экспертизы, могут составить методологическую основу для последующего корректного применения полиграфа.

Данные экспертного заключения, описывающие особенности нейродинамических процессов, вегетативного реагирования, эмоционального фона, модель реагирования на стресс и специфику эмоционального состояния в условиях ограниченности сенсорных функций могут быть использованы для обеспечения индивидуальной калибровки полиграфа с учетом нестандартных моделей физиологического реагирования, разработки персонализированных тестовых методик с учетом

[1] Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2019 N 89-АПУ19-5 / Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации [офиц. сайт]. URL: https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-09072019-n-89-apu19-5/ (дата обращения: 19.02.2026).

[2] Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13.11.2019 N 5-АПУ19-80 / Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации [офиц. сайт]. URL: https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rf-ot-13112019-n-5-apu19-80/ (дата обращения: 19.02.2026).

[3] Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 19.11.2019 N 18-АПУ19-26 / Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации [офиц. сайт]. URL: https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-19112019-n-18-apu19-26/ (дата обращения: 19.02.2026).

[4] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2025) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.04.2025): текст с изм. и доп. на 19 ноября 2025 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

доминирующих каналов восприятия и когнитивных возможностей лица, а также корректной интерпретации полученных полиграмм.

Синтез результатов психолого-психиатрической экспертизы и методики полиграфных исследований представляет собой перспективное направление в развитии инструментальных методов проверки доказательств. Реализация данного подхода способна кардинально изменить функциональное назначение полиграфа, трансформировав его из прибора, ориентированного на среднестатистические показатели, в научно обоснованный и персонифицированный диагностический комплекс, позволяющий минимизировать процессуальные риски и сформировать новую модель объективной проверки показаний лиц с сенсорными нарушениями на правдивость и достоверность. Такой подход, по нашему мнению, приведет от категорического запрета к разумному, контролируемому и этичному использованию современных психофизиологических технологий в уголовном процессе.

Таким образом, проведенный нами анализ позволяет сделать вывод, что доказывание по уголовным делам с участием лиц, имеющих нарушения сенсорных функций, характеризуется существенной спецификой обусловленной объективными и субъективными факторами, которые детерминируют опосредованный характер формирования доказательственной информации. В связи с этим, для оптимизации и объективизации как получения, так и последующей проверки доказательств особую значимость приобретает интеграция результатов психолого-психиатрической экспертизы с адаптированными психофизиологическими методами. Реализация изложенного подхода, а также повышение профессиональной компетентности правоприменителей в совокупности способны обеспечить достоверность и допустимость доказательств по делам рассматриваемой категории.

Список источников

1. Литвак А.Г. Психология слепых и слабовидящих: учеб. пособие / А.Г. Литвак; Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. СПб.: Изд-во РГПУ, 1998. 271 с.

2. Елагина Е. В. Институт специальных знаний в уголовном судопроизводстве: учебное пособие / Е. В. Елагина. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2019. 115 с.

3. Щерба С.П. Теоретические основы и особенности уголовного судопроизводства по делам лиц, страдающих физическими и психическими недостатками: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1990.

Информация об авторе

О.Г. Колесниченко — студентка 5 курса.

Information about author

O.G. Kolesnichenko — 5th year student.

Научная статья
УДК 349

ПРАВОВЫЕ КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ КЛИЕНТСКИХ КАРТ В СИСТЕМЕ СУДЕБНЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Кирилл Азерович ПРОКОФЬЕВ
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург, Россия
proklawyer@mail.ru

Научный руководитель старший преподаватель кафедры гражданского права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, **Вероника Сергеевна БЕЗЗАТЕЕВА**, bezzateeva@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматриваются правовая практика, которая сформировалась из-за введения клинических рекомендаций для оказания медицинской помощи, возникшие проблемы и трудности правового характера с организацией применения клинических рекомендаций, а также предложения и решения по данному вопросу.

Ключевые слова: понятие клинических рекомендаций, ответственность врача, законодательство Российской Федерации в области применения клинических рекомендаций

Original article

LEGAL CRITERIA FOR EVALUATING CLIENT CARDS IN THE JUDICIAL EVIDENCE SYSTEM

Kirill A. PROKOFIEV
Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, St. Petersburg, Russia
proklawyer@mail.ru

Scientific adviser Senior Lecturer at the Department of Civil Law of St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, **V.S. Bezzateeva**, bezzateeva@inbox.ru

Abstract. The article examines the legal practice that has emerged due to the introduction of clinical guidelines for the provision of medical care, the problems and legal difficulties that have arisen with the organization of the application of clinical guidelines, as well as suggestions and solutions on this issue.

Keywords: the concept of clinical recommendations, physician's responsibility, legislation of the Russian Federation in the field of application of clinical recommendations

С 1 января 2025 года медицинские организации оказывают медицинскую помощь на основе клинических рекомендации, что закреплено п. 4 ч. 1 ст. 37 федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее по тексту ФЗ «Об основах здоровья граждан»)[1] и регулируется правилами поэтапного перехода медицинских организаций к оказанию медицинской помощи

[1] Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 28.12.2024) (актуальная редакция) // «Российская газета» от 23.11.2011 г. № 263.

на основе клинических рекомендаций, разработанных и утвержденных в соответствии с частями 3, 4, 6—9 и 11 статьи 37 федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

Клинические рекомендации (КР) — это документы с научной информацией о профилактике, диагностике, лечении и реабилитации. Они включают протоколы ведения пациентов, варианты медицинского вмешательства и последовательность действий врача, учитывая течение заболевания, осложнения и сопутствующие болезни (п. 23 ч. 1 ст. 2 ФЗ «Об основах здоровья граждан»).

Медицинские профессиональные некоммерческие организации разрабатывают, в том числе с учетом результатов клинической апробации, и утверждают клинические рекомендации (ч. 2 ст. 76 ФЗ «Об основах здоровья граждан»). Одобренные и утверждённые документы размещаются на официальном сайте Минздрава России.

Как отмечал в своих работах Путило Н.В., «данное нововведение в теоретическом плане представляет собой отличную возможность избежать юридических прений между врачом и пациентом. Однако, в сообществе имеются вопросы в практическом плане введения клинических рекомендаций» [1, с. 331].

Отметим, что доктора ставили вопрос об обязательности вводимых клинических рекомендаций, что в последствии нашло свое отражение в позиции постановления пленума Верховного суда Российской федерации в п. 48 пленума от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда», где несоблюдение КР фактически приравнено к дефекту оказания медицинской помощи. Также данное постановление проясняет ситуацию со стороной, которая должна доказывать свою невиновность. В данном случае именно на ответчика возлагается ответственность доказать наличие оснований для освобождения от ответственности за ненадлежащее оказание медицинской помощи.

Введение клинических рекомендаций потребовало закрепление для врача шкалы оценки уровней достоверности доказательств (далее по тексту, УДД) и шкала оценки уровней убедительности рекомендаций (далее по тексту, УУР)[1]. Врач выбирает рекомендации самостоятельно, учитывая все доступные варианты. Также с данной позицией согласен медицинский юрист Двинянидов В.А.: «Следовательно, медицинский работник имеет право самостоятельно выбирать тезис-рекомендацию независимо от УРР. Не исключено, что регулятор допустил подобный «люфт» из-за неравных возможностей региональных учреждений здравоохранения. При буквальном толковании положений приказа № 103н, принимая решение, врач должен учитывать все тезисы-рекомендации»[2].

Для решения данного вопроса юристу следует обратиться к Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 10 мая 2017 г. № 203н «Об утверждении критериев оценки качества медицинской помощи». Критерии качества применяются по группам заболеваний (состояний) и по условиям оказания медицинской помощи (в амбулаторных условиях, в условиях дневного стационара и стационарных условиях).

В юридической практике выделяют три группы критериев оценки качества медицинской помощи: Событийные — оценивают выполнение или невыполнение медицинских услуг и назначение лекарств, особенно тех методов, которые влия-

[1] «Клинические рекомендации: в чём подвох» Текст: электронный // URL: https://vspru.ru/association/rukovodstvo-vsp/zhulev/2024/09/23092024-klinicheskie.

[2] Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации Приказ от 20 февраля 2014 г. №103н «О внесении изменений и признании утратившими силу некоторых нормативных правовых актов министерства труда и социального развития российской федерации, министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации, министерства труда и социальной защиты Российской Федерации» (ред. от 12.05.2025) (актуальная редакция).

ют на качество помощи; Временные — оценивают своевременность выполнения медицинских услуг и назначения лекарств, соблюдение сроков; Результативные — оценивают эффективность лечения и реабилитации, достижение целевых значений исходов и предотвращение осложнений.

Также при доказательстве некачественного оказания услуг могут понадобиться документы: договор с клиникой и чеки, медицинская документация из клиники, документы о фактах обращения в другие клиники из-за причиненного ущерба, документы проверки качества медицинской помощи.

По вопросу использования препаратов, которые не входят в клинические рекомендации, законодательство отвечает, что препараты вне клинических рекомендаций применяются по решению врачебной комиссии при медицинских показаниях (индивидуальная непереносимость, жизненные показания). Это регулируется ч. 15 ст. 16 ФЗ «Об основах здоровья граждан». Стандарты медпомощи разрабатываются на основе клинических рекомендаций и включают усредненные показатели частоты и кратности применения зарегистрированных препаратов (п. 2 ч. 14 ст. 37 этого же закона).

Использование препаратов не по инструкции (off-label) в юридической практике регулируется клиническими рекомендациями. В Требованиях к структуре КР, утвержденных приказом Минздрава Российской Федерации от 28 февраля 2019 г. № 103н, указано, что перед наименованием такого препарата ставится знак «#» и указываются ссылки на клинические исследования или источники литературы. Однако назначение off-label препаратов через врачебную комиссию занимает много времени.

Врач может быть привлечен к дисциплинарной ответственности (вынесения замечания, выговора, увольнения). Напомним, что соблюдение КР является должностной обязанностью медицинского работника. Также врач может привлекаться к уголовной ответственности, например ст. 124 Уголовного кодекса РФ (далее по тексту, УК РФ) («Неоказание помощи больному»). Что касается медицинской организации и ее должностных лиц (главных врачей, заведующих подразделениями и др.), то они могут быть привлечены к административной и гражданско-правовой ответственности в случае несоблюдения работниками учреждения положений КР.

Навасардян А.Р. Отмечал, что: «Административная ответственность за грубое нарушение лицензионных требований возможна по ч. 4 ст. 14.1 или ч. 3 ст. 19.20 КоАП РФ. Это может повлечь штраф или приостановление деятельности» [2, с. 291] (пп. «а» п. 6, п. 7 Положения о лицензировании медицинской деятельности, утв. постановлением Правительства РФ от 01.06.2021 № 852).

Также несоблюдение КР при оказании медицинской помощи в сфере ОМС может привести к санкциям со стороны страховых компаний по результатам экспертизы качества медпомощи на основании приказа Минздрава России от 19.03.2021 № 231н.

Из вышеуказанного следует, что клинические рекомендации — это документы закрепляющие, определенные методики лечения отдельных болезней, закрепленные для всех медицинских учреждений и не соблюдение их может привести к юридическим последствиям. Нужно отметить, что следует доработать систему принятия решения врачом по использованию определенной клинической рекомендации, что позволит избежать вопросов к качеству оказания медицинских услуг. Предполагается введение отдельного положения по списку препаратов, которые возможно использовать независимости от клинических рекомендаций. Создать отдельные критерии при использовании препаратов не по инструкции.

Список источников

1. Путило Н.В., Маличенко В.С. Роль клинических рекомендаций в организации оказания медицинской помощи // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021. №2. С.331-337

2. Навасардян А.Р., Марцевич С.Ю., Габай П.Г. Назначение лекарственных препаратов не в соответствии с официальной инструкцией по медицинскому применению (off-label), клинические рекомендации, стандарты оказания медицинской помощи и правовое регулирование в российской федерации. часть 2 // РФК. 2021. № 2. С. 286—293

Информация об авторе

К.А. Прокофьев — студент 2 курса.

Information about author

K.A. Prokofiev — 2nd year student.

Научная статья
УДК 343.9

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ ПОРТРЕТНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Надежда Викторовна ТЕРЕХОВА
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
nadya.2004497@gmail.com

Научный руководитель доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Мария Александровна ГРИГОРЬЕВА**, mgrek@inbox.ru

Аннотация. В статье анализируется современное состояние портретной экспертизы. Автор уделяет особое внимание проблемам практической реализации: низкому качеству объектов, предоставляемых на исследование, и субъективизму при оценке признаков внешности. Предложены способы повышения достоверности идентификационных исследований.

Ключевые слова: портретная экспертиза, криминалистика, портретная идентификация, качество изображений

Original article

ON THE USE OF PORTRAIT EXPERTISE

Nadezhda V. TEREKHOVA
St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia
nadya.2004497@gmail.com

Scientific adviser Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's

Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor **M.A. Grigorieva,** mgrek@inbox.ru

Abstract. The article analyzes the current state of portrait examination. The author pays special attention to the problems of practical implementation: the low quality of objects provided for examination and the subjectivity in the assessment of features. The article suggests ways to increase the reliability of identification studies.

Keywords: portrait expertise, forensics, portrait identification, image quality

Современная наука не стоит на месте. В эпоху цифровизации и глобализации активно распространяются системы видеонаблюдения, фотоаппараты, камеры мобильных телефонов, тем самым изображение человека становится одним из наиболее распространенных объектов криминалистического исследования. Нетрудно догадаться, что портретная экспертиза занимает особое место в системе идентификационных исследований, поскольку позволяет идентифицировать человека по признакам внешности, зафиксированным на материальных носителях.

Как отмечают исследователи, портретная экспертиза относится к наиболее сложным родам экспертизы, поскольку при ее производстве используется комплекс методов: сравнительных, измерительных, графических, математических и кибернетических. Они обеспечивают всесторонний анализ не только качественных, но и количественных характеристик признаков внешности лиц, интересующих следствие [1].

Историю отечественной судебно-портретной экспертизы принято связывать с советским государственным деятелем Н.В. Вороновского. В своем труде 1931 года «Уголовная техника» он одним из первых указал на специфику идентификации по фотопортретам, отметив, что данный метод уступает дактилоскопии в точности и простоте. Однако, стоит отметить, что подлинно научную базу для этого направления заложил Н.В. Терзиев. Его работы середины XX века стали фундаментом для развития судебного портретоведения. Базовые принципы производства экспертизы ученый сформулировал в учебнике по криминалистике 1950 года, а спустя год развил их в авторском курсе лекций. Наиболее полное и системное изложение методов сравнительного анализа, внедренных в экспертную практику, представлено в его монографии «Криминалистическое отождествление личности по признакам внешности». Именно исследования Н.В. Терзиева послужили катализатором для формирования отечественной школы судебно-портретной идентификации [2, с. 23].

На современном этапе судебно-портретная экспертиза динамично развивается. Внедряются цифровые технологии, искусственный интеллект, что существенно расширяет её идентификационные возможности. О возрастающей роли портретных экспертиз наглядно свидетельствует пример из правоприменительной практики правоохранительных органов Санкт-Петербурга: благодаря такой экспертизе участник СВО избежал несправедливого наказания (штрафа). Анализ видеозаписей выявил расхождения в признаках внешности[1]. Этот пример показывает, что портретная экспертиза стала важным инструментом в работе правоприменителей.

Отметим, что деятельность государственных судебных экспертов в Российской Федерации осуществляется в строгих правовых условиях. Основополагающим нормативным актом выступает Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», который закрепляет, определяет правовую основу, принципы организации и основные направления государственной судебно-экспертной деятельности в уголовном су-

[1] Суд в Петербурге отменил наказание участнику СВО после портретной экспертизы. [Электронный ресурс] // URL: https://smotrim.ru/article/4731897.

допроизводстве. Можно сделать вывод, что развитие судебно-портретной экспертизы на сегодняшний день носит комплексный характер. С одной стороны, идет развитие научных подходов и методик (например, появляются новые компьютерные программы для распознавания лиц), с другой, законодательство адаптируется к этим новшествам, регламентирует порядок их применения.

Вместе с тем, несмотря на многолетнюю историю и высокую значимость судебно-портретной экспертизы в раскрытии преступлений, её практическая реализация сегодня сталкивается с рядом серьёзных проблем, требующих оперативного решения. Сложность данной экспертизы обусловлена не только техническими аспектами, но и методическими пробелами, которые напрямую влияют на достоверность заключений экспертов.

По нашему мнению, прежде всего, остро стоит вопрос качества объектов, предоставляемых на исследование. Как отмечает В.Ю. Молчанова, «проблемным аспектом по данному вопросу выступает предоставление низкокачественных фото и видеоизображений». Автор подчёркивают, что «всё чаще на экспертную проверку стали направляться распечатки стоп-кадров видеозаписей, файлы на дисках, которые содержат изображения лиц», что изначально закладывает дефекты в объект исследования. В идеале эксперту нужны оригиналы снимков, но на практике приходится работать с копиями, что снижает точность идентификации [3, с. 580].

По нашему мнению, необходимость предоставления оригиналов фотографий имеет ключевое значение. Полагаем, именно оригинал обладает полным объемом нужной для исследования информации.

Как отмечает А.М. Зимин, «на изображениях, полученных с помощью камер видеонаблюдения, лицо человека обычно запечатлено в ракурсе сверху вниз, при рассеянном искусственном освещении, такие изображения не отличаются хорошим качеством отображения признаков элементов лица» [4, с. 65]. Действительно, видеокамеры могут сильно искажать признаки внешности человека, что может привести к отказу от проведения экспертизы из-за неудовлетворительного качества исходных изображений.

Полагаем, для решения данной проблемы следует вместо предоставления распечаток требовать предоставление эксперту оригинала видеозаписи на цифровом носителе. Это позволит эксперту самому работать с видео, выбирать наиболее удачные кадры и использовать программные средства для улучшения изображения. Кроме того, немаловажным будет разработка и законодательное закрепление минимальных технических требований к системам видеонаблюдения, устанавливаемым в местах с повышенными рисками (банки, крупные торговые центры и т.д.).

В своей статье М.С. Михайлова обращает внимание на серьезный недостаток современной портретной экспертизы — несовершенство методик и связанный с этим риск субъективных оценок. Автор прямо пишет о «несовершенстве существующей методологии проведения портретной экспертизы, в результате чего возникает риск субъективизма при оценке изображений» [5, с. 75]. Это означает, что выводы эксперта во многом зависят от его личного восприятия.

М.С. Михайлова поясняет, что даже научные методы не спасают от субъективности. Например, при использовании вероятностно-статистического метода эксперт вынужден оценивать признаки «умозрительно, исходя из системы словесного портрета и знания градаций признаков». Иными словами, даже имея перед собой таблицы и методики, специалист в конечном счете полагается на свой взгляд и опыт, что не может гарантировать полную объективность. Что касается решения данной проблемы, автор видит выход в использовании компьютерных технологий. Она пишет, что «современные компьютерные технологии позволили модернизировать вероятностно-статистический метод... посредством использования специализиро-

ванных программных средств». Однако автор не уточняет, как именно программы помогают снизить субъективность.

По нашему мнению, субъективизм действительно является серьезной проблемой, ведь когда вывод эксперта строится на том, как он лично «увидел» и оценил признаки, всегда остается место для ошибки (случайной, умышленной) или неоднозначности. Полагаем, что давно назрела необходимость в закреплении единых стандартов оценки. Должно быть четко установлено: сколько совпадений необходимо для положительного вывода, какая погрешность допустима, при каких условиях можно говорить о сходстве, а не о тождестве. Такое заключение эксперта будет более достоверным и понятным для правоприменителей.

Таким образом, проблема субъективизма, освещаемая С.М. Михайловой, действительно требует решения. Полагаем, необходимо создание объективных методик, где мнение эксперта будет опираться, например, на цифры, а не только на его профессиональный опыт и хорошие навыки сопоставления.

Резюмируя, отметим, что портретная экспертиза, имея прочную научную основу, заложенную еще в середине XX века, сегодня активно развивается благодаря внедрению цифровых технологий. Однако, несмотря на это, на практике существуют серьезными проблемы. Главными из них являются низкое качество объектов, предоставляемых на исследование (стоп-кадры, копии снимков) и риск субъективной оценки признаков из-за несовершенства методик. Для повышения достоверности заключений экспертов, по нашему мнению, необходимо законодательно закрепить единые стандарты оценки изображений и обязать правоприменителей предоставлять на исследование экспертам оригиналы файлов.

Список источников

1. Ищенко Е.П., Топорков А.А. Криминалистика: Учебник. Изд. 2-е, испр. и доп. / Под ред. док-тора юридических наук, профессора Е.П. Ищенко. М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ», «ИНФРА-М», 2006. 748 с. (Серия «Высшее образование»).

2. Самошина З.Г. Судебное портретоведения / История и современность // Вестник Моск. Право 2005 № 6.

3. Молчанова В.Ю. Актуальные проблемы назначения и производства фотопортретной экспертизы / В. Ю. Молчанова. Текст : непосредственный // Молодой ученый. 2022. № 21 (416). С. 580—581. URL: https://moluch.ru/archive/416/91953.

4. Зинин А.М. Актуальные проблемы судебной портретной экспертизы // Вестник экономической безопасности. 2018. № 1. С. 64—66. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-sudebnoy-portretnoy-ekspertizy.

5. Михайлова М.С. Отдельные вопросы проведения портретной экспертизы в рамках криминалистического исследования // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 11—3. С. 74—76. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otdelnye-voprosy-provedeniya-portretnoy-ekspertizy-v-ramkah-kriminalisticheskogo-issledovaniya.

Информация об авторе

Н.В. Терехова — студентка 4 курса.

Information about author

N.V. Terekhova — 4th year student.

V. ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ВЗГЛЯД МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Научная статья
УДК 347

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОКУРОРОМ ПОЛНОМОЧИЙ ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАН В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Ксения Алексеевна АБИБУЛАЕВА[1], **Павел Олегович ИЩЕНКО**[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
[1] abibulaeva2003@mail.ru
[2] pavelishchenko@icloud.com

Научный руководитель доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел, кандидат юридических наук, доцент **Игорь Юрьевич МУРАШКИН**, igormurashkin@mail.ru

Аннотация. Научная статья посвящена проблемам, возникающим у прокурорских работников при осуществлении полномочий в ходе ненадзорной деятельности – участии в рассмотрении дел судами в порядке административного судопроизводства. Автором выявлена и изучена проблематика, а также предложены изменения в федеральное законодательство.

Ключевые слова: прокурор, административное судопроизводство, права и свободы, КАС РФ

Original article

ON SOME ISSUES OF THE PROSECUTOR'S REALIZATION OF AUTHORITIES TO PROTECT THE RIGHTS AND LEGAL INTERESTS OF CITIZENS IN ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS

Ksenia A. ABIBULAEVA[1], **Pavel O. ISHCHENKO**[2]
[1,2] St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia
[1] abibulaeva2003@mail.ru
[2] pavelishchenko@icloud.com

Scientific adviser Associate Professor of the Department of Prosecutorial Supervision and Prosecutor's Participation in the consideration of Criminal, Civil and Arbitration Cases, Candidate of Law, Associate Professor **I.Y. Murashkin,** igormurashkin@mail.ru

Abstract. The scientific article is devoted to the problems that arise for prosecutors in the exercise of their powers in the course of non–supervisory activities - participation in the consideration of cases by the courts in the order of administrative proceedings. The author has identified and studied the issues, as well as proposed changes to federal legislation.

Keywords: prosecutor, administrative proceedings, rights and freedoms, The Code of Administrative Procedure of the Russian Federation

В российской правовой системе защиты субъективных прав, свобод и интересов человека и гражданина основополагающее значение приобретает государственная защита, включающая в себя функционирование внесудебных правозащитных механизмов [1, с. 45]. Существенное значение в данном процессе имеют органы прокуратуры Российской Федерации (далее — РФ, Россия).

Учитывая специфику административного судопроизводства (далее — процесс), заключающуюся в неравном правовом положении субъектов спорных правоотношений, в которых, с одной стороны, выступает субъект, обладающий властно-распорядительными полномочиями, а с другой — гражданин или организация, не обладающие таковыми, представляется, что участие органов прокуратуры, как механизма, призванного обеспечить баланс прав сторон, является необходимым.

Правовое регулирование деятельности прокурора в административном судопроизводстве носит комплексный характер, поскольку нормы, непосредственно посвященные данному направлению прокурорской деятельности, регламентированы как на уровне федерального законодательства, так и регулируются положениями ведомственных правовых актов, относящихся к деятельности прокуроров в административном процессе.

Однако практическая реализация отдельных полномочий прокуроров сталкивается с определенными проблемами, требующими их анализа и дальнейшего разрешения.

Так, возможность обращения прокурора в защиту прав и законных интересов гражданина обусловлена особенностями, когда последний по ряду уважительных причин не может самостоятельно обратиться с заявлением в суд. Согласно ч. 1 ст. 39 Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (далее — КАС РФ, Кодекс). прокурору предоставляется возможность реализовать полномочие на обращение в суд с административным исковым заявлением в защиту интересов гражданина. К таковым относятся состояние здоровья гражданина, лишающего гражданина возможности самостоятельного обращения в суд, а также возраст и иные уважительные причины. Исключений из указанного перечня законодателем не предусмотрено.

Наряду с положениями гражданского процессуального законодательства, ученые-правоведы подвергают критике закрепленное в ст. 39 Кодекса ограничение прокурора, не подлежащее расширительному толкованию, на обращение с исковым заявлением лишь при наличии законодательно закрепленного перечня уважительных обстоятельств, при наличии которых самостоятельная защита нарушенных или оспариваемых прав стороной спорного правоотношения представляется невозможной. Например, О.В. Гречкина отмечает, что «функция надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, обязывающая прокурора вставать на защиту нарушенных прав, напрочь забыта. Между тем, учитывая специфику споров, целесообразно и уместно включение в КАС РФ положений, аналогичных тем, которые содержатся в ГПК РФ и позволяют прокурору в ряде случаев обращать-

ся в защиту интересов граждан по их просьбе вне зависимости от ограничений» [2, с. 73].

Поскольку по правилам КАС РФ разрешаются дела, возникающие из правоотношений, не основанных на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников, в рамках которых одна из сторон спорного правоотношения реализует предоставленные административные и иные властные полномочия, представляется, что такое неравенство в указанной сфере лишь подчеркивает первостепенную необходимость защиты прав более уязвимой стороны процесса, поскольку такая ситуация ставит гражданина, защита прав и свобод которого является обязанностью государства, в менее защищенное положение.

Несмотря на схожесть гражданского и административного судопроизводств, необходимо отметить невозможность полноценного заимствования положений гражданского процессуального законодательства.

Так, Пленум Верховного Суда Российской Федерации, будучи органом, обеспечивающим правильное и единообразное применение законов, разъясняя вопросы применения Кодекса, указал, что порядок рассмотрения судами дел по правилам КАС исключает производство по следующим категориям: «дела, связанные с доступом и прохождением различных видов государственной службы, муниципальной службы, а также дела, связанные с назначением и выплатой пенсий, реализацией гражданами социальных прав, дела, связанные с предоставлением жилья по договору социального найма, договору найма жилищного фонда социального использования, договору найма специализированного жилищного фонда, экономические споры и другие дела, которые связаны с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности и отнесены законом к компетенции арбитражных судов».

В научной литературе оспаривается тот факт, что споры, возникающие в связи с нарушением социальных прав граждан, не могут быть предметом рассмотрения административного судопроизводства. Согласно Конституции Российской Федерации, российское государство является, в первую очередь, социальным, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Представляется обоснованным, что именно государство должно занимать активную позицию в обеспечении социальных прав граждан, что подразумевает эффективную судебную и административную защиту социальных прав граждан. В связи с этим, представляется разумным включить категорию прав граждан, в которых одной из сторон выступает представитель власти, в качестве исключения из иных названных категорий ч. 1 ст. 39 КАС РФ для обращения прокурора в суд с административным исковым заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов граждан.

Необходимо отметить позицию Верховного Суда Российской Федерации, согласно которой прокурор при осуществлении надзорной деятельности вправе обратиться в защиту прав и законных интересов лишенных свободы лиц, с административным исковым заявлением, содержащим требование о соблюдении условий их содержания, например об обеспечении минимальными нормами питания, о надлежащем материально-бытовом обеспечении.

С учетом изложенного, предлагается изложить ч. 1 ст. 39 Кодекса в следующей редакции: «1. Прокурор вправе обратиться в суд с административным исковым заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц или интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, а также в других случаях, предусмотренных федеральными законами. Административное исковое заявление в защиту прав, свобод и законных интересов гражданина, являющегося субъектом административных

и иных публичных правоотношений, может быть подано прокурором только в случае, если гражданин по состоянию здоровья, возрасту, недееспособности и другим уважительным причинам не может сам обратиться в суд. Указанное ограничение не распространяется на заявление прокурора, основанием для которого является к нему обращение граждан о защите нарушенных или оспариваемых прав по делам, связанным с исполнением уголовного наказания, избирательных прав, охраны здоровья, включая медицинскую помощь».

Данная модернизация позволит органам прокуратуры реагировать на большее количество правонарушений, допущенных со стороны органов власти, повлекших нарушения прав граждан, что в контексте конституционной обязанности со стороны государства будет способствовать эффективной защите прав менее защищенной стороны спорного правоотношения.

Список источников

1. Москалева Г.И. Правовая основа участия прокурора в административном судопроизводстве // Молодые исследователи за устойчивое развитие. Петрозаводск. 2022. С. 44—49.

2. Гречкина О.В. Полномочия прокурора в административном судопроизводстве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 11. С. 73—75.

Информация об авторах

К.А. Абибулаева — студентка 5 курса.
П.О. Ищенко — студент 5 курса.

Information about authors

K.A. Abibulaeva — 5th year student.
P.O. Ishchenko — 5th year student.

Научная статья
УДК 342.951:351.82

НЕКОТОРЫЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В ДЕЛАХ О ЗАЩИТЕ ТРУДОВЫХ ПРАВ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ГПК РФ И КАС РФ

Даниил Вячеславович АНДРЕЕВ
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
a.d.v_2004@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Ольга Андреевна ГУРЕЕВА**, olga-gur@yandex.ru

Аннотация. Автор анализирует различия правового регулирования участия прокурора в делах о защите трудовых прав по ч. 3 ст. 45 ГПК РФ и по ч. 7 ст. 39 КАС РФ, где прокурор участвует лишь в предусмотренных законом случаях. Особое внимание уделено спорам об увольнении военнослужащих, рассматриваемым по правилам гл. 22 КАС РФ, несмотря на их сходство с трудовыми спорами. Рассмотрены различия в процессуальных режимах, которые создают пробелы в гарантиях защиты прав

военнослужащих, находящихся в отношениях власти и подчинения, что обуславливает необходимость уточнения роли прокурора в исследуемой категории дел.

Ключевые слова: прокурор, гражданский процесс, административное судопроизводство, увольнение военнослужащих, восстановление на работе, судебная защита, процессуальные гарантии

Original article

SOME PROCEDURAL ASPECTS OF THE PROSECUTOR'S PARTICIPATION IN CASES ON PROTECTION OF LABOR RIGHTS: COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CIVIL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE CODE OF ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Daniil V. ANDREEV
St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia
a.d.v_2004@mail.ru

Scientific adviser Candidate of Law, Associate Professor, Department of State and Legal Disciplines, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, **O.A. Gureeva**, olga-gur@yandex.ru

Abstract. The author analyzes the differences in the legal regulation of the prosecutor's participation in cases of protection of labor rights under Part 3 of Article 45 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation and under Part 7 of Article 39 of the Administrative Procedure Code of the Russian Federation, where the prosecutor participates only in cases provided for by law. Special attention is paid to disputes regarding the dismissal of military personnel, which are considered under the rules of Chapter 22 of the Administrative Procedure Code of the Russian Federation, despite their similarities with labor disputes. The article examines the differences in procedural regimes that create gaps in the guarantees of protection of the rights of military personnel who are in a relationship of authority and subordination, which necessitates clarifying the role of the prosecutor in the category of cases under study.

Keywords: prosecutor, civil procedure, administrative proceedings, dismissal of military personnel, reinstatement, judicial protection, procedural guarantees

Проблема участия прокурора в гражданском и административном судопроизводстве имеет давнюю теоретическую и практическую значимость. Право граждан на труд и защиту от незаконного увольнения, равно как и контроль законности решений властных структур — задачи, которые в идеале должны уравновешивать частный и публичный интерес. Однако действующее законодательство Российской Федерации устанавливает различные правила участия прокурора в зависимости от природы правоотношений: частноправовых либо публично-правовых. В частности, нормы Гражданского процессуального кодекс Российской Федерации (далее — ГПК РФ)[1] прямо предписывают участие прокурора в ряде категорий дел, включая

[1] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ текст с изм. и доп. на 31 июля 2025 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

восстановление на работе, тогда как Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (далее — КАС РФ)[1] содержит иную формулировку — прокурор участвует лишь «в случаях, предусмотренных Кодексом или федеральным законом» (ч. 7 ст. 39 КАС РФ). При этом споры об увольнении военнослужащих, хотя фактически и связаны с лишением права на продолжение службы, рассматриваются в порядке административного судопроизводства (глава 22 КАС РФ), что исключает обязательность участия прокурора в административном деле. Цель настоящей работы — исследовать нормативные основания такой дифференциации, выявить проблематику правоприменения, а также оценить, насколько существующие нормы обеспечивают защиту социальных и публичных интересов.

Так, ст. 45 ГПК РФ предусматривает две формы участия прокурора в гражданском деле: во-первых, прокурор вправе обратиться в суд с иском в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц или публичных интересов; во-вторых — прокурор вступает в уже начатое дело для дачи заключения по определенным категориям споров.

Следовательно, ч. 3 ст. 45 ГПК РФ прямо называет среди таких категорий дела о восстановлении на работе после незаконного увольнения. При этом организационно-распорядительные акты прокуратуры, например, действующий Приказ Генерального прокурора РФ № 2 от 11 января 2021 г. «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве» закрепляют обязанность прокурора обеспечивать участие в таких делах и давать мотивированное заключение[2].

В научной доктрине подчеркивается, что обязательность участия прокурора в обозначенных спорах обусловлена публично-социальной природой трудовых отношений, неравенством сторон, а также необходимостью независимого контроля за соблюдением закона при увольнении и восстановлении на работе [1, с. 15—19].

Следовательно, законодатель и органы прокуратуры осознают, что споры о восстановлении на работе — это не просто противостояние частного характера, а предмет, затрагивающий публичные интересы, требующие вступления прокурора в процесс, как гаранта законности и справедливости.

КАС РФ, регулируя публично-правовые споры, иной источник ответственности и иной характер правоотношений, в ч. 7 ст. 39 КАС РФ содержит лишь общий принцип: прокурор может участвовать в административных делах, если это предусмотрено Кодексом или федеральным законом. Такая формулировка — не императив, а дискретна, зависима от конкретной нормы.

Кроме того, ч. 3 ст. 35 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-I «О прокуратуре Российской Федерации» предписывает участие прокурора в соответствии с процессуальным законодательством Российской Федерации: прокурор вправе обращаться в суд с заявлением или вступать в дело на любой стадии процесса, если этого требует защита прав граждан и охраняемых законом интересов общества или государства[3].

При этом глава 22 КАС РФ посвящена обжалованию решений, действий (бездействия) органов власти и служебных дисциплинарных решений в отношении военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов и других категорий.

[1] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации : Федеральный закон от 08 марта 2015 г. № 21-ФЗ : текст с изм. и доп. на 31 июля 2025 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве : Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 11 января 2021 г. № 2 : текст с изм. и доп. на 19 октября 2022 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 : текст с изм. и доп. на 03 февраля 2025 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Увольнение военнослужащих — акт публичной власти, сопряженный с дисциплинарной (служебной) спецификой, подчиненностью, исполнением властных решений, что отличает его от типичного трудового спора. В этой связи такие дела рассматриваются по административному, а не гражданскому, порядку[1].

Таким образом, норма КАС РФ об участии прокурора носит факультативный характер — однако, отсутствие прямого предписания не должна означать, что в этом процессе участие прокурора не обязательно.

На первый взгляд, дифференциация выглядит логичной: трудовые споры — в ГПК РФ, публично-правовые — в КАС. Тем не менее, при применении этой модели возникают системные проблемы.

Во-первых, социально значимые споры об увольнении военнослужащих, по существу, аналогичны трудовым: прекращение службы, лишение возможности трудиться, утрата социальных гарантий, ущерб личным правам. Несмотря на публично-правовую природу, такие дела требуют тех же гарантий законности и защиты индивидуальных прав, что и в гражданском процессе.

Во-вторых, отсутствие обязательного участия прокурора в таких делах снижает степень публичного контроля и возникают риски с точки зрения правовой защиты. В условиях строгой иерархии военнослужащих, зависимости от командования, ограничения самостоятельности защита может оказаться формальной.

В-третьих, практическая реализация прокурорского надзора в административных делах разнится значимо от гражданского процесса. Даже если прокурор привлекается, его участие чаще зависит от субъективной оценки надзорного органа или усмотрения суда, что не обеспечивает равенства гарантий для всех военнослужащих на всей территории страны.

Эти недостатки отмечаются в юридической литературе: некоторые исследователи указывают, что ведомственные приказы Генеральной прокуратуры хотя и регламентируют участие прокуроров, но не способны компенсировать отсутствие законодательно закрепленной обязанности во всех категориях дел [2, с. 154—156].

Таким образом, существенно необходимо, обратиться к примерам из судебной практики, на предмет того, как реализуется участие прокурора на практике, и какие проблемные моменты выявляются.

Решение Красноярского гарнизонного военного суда (Красноярский край) № 2А-55/2020 2А-55/2020~М-62/2020 М-62/2020 от 2 сентября 2020 г. по делу № 2А-55/2020 — дело о восстановлении на работе военнослужащего. При этом в материалах дела видно, что прокурор участвовал и давал заключение, что свидетельствует о признании спорной природы увольнения как нарушения трудовых (служебных) прав и необходимости прокурорского вмешательства. Однако в ряде аналогичных дел прокурор, может быть, не привлечен, что дает основания говорить о непоследовательности применения нормы[2].

Решение Смоленского гарнизонного военного суда (Смоленская область) № 2а-67/2021 ~ М-34/2021 от 18 мая 2021 г. по делу № 2а-67/2021 — также о восстановлении военнослужащего. В решении суда апелляционной инстанции отмечено, что дело рассматривается по правилам, аналогичным трудовому спору, с участием прокурора. Вместе с тем решение апелляционной инстанции не всегда содержит

[1] О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 г. № 8 : текст с изм. и доп. на 28 октября 2025 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Решение Красноярского гарнизонного военного суда (Красноярский край) № 2А-55/2020 2А-55/2020~М-62/2020 М-62/2020 от 2 сентября 2020 г. по делу № 2А-55/2020. Текст : электронный // СудАкт: Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/sHQbWtxTlRUp/ (дата обращения: 29.11.2025).

в мотивировочной части решения суда, почему суд применил гражданско-процессуальные нормы, хотя предмет — увольнение, т. е. публичное решение командования. Это указывает на то, что суды де факто «переходят» к гражданскому порядку рассмотрения спора, игнорируя формальное административное основание[1].

Оба примера иллюстрируют, что на практике суд использует гибкий подход: критерии, по которым выбирается гражданский или административный порядок судебной защиты, не закреплены четко, что порождает правовую неопределенность. Для истца-военнослужащего — неопределенность, в плане зависимости от того, будет ли привлечен прокурор, и от того, как суд квалифицирует спор, для прокурора, участвующего в процессе — позиция законодателя и Генеральной прокуратуры четкая и единая — прокурор реализует в судебных процессах только те формы участия, которые предусмотрены действующим законодательством, а не усмотрением суда, и в частности глава 22 КАС РФ не предусматривает такую форму участия прокурора, как вступление в процесс для дачи заключения по административному делу, что создает трудности в правоприменительной практике. Следовательно, для участия прокурора в судебном процессе, ему необходимо каждый раз обосновывать наличие полномочий на вступление в разбирательство, что обуславливает возникновение проблем в случаях, не требующих отлагательство.

Учитывая выявленные недостатки, представляется целесообразным рассмотреть следующие варианты нормативного реформирования.

Внести соответствующие изменения в нормы КАС РФ, устанавливающие обязательное участие прокурора при обжаловании увольнения военнослужащих (и, возможно, иных публично-правовых увольнений), аналогично ч. 3 ст. 45 ГПК РФ, что обеспечит институциональные гарантии, соответствующие значимости публично-правового спора, а также конституционные гарантии обеспечивающие право на труд.

Усилить организационно-распорядительные документы органов прокуратуры (например, через Приказы Генерального прокурора), чтобы обеспечить системный подход к привлечению прокурора в такие дела, даже если закон напрямую этого не требует. Однако в научной литературе звучит предупреждение, что ведомственные приказы не могут заменить законодательные нормы: «для полноценного регулирования участия прокурора ... одного общего приказа ... явно недостаточно» [3, с. 167—170].

Сопоставительный анализ вышеназванных норм показывает, что законодательство России в настоящий момент допускает институциональную асимметрию в защите социальных прав граждан, зависящих от их правового статуса. В делах о восстановлении на работе ГПК РФ надежно обеспечивает участие прокурора; в отношении увольнения военнослужащих — несмотря на фактическое сходство споров — такая гарантия отсутствует. Обозначенное создает «зону правовой неопределенности», снижает эффективность судебной защиты и ослабляет публичный контроль над решениями структур, обладающих властными полномочиями. Для устранения выявленных в ходе исследования недостатков необходимо либо расширить перечень обязательных категорий для участия прокурора в судебных процессах, либо разработать отдельный нормативный правовой механизм, обеспечивающий равенство защиты трудовых (служебных) прав вне зависимости от правового статуса работника.

[1] Решение Смоленского гарнизонного военного суда (Смоленская область) № 2а-67/2021-М-34/2021 от 18 мая 2021 г. по делу № 2а-67/2021. Текст : электронный // АКТОФАКТ: Архив судебных дел и решений : [сайт]. URL: https://actofact.ru/case-77GV0021-2a-67-2021-m-34-2021-2021-04-02-0-0/ (дата обращения: 29.11.2025).

Список источников

1. Багнюков Д. А. Актуальные проблемы участия прокурора в гражданском процессе / Д. А. Багнюков. Текст : непосредственный // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 87. С. 15—19.
2. Асеева М. А. Участие прокурора в гражданском процессе: проблемные аспекты / М. А. Асеева. Текст : непосредственный // Молодой ученый: сборник статей VIII Международной научно-практической конференции. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». 2024. С. 154—156.
3. Милосердов Н. А. Некоторые вопросы деятельности прокурора по защите прав и законных интересов несовершеннолетних в гражданском процессе / Н. А. Милосердов. Текст : непосредственный // современная наука: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей IX Международной научно-практической конференции. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». 2019. С. 167—170.

Информация об авторе

Д.В. Андреев — студент 4 курса.

Information about author

D.V. Andreev — 4th year student.

Научная статья
УДК 343.8

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ЗАКОННОСТЬЮ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ, НЕ СВЯЗАННЫХ С ИЗОЛЯЦИЕЙ ОТ ОБЩЕСТВА, КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ

Вероника Валерьевна БРИТАЕВА[1], Ирина Витальевна ИРДУЛИНА[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] vvvalerevna@mail.ru
[2] irf.vitalievna2017.04@yandex.ru

Научный руководитель доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Вадим Васильевич ОМЕЛЬЯНОВИЧ,** omeljanovichv@rambler.ru

Аннотация. В контексте современной тенденции к гуманизации уголовной политики Российской Федерации особую значимость приобретает эффективность исполнения наказаний, не связанных с изоляцией от общества. В данной статье рассматривается ключевая роль прокурорского надзора в обеспечении законности и достижении целей исправления осужденных при исполнении таких видов наказаний. Анализируются правовые основы, содержание и основные направления надзорной деятельности прокуратуры в этой сфере. На основе обобщения и анализа прокурорской практики по выявлению типичных нарушений законодательства органами уголовно-исполнительной системы авторами формулируются предложения по её совершенствованию.

Ключевые слова: прокурорский надзор, уголовно-исполнительное право, уголовно-исполнительные инспекции, законность исполнения наказаний, гуманизация уголовной политики, профилактика рецидивной преступности

Original article

PROSECUTOR'S SUPERVISION OF THE LEGALITY OF THE EXECUTION OF PUNISHMENTS NOT RELATED TO ISOLATION FROM SOCIETY AS A MEANS OF ENSURING THE EFFECTIVENESS OF CRIMINAL POLICY

Veronika V. BRITAEVA[1], Irina V. IRDULINA[2]
[1,2] St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia
[1] vvvalerevna@mail.ru
[2] irf.vitalievna2017.04@yandex.ru

Scientific adviser Associate Professor of the Department of Prosecutorial Supervision and Prosecutor's Participation in the Consideration of Criminal, Civil and Arbitration Cases of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor **V.V. Omelyanovich**, omeljanovichv@rambler.ru

Abstract. In the context of the current trend towards the humanization of the criminal policy of the Russian Federation, the effectiveness of the execution of punishments that are not associated with isolation from society is of particular importance. This article examines the key role of prosecutorial supervision in ensuring the rule of law and achieving the goals of correcting convicts in the execution of such types of punishments. The article analyzes the legal basis, content and main directions of the prosecutor's office's supervisory activities in this area. Based on the identification of typical problems and violations in the work of the penal enforcement system, proposals are formulated to improve supervisory practices.

Keywords: prosecutorial supervision, penal enforcement law, penal enforcement inspections, legality of the execution of sentences, humanization of criminal policy, prevention of recidivism

Современная уголовная политика Российской Федерации характеризуется выраженной тенденцией к гуманизации и поиску оптимального баланса между карательным воздействием и задачами ресоциализации лиц, совершивших преступление. Ярким проявлением этой тенденции служит последовательное расширение применения наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества. По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, доля таких наказаний в общей структуре назначаемых мер уголовно-правового характера стабильно превышает 50 %, что свидетельствует об их значимой роли в отечественной правоприменительной практике [1, с. 30]. К ним относятся исправительные работы, обязательные работы, ограничение свободы, принудительные меры воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних, а также широко применяемое условное осуждение. Однако действенность этих мер зависит от их законного исполнения. Обеспечение этого условия достигается посредством средств надзорного сопровождения со стороны прокуратуры, что и составляет одну из её важнейших задач в данной сфере.

Правовую основу надзорной деятельности прокурора в данной сфере составляют Конституция Российской Федерации, положения Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», нормы Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, а также иные нормативные правовые акты, регулирующие порядок и условия исполнения наказаний. Важным законодательным нововведением последних лет стало внесение изменений в Уголовно-исполнительный

кодекс Российской Федерации, направленных на цифровизацию контроля за осужденными (например, использование электронных браслетов при ограничении свободы), что потребовало от прокуроров адаптации надзорных методик к новым технологическим реалиям. Непосредственным предметом прокурорского надзора выступает законность решений, действий (или бездействия) учреждений и органов, исполняющих наказания без изоляции от общества. Центральное место среди этих органов занимают уголовно-исполнительные инспекции, которые входят в структуру Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации [2, с. 25].

Содержание надзорной деятельности прокурора охватывает исполнение законов на всех стадиях процесса. Прокурор осуществляет надзор за законностью и своевременностью постановки осужденных на персональный учет в уголовно-исполнительных инспекциях и последующего снятия с учета. Важнейшим направлением является надзор за неукоснительным соблюдением установленного порядка и специальных условий отбывания наказания. В поле зрения прокурора находится законность применения сотрудниками инспекций мер поощрения и взыскания к осужденным. Особую значимость имеет оценка обоснованности представлений, которые уголовно-исполнительная инспекция направляет в суд с ходатайством об отмене условного осуждения или о замене назначенного наказания на реальное лишение свободы в случае систематического или злостного нарушения осужденным предъявляемых к нему требований. Не менее важной задачей прокурора является защита прав и законных интересов самих осужденных, обеспечение которых является непременным условием для их исправления.

Эмпирические данные, полученные в ходе обобщения прокурорской практики, свидетельствуют о системном характере нарушений. Так, анализ статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации за 2024 годы показывает, что ежегодно прокурорами выявляется более 70 тысяч нарушений закона в деятельности уголовно-исправительных инспекций, при этом наиболее распространенными из них (свыше 40 % случаев) являются недостатки в организации контроля за поведением осужденных[1].

Деятельность прокурора по надзору за исполнением наказаний, не связанных с изоляцией от общества, носит многоаспектный и непрерывный характер и реализуется через комплекс взаимосвязанных направлений (сфер): надзорно-проверочная деятельность, превентивно-профилактическая работа, правозащитная функция, взаимодействие с судами и иными органами и пр.

В рамках надзорно-проверочной деятельности прокурор проводит как плановые, так и внеплановые проверки деятельности уголовно-исполнительных инспекций. Поводом для последних часто становятся жалобы и обращения граждан, в первую очередь самих осужденных или их родственников. В ходе надзорных мероприятий прокуроры выявляют ряд нарушений. Одной из проблем является формальный подход в работе инспекций, когда контроль за поведением условно осужденных или лиц, отбывающих обязательные работы, осуществляется поверхностно, без глубокого анализа их реального образа жизни, социального окружения и истинных причин допускаемых нарушений. Нарушения законодательства встречаются в сфере исполнения наказаний в виде обязательных и исправительных работ. Они могут выражаться в том, что осужденных привлекают к труду с опозданием, нарушениях при учете фактически отработанного времени, а также в бездействии инспекций в отношении лиц, уклоняющихся от отбывания назначенного наказания.

[1] Обзор типичных нарушений законности при применении мер взыскания к осужденным к лишению свободы [Электронный ресурс]. URL: Официальный сайт Прокуратуры Центрального федерального округа. 2023. URL: https://cfo.прокуратура.gov.ru/ (дата обращения: 17.09.2025).

Со стороны прокурора также пресекаются случаи принятия незаконных решений о применении мер взыскания к осужденным (в случаях, когда такие решения выносятся при отсутствии достаточных оснований или с грубым нарушением установленной процедуры)[1].

Меры прокурорского реагирования носят комплексный характер. Наиболее распространенной формой является внесение представлений об устранении нарушений, которые в 2023 году составили 86 % от всех актов прокурорского реагирования в этой сфере. В случаях грубых нарушений, повлекших существенное ущемление прав граждан, прокуроры возбуждают дела об административных правонарушениях (в среднем 3—4 тысячи ежегодно) и направляют в следственные органы материалы для решения вопроса о возбуждении уголовных дел по статьям о халатности и злоупотреблении должностными полномочиями[2].

Рассмотрим следующий пример.

В ходе плановой проверки в исправительной колонии № 5 прокурором было выявлено грубое нарушение законности. Установлено, что в отношении осужденного Сергея Иванова было применено строгое дисциплинарное взыскание — водворение в штрафной изолятор на 10 суток — при отсутствии достаточных оснований и с нарушением установленной процедуры.

Проверка показала, что основанием для взыскания послужил рапорт начальника отряда о якобы имевшем месте отказе Иванова от работы. Однако в ходе изучения медицинских документов и опроса свидетелей прокурор выяснил, что осужденный в тот день действительно плохо себя чувствовал — у него было зафиксировано повышенное давление, о чем он письменно сообщил администрации. Другие осужденные подтвердили, что Иванов вел себя корректно, лишь просил предоставить ему другую работу или возможность обратиться в медчасть.

Кроме того, было установлено процедурное нарушение: решение о водворении в штрафной изолятор принял заместитель начальника колонии, не имевший на то отдельного письменного полномочия. Также с протоколом о нарушении осужденный ознакомлен не был, а его объяснения истребованы не были.

На основании выявленных нарушений «прокурор внес представление начальнику учреждения, потребовав немедленно отменить незаконное взыскание, освободить Иванова из штрафного изолятора и привлечь к ответственности виновных должностных лиц. Требования прокурора были немедленно исполнены — в тот же день осужденный был возвращен в обычное помещение, а незаконное решение отменено»[3].

Отмечается и противоположная проблема — инспекции не исполняют в полной мере свои обязанности, направляя в суд ходатайства об отмене условного осуждения с опозданием или без достаточных оснований, даже в случаях систематического нарушения установленного порядка со стороны осужденных. В сферу прокурорского реагирования также входят нарушения прав осужденных, выражающиеся в необеспечении их полной информацией о своих правах и обязанностях, а также в превышении установленных сроков при рассмотрении ходатайств, касающихся трудового устройства или изменения места проживания [3, с. 101].

Эффективный прокурорский надзор в этой области является действенным инструментом реализации стратегических целей уголовной политики. Обеспечивая правильное применение альтернативных мер, прокурорский надзор вносит непо-

[1] Там же.

[2] Обзоры судебной статистики — Верховный Суд Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://www.vsrf.ru/documents/statistics/?year=2023 (дата обращения: 17.09.2025).

[3] Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Статистические сведения о судимости [Электронный ресурс]. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 18.09.2025).

средственный вклад в гуманизацию уголовной политики, не допуская их вырождения в упрощенную альтернативу лишению свободы и осуществляя мониторинг за их реализацией как полноценного механизма исправления. Качественный надзор служит мощным средством профилактики рецидивной преступности, поскольку своевременное и неформальное исполнение наказания в сочетании с надзором и оказанием необходимой помощи (например, в содействии трудоустройству) создает условия, снижающие вероятность повторного совершения преступления. Важнейшим социальным эффектом является сохранение у осужденного семейных, трудовых и общественных связей, что критически важно для его успешной социализации и предотвращения маргинализации. Наконец, систематический и принципиальный надзор со стороны прокуратуры стимулирует сами уголовно-исполнительные инспекции к повышению качества своей работы, устранению бюрократических барьеров и развитию более ответственного подхода к принятию решений [4, с. 85].

Несмотря на имеющиеся достижения, в организации прокурорского надзора сохраняется ряд проблем. Отмечается недостаточный уровень межведомственного взаимодействия, в частности, с центрами занятости населения в вопросах трудоустройства осужденных. Аналитики отмечают, что только 15—20 % осужденных к исправительным работам получают реальное содействие в трудоустройстве со стороны государственных служб занятости, что существенно снижает эффективность данного вида наказания[1].

В качестве решения проблемы, связанной с межведомственным взаимодействием, предлагается создание единой цифровой платформы «Социальная адаптация осужденных», которая должна интегрировать информационные системы Федеральной службы исполнения наказаний, службы занятости, органов социальной защиты и муниципалитетов. Данная платформа позволит:

осуществлять автоматический обмен данными о нуждающихся в трудоустройстве осужденных;

формировать единый банк вакансий для данной категории лиц;

отслеживать в режиме реального времени процесс их трудовой и социальной адаптации;

проводить аналитическую работу по оценке эффективности ресоциализационных мероприятий.

Для повышения эффективности надзорной деятельности представляется целесообразным последовательное внедрение риск-ориентированного подхода (РОП), который позволил бы сконцентрировать ресурсы прокуратуры на проверках в тех инспекциях, где наблюдается наибольшее количество нарушений или поступает значительное количество жалоб [5, с. 131]. Существенный потенциал содержит развитие межведомственного электронного взаимодействия. Речь идет о практической интеграции информационных систем УИС (например, «Электронный архив УИИ») с базами данных судов (ГАС «Правосудие»), Министерства внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации и службы занятости, что позволит прокурору в режиме реального времени получать данные для проверки и исключить формальный документооборот [6, с. 57]. Перспективным направлением является усиление профилактической составляющей надзора, то есть смещение акцента с выявления уже состоявшихся нарушений на их предупреждение через углубленный анализ правоприменительной практики и своевременное внесение предостережений о недопустимости нарушения закона.

[1] Генеральная прокуратура Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/activity/statistics/result/e80142/ (дата обращения: 19.09.2025).

Таким образом, надзор прокурора за исполнением наказаний, не связанных с изоляцией от общества, выступает важнейшим гарантом законности и одним из ключевых факторов эффективности современной уголовной политики государства. Он обеспечивает не только неуклонное соблюдение прав осужденных, но и достижение фундаментальных целей их исправления, профилактики рецидива и успешной реинтеграции в общество. Последовательное совершенствование этой деятельности, направленное на повышение ее системности, профилактической направленности и технологической оснащенности, является необходимым условием для дальнейшей успешной реализации курса на гуманизацию уголовной политики и укрепление правопорядка в стране.

Список источников

1. Шмаров И.В. Теоретические и практические проблемы исполнения наказаний, не связанных с изоляцией от общества / И.В. Шмаров // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2020. № 1(49). С. 23—39.

2. Кузнецов В.М. Проблемы эффективности наказания в виде исправительных работ и пути их решения // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2023. № 5. С. 23—28.

3. Бриллиантов А.В. Уголовно-исполнительное право Российской Федерации: учебник / А.В. Бриллиантов, С.И. Курганов. М.: Проспект, 2023.592 с.

4. О состоянии законности и правопорядка в Российской Федерации и о проделанной работе по их укреплению за 2023 год: Отчёт Генеральной прокуратуры РФ. М., 2024. С. 85—89

5. Селиверстов В.И. Уголовно-исполнительное право: учебник для вузов / В.И. Селиверстов, А.И. Зубков. М.: Норма, 2022.416 с.

6. Казак Б.Б. Прокурорский надзор за законностью исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы: проблемы и пути совершенствования / Б.Б. Казак // Законность и правопорядок. 2021. № 4(45). С. 56—61.

Информация об авторах

В.В. Бритаева — студентка 5 курса
И.В. Ирдулина — студентка 5 курса

Information about authors

V.V. Britaeva — 5th year student
I.V. Induline — 5th year student

Научная статья
УДК 340

ЗАЩИТА ПРОКУРАТУРОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВ УЧАСТНИКОВ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Юлия Олеговна БУРКИНА
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
Burkina2021@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Виталий Викторович ФИРСОВ,** vitaliy-viktorovich@list.ru

Аннотация. Статья рассматривает роль прокуратуры как надзорного органа по защите прав граждан, включая участников СВО и их семьи. Раскрыты правовые основы гарантий в условиях СВО и социально-экономические права военнослужащих и мобилизованных: жильё, медобслуживание, выплаты. Указываются проблемы реализации гарантий: задержки выплат, ошибки, региональные нарушения по земельным участкам и льготам детям СВО. Приводятся примеры восстановления прав прокурорским надзором и рост обращений в 2022 году; таким образом, прокуратура — гарантия соблюдения прав и поддержки семей участников СВО.

Ключевые слова: прокуратура, СВО, надзор, защита прав, социальные гарантии

Original article

PROTECTION OF THE SOCIO-ECONOMIC RIGHTS OF PARTICIPANTS IN SPECIAL MILITARY OPERATIONS BY THE PROSECUTOR'S OFFICE

Julia O. BURKINA
St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia
burkina2021@mail.ru

Scientific adviser Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines at the St. Petersburg Law Institute (Branch) of the Russian Prosecutor General's University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, **V.V. Firsov**, vitaliy-viktorovich@list.ru

Abstract. The article examines the role of the Prosecutor's Office as a supervisory authority for the protection of the rights of citizens, including participants in a Special military Operation and their families. The legal basis of guarantees in the conditions of a Special military operation and the socio-economic rights of military personnel and mobilized are disclosed: housing, medical care, payments. The problems of the implementation of guarantees are indicated: delays in payments, errors, regional violations of land plots and benefits for children of combatants. Examples of restoration of rights by prosecutorial supervision and an increase in appeals in 2022 are given; thus, the prosecutor's office is a guarantee of respect for the rights and support of families of participants in a Special Military Operation.

Keywords: prosecutor's Office, Special Military Operation, supervision, protection of rights, social guarantees

Прокуратура является надзорным ведомством, осуществляющим защиту прав и свобод человека и гражданина[1]. Во исполнение возложенных на неё обязанностей по защите прав и свобод обеспечивается возможность подачи гражданами обращений в органы прокуратуры как лично, так и дистанционно.

Гражданин, являющийся военнослужащим, обладает особым правовым статусом, одновременно выступает как общий и как специальный субъект в силу того, что военная служба является одним из видов государственной службы, следовательно, военнослужащие наделены как общегражданскими, так и специальными правами, закрепленными в различных нормативно-правовых актах [1, с. 145]. К военнослужащим относятся лица, проходящие службу по контракту и по призыву, а также граждане, призванные на военные сборы и пребывающие в мобилизационном резерве. Кроме того, в связи с проведением специальной военной операции (СВО) появились новые категории участников военных конфликтов, такие как граждане, проходящие военную службу по мобилизации, и граждане, пребывающие в добровольческих формированиях. На них распространяются меры поддержки, как на военнослужащих по контракту (в случае мобилизации) или приравниваются к ним (в случае добровольческих формирований, заключивших контракт с Министерством обороны).

Нормативно-правовую базу, гарантирующую обеспечение прав и интересов участников специальной военной операции и членов их семей, составляют Конституция Российской Федерации, различные Федеральные законы[2], указы Президента Российской Федерации и постановления Правительства Российской Федерации, регулирующие вопросы социальной защиты участников Специальной военной операции.

Следуя Конституции Российской Федерации, граждане обладают рядом социально-экономических прав, включая: гарантированное право на частную собственность и возможность её передачи по наследству (согласно ст. 35); свободу владения, использования и управления земельными участками и другими природными богатствами как индивидуально, так и в составе объединений (ст. 36); право на самостоятельное определение сферы трудовой деятельности, выбор профессии и способа реализации своих трудовых способностей (ст. 37); а также право на отдых и социальное обеспечение в случаях достижения пенсионного возраста, инвалидности, болезни, потери кормильца, необходимости ухода за детьми и в других предусмотренных законом ситуациях (ст. 39)[3].

В условиях проведения специальной военной операции (СВО) государство принимает на себя повышенные обязательства по защите прав и законных интересов военнослужащих, мобилизованных граждан и членов их семей [2, с. 334]. Своевременное и полное предоставление финансовых гарантий, включая единовременные выплаты, компенсации, страховые выплаты и другие виды социальной поддержки, является важным фактором, укрепляющим доверие к власти и повышающим мотивацию к военной службе. Однако, несмотря на значительный объем принятых нор-

[1] Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1 // Официальный интернет-портал правовой информации. текст с изм. и допол. в ред. от 28.12.2025.

[2] Федеральный закон «О статусе военнослужащих» от 27.05.1998 № 76-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. текст с изм. и допол. в ред. от 26.12.2025.

[3] Конституция РФ: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации.

мативных актов, практика реализации финансовых гарантий участникам Специальной военной операции и их семьям сталкивается с рядом проблем[1].

Например, наиболее распространенными нарушениями социально-экономических прав военнослужащих является нарушение права на получение земельных участков военнослужащими в ряде регионов страны. Также сохраняются незаконные отказы органов социальной защиты, в т. ч. женам военнослужащих, в региональном материнском капитале, детских пособиях и других мерах социальной поддержки в связи с отсутствием факта временной регистрации в конкретном регионе. Помимо этого, в нескольких регионах выявлены отказы в зачислении детей участников Специальной военной операции на обучение в образовательные учреждения высшего образования без конкурса со ссылкой на отсутствие бюджетных мест по выбранной специальности, а вместо положенной льготы семьям предлагались материальная помощь, снижение стоимости обучения. Однако по информации Министерства науки и высшего образования Российской Федерации более 70 % мест отдельной квоты, выделенной для детей бойцов СВО остались свободными. Благодаря проверкам, проведенным прокуратурой, были восстановлены нарушенные права граждан.

Начиная с 2022 года, наблюдается значительное увеличение числа обращений, направленных в прокуратуру, что, свидетельствует о доверии населения к прокуратуре как к эффективному средству защиты нарушенных или оспариваемых прав личности, интересов общества и государства. Стоит отметить, что благодаря активному участию прокуратуры в период проведения частичной мобилизации, представители прокуратуры были включены в составы призывных комиссий, что привело к освобождению от мобилизации по обоснованным причинам приблизительно 9 тысяч человек[2].

Также распространенными проблемами являются задержки в выплатах, неполное информирование граждан о полагающихся им льготах, ошибки в расчетах, а также факты мошенничества и злоупотреблений при оформлении документов. Именно поэтому надзор за исполнением законодательства в сфере финансовых гарантий участникам Специальной военной операции и их семьям является приоритетным направлением деятельности органов прокуратуры. Прокурорский надзор охватывает проверку правильности оформления документов, сроков и объема выплат, соблюдения условий предоставления жилья, медицинских услуг и иных видов социальной поддержки установленным требованиям. Так, по требованию органов прокуратуры Калужской области пересмотрены решения военного комиссариата об отказе участникам СВО в присвоении соответствующего статуса. В Новосибирской и Самарской областях прокурорами оказано содействие в сборе необходимых документов для присвоения данного статуса[3].

При выявлении нарушений прокуратура принимает меры прокурорского реагирования в виде протестов, представлений, постановлений и предостережений. Помимо этого, органы прокуратуры инициируют административные и уголовные дела, содействуют восстановлению прав граждан. Эффективная работа прокуратуры в этой области способствует не только восстановлению нарушенных прав участников Специальной военной операции и их семей, но и укреплению законности и правопорядка в целом. На официальном сайте Генеральной прокуратуры

[1] В Генпрокуратуре рассказали о жалобах на нарушения прав участников СВО // РИА Новости. URL: https://ria.ru/20240331/zhaloby-1936944480.html (дата обращения: 02.01.2026).

[2] В военной прокуратуре рассказали о росте числа жалоб // РИА Новости. URL: https://ria.ru/20230316/prokuratura-1858253888.html (дата обращения: 02.01.2026).

[3] Органы прокуратуры продолжают работу по обеспечению прав участников специальной военной операции и членов их семей // URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e5606628/ (дата обращения: 02.01.2026).

имеется возможность подачи обращения для решения вопросов, связанных с правами участников Специальной военной операции и членов их семей, что облегчает процесс восстановления нарушенных прав граждан.

Участники Специальной военной операции претендуют на ряд льгот и гарантий, которые помогают поддерживать должный уровень жизни [3, с. 77]. Таким образом, бойцы имеют право на бесплатное медицинское обслуживание, санаторно-курортное лечение, ряд жилищных льгот, связанных с компенсацией расходов на жилье и улучшение условий. Кроме того, участникам Специальной военной операции гарантируется бесплатный проезд на общественном транспорте. Важно отметить, что помимо льгот для самих участников СВО существуют также гарантии и для их родственников. Так, семьи бойцов могут рассчитывать на получении жилья в приоритетном порядке, право на компенсацию расходов при оплате коммунальных услуг, льготы при сокращении числа работников. Меры социальной поддержки участников Специальной военной операции и их родственников включают в себя финансовую поддержку в форме единовременных выплат к памятным датам, социальное и медицинское обслуживание, помощь с жильем.

Важно отметить, что органы прокуратуры Российской Федерации в процессе защиты прав и свобод граждан взаимодействуют с различными организациями и структурами. Например, с Министерством обороны, здравоохранения, Фондом социального страхования, а также с Российским Союзом ветеранов и т.д.

Органы прокуратуры оказывают консультативную поддержку военнослужащим, задействованным в Специальной военной операции, и членам их семей. Консультации касаются вопросов получения квалифицированной юридической поддержки, разъяснения процедур обращения в различные государственные структуры и ведомства. При необходимости прокуратура содействует в направлении жалоб и обращений в вышестоящие органы.

Заявления и обращения от граждан, касающиеся защиты прав участников СВО, рассматриваются прокуратурой в первоочередном порядке.

В связи с этим, прокуратура играет роль гаранта соблюдения прав участников Специальной военной операции и их родных, содействуя реализации положенных государственных гарантий и мер социальной поддержки.

Список источников

1. Якушева С.Е. К вопросу о прокурорском надзоре за соблюдением прав военнослужащих и членов их семей // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. 2024. №4 (72). С. 143—154.

2. Кузьменко А.В., Филиппова М.В. Социальная поддержка участников специальной военной операции и членов их семей: некоторые проблемы правоприменения // Ежегодник трудового права. 2025. №15. С. 332—353.

3. Рыбалка Е.А. Меры социальной поддержки участникам СВО и членам их семей: проблемы и перспективы их реализации // ЮП. 2024. №3 (110). С. 75—79.

Информация об авторе

Ю.О. Буркина — студентка 2 курса.

Information about author

J.O. Burkina — 2nd year student.

Научная статья
УДК 347.963

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В ПРОИЗВОДСТВЕ ОБ ОСПАРИВАНИИ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ И АКТОВ, СОДЕРЖАЩИХ РАЗЪЯСНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ОБЛАДАЮЩИХ НОРМАТИВНЫМИ СВОЙСТВАМИ

Мария Владимировна ВЛАСОВА
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
mariavlassova02@gmail.com

Научный руководитель доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, **Ольга Андреевна ГУРЕЕВА**, olga-gur@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена формам участия прокурора в производстве об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами. Автор рассматривает проблемы, касающиеся правового статуса прокурора при предъявлении им административного искового заявления, а также природы и формы заключения прокурора по делу.

Ключевые слова: прокурор, формы участия прокурора, административное исковое заявление, заключение прокурора, нормативные правовые акты

Original article

ON SOME PROBLEMS OF THE PROSECUTOR'S PARTICIPATION IN THE PROCEEDINGS ON CHALLENGING REGULATORY LEGAL ACTS AND ACTS THAT CONTAIN EXPLANATIONS OF LEGISLATION AND HAVE REGULATORY PROPERTIE

Maria V. VLASOVA
St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia
mariavlassovaa02@gmail.com

Scientific adviser Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, **O.A. Gureeva,** olga-gur@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the forms of the prosecutor's participation in the proceedings on challenging regulatory legal acts and acts containing explanations of legislation and having regulatory properties. The author examines the problems concerning

the legal status of the prosecutor when he submits an administrative claim, as well as the nature and form of the prosecutor's opinion on the case.

Keywords: prosecutor, forms of prosecutor's participation, administrative claim, prosecutor's opinion, regulatory legal acts

В соответствии с ч.4 ст.213 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее — КАС РФ) прокурор участвует в производстве об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами, либо обращаясь с административным исковым заявлением, либо вступая для дачи заключения по делу[1]. Несмотря на широкую правоприменительную практику представителей надзорного ведомства по рассматриваемой категории дел, существует ряд проблем теоретического и практического характера, влияющих на принятие судами законных и обоснованных решений.

В доктрине права традиционным является мнение, согласно которому прокурор играет в процессе особую роль «правозаступника», который защищает права частных лиц, общества и государства [1, с. 257], что подтверждает Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», согласно которому при нарушении прав и свобод человека и гражданина, когда пострадавший сам не может обратиться в суд, либо когда нарушены права и свободы значительного числа граждан, либо нарушение приобрело особое общественное значение, прокурор предъявляет иск в суд[2]. Однако необходимо отметить, что процессуальное положение прокурора, инициирующего судебное разбирательство по анализируемому виду производства, рассматривается в научном сообществе неоднозначно.

С одной стороны, некоторые авторы считают, что прокурор не является лицом, участвующим в деле, так как он не может быть стороной спорных материальных правоотношений, лежащих в основе спора [2, с. 191]. С другой стороны, существует мнение, что прокурор обладает статусом так называемого процессуального истца, наделенного не только правами лица, участвующего в деле, но и исключительными правами истца (например, правом отказа от административного искового заявления). На наш взгляд, статус процессуального истца для инициирующего процесс прокурора является более логичным и подчеркивает его заинтересованность применительно к законности разрешения спора, а также согласуется с функцией защиты прав и интересов граждан, общества и государства.

Следует также упомянуть, что прокурор, обращаясь с административных исковым заявлением в интересах лиц, чьи права нарушены актом, осуществляет не свои властные полномочия, а права истца, что в науке оценивается негативно: А.Ю. Винокуров считает, что «законодатель немотивированно объединил в прокуроре административного истца и лицо, выступающее в интересах административного истца» [3, с.179], что создает «двойственное положение» представителя надзорного ведомства [1, с.257]. Совмещение прокурором нескольких процессуальных статусов при этом не влияет на его цель участия в судебном разбирательстве — защиту прав и свобод человека и гражданина[3], а также на его права в процессе разбирательства.

[1] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ: текст с изм. и доп. на 29.12.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.01.2026). ч. 4 ст. 213.

[2] О прокуратуре Российской Федерации: федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1: текст с изм. и доп. на 29.12.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.01.2026). п. 4 ст. 27.

[3] О прокуратуре Российской Федерации: федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1: текст с изм. и доп. на 29.12.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.01.2026). п. 2 ст. 1.

Таким образом, прокурор, предъявляя административное исковое заявление по правилам главы 21 КАС РФ имеет статус административного истца, осуществляющего публичные полномочия.

Вступление для дачи заключения по административному делу — это вторая форма участия прокурора в деле, ставшая «традиционной» в административном судопроизводстве. Однако ни в нормативных правовых актах, ни в ведомственных правовых актах Генеральной прокуратуры Российской Федерации нет четких указаний на форму и содержание заключения прокурора. Отсутствие регламентации положений о заключении прокурора, по мнению ряда ученых, негативно сказывается на правоприменительной деятельности и «создает почву для обесценивания значимости участия прокурора в процессе для дачи заключения» [4, с. 38]. Мы не можем согласиться с указанным положением, так как важность заключения прокурора по делу не должна ставиться в зависимость от наличия в законе положений о заключении прокурора.

Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 11.01.2021 № 2 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве» все же содержит ряд положений, регламентирующих дачу заключения по делу прокурором. Так, приказ предписывает прокурорам обеспечить дачу прокурором мотивированного заключения по делам, предусмотренным ч.7 ст.39 КАС РФ, и прикладывать его к наблюдательному производство по делу[1]. Таким образом, заключение прокурора должно быть основано на нормах права, содержать в себе оценку прокурором доказательств и обстоятельств конкретного дела и вывод о надлежащем способе разрешения материального спора.

Говоря о природе заключения прокурора, А.О. Вифлянцев полагает, что заключение прокурора схоже с заключением эксперта, и аргументирует это тем, что согласно п.1 ст. 77 КАС РФ, экспертиза назначается по тем вопросам в административном деле, которые прямо требуют специальных познаний в определенной сфере [5, с. 187]. По мнению Э.А. Рустамова, заключение прокурора имеет схожесть с заключением специалиста [6, с. 144], перед которым «могут быть поставлены вопросы, связанные с установлением содержания положений нормативного правового акта»[2]. Мы не можем согласиться ни с одним из указанных мнений. Так, неверно приравнивать заключение прокурора к заключению эксперта или специалиста, которые имеют, во-первых, иную цель (оценку положений того или иного акта, в то время как заключение прокурора направлено на обеспечение законности в судебном разбирательстве и принятие законного решения), во-вторых, воспринимаются судом исключительно в качестве доказательств по делу, к которым, согласно ч. 2 ст. 59 КАС РФ, заключение прокурора не относится.

На наш взгляд, заключение прокурора должно содержать в себе мотивированную оценку спорных правоотношений с точки зрения закона, которая состоит в наличии анализа исследованных в ходе судебного разбирательства доказательств, позиций сторон, а также норм права, регулирующих спорные правоотношения [7, с. 167], и вывода относительно способа разрешения административного дела. Такие характеристики как устность или письменность заключения, его объем, наличие вводной, описательной и резолютивной частей являются, по мнению автора, второстепенными и могут изменяться в зависимости от занятости прокурорского работника, опыта его работы и технических возможностей.

[1] Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве: приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 11.01.2021 № 2 текст с изм. и доп. на 19.10.2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.02.2026). п. 3, 5, 6, 8.

[2] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ: текст с изм. и доп. на 29.12.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.01.2026). ч. 2 ст. 50.

Ряд ученых также полагает, что заключение прокурора по делу косвенно влияет на ход судебного разбирательства, и, более того, противоречит принципу независимости суда [8, с. 53]. Мы не можем согласиться с этим мнением, во-первых, потому как прокурор вступает в дело или инициирует процедуру судебного разбирательства для обеспечения верховенства закона[1], во-вторых, заключение прокурора является независимым мнением по правовым вопросам, представленным от имени государства, а не заинтересованного в исходе дела участника разбирательства. Следовательно, заключение не только является необходимым элементом для принятия законного и обоснованного решения судом по определенным категориям дел, но и способствует принятию такого решения.

Подводя итог, участие прокурора в производстве об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами — важнейший элемент для обеспечения законности судебного решения. Несмотря на различные мнения о процессуальном статусе и природе заключения прокурора, мы полагаем, что вступление прокурора в производство по делу по правилам главы 21 КАС РФ в любой форме является обязательным и удовлетворяет целям деятельности прокуратуры как государственного органа, защищающего права и интересы граждан, общества и государства, обеспечивающего законность во всех сферах общественной жизни.

Список источников

1. Куемжиева Е.Г., Черкас А.С. Особенности правового статуса прокурора в административном судопроизводстве // Современная научная мысль. 2019. №3. С. 254—258.

2. Шакарян М.С. Субъекты советского гражданского процессуального права. М., 1970. 214 с.

3. Винокуров А.Ю. О некоторых вопросах участия прокурора в административном судопроизводстве // Административное и муниципальное право. 2016. №2(98). С. 178—182.

4. Афанасьева Т.И., Фирсова О.А. Юридическая природа заключения прокурора в гражданском и административном процессе // Пролог: журнал о праве. 2020. №2 (26). С. 37—44.

5. Вифлянцев А.О. Проблемы правового статуса прокурора по делам об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами: статистических анализ судебных дел // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2020. № 1 (40). С. 183—192.

6. Рустамов Э.А. Проблематика участия прокурора в рамках производства по делам об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства // Теория права и межгосударственных отношений. 2022. Т. 1, № 5(25). С. 140—148.

7. Колюка Н.Н., Басов А.В. К вопросу определения процессуального статуса прокурора в административном судопроизводстве // Юридические науки. 2019. Т. 5 (71). № 4. С. 166—173.

8. Новиков А.В., Слабкая Д.Н. Актуальные проблемы участия прокурора в гражданском процессе // Научные итоги года: достижения, проекты, гипотезы. 2014. № 4. С. 232—240.

Информация об авторе

М.В. Власова — студентка 5 курса.

Information about author

M.V. Vlasova — 5th year student.

[1] О прокуратуре Российской Федерации: федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1: текст с изм. и доп. на 29.12.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.01.2026). п. 2 ст. 1.

Научная статья
УДК 347.963

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ О БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Иван Александрович ГРИГОРЬЕВ[1], **Мария Алексеевна СТЕПИНА**[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] grgorevivan3107@yandex.ru
[2] mashastepina2004@bk.ru

Научный руководитель доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел, кандидат юридических наук, доцент **Вадим Васильевич ОМЕЛЬЯНОВИЧ,** omeljanovichv@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей прокурорского надзора за исполнением законов о безопасности дорожного движения. Автором анализируется текущая ситуация в сфере обеспечения безопасности движения, выделяются проблемы правоприменительной практики, а также предлагаются пути усовершенствования деятельности органов прокуратуры на данном направлении.

Ключевые слова: прокурорский надзор, безопасность, нарушение, дорожное движение

Original article

CURRENT PROBLEMS OF IMPLEMENTING PROSECUTORIAL SUPERVISION OF ROAD SAFETY LAWS

Ivan A. GRIGORIEV[1], **Maria A. STEPINA**[2]
[1,2] Saint-Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia
[1] grgorevivan3107@yandex.ru
[2] mashastepina2004@bk.ru

Scientific adviser Associate Professor of the Department of Prosecutorial Supervision and Prosecutor's Participation in the Consideration of Criminal, Civil, and Arbitration Cases, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, **V.V. Omeljanovich**, omeljanovichv@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to the study of prosecutorial supervision over the implementation of laws on road traffic safety. The author analyzes the current situation in the field of traffic safety, highlights the problems of law enforcement practice, and suggests ways to improve the activities of the prosecutor's office in this area.

Keywords: prosecutorial supervision, safety, violation, traffic

Прокурорский надзор за исполнением законов о безопасности дорожного движения (далее — БДД) — одно из ключевых направлений деятельности органов про-

куратуры, актуальность которого не вызывает сомнений, поскольку повышение БДД является одной из важных социально-экономических и демографических задач, стоящих перед Российской Федерацией.

Базируется деятельность органов прокуратуры в рассматриваемой сфере на положениях приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 07.12.2007 № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» (ред. от 10.09.2024). Еще одним документом в данной сфере являются Методические рекомендации «Организация прокурорского надзора за исполнением законодательства при создании и эксплуатации комплексов фотовидеофиксации нарушений правил дорожного движения», утвержденные письмом Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 31.10.2019 № 74/2-23-2019, где содержится информация о правовом регулировании вопросов создания и эксплуатации комплексов, система органов госконтроля и особенности организации прокурорского надзора в данной сфере, типичные нарушения закона и меры прокурорского реагирования, а также Указание Генерального прокурора России от 19.03.2020 № 175/7 «Об усилении прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере обеспечения безопасности дорожного движения» (далее — Указание №175/7).

Гражданский кодекс Российской Федерации относит использование транспортных средств к источнику повышенной опасности[1], что делает указанное направление одним из приоритетных в деятельности органов прокуратуры, поскольку аварийность на автомобильном транспорте наносит огромный моральный и материальный ущерб как отдельным гражданам, так и обществу в целом.

Поэтому прокурору, наделенному рядом полномочий в соответствии с Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации», следует выбирать в зависимости от той или иной ситуации наиболее оптимальные средства и методы прокурорского реагирования, которые будут способствовать исполнению законов в сфере БДД и эксплуатации автотранспортных средств со стороны поднадзорных органов и иных участников дорожного движения.

Акцент, по нашему мнению, необходимо сделать на повышении культуры поведения на дорогах среди подростков, поскольку законом установлен 16-летний возраст для получения права на управление транспортными средствами с объемом двигателя до 50 см^3 и максимальной скоростью не более 50 км/ч[2].

Отдельного внимания в рассматриваемой сфере требует отсутствие законодательно закрепленных возрастных ограничений на вождение питбайков. В законодательстве есть указание на обязательное наличие прав при вождении питбайков в зоне дорог общего пользования, однако в остальных зонах подростки имеют право водить питбайки без соответствующего разрешения.

Статистика показывает, что за 2025 год в ДТП с участием питбайков пострадали более 2 000 человек, погибли свыше 30 подростков, в связи с чем Государственная Дума предлагает ограничить подросткам доступ к питбайкам и покупке бензина, попытки урегулирования данного вопроса уже были предприняты на территории Вологодской области[3].

Ввиду чего органам прокуратуры следует активизировать свою деятельность по всем направлениям, связанным с надзором в данной сфере.

[1] Гражданский кодекс (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ: с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025 г. Доступ из справ. -правовой системы «Консультант плюс». Ст.1079.

[2] О безопасности дорожного движения: Федеральный закон от 10 декабря 1995 № 196-ФЗ: текст с изм. и доп. от 07.07.2025. Доступ из справ. -правовой системы «Консультант плюс». Ст.26.

[3] Госдума предлагает ограничить продажу питбайков. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7800436 (дата обращения: 25.10.2025).

В первую очередь, важно проводить высокоэффективную профилактическую работу, направленную на предупреждение правонарушений, а также повышение правовой культуры как среди подростков, так и среди их родителей, законных представителей [1, с. 44]. Данная работа должна осуществляться совместно с представителями ГАИ, педагогическими работниками, специалистами социальных служб путем проведений тематических лекций, семинаров, открытых уроков.

К мерам, направленным на выявление нарушений, можно отнести:

— меры к пресечению фактов управления транспортными средствами лицами, имеющими медицинские противопоказания;

— изучение состояния законности при приеме, регистрации и разрешении сообщений о фактах выдачи поддельных медицинских справок, карт диагностического осмотра, водительских удостоверений.

Для обеспечения эффективности прокурорского надзора в сфере безопасности дорожного движения прокурорам необходимо правильно организовать процесс выявления нарушений законов. Наиболее эффективным способом выявления нарушений в данной сфере является прокурорская проверка, проводимая по различным основаниям, например, по обращению гражданина или по поручению Генерального прокурора[1].

Учитывая широкий круг обязанностей прокуроров при осуществлении ими надзора за исполнением законов и гипертрофированно высокий объем их нагрузки, крайне актуальной становится проблема совершенствования проведения надзорной проверки. Данное обстоятельство обусловливает важность роли разработки и использования методически выверенной схемы организации надзорных проверок исполнения законодательства [2, с. 23].

На этапе устранения уже выявленных нарушений используются такие средства прокурорского реагирования, которые будут способствовать реальному восстановлению нарушенных прав граждан. Так, органы прокуратуры участвуют в рассмотрении гражданских, административных, уголовных дел судами, вносят акты прокурорского реагирования, тем самым добиваясь реализации заявленных требований в полном объеме.

К типичным нарушениям контролирующих органов можно отнести:

— проведение проверочных мероприятий с использованием малоэффективных способов и средств;

— нарушение порядка лицензирования и отсутствие надлежащего лицензионного контроля за деятельностью образовательных учреждений, осуществляющих подготовку водителей;

— незаконная выдача органами ГАИ водительских удостоверений–осуществление образовательной деятельности по подготовке водителей без лицензии или же с нарушением некоторых лицензионных требований. [3, с. 148].

В Городецком районе Нижегородской области прокуратурой по ч.2 ст. 37 УПК направлены материалы в следственный орган, по ним было возбуждено дело в отношении директора коммерческой организации, который систематически передавал лично и через посредников главному специалисту отдела контроля за ремонтом и содержанием автомобильных дорог денежные средства в качестве взятки за невыполнение функций технического надзора. Вследствие чего ремонт автомобильных дорог должным образом не осуществлялся, что создавало угрозу наступления ДТП по причине ненадлежащего состоянии автодороги[2].

[1] Генпрокурор послушал бизнесменов и организовал проверку ГАИ — Газета.Ru Новости. URL: https://www.gazeta.ru/business/news/2025/09/04/26651684.shtml (дата обращения: 26.10.2025).

[2] Нижегородская область. Новости.URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_52 (дата обращения: 01.11.2025).

Кроме того, актуальной остается проблема нарушения прав несовершеннолетних при осуществлении автобусных перевозок. Н.В. Коваль подчеркивает, что «вопросы надлежащей организации прокурорского надзора за исполнением законов при организованных перевозках детей требуют пристального внимания со стороны прокуратуры, поскольку результаты проведенных проверок свидетельствуют о большом количестве нарушений в данной сфере» [4, с. 71].

Так, работниками органов прокуратуры Нижегородской и Псковской областей систематически в ходе мониторинга СМИ выявляются публикации, свидетельствующие о нарушении прав несовершеннолетних при незаконной высадке их в позднее время суток за границами населенных пунктов. По полученной информации оперативно проводятся проверки нарушения законодательства и ответственные лица привлекаются к установленной законом ответственности[1].

Кроме того, органами прокуратуры Нижегородской области в ходе мониторинга сети «Интернет» была обнаружена информация о том, что в июле 2025 года во время движения по проспекту у маршрутного автобуса лопнул шланг печки, в результате чего стоявший рядом ребенок получил ожоги. Результаты проведенной проверки были направлены в следственный отдел для решения вопроса о возбуждении уголовного дела по ч.1 ст. 238 Уголовного кодекса Российской Федерации — оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности[2].

Анализ правоприменительной практики позволяет сделать вывод о том, что решение проблем в данной сфере должно осуществляться через повышение эффективности прокурорского надзора в связи с чем считаем, что необходимо:

обеспечение комплексного подхода к организации и осуществлению надзора в рассматриваемой сфере, направленного, в первую очередь, на предупреждение нарушений законодательства;

совершенствование управления (руководства) надзорной деятельностью со стороны вышестоящих прокуратур;

совершенствование методического обеспечения путем размещения на официальном сайте Генеральной прокуратуры Российской Федерации в существующем разделе «Научно-методические материалы» методических материалов, разработанных прокуратурами субъектов Российской Федерации и признанных положительным опытом.

совершенствование законодательства в области безопасности дорожного движения, а именно путем актуализации Федерального закона «О безопасности дорожного движения».

Так, ведутся дискуссии по поводу роли Указаний Генеральной прокуратуры России, как нормативных источников, которые являются лишь уточняющим и направляющим актом для осуществления прокурорами своих полномочий, основанным на обобщении правоприменительной практики.

Кроме того, в указании присутствуют такие понятия, как «регулярно», «систематически», значение которых не уточнено в каких-либо нормативных актах и регламентах, что является основанием для самостоятельной (субъективной) трактовки их работниками органов прокуратуры.

Предлагается актуализировать нормативную базу, а именно издать отдельный приказ, конкретизирующий действия прокурора при проведения проверочных мероприятий в данной сфере, поскольку ряд иных приоритетных направлений прокурорского надзора таковыми обеспечены.

[1] Вести. Псков. Не прошла оплата – вон из автобуса. Прокуратура проверяет действия кондуктора, высадившего ребенка на дороге. URL: https://smotrim.ru/video/2815064 (дата обращения: 21.10.2025).

[2] Прокуратура Нижегородской области. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_52/ (дата обращения: 21.10.2025).

Кроме того, считаем необходимым урегулировать вопросы взаимодействия прокурорских работников данного направления с представителями прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов путем издания совместного внутриведомственного приказа и иными органами, и организациями, занимающимися защитой прав и законных интересов несовершеннолетних. Реализовать данную концепцию можно путем создания общественного совета при органах местного самоуправления с участием представителей ГАИ и органов прокуратуры. Считаем, что создание такого вспомогательного органа является перспективной мерой для решения обозначенных проблем.

Данные нововведения смогут поспособствовать аккумулированию имеющихся ресурсов с целью повышения уровня эффективности надзорной деятельности органов прокуратуры в отношении контролирующих органов и как следствие повысят уровень безопасности жизни и здоровья несовершеннолетних, а также их психологического развития.

Список источников

1. Прокопенко Ю.О. Актуальные вопросы профилактики административных правонарушений в области дорожного движения в Российской Федерации. // Журнал «Безопасность дорожного движения». 2022. №1. С.42—44.

2. Субанова Н.В. Прокурорский надзор за исполнением законодательства в сфере лицензирования: вопросы теории и практики / Н.В. Субанова. Москва: Юриспруденция, 2011. 201 с.

3. Барбаш Д.И. Организация прокурорского надзора за исполнением законов в сфере безопасности дорожного движения: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук: 12.00.11 «Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность» / М., 2016. 236 с. URL:https://agprf.org/userfiles/ufiles/dis_sovet/diss/2016/barabash/barabash.pdf (дата обращения: 25.10.2025).

4. Коваль Н.В. Актуальные вопросы прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи: сб. материалов семинара по обмену опытом / под ред. Н.В. Коваль; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. М., 2017. 116 с.

Информация об авторах

И.А. Григорьев — студент 5 курса.
М.А. Степина — студентка 5 курса.

Information about authors

I.A. Grigoriev — 5th year student.
M.A. Stepina — 5th year student.

Научная статья
УДК 343.13

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРОВ В РАССМОТРЕНИИ СУДАМИ ХОДАТАЙСТВ ОБ УСЛОВНО-ДОСРОЧНОМ ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ ДАЛЬНЕЙШЕГО ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЙ НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЛОГОДСКОЙ ПРОКУРАТУРЫ ПО НАДЗОРУ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОНОВ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Роман Васильевич ЗЫКОВ
Северо-западный институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Вологда, Россия, romanzykov2421@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры уголовно-правовых наук Северо-западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина, кандидат юридических наук, доцент **Роман Михайлович МОРОЗОВ**, morozur@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена актуальным вопросам участия прокурора в рассмотрении судами вопросов об условно-досрочном освобождении осужденных лиц. Анализ проведен на основе практической деятельности одной из специализированных прокуратур субъекта Российской Федерации.

Ключевые слова: условно-досрочное освобождение, прокурорский надзор, прокуратура

Original article

CURRENT ISSUES OF PROSECUTORS' PARTICIPATION IN THE COURTS' CONSIDERATION OF APPLICATIONS FOR PAROLE FROM FURTHER SENTENCES, AS EXEMPLIFIED BY THE VOLOGDA PROSECUTOR'S OFFICE'S SUPERVISION OF COMPLIANCE WITH LAWS IN CORRECTIONAL FACILITIES IN THE VOLOGDA REGION

Roman V. ZYKOV
North-Western Institute (branch) O.E. Kutafin University (MGUA), Vologda, Russia romanzykov2421@mail.ru

Scientific adviser Associate Professor of the Department of Criminal Law Sciences of the North-Western Institute (branch) of the Kutafin University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor **R.M. Morozov**, morozur@mail.ru

Abstract. The article is devoted to topical issues of the prosecutor's participation in the consideration by the courts of the issues of parole of convicted persons. The analysis is based on the practical activities of one of the specialized prosecutor's offices of the subject of the Russian Federation.

Keywords: parole, prosecutorial supervision, prosecutor's office

Одним из самых распространённых форматов участия прокурора в исполнении приговоров является его участие в судебных заседаниях по вопросам условно-досрочного освобождения (далее — УДО) осужденных лиц от дальнейшего отбывания наказания [1, с. 42].

По статистическим данным Вологодской прокуратуры по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях Вологодской области (далее — Спецпрокуратура) за 2025 года сотрудниками надзорного ведомства принято участие в 918 судебных заседаниях по рассмотрению вопросов, связанных с исполнением приговоров, в том числе в 243 заседаниях по вопросам, связанным с УДО, в 59 заседаниях по вопросам, связанным с освобождением по болезни, в 391 заседании по вопросам замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания, в 157 заседаниях по вопросам об изменении вида исправительного учреждения, назначенного по приговору суда, 10 по вопросам об отсрочке отбывания наказания.

На основании вышеуказанной статистики можно сделать вывод, что вопросы УДО являются одними из наиболее актуальных и распространённых в рамках исполнения приговора, уступая по количеству проведенных в 2025 году заседаний лишь вопросам замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания.

В этой связи важным является вопрос выявления и исследования актуальных проблем, возникающих в рамках участия прокуроров в рассмотрении судами вопросов об УДО осужденных от дальнейшего отбывания наказания. Подобную работу надлежит проводить путем практической деятельности надзорного ведомства, на примере конкретного структурного подразделения надзорного ведомства. В настоящей работе таким подразделением будет Вологодская прокуратура по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях Вологодской области, к полномочиям которой относятся вопросы представления интересов прокуратуры в рамках исполнения приговора.

Для начала следует раскрыть правовую природу УДО с кратким пояснением исторического пути развития данного института, а также зарубежный опыт его реализации.

Как отмечали в свое работе С.Л. Бабаян и К.К. Гарибян: «В 1819 г. при Александре I, по образцу Британского библейского общества и рекомендации основателя последнего Вальтера Венинга в России было создано Попечительное о тюрьмах общество, целью которого главным образом являлось нравственное исправление заключенных. Именно с этого события можно вести историю института УДО в России. При непосредственном участии членов общества исправившиеся осужденные впервые начали освобождаться досрочно» [2, с. 38].

Первые в отечественном праве нормы об УДО от отбывания наказания появились при принятии Устава о ссыльных 1822 г., который разделил заключенных к каторжным работам на две категории — испытуемых и исправляющихся [3, с. 83].

Следующий Закон об УДО был принят 22 июня 1909 г. В нем впервые был закреплен соответствующий термин — УДО. Иным актом, регламентирующим вопросы УДО в царской России, является Устав о содержащихся под стражей. Он закрепил нормы, предусматривающие основания досрочного освобождения и устанавливающие категории лиц, имеющих эту возможность.

Согласно данному акту, осужденный приобретал право на УДО только после фактического отбытия не менее шести месяцев срока, а осужденные к заключению в тюрьму, исправительный дом или исправительное арестантское отделение - по отбытии не менее определенного % части срока.

В советское время институт УДО от отбывания наказания получил новый этап развития.

С первых дней советской власти УДО от дальнейшего отбытия наказания был установлен одним из первых декретов советской власти — декретом «О суде» и Постановлением Наркомюста РСФСР от 25.11.1918 «О досрочном освобождении» [4, с. 16].

Следует отметить, что в период так называемых «сталинских» репрессий УДО от отбывания наказания было отменено в связи с политической обстановкой. УДО от отбывания наказаний было восстановлено лишь в 1954 году.

В дальнейшем институт УДО приобрел свой действующий облик.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что развитие института УДО можно подразделить на ряд периодов, а именно: начальный (дореволюционный), промежуточный (период с 1917 по 1954 годы), советский (с 1954 по 1991 годы) и современный (с 1991 года и до наших дней).

Стоит отметить, что институт УДО — это не исключительная практика РФ, данный институт существует с особенностями специфики в зарубежном законодательстве.

Так, например, УДО в Таджикистане применяется к лицам, которые реально отбывают назначенное судом уголовное наказание, то есть к тем, в отношении кого обвинительный приговор вступил в законную силу, и кто отбыл определённую часть срока назначенного наказания [5, с. 89].

Например, согласно ст. 81 УК КНР, если осуждённый к срочному лишению свободы отбыл половину и более срока наказания, а осуждённый к бессрочному лишению свободы — 10 и более лет наказания и при этом проявил раскаяние и исправился, он может быть условно освобождён от отбывания наказания, если такое освобождение не представляет опасности для общества [6, с. 477].

В настоящее время в России вопросы УДО от отбывания наказания регламентируются рядом актов федерального законодательства.

В соответствии со статьей 79 УК РФ: «Лицо, отбывающее содержание в дисциплинарной воинской части, принудительные работы или лишение свободы, подлежит УДО, если судом будет признано, что для своего исправления оно не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания, а также возместило вред (полностью или частично), причиненный преступлением, в размере, определенном решением суда. При этом лицо может быть полностью или частично освобождено от отбывания дополнительного вида наказания».

В части 3 вышеуказанной нормы устанавливаются сроки отбытия соответствующего наказания. Данными сроками являются: половина, две трети, одна треть, две четверти в зависимости от категории совершенного преступления и наличия определенных отягчающих или смягчающих обстоятельств.

В соответствии со статьей 175 УИК РФ осужденный, к которому может быть применено УДО, а также его адвокат (законный представитель) вправе обратиться в суд с ходатайством об УДО от отбывания наказания. В ходатайстве должны содержаться сведения, свидетельствующие о том, что для дальнейшего исправления осужденный не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания.

Данной нормой также устанавливает порядок подачи указанного ходатайства, а также его рассмотрения судом.

При рассмотрении данных ходатайств правом участия обладает прокурор. Исходя из положений приказа Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 24.10.2024 № 800 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением законов при содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений и исполнении уголовных наказаний» данное участие становится обязательным для сотрудников прокуратуры. Вышеуказанным приказом устанавливается, что интересы прокуратуры при рассмотрении судами ходатайств осужденных лиц об УД от дальнейшего отбывания наказания осуществляется специализирован-

ными прокуратурами, по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях (далее — ИУ), образуемых в субъектах Российской Федерации.

В этой связи, возникает проблема отдаленности непосредственно самой спецпрокуратуры от места рассмотрения ходатайства лица (районного суда по месту нахождения ИУ, в котором содержится осужденный). Данная проблема является особо актуальной для субъектов с большой площадью, к которым в том числе относится и Вологодская область.

К примеру, для рассмотрения ходатайства осужденного ИК-20 УФСИН России по Вологодской области (г. Устюжна) сотруднику спецпрокуратуры необходимо будет оформить командировочное удостоверение, возместить траты на проезд (более 200 километров), потратить рабочее время сотрудника, которое можно было использовать для реализации надзорных полномочий спецпрокуратуры.

В этой связи актуальным будет вопрос выработки мер, направленных на оптимизацию участия прокурора в судебных заседаниях по вопросам, связанным с УДО от дальнейшего отбывания наказания. К данным мерам можно отнести расширение практики применения систем видеоконференции связи, а также делегирования полномочий по представлению интересов прокуратуры территориальным прокуратурам (районным или городским).

В настоящее время вышеуказанные меры предотвращения возникновения проблемы отдаленности суда, рассматривающего ходатайство осужденного об УДО реализуются в Вологодской спецпрокуратуре. С 2024 года сотрудники надзорного ведомства используют систему видеоконференцсвязи для участия в судебных заседаниях, проводимых в отдаленных судах. На данный момент данными судами являются Шекснинский и Сокольский районные суды Вологодской области, в связи с чем правильным было бы расширение применения систем ВКС для участия и в других судах Вологодской области, в которых рассматриваются ходатайства об УДО.

В ситуации, когда Спецпрокуратура не может участвовать посредством ВКС в судебном заседании по вопросу УДО от дальнейшего отбывания наказания направляется поручение соответствующей территориальной прокуратуре, которая организует представление интересов прокуратуры в судебном заседании. Поручение направляется с приложением характеризующих осужденного материалов и позиции прокуратуры по заявленному ходатайству (представлению администрации).

Актуальным является и вопрос оценки судом заключения прокурора в рамках рассмотрения ходатайства осужденного лица об УДО от дальнейшего отбывания наказания.

Так, основной причиной принятия судами актов, отличных от заключения прокуроров, явилась позиция судов о возможности удовлетворения ходатайств, осужденных в связи с их трудоустройством, поощрениями, примерным поведением, несмотря на имевшуюся нестабильность надлежащего поведения осужденных в период всего срока отбывания наказания и непринятия исчерпывающих мер к погашению исковых обязательств.

Однако ввиду отсутствия в подавляющем большинстве случаев нарушений уголовного и уголовно-процессуального законодательства, которые бы безусловно влекли отмену или изменение принятых судами актов в 2025 г. Вологодской спецпрокуратурой обжалованы в апелляционном порядке 6 судебных актов, не совпавших с заключениями прокурора, 1 из них удовлетворен, в 1 случае апелляционное представление отозвано в связи со смертью осужденного. Кассационных представлений на решения судов в 2025 г. не вносилось.

К примеру, постановлением Вологодского городского суда Вологодской области от 09.01.2025 Гражданка А. осужденная 03.02.2021 Плесецким городским судом Архангельской области по ч. 4 ст. 111 УК РФ к 5 годам лишения свободы с отбыванием

наказания в исправительной колонии общего режима, УДО от отбывания наказания в виде лишения свободы на срок 6 месяцев 12 дней с возложением дополнительных обязанностей.

Участвующий в судебном заседании прокурор возражал против удовлетворения ходатайства, так как со стороны администрации ИУ осужденная охарактеризована удовлетворительно, поскольку в воспитательных мероприятиях участия не принимала, личную инициативу не проявляла, поощрений не имела с октября 2023 г., принимала недостаточно мер к добровольному возмещению вреда, причиненного преступлением (в добровольном порядке погашалось не более 200 рублей в месяц), по характеру — хитрая. Согласно психологической характеристике, имеющейся в материалах личного дела осужденной, имеет средней степени вероятность рецидива преступной деятельности. В своем заключении в судебном заседании администрация ФКУ ИК-1 выразила мнение о нецелесообразности УДО осужденной. Кроме того, ранее решением Вологодского городского суда от 14.02.2024 осужденной было отказано в удовлетворении аналогичного ходатайства об УДО от отбывания наказания. При этом на 09.01.2024 (на дату рассмотрения ходатайства) в поведении осужденной не наступило каких-либо кардинальных изменений, свидетельствующих о безусловном исправлении осужденной, утраты ее общественной опасности. За указанный период времени осужденная не поощрялась со стороны администрации ИУ, активных мер к добровольному возмещению вреда, причиненного преступлением, не предприняла.

В связи с вышеизложенным решение суда первой инстанции обжаловано прокуратурой в апелляционном порядке.

Апелляционным постановлением Вологодского областного суда от 03.03.2025 обжалуемое постановление отменено в связи с его признанием незаконным и необоснованным, в удовлетворении ходатайства осужденной отказано.

Как тенденцию в рамках участия прокурора в рассмотрении судом ходатайства осужденного лица об УДО от дальнейшего отбывания наказания можно отметить снижение поступления в суды данного вида ходатайств. Это подтверждается статистическими данным, в частности, в Вологодской области отмечается снижение количества участий сотрудников прокуратуры в судебных заседаниях об разрешении вопросов об УДО осужденного лица от дальнейшего отбывания наказаний с 315 в 2024 г. до 243 в 2025 г. Данное обстоятельство обусловлено объективным уменьшением среднегодовой наполняемости ИУ. Данная динамика вызвана организационно-штатными изменениями, включающими полную ликвидацию ФКУ ИК-3 и текущий процесс ликвидации ФКУ КП-7, а также значительным оттоком спецконтингента ввиду условного освобождения осужденных в связи с заключением контрактов с МО РФ для участия в специальной военной операции.

Также следует отметить, что актуальным является вопрос создания в РФ перечня преступлений, за которые лица, их совершившие не смогут претендовать на УДО от отбывания наказания, о чем высказывались в рамках проведенного интервьюирования и сотрудники Вологодской спецпрокуратуры.

Так, по статистическим данным Вологодской спецпрокуратуры в 2025 году на территории Вологодской области судами удовлетворены 24 ходатайства лиц, осужденных за совершение особо тяжких преступлений против личности, 3 — за совершение преступлений против половой неприкосновенности. Из вышеуказанных судебных актов Вологодской спецпрокуратурой были обжалованы 3. Апелляционные представления были удовлетворены судом.

Примером создания данного ограничивающего перечня может служить опыт КНР. УДО не применяется к осуждённым рецидивистам, а также осуждённым за преступления, приведшие к смерти людей, взрыву, ограблению, изнасилованию, похищению людей, и за другие насильственные преступления.

По мнению автора работы, необходимо внести соответствующие изменения в акты, регламентирующие вопросы УДО от дальнейшего отбытия наказания, предусматривающие полный запрет на УДО осужденных, приговоренных к лишению свободы за совершение тяжких или особо тяжких преступлений против личности, половой неприкосновенности, общественной и государственной безопасности, а также государственной власти и ее авторитета. Кроме того, само себе разумеющимся становится вопрос полной отмены процедуры УДО для лиц, приговоренных к пожизненному лишению свободы.

Обоснованием вышеуказанной точки зрения служит тот факт, что на основании статистических данных Вологодской спецпрокуратуры из 5 поданных пожизненными осужденным, содержащимися в ИК-5 УФСИН России по Вологодской области (известна как «Вологодский пятак» Белозерским районным судом Вологодской области не было удовлетворено ни одно ходатайство. Аналогичная ситуация была и все прошлые годы, начиная с момента создания на территории области ИУ для лиц, приговоренных к пожизненному лишению свободы.

Кроме того, подобная позиция выражалась и представителями научного сообщества. Так, в одной из своих работ А.М. Смирнов предлагал ужесточить УДО для лиц, совершивших преступления экстремистской направленности. Учёный предлагал полностью исключить право у данной категории осужденных на УДО [7, с. 202].

Подводя итоги, следует отметить следующие рассмотренные проблемы и определить пути решения.

Проблема территориальной удаленности, значительная удаленность специализированной прокуратуры от районных судов (например, более 200 км) приводит к нерациональным временным и финансовым затратам (командировки, отвлечение сотрудников от прямых надзорных функций). Решением видится внедрение и расширение практики использования систем видео-конференц-связи (ВКС), а также механизм делегирования полномочий территориальным (районным) прокурорам.

Проблема расхождения позиций прокурора и суда, суды часто удовлетворяют ходатайства об УДО вопреки мнению прокурора, ориентируясь на формальные признаки (наличие работы, поощрений), но игнорируя такие факторы, как нестабильность поведения осужденного в течение всего срока и недостаточное погашение исковых требований. Нивелирование проблемы возможно путем активного использования права апелляционного обжалования. Как показано в примере с гражданкой А., это позволяет вышестоящей инстанции отменять необоснованные решения судов первой инстанции.

Проблема гуманизации в отношении тяжких преступлений, статистика показывает, что суды удовлетворяют ходатайства об УДО лиц, осужденных за особо тяжкие преступления против личности и половой неприкосновенности. Прокуратуре приходится обжаловать каждое такое решение, что создает дополнительную нагрузку. Решение указанной проблематики возможно путем внесения изменений в законодательство (по примеру КНР) о создании закрытого перечня преступлений, при совершении которых УДО не применяется. Автор предлагает запретить УДО для осужденных за тяжкие преступления против личности, половой неприкосновенности, госбезопасности и для пожизненно лишенных свободы.

Проблема неэффективности УДО для отдельных категорий, многолетняя практика показывает, что ходатайства об УДО от осужденных пожизненно (на примере ИК-5 «Вологодский пятак») не удовлетворяются судами, что делает саму процедуру для этой категории бессмысленной. Отметим, что проблема является очень дискуссионной, но мы видим ее решение путем законодательного исключения права на УДО для лиц, приговоренных к пожизненному лишению свободы, как фактически мало реализуемых на практике.

Список источников

1. Воронин О.В. Участие прокурора в стадии исполнения приговора / О.В. Воронин // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2011. № 1. С. 42—48.
2. Бабаян С. Л. История развития института условно-досрочного освобождения в России / С.Л. Бабаян, К. К. Гарибян // Пенитенциарная наука. 2020. № 1. С. 38—43.
3. Горбач Д.В. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания в виде пожизненного лишения свободы: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Д.В. Горбач. Рязань, 2012. 24 с.
4. Богданов М.А. Эволюция института условно-досрочного освобождения в российском законодательстве (теоретический и историко-правовой аспекты): автореф. дисс. канд. юр. наук: 12.00.01 / М.А. Богданов. Владимир, ВЮИ ФСИН России, 2011. 29 с.
5. Бабаян С.Л. Институт условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в уголовном законодательстве России и зарубежных стран / С.Л. Бабаян, А.С. Айрапетян, К.К. Гарибян // Правосудие. 2022. №1. С. 87—101.
6. Скиба А.П. Условно-досрочное освобождение: китайский опыт (по материалам практики Верховного народного суда Китайской народной республики) / А.П. Скиба, А.Н. Мяханова, М.Ю. Дондокова // Уголовно-исполнительное право. 2021. № 4. С. 474—479.
7. Смирнов А.М. О необходимости ужесточения условно-досрочного освобождения для лиц, совершивших преступления экстремистской направленности / А.М. Смирнов // Социально-политические науки. 2018. С. 200—210.

Информация об авторе

Р.В. Зыков — студент 2 курса магистратуры.

Information about author

R.V. Zykov — 2nd year graduate student.

Научная статья
УДК 347.963

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В СФЕРЕ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Ксения Андреевна ИВАНОВА
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
ivanova.ksenia2003@mail.ru

Научный руководитель старший преподаватель кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации **Анна Юрьевна СЕРГЕЕВА**, annichenko@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается одна из важнейших задач, стоящая перед прокуратурой и другими государственными органами - защита прав несовершеннолетних в сфере здравоохранения. Отмечены ключевые проблемы, возникающие в данном направлении деятельности органов прокуратуры и поднадзорных им органов, а также предложены варианты их решения.

Ключевые слова: прокурорский надзор, здравоохранение, права несовершеннолетних, медицинская помощь

Original article

CURRENT ISSUES OF PROSECUTORIAL SUPERVISION IN THE FIELD OF JUVENILE HEALTH CARE

Ksenia A. IVANOVA
St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia
ivanova.ksenia2003@mail.ru

Scientific adviser Senior Lecturer at the Department of Prosecutorial Supervision and Prosecutor's Participation in the Consideration of Criminal, Civil and Arbitration Cases of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation **A.Y. Sergeeva**, annichenko@mail.ru

Abstract. The article examines one of the most important tasks facing the prosecutor's office and other government agencies — the protection of the rights of minors in the field of healthcare. The key problems that arise in this area of activity of the prosecutor's office and the bodies supervised by them are noted, and options for their solution are proposed.

Keywords: prosecutor's supervision, healthcare, juvenile rights, medical care

Несовершеннолетние граждане Российской Федерации, лица без гражданства и иностранные граждане, их развитие и благополучие является приоритетом государственной политики Российской Федерации. Значительной является и роль органов прокуратуры в реализации задач государства по обеспечению защиты прав несовершеннолетних. Президент Российской Федерации В.В. Путин в ходе выступления в марте 2025 г. на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации затронул и тему прав несовершеннолетних. Так, он отметил, что «Чужих детей не бывает — все дети наши. Этим постулатом в целом продиктован комплексный подход к надзорной работе, направленной на всестороннее и гармоничное развитие каждого ребёнка. Ведь, как точно подметил один из основоположников научной педагогики в России Ушинский К.Д., «ребёнок — это не сосуд, который нужно наполнить, а факел, который нужно зажечь»»[1].

В современном обществе защита прав и законных интересов взрослых людей, может представлять собой сложную задачу. Несовершеннолетние же, из-за своих возрастных, психологических особенностей и ограниченной дееспособности, нуждаются в особой защите своих прав и интересов на законодательном уровне.

Органы прокуратуры уделяют особое внимание вопросам охраны прав и законных интересов несовершеннолетних, в том числе в сфере здравоохранения, ведь данное направление надзора обеспечивает реальное исполнение законодательства об охране прав и законных интересов детей и подростков, пресечение и предупреждение совершения органами, организациями и должностными лицами правонарушений и преступлений в рассматриваемой сфере.

Особое значение обеспечения конституционного права граждан Российской Федерации на охрану здоровья и получение медицинской помощи, а также роль органов прокуратуры в сфере соблюдения прав несовершеннолетних в рамках здравоохранения отмечают многие авторы в своих научных работах. Так, Я.Л. Алиев, А.Н. Логинов и А.Э. Романова указывают, что прокурорская деятельность в сфе-

[1] Официальный сайт Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/comminity_meetings/76484 (дата обращения: 25.01.2026).

ре здравоохранения в последнее время приобрела одну из главенствующих ролей [1].

Деятельность органов прокуратуры в рассматриваемом направлении регламентируется Приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 13 декабря 2021 г. № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов» (далее — Приказ № 744)[1]. Указанным организационно-распорядительным документом предписано систематически проверять исполнение законодательства в данной сфере, держать на личном контроле вопросы полноты оказания медицинской помощи и обеспечение лекарственными препаратами детей, страдающих орфанными заболеваниями, а также принимать меры по защите прав детей-инвалидов.

Но проблемы в рамках данного направления начинаются уже «с головы», а именно с законодательного регулирования. Так, в правовом поле в сфере здравоохранения несовершеннолетних одним из недостатков правового регулирования является отсутствие конкретно регламентированных положений о свободе выбора мер и средств охраны их здоровья, а также механизмов обеспечение некоторых прав, к примеру, доступа к информации о состоянии здоровья. У несовершеннолетних имеются законные представители, медицинскими работниками иногда информация сообщается лишь им, игнорируя пациента, исходя из соображений несовершеннолетнего возраста.

Но в то же время, внимание к вопросам здравоохранения несовершеннолетних растёт. За последние годы были приняты как изменения в Федеральных законах Российской Федерации, так и новые Постановления Правительства Российской Федерации, а также другие акты, что свидетельствует о некотором развитии правовой базы в рассматриваемом нами вопросе.

На наш взгляд, все же необходимо разработать специальный Федеральный закон «О защите прав несовершеннолетних в сфере здравоохранения», который детально закрепит реализацию их прав, порядок и способ их защиты, а также иные вопросы, в целях устранения недостатков в оказании медицинской помощи детям и подросткам.

Следует также отметить, что пандемия COVID-19 внесла существенные коррективы в механизм прокурорского надзора за соблюдением прав граждан в сфере здравоохранения. В тот период стало возможным в полной мере оценить проблемы и недостатки осуществления прокурорского надзора за соблюдением прав несовершеннолетних в сфере здравоохранения, внести в работу органов прокуратуры необходимые изменения, активизировать эту работу. Например, как указано на сайте Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Старорусским межрайонным прокурором Новгородской области были внесены представления руководителям 6 общеобразовательных учреждений из-за невыполнения противоэпидемических мер»[2]. По указанию Генеральной прокуратуры Российской Федерации областными и городскими прокурорами в Камчатском, Пермском краях, Амурской, Архангельской, Воронежской, Магаданской, Орловской, Саратовской, Свердловской и Ростовской областях были проведены проверки в связи с выявлением случаев массового заболевания коронавирусной инфекцией среди детей, находящихся в уч-

[1] Приказ Генерального Прокурора Российской Федерации «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов» от 13 декабря 2021 г. № 744. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». Текст: электронный.

[2] Генеральная прокуратура Российской Федерации [Электронный ресурс]: Органы прокуратуры продолжают принимать меры по соблюдению законности в условиях распространения коронавирусной инфекции. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=56748796 (дата обращения: 25.01.2026).

реждениях для детей-сирот, и воспитанников детских садов различных регионов Российской Федерации, по результатам которых выявлены нарушения санитарных норм и мер профилактики, которые привели к массовым заболеваниям среди детей и сотрудников образовательных учреждений. В связи с выявленными нарушениями законодательства прокуратурой внесено более двадцати актов прокурорского реагирования[1].

Анализ показал, что росту подобных нарушений способствовала повышенная нагрузка на систему здравоохранения. В этой ситуации прокурорский надзор приобрел особое значение как эффективный инструмент обеспечения и реализации законных прав и интересов несовершеннолетних в сфере здравоохранения.

Вопросом в сфере защиты прав несовершеннолетних, который требует прокурорского вмешательства, стало ненадлежащее лекарственное обеспечение, которое является неотъемлемой частью медицинской помощи и необходимо для достижения целей здравоохранения, которыми являются сохранение и укрепления здоровья граждан [2, с. 28]. Эту тему затронул и Президент Российской Федерации В.В. Путин в ходе выступления в марте 2025 г. на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Он отметил, что «прокурорами пресекались факты торговли ограниченными в обороте препаратами, продажи через сеть нелегальных аптек контрафактных лекарств, в том числе для лечения заболеваний нервной системы, повлёкших трагические последствия для детей»[2]. Так, прокуратурой Ульяновской области в 2019 году установлено, что несовершеннолетняя гражданка, находившаяся на лечении в хирургическом отделении Ульяновской областной клинической больницы, была лишена доступа к необходимым для лечения лекарственным препаратам, предусмотренным ст. 19.37 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об охране здоровья граждан в Российской Федерации»[3] и подп. «е» п. 2.2 приказа Минздрава России от 10.05.2017 № 203н[4]. В связи с этим, родителям М. пришлось приобрести препарат за собственные средства. По результатам прокурорской проверки руководителю больницы внесено представление об устранении нарушений законодательства о здравоохранении, которое было рассмотрено и удовлетворено — родителям М. возмещены затраты на приобретение лекарственного препарата [3, с. 74].

Нельзя обойти и вопрос коррупционной составляющей в рамках здравоохранения. Так, согласно положениям ст. 44 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ[5], регионы обязаны обеспечивать лекарственными средствами пациентов с редкими (орфанными) заболеваниями. Однако для некоторых орфанных болезней отсутствуют утвержденные стандарты медицинской помощи, а правовая база для их лекарственного обеспечения недостаточно развитая, что создает условия для возможных злоупотреблений. В настоящее время действует Постановление Правительства Российской Федерации от 21 мая 2021 г. № 769 «Об утверждении Правил

[1] Генеральной прокуратурой проведены проверки по фактам заболевания новой коронавирусной инфекцией воспитанников детских учреждений. Текст: электронный // Генеральная Прокуратура Российской Федерации: [сайт]. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/protecting_children/news?item=83021652 (дата обращения: 25.01.2026).

[2] Официальный сайт Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/comminity_meetings/76484 (дата обращения: 25.01.2026).

[3] Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323 (с изм. и допол. в ред. от 28.12.2024). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». Текст: электронный.

[4] Приказ Министерства здравоохранения РФ «Об утверждении критериев оценки качества медицинской помощи» от 10.05.2017 № 203н. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». Текст: электронный.

[5] Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323 (с изм. и допол. в ред. от 28.12.2024). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». Текст: электронный.

обеспечения оказания медицинской помощи (при необходимости за пределами Российской Федерации) конкретному ребенку с тяжелым жизнеугрожающим или хроническим заболеванием, в том числе редким (орфанным) заболеванием, либо группам таких детей»[1], но там прописаны не все случаи и механизмы действий в конкретных ситуациях, что создаёт пробелы в регулировании данного вопроса и может порождать большие проблемы.

Таким образом, защита прав несовершеннолетних в России является важной и сложной задачей, требующей особого внимания со стороны государственных органов, в частности прокуратуры. Существует необходимость в дальнейшем совершенствовании механизмов прокурорского надзора для более эффективной защиты прав несовершеннолетних. Прокуроры выявляют и пресекают нарушения прав несовершеннолетних, обеспечивают своевременное реагирование на факты недобросовестного отношения или недостаточного уровня медицинского обслуживания, что способствует укреплению доверия к системе здравоохранения. Кроме того, прокурорский надзор стимулирует медицинские организации к соблюдению стандартов и нормативов, внедрению современных технологий и обеспечению безопасных условий для детей [4, с. 333].

Так, на основании анализа текущей ситуации с защитой прав несовершеннолетних в России, особенно в контексте вызовов, связанных с пандемией COVID-19, предлагается разработать указания Генеральной прокуратуры Российской Федерации, а также методические рекомендации для органов прокуратуры и других заинтересованных структур. Эти документы должны учитывать накопленный опыт работы в условиях пандемии, и направлены на улучшение механизмов прокурорского надзора за соблюдением прав несовершеннолетних в сфере здравоохранения.

По-нашему мнению, в указаниях Генерального прокурора Российской Федерации необходимо прописать конкретные процедуры и алгоритмы действий прокуроров при осуществлении надзора за соблюдением прав несовершеннолетних, включая обязательные проверки образовательных и медицинских учреждений на предмет выполнения санитарных норм и мер профилактики. В методических рекомендациях для органов прокуратуры необходимо обозначить взаимодействие прокуратуры с органами опеки, здравоохранения и образования для более эффективного выявления и устранения нарушений прав детей.

Список источников

1. Алиев Я.Л., Логинов А.Н., Романова А.Э. Прокурорский надзор в сфере здравоохранения // Вестник ННГУ. 2018. №5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prokurorskiy-nadzor-v-sfere-zdravoohraneniya (дата обращения: 25.01.2026).

2. Бессарабов В.Г., Ашиткова Т.В. Обеспечение законности в сфере здравоохранения мерами прокурорского надзора // Законность. 2014. № 3. С. 27—32.

3. Дадаева Ю.В. Прокурорский надзор за исполнением законов о несовершеннолетних // Проблемы науки. 2019. №. 7 (43). С. 73—76.

4. Сергеев Е.Ю. Состояние законности прокурорского надзора в сфере здравоохранения / Е.Ю. Сергеев. Текст : непосредственный // Молодой ученый. 2025. № 21 (572). С. 332—335.

Информация об авторе

К.А. Иванова — студентка 5 курса.

Information about author

K.A. Ivanova — 5th year student.

[1] Постановление Правительства РФ от 21 мая 2021 г. № 769 «Об утверждении Правил обеспечения оказания медицинской помощи (при необходимости за пределами Российской Федерации) конкретному ребенку с тяжелым жизнеугрожающим или хроническим заболеванием, в том числе редким (орфанным) заболеванием, либо группам таких детей». Доступ из инф.-прав. системы «КонсультантПлюс».

Научная статья
УДК 347.963

УЧАСТИЕ ПРОКУРАТУРЫ В ЗАЩИТЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВ СОБСТВЕННИКОВ ПОМЕЩЕНИЙ В МНОГОКВАРТИРНЫХ ДОМАХ

Анастасия Тимуровна КОНКИНА
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Москва, Россия, anastasiakonkina25@gmail.com

Научный руководитель доцент кафедры частного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат юридических наук **Маргарита Сергеевна ПАВЛОВА**, mspavlova@hse.ru

Аннотация. В статье на основе анализа законодательства, статистических данных и судебной практики раскрываются надзорные и процессуальные полномочия прокурора, позволяющие преодолевать фрагментированность интересов собственников помещений в многоквартирных домах в экономических спорах с управляющими компаниями. Обосновывается значение прокурорских исков и мер реагирования как эффективного инструмента восстановления и предупреждения нарушений в сфере управления многоквартирными домами.

Ключевые слова: прокурорский надзор, защита экономических прав, многоквартирные дома, управляющие компании, жилищные споры, иски прокурора

Original article

THE ROLE OF THE PROSECUTOR'S OFFICE IN THE PROTECTION OF THE ECONOMIC RIGHTS OF OWNERS OF PREMISES IN MULTI-APARTMENT BUILDINGS

Anastasia T. KONKINA
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia,
anastasiakonkina25@gmail.com

Scientific adviser Associate Professor at the Department of Private Law of National Research University Higher School of Economics, Candidate of Legal Sciences (Law), **M.S. Pavlova**, mspavlova@hse.ru

Abstract. The article, based on an analysis of legislation, statistical data, and judicial practice, examines the supervisory and procedural powers of the prosecutor that make it possible to overcome the fragmentation of interests of owners of premises in multi-apartment buildings in economic disputes with property management companies. The study substantiates the significance of prosecutorial claims and response measures as effective instruments for restoring violated rights and preventing breaches in the management of multi-apartment buildings.

Keywords: prosecutorial supervision; protection of economic rights; multi-apartment buildings; management companies; housing disputes; prosecutorial claims

По данным Росстата (статистика 2021 года[1]) и ВЦИОМ (статистика 2023 года[2]) доля россиян, проживающих в многоквартирных домах, составляет более 65 %. Людей привлекают комфорт, экономия времени на бытовом обслуживании жилья: их сфера ответственности ограничивается пределами собственного жилого помещения. Все остальные вопросы — обслуживание инженерных систем, уборка общих помещений и территории, озеленение, обеспечение безопасности, организация парковочных мест, вывоз мусора — делегируются управляющей компании, которая должна за плату оказывать качественные жилищно-коммунальные услуги, действуя в интересах жителей многоквартирного дома. Организационная форма управляющих компаний бывает разной: это частные фирмы (как правило, аффилированы с застройщиками и обслуживают новостройки, в числе известных ГК «Пик-Комфорт», ООО «Самолет-Сервис», ГК «Смарт Сервис» и др.); государственные и муниципальные предприятия (так, в столице старый жилой фонд чаще всего обслуживается подразделениями ГБУ «Жилищник», подотчетного Правительству Москвы, в регионах развиты муниципальные управляющие компании); жилищно-строительные кооперативы и товарищества собственников недвижимости (некоммерческие объединения жильцов для самостоятельного управления домом, где решения принимаются общим собранием).

Тем не менее, такое делегирование всех полномочий нередко приводит к злоупотреблениям со стороны управляющих компаний, которые могут устанавливать завышенные цены на услуги, в частности, на работу своего аппарата, неоднократно по своему усмотрению повышать тарифы, нарушая жилищное законодательство, уклоняться от передачи гражданам подробных расшифровок начислений. Расторгнуть договор с управляющей компанией в произвольном порядке при этом нельзя. Порядок ее смены регламентирован статьями 44—48 Жилищного кодекса Российской Федерации и предписывает провести собрание собственников, уполномоченное принимать решение только при наличии большинства голосов собственников, владеющих свыше 50 % площади многоквартирного дома. Зачастую эта процедура становится невозможной: требуется собрать инициативную группу, предоставить подтверждение недобросовестности управляющей компании и недовольства ей от большинства жильцов, подобрать новую управляющую компанию, что также сопряжено с процедурными сложностями [1, с. 465]. Многочисленные обращения и жалобы не дают результата, и жильцы дома фактически становятся финансовыми заложниками управляющей компании. Это является проявлением институционального дисбаланса между экономически сильным субъектом управления (управляющей компанией) и фрагментированным сообществом собственников, неспособным к эффективной самозащите. Проблема является крайне распространенной: по данным ВЦИОМ около 70 % россиян недовольны высокой стоимостью жилищно-коммунальных услуг, отмечают плохое качество их оказания[3].

Основную роль в защите прав таких граждан играет прокуратура, чьи полномочия заключаются, в том числе в осуществлении надзора за соблюдением жилищного законодательства и защитой прав граждан в сфере управления многоквартирными домами. В силу статьи 1 и статьи 21 Федерального закона от 17.01.1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» прокуратура наделена универсальными надзорными полномочиями, распространяющимися на деятельность управляющих организаций независимо от их организационно-правовой формы. В соответ-

[1] Как изменились жилищные условия россиян за 10 лет // Ведомости [эл. ресурс] URL: https://clck.ru/3RhNWT (дата обращения: 07.02.2026).

[2] Охота к перемене мест // ВЦИОМ.Новости [эл. ресурс] URL: https://clck.ru/3RhNfD (дата обращения: 07.02.2026).

[3] Тарифы и качество услуг ЖКХ // ВЦИОМ.Новости [эл. ресурс] URL: https://clck.ru/3RhNv6 (дата обращения: 07.02.2026).

ствии с Приказом Генпрокуратуры России от 03.03.2017 г. № 140 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов в жилищно-коммунальной сфере», контроль в данной сфере является приоритетным. На пленарном заседании Совета Федерации в апреле 2025 г. генеральный прокурор отметил, что предметом большинства обращений населения в прокуратуру являются именно нарушения ЖКХ, а их количество по итогам 2024 г. превысило 420 тысяч[1].

Прежде всего, прокуратура выступает ключевым публичным каналом реагирования на обращения и заявления граждан. В отличие от органов государственного жилищного надзора, ограниченных рамками административной компетенции и формализованных проверочных процедур, прокуратура вправе давать комплексную правовую оценку действиям (бездействиям) управляющей компании сквозь призму не только Жилищного кодекса Российской Федерации, но и законодательства о защите прав потребителей, о лицензировании, антимонопольного законодательства, бюджетных и антикоррупционных норм [2, с. 68], что особенно важно в ситуациях, когда спор между жильцами многоквартирного дома и управляющей компанией экономический. Типичными предметами прокурорской проверки в таких случаях становятся необоснованное завышение платы за содержание жилого помещения, включение в платежные документы услуг, фактически не оказанных, уклонение от проведения перерасчетов при ненадлежащем качестве коммунальных услуг.

По результатам проверок прокуратура применяет меры прокурорского реагирования. Наиболее распространенной формой являются внесение представления об устранении нарушений закона в адрес руководства управляющей компании, а также предостережение. Прокурор вправе привлечь управляющую компанию к административной ответственности. Так, в Кодексе об административных правонарушениях Российской Федерации предусмотрены составы за нарушение правил управления многоквартирным домом, оказания коммунальных услуг, правил содержания жилых домов — ст. 7.22, 7.23.3, 14.1.3, 14.8 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации. Именно меры прокурорского реагирования нередко становятся инструментом реального воздействия на управляющую компанию, тогда как обращения граждан в иные органы остаются безрезультатными.

Особое значение имеет судебная активность прокуратуры в жилищной сфере. В силу статьи 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации прокурор вправе обращаться в суд с исками в защиту прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц (в доктрине отмечается, что прокурор при выходе с иском осуществляет защиту «как собственников и пользователей помещений в многоквартирном доме, имеющихся на дату предъявления иска, так и лиц, которые могут стать собственниками и пользователями помещений в будущем» [3, с. 40], если есть необходимость в защите их однородных прав и интересов), а также социально уязвимых категорий граждан. В контексте управления многоквартирными домами это позволяет преодолевать ключевую проблему — фрагментированность интересов собственников и их неспособность к коллективным действиям. Прокурорские иски в защиту финансовых прав граждан могут быть направлены на признание незаконными решений управляющих компаний о повышении платы, возложение обязанности произвести перерасчет, понуждение к раскрытию информации, в отдельных случаях — на признание недействительными договоров управления, заключенных с нарушением требований закона. В этом направлении работниками прокуратуры ведется активная работа: по данным Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации, за I полугодие 2025 г. прокуро-

[1] России выросло количество нарушений в сфере ЖКХ по итогам 2024 года // Парламентская газета [эл. ресурс] URL: https://clck.ru/3RhPTU (дата обращения: 07.02.2026).

ры обращались с исками по спорам, вытекающим из жилищного законодательства, 3 546 раз, в сумме за весь 2024 г. — 7 648 раз. Иск в интересах неопределенного круга лиц, незащищенных граждан — единственная возможная форма участия прокурора в судебном процессе. Как верно отмечено Вторым кассационным судом в деле № 88-27705/2024[1], привлечение прокурора для дачи заключения возможно лишь по строго ограниченным основаниям, указанным в части 3 статьи 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, к которым рассматриваемая категория споров не относится.

Для примера рассмотрим несколько судебных актов последних лет. В деле № 88-26950/2024[2] Нагатинский межрайонный прокурор г. Москвы в интересах неопределенного круга лиц обратился с иском к районному подразделению ГБУ «Жилищник» об обязании произвести перерасчет платежа за ЖКУ. Прокурор мотивировал требования тем, что одна из статей расходов — плата за домофон — была включена неправомерно, поскольку в нарушение статьи 156 Жилищного кодекса Российской Федерации собрание собственников по данному вопросу не проводилось, за установку домофона никто не голосовал. Суды требования удовлетворили, обязали ответчика произвести перерасчет. Судебными актами по делу № 88-28704/2025[3] по иску Останкинского районного прокурора г. Москвы к ЖСК «Высокий-1» признан ничтожным протокол внеочередного собрания собственников, принятый с нарушением закона, о введении для собственников целевого взноса на капитальный ремонт лифтов, ранее не предусмотренного. В деле № 88-25489/2024[4] заместитель прокурора Заволжского района г. Ярославля в интересах женщины-инвалида II группы обратился к управляющей компании (организационно-правовая форма — акционерное общество) с иском о признании незаконными действий ответчика по индексации размера платы за содержание, текущий ремонт общедомового имущества, стоимости услуги по управлению многоквартирным домом. Суды, установив, что управляющая компания применила при повышении тарифов неактуальные индексы роста потребительских цен, не уведомила собственников об этом, признали ее действия незаконными и обязали произвести перерасчет.

Особый интерес представляет дело № 88-8611/2023[5], так как в нем отразилось сотрудничество прокуратуры с окружной Жилищной инспекцией, куда первоначально обратились пострадавшие собственники. Именно от нее в прокуратуру поступил запрос о проведении проверки деятельности частной управляющей компании ООО «Пик-Комфорт». Прокуратура ЦАО г. Москвы провела проверку, установила многочисленные нарушения (в частности, связанные с завышением платы за электричество и охранные услуги), вынесла предписание о перерасчете по нормативам Правительства Москвы. Ввиду того, что управляющая компания требование не выполнила, прокуратура обратилась с иском в суд.

Анализ судебной практики позволяет утверждать, что прокурорское вмешательство в жилищные споры выполняет не только восстановительную, но и превентивную функцию. Сам факт внесения представления либо инициирования судебного разбирательства существенно снижает стимулы управляющих компаний к дальнейшим нарушениям, формирует правоприменительный стандарт допустимого

[1] Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 19.12.2024 г. по делу № 88-27705/202. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.02.2026).

[2] Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 28.11.2024 г. по делу № 88-26950/2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 07.02.2026)

[3] Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 16.12.2025 г. по делу № 88-28704/2025.Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.02.2026).

[4] Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 15.10.2024 г. по делу № 88-25489/2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.02.2026).

[5] Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 06.04.2023 г. № 88-8611/2023 . Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.02.2026).

поведения. Прокурорский надзор выходит за рамки индивидуальной защиты прав конкретных собственников и приобретает системный, институциональный характер. В этом смысле крайне важно обобщение судебной практики и доведение правовых позиций судов до сведения граждан, так как это способствует росту правовой грамотности и понимания того, куда и в каком порядке обращаться за защитой своих прав.

В заключение следует подчеркнуть, что участие прокуратуры в экономических спорах собственников помещений в многоквартирных домах с управляющими компаниями позволяет не только восстанавливать нарушенные права граждан, но и формировать устойчивые стандарты законности в сфере ЖКХ. Вместе с тем долгосрочное решение проблемы злоупотреблений со стороны управляющих компаний невозможно без развития механизмов реального участия собственников в управлении домами и повышения прозрачности экономической деятельности управляющих организаций. Прокурорский надзор следует рассматривать не как альтернативу самоуправлению, а как институциональную предпосылку его формирования и устойчивого функционирования в реалиях современной российской системы управления жилищным фондом.

Список источников

1. Туркина Д.А. Осуществление прокурорского надзора в сфере жилищно-коммунального хозяйства // Вопросы российской юстиции. 2023. №23. С. 463—470

2. Актуальные вопросы прокурорской деятельности: Защита прокурором прав граждан в сфере жилищно-коммунального хозяйства: научно-практическое издание / [Н.А. Васильчикова и др.; под ред. Г.В. Штадлера]. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2018. 280 с.

3. Корешникова Н.Р. К вопросу об участии прокурора в рассмотрении гражданских дел судами в интересах неопределенного круга лиц. // Административное право и практика администрирования. 2019. №6. С. 37—45

Информация об авторе

А.Т. Конкина — студентка 5 курса.

Information about author

A.T. Konkina — 5th year student.

Научная статья
УДК 347

ИСКОВОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ ПРОКУРОРА ОБ ОБРАЩЕНИИ ИМУЩЕСТВА В ДОХОД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Олег Юрьевич ЛАРИОНОВ
Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия, oleg-larionov-04@mail.ru

Научный руководитель заведующий кафедрой прокурорской деятельности Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева, доктор юридических наук, профессор **Евгений Рашидович ЕРГАШЕВ**, ergashever@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию механизма контроля за расходами как элемента противодействия коррупции. Автор анализирует систему проверок в соответствии с антикоррупционным законодательством Российской Федерации и правовые основания для подачи прокурором иска об обращении имущества в доход Российской Федерации. На основе изучения судебной практики выявляются проблемы правоприменения: расширительное толкование предмета и субъектного состава взыскания, отсутствие исковой давности и коллизия с институтом залога. В заключение предлагаются пути совершенствования законодательства для решения выявленных проблем.

Ключевые слова: проверка, контроль за расходами, иск прокурора, антикоррупционное законодательство, законные доходы

Original article

PROSECUTOR'S STATEMENT OF CLAIM FOR THE CONVERSION OF PROPERTY TO THE REVENUE OF THE RUSSIAN FEDERATION: PRACTICAL ISSUES

Oleg Y. LARIONOV
Ural State Law University them. V.F. Yakovleva, Ekaterinburg, Russia
oleg-larionov-04@mail.ru

Scientific adviser Head of the Department of Prosecutor's Activity at the Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Doctor of Law, Professor **E.R. Yergashev**, ergashever@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the mechanism of control over expenses as a key element of combating corruption. The author analyzes the system of inspections in accordance with the anti-corruption legislation of the RF and the legal grounds for the prosecutor to file a claim for the transfer of property to the benefit of the RF. Based on the study of judicial practice, systemic problems of law enforcement are identified: a broad interpretation of the subject and subject composition of the recovery, the absence of a statute of limitations and a conflict with the institution of pledge. In conclusion, ways to improve legislation to solve the identified problems are proposed.

Keywords: audit, control of expenses, prosecutor's claim, anti-corruption legislation, legal income

Эффективность системы противодействия коррупции во многом определяется механизмом контроля за имущественным положением должностных лиц. В рамках настоящей статьи мы рассмотрим такой элемент системы, как «представление сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера лицами, в чьи обязанности входит представление таких сведений, которое является одной из наиболее часто реализуемых обязанностей, установленных антикоррупционным законодательством» [1, с. 17].

Процедуру контроля за имущественным положением лиц, замещающих должности, указанных в законе, осуществляют представитель нанимателя (работодателя) или иные уполномоченные лица, определенным нормативными правовыми актами Российской Федерации, а также Генеральный прокурор Российской Федерации и подчиненные ему прокуроры.

Соответственно, первичную проверку проводит, как правило, кадровая служба соответствующего органа, организации либо специально уполномоченный орган[1], а вторичную проверку — Генеральный прокурор и подчинённые ему прокуроры. Основанием для перехода на вторичный уровень проверки является выявление обстоятельств, свидетельствующих о несоответствии расходов должностного лица, его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей их общему законному доходу.

Обратим внимание на проведение вторичной проверки.

Ключевые аспекты вторичной проверки, установленные Законом о контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам (далее — Закон № 230-ФЗ):

срок рассмотрения: прокурор рассматривает полученные материалы в течение четырёх месяцев;

перечень имущества: Закон № 230-ФЗ устанавливает перечень объектов, подлежащих взысканию: земельные участки, другие объекты недвижимости, транспортные средства, ценные бумаги (доли участия, паи), цифровые финансовые активы и цифровая валюта;

альтернативное взыскание: в случае невозможности непосредственного обращения имущества в доход Российской Федерации (например, в случае его отчуждения или уничтожения), прокурор вправе требовать взыскания денежной суммы, эквивалентной стоимости такого имущества;

субъектный состав: положение об обращении имущества распространяется не только на должностное лицо, но и на его супруга (супругу) и несовершеннолетних детей.

В случае подтверждения материалов контрольных органов о несоответствии между заявленными доходами и стоимостью приобретённого имущества, прокурор применяет акт реагирования в виде искового заявления об обращении имущества в доход Российской Федерации[2].

Правовой основой для данной меры выступает пп. 8 п. 2 ст. 235 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), который устанавливает возможность принудительного прекращения права собственности в случаях, предусмотренных законом.

Несмотря на правовую регламентацию процедуры контроля за расходами, в правоприменительной практике и доктрине сохраняется ряд вопросов, касающихся предметного, субъектного и темпорального объема изъятия имущества:

1) расширение предмета обращения в доход Российской Федерации: формально ст. 17 Закона № 230-ФЗ устанавливает закрытый перечень объектов гражданских прав, на которые может быть обращено взыскание. Однако как полагает Е.В. Яковенко, «Подпункт 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ не ограничивает виды имущества, которые могут быть изъяты у лица в связи с нарушением антикоррупционного законодательства» [2, с. 48]. Е.В. Яковенко приводит судебную практику, в которой денежные средства, часы, коллекционные монеты и другие предметы роскоши обращаются в доход Российской Федерации.

Правовая позиция суда такова: «из анализа приведенных норм законодательства во взаимосвязи с положениями Федерального закона от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные долж-

[1] «Методические рекомендации по вопросам представления сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера и заполнения соответствующей формы справки в 2025 году (за отчетный 2024 год)» (утв. Минтрудом России). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 10.10.2022 № 581 «Об осуществлении прокурорского надзора и реализации прокурорами иных полномочий в сфере противодействия коррупции» // Законность. 2022. № 11.

ности, и иных лиц их доходам» следует сделать вывод, что в доход РФ может быть обращено любое движимое и недвижимое имущество, в отношении которого не представлено доказательств его приобретения на законные доходы»[1];

2) расширение субъектного состава: законом установлено, что контроль устанавливается в отношении самого должностного лица, его супруга (супруги) и несовершеннолетних детей. Однако как утверждает Н.Е. Бараданченкова, «круг лиц, собственность которых может подлежать проверке на предмет совершения антикоррупционных правонарушений, стал заметно шире» [3, с. 39].

Такой вывод следует из определения Конституционного суда Российской Федерации[2], согласно которому суд установил, что механизм контроля допускает обращение взыскания на имущество, приобретённое третьими лицами, если судом будет доказано, что:

фактически это имущество было приобретено на доходы семьи контролируемого лица;

имущество фактически использовалось семьей должностного лица;

темпоральное ограничение: как считает К.И. Скловский, «обращено в доход государства может быть только имущество, полученное должностным лицом в период занятия им должности, но не имущество, полученное до или после того» [4, с. 165].

Такой вывод следует из судебного решения, в котором закреплено: «сокрытие имущества или осуществление предпринимательской деятельности в период замещения должности является нарушением. Между тем эти нарушения сами по себе дают основания для привлечения нарушителя к ответственности, предусмотренной законом, в том числе отстранения от должности, но не для обращения взыскания на имущество помимо нормы п. 2 ст. 235 ГК»[3].

С учётом анализа законодательных положений и позиций учёных-правоведов возможно выделить следующие признаки применения иска прокурора об обращении имущества в доход Российской Федерации:

1) подсудность — дела данной категории рассматриваются в порядке гражданского судопроизводства, регламентированном Гражданским процессуальным кодексом Росссийской Федерации;

2) основанием для применения является подтверждение прокурором обстоятельств, свидетельствующих о несоответствии расходов данного лица, его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей их общему доходу. Таким обстоятельством является поступление в течение отчётного периода (года, предшествующего году представления сведений) и двух предшествующих лет на счета данного лица, его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей денежных средств, общая сумма которых превышает их совокупный законный доход за три указанных года;

3) перечень имущества, на которое может быть обращено взыскание в доход Российской Федерации, формально определяется закрытым перечнем, закрепленным в ст. 17 Федерального закона № 230-ФЗ. Однако, как показывает анализ судебной практики, фактически взыскание может быть обращено на любое движимое и недвижимое имущество, в отношении которого не представлено доказательств его приобретения на законные доходы;

4) субъектный состав — законом предусмотрено, что иск применяется в отношении самого должностного лица, его супруга (супруги) и несовершеннолетних

[1] Апелляционное определение Краснодарского краевого суда от 17.08.2020 № 33-18800/20. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 31.10.2023 № 2998-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Решение Гагаринского районного суда г. Москвы от 20.10.2020 по делу № 3645/20. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

детей. Вместе с тем Конституционный суд Российской Федерации допускает обращение взыскания на имущество, формально принадлежащее третьим лицам, если будет доказано, что оно было приобретено на средства семьи должностного лица и фактически ею использовалось;

5) в соответствии с распространённой в доктрине и подкреплённой судебными актами позицией обращение в доход Российской Федерации может быть проведено только в отношении имущества, приобретённого в период замещения лицом соответствующей должности. Имущество, полученное до или после этого периода, не может быть изъято в рамках данного механизма;

6) некоторые требования к прокурору, сформулированные в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации и вытекающие из обязанности доказывания (ст. 56 ГПК РФ)[1]:

нужно доказать принадлежность спорного имущества кому-либо из ответчиков и его приобретение в отчётном периоде;

необходимо подтвердить действительную стоимость имущества и факт превышения его стоимости по отношению к совокупному доходу ответчиков за три последних года, предшествовавших отчётному периоду;

нужно предоставить материалы, свидетельствующие о соблюдении при осуществлении контроля за расходами процедуры, установленной Федеральным законом «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам».

Анализ действующей судебной практики позволяет выявить ряд актуальных проблемных вопросов, возникающих при применении иска прокурора об обращении имущества в доход Российской Федерации:

1) проблема применения исковой давности. Конституционный суд Российской Федерации сформировал позицию, согласно которой «в действующем законодательном регулировании какой-либо срок, ограничивающий возможность подачи прокурором искового заявления с требованиями об обращении в доход Российской Федерации имущества как приобретенного вследствие нарушения лицом, замещающим (занимающим) или замещавшим (занимавшим) публично значимую должность, требований и запретов, направленных на предотвращение коррупции, в том числе имущества, в которое первоначально приобретенное вследствие указанных нарушений имущество (доходы от этого имущества) было частично или полностью превращено или преобразовано, считается неустановленным»[2];

2) проблема толкования понятия «законные доходы». Содержащееся в ч. 1 ст. 17 Закона № 230-ФЗ оценочное понятие «законные доходы» на практике приводит к правовой неопределенности. Так, Конституционный Суд Российской Федерации указал, что «доходы от реализации сельхозпродукции, произведенной и переработанной при ведении ЛПХ, не признаются незаконными по той лишь причине, что лицо, подлежащее контролю, и член его семьи не выполнили условия освобождения этих доходов от налогообложения... Нарушение Налогового кодекса Российской Федерации влечет только те правовые последствия, которые предусмотрены им, либо отраслевым законодательством»[3]. Таким образом, нарушение налогового законодательства в части предоставления льгот не тождественно незаконности происхождения дохода;

---

[1] «Обзор судебной практики по делам по заявлениям прокуроров об обращении в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.06.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31.10.2024 № 49-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 04.07.2022 № 27-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3) проблема обращения взыскания на заложенное имущество. Суды, отказывая в удовлетворении требования об обращении взыскания на заложенное имущество ввиду изъятия заложенного имущества в доход государства, не учли, что «ни действующим законодательством, ни договорами ипотеки и залога обращение имущества в доход государства на основании подпункта 8 пункта 2 статьи 235 ГК РФ и статьи 17 Закона № 230-ФЗ в качестве основания прекращения залога не предусмотрено»[1].

Подводя итог, на основе вышеизложенного анализа предлагается следующее:

расширить предметный и субъектный составы, установленных Законом № 230-ФЗ. Судебная практика, руководствуясь общим смыслом антикоррупционного законодательства, отошла от закрытого перечня имущества, установленного Законом № 230-ФЗ, допуская обращение в доход государства любого движимого и недвижимого имущества, законность приобретения которого не доказана. Кроме того, благодаря правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, механизм взыскания был распространен на имущество третьих лиц, если будет установлен факт его фактического приобретения на незаконные доходы контролируемого лица и его использования;

определить понятие «законные доходы». Конституционный Суд Российской Федерации внёс важный элемент определенности в оценочное понятие «законные доходы», установив, что нарушение отраслевого законодательства (например, налогового) само по себе не делает доход незаконным для целей антикоррупционного контроля.

Список источников

1. Мурашкин И.Ю. Надзор за исполнением законодательства о представлении сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера // Законность. 2025. № 7. С. 17—22.

2. Яковенко Е.В. Обращение имущества в доход Российской Федерации как гражданско-правовой инструмент противодействия коррупции: проблемы правоприменения и основные пути их решения // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2024. № 4. С. 45—51.

3. Бараданченкова Н.Е. Практика обращения взыскания на коррупционные доходы в Российской Федерации // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 3. С. 36—44.

4. Скловский К.И. Применение законодательства об обращении в доход государства имущества, полученного в результате нарушения законодательства о противодействии коррупции // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 11. С. 156—186.

Информация об авторе

О.Ю. Ларионов — студент 4 курса.

Information about author

O.Y. Larionov — 4th year student.

[1] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 12.03.2024 № 4-КГ23-95-К1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Научная статья
УДК 34.09

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОТ ДЕСТРУКТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Валерия Алексеевна МУРЗИНА
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
vl.333.mr@gmail.com

Научный руководитель старший преподаватель кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, **Михаил Николаевич КУСТОВ,** kystov@rambler.ru

Аннотация. В статье анализируется проблема распространения деструктивной информации в условиях цифровизации и её влияние на информационную безопасность несовершеннолетних. Рассматриваются основные научные подходы к понятию деструктивной информации и обосновывается целесообразность его использования как обобщающей категории. Особое внимание уделяется роли прокурорского надзора в защите детей от вредного информационного воздействия и основным направлениям прокурорского реагирования в данной сфере.

Ключевые слова: деструктивная информация, противоправный контент, информационная безопасность

Original article

TOPICAL ISSUES OF PROSECUTORIAL SUPERVISION OF LEGISLATION ENFORCEMENT IN THE PROTECTION OF MINORITIES' RIGHTS FROM DESTRUCTIVE INFORMATION

Valeria A. MURZINA
St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia
vl.333.mr@gmail.com

Scientific adviser Senior lecturer at the Department of Prosecutorial Supervision and Prosecutor's Participation in Criminal, Civil and Arbitration Cases of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, **M.N. Kustov**, kystov@rambler.ru

Abstract. The article analyzes the problem of the spread of destructive information in the context of digitalization and its impact on the information security of minors. The main scientific approaches to the concept of destructive information are considered, and the expediency of using it as a generalizing category is substantiated. Special attention is paid to the role of prosecutorial supervision in protecting children from harmful information exposure and the main areas of prosecutorial response in this area.

Keywords: destructive information, illegal content, information security

Современные информационные технологии не только предоставляют огромные возможности для развития российского общества, но и создают новые проблемы, вызовы и угрозы его безопасности, важнейшей частью которой является информационная безопасность. При этом информационно-коммуникационные технологии, как и любые другие, не являются изначально ни положительными, ни отрицательными — их воздействие может быть как полезным, так и опасным. Всё определяется целями их применения, которые задаются самим обществом: технологии могут служить как во благо и для развития человечества, так и использоваться для ведения информационных войн и других деструктивных целей [1, с. 45].

Прокурорский надзор как важнейший инструмент обеспечения законности в Российской Федерации играет ключевую роль в защите прав несовершеннолетних от различного рода угроз, в том числе и негативного информационного воздействия. Особую актуальность приобретает совершенствование механизмов прокурорского реагирования на факты распространения информации, причиняющей вред здоровью и развитию детей.

Значимость законодательного закрепления и регулирования деструктивной информации в первую очередь обуславливается ростом информационно-психологического воздействия на потребителей информации, которая распространяется в социальных сетях [2, с. 120], в том числе на несовершеннолетних ввиду их психоэмоциональной незрелости. По информации Общественной палаты Российской Федерации, 45 % Российских подростков подвергаются активному деструктивному воздействию в социальных сетях, а активными подписчиками деструктивных групп и сообществ в интернете на данный момент являются 10,5 млн детей[1].

Также проблема деструктивной информации поднималась на Расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры в марте 2025. Как отметил И.В. Краснов: «Учитывая нарастающие темпы вброса в виртуальную среду деструктивной информации, по нашим актам реагирования заблокировано свыше 75 тысяч интернет-ресурсов»[2].

Некоторые исследователи связывают деструктивную информацию с манипулятивными технологиями, применяемыми в целях нарушения психологической устойчивости личности и разрушения социального порядка [2, с. 182]. Такой подход также перекликается с концепцией информационно-психологического воздействия, что отражено в п. 13 Раздела 3 Доктрины информационной безопасности Российской Федерации[3].

В виду слабой научной разработанности темы видится необходимым выработать соответствующие подходы к пониманию рассматриваемого термина.

Первый подход условно можно обозначить как социально-психологический. В рамках данного подхода деструктивная информация рассматривается как совокупность сообщений, образов и символов, оказывающих негативное влияние на психику, мировоззрение и поведенческие установки личности. Основное внимание уделяется последствиям её восприятия, выражающимся в формировании

[1] 18 марта 2025 года в Общественной палате Российской Федерации состоялся круглый стол «Наши дети в интернете: виртуальность и реальность» / [Электронный ресурс] // Общественная палата Российской Федерации [офиц. сайт]: [сайт]. URL: https://www.oprf.ru/live_stream/3190 (дата обращения: 25.09.2025).

[2] Расширенное заседание коллегии Генеральной прокуратуры / [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура Российской Федерации [офиц. сайт]: [сайт]. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=101498727 (дата обращения: 28.09.2025).

[3] Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»,

агрессивного, девиантного, суицидального и антисоциального поведения. Достоинством данного подхода является его ориентация на защиту несовершеннолетних и общественных ценностей, однако его оценочный характер затрудняет практическое применение без чётких правовых критериев.

Второй подход можно охарактеризовать как ценностно-нормативный. Согласно данному подходу деструктивной признается та информация, которая подрывает традиционные духовно-нравственные ценности, основы конституционного строя, институт семьи и формирует негативное отношение к социальным нормам. Этот подход широко используется в стратегических и программных документах, в том числе в сфере обеспечения информационной безопасности детей. Вместе с тем его зависимость от культурно-исторического контекста осложняет выработку универсального определения.

Третий подход — юридико-нормативный — исходит из необходимости соотнесения деструктивной информации с действующими правовыми запретами и ограничениями. В рамках данного подхода предполагается соотнесение деструктивной информации с установленными законодательством запретами и ограничениями. В рамках данного подхода к деструктивной информации относятся сведения, распространение которых запрещено или ограничено правом и за которые предусмотрена административная либо уголовная ответственность, включая экстремистские материалы, порнографию, пропаганду наркотиков, суицида, насилия и жестокости. Его преимуществом является правовая определённость, однако он не охватывает потенциально опасную информацию, не получившую формального запрета.

Четвёртый подход можно определить как комплексный (системный). Он предполагает объединение психологических, ценностных и юридических критериев и рассматривает деструктивную информацию как информацию, которая по своему содержанию, форме или целевой направленности способна причинить вред личности (несовершеннолетних), обществу или государству, независимо от наличия или отсутствия прямого законодательного запрета. В рамках данного подхода ключевым является не только факт нарушения закона, но и потенциальная опасность информации, особенно для уязвимых социальных групп, прежде всего несовершеннолетних.

Анализ действующего законодательства показывает, что в нём используются различные термины для обозначения опасного контента: «информация, запрещённая к распространению», «информация, причиняющая вред здоровью и развитию детей», «экстремистские материалы» и др. При этом указанные категории часто пересекаются по содержанию, но не образуют единой терминологической системы, что усложняет правоприменительную практику и научный анализ.

В этой связи представляется обоснованной возможность использования термина «деструктивная информация» в качестве обобщающего (родового) понятия, охватывающего различные виды информации, распространение которых запрещено или ограничено законодательством. В таком понимании деструктивная информация может рассматриваться как более широкая категория.

Использование термина «деструктивная информация» в качестве родового позволяет систематизировать существующие правовые категории и обеспечить более целостный подход к регулированию информационных угроз. При этом экстремистская информация и информация, запрещённая к распространению, в таком случае будут выступать видовыми понятиями внутри более широкой категории деструктивной информации.

Прокурор, как должностное лицо, наделённое полномочиями по надзору за исполнением законодательства, играет ключевую роль в обеспечении прав детей на безопасную информационную среду. Его деятельность направлена не только на

пресечение уже выявленных нарушений, но и на их профилактику, то есть предупреждение распространения опасного контента, оказывающего вредное воздействие на психику и развитие несовершеннолетних [3, с. 93].

Одним из важнейших направлений прокурорской деятельности является систематический надзор за исполнением законодательства о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию.

Прокуратура реализует надзор за соблюдением законодательства о защите несовершеннолетних от деструктивной информации по следующим основным направлениям:

Так, осуществляется надзор за деятельностью органов государственной власти. Например, в декабре 2024 года прокуратурой Республики Ингушетия были выявлены нарушения в работе регионального министерства образования и науки, выразившиеся в отсутствии перечня мероприятий по обеспечению информационной безопасности детей, что противоречило требованиям законодательства[1].

Надзор за соблюдением законодательства в деятельности образовательных учреждений. Рассмотрим на примере, в ходе проверки было установлено, что на официальном сайте школы размещалась ссылка на стороннюю платформу для создания сайтов, владелец которой самостоятельно определял содержание рекламных материалов. В результате на сайте образовательной организации демонстрировалась реклама сексуального характера и сцены жестокости. По итогам прокурорского реагирования соответствующая ссылка была удалена[2].

Прокуроры проверяют исполнение требований закона о контентной фильтрации в школах, библиотеках и учреждениях дополнительного образования. Прокуратура Таттинского района провела проверку соблюдения законодательства об образовании, в ходе которой установлено, что в нарушение требований закона в классах для обучения информатике Баягинской СОШ на компьютерах не установлена контент-фильтрация, что дает возможность открывать страницы сайтов, содержащих информацию, наносящих вред развитию детей[3].

Надзор за исполнением законов органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих организаций. Так, Прокуратурой города Радужный в ходе проверки компьютерного клуба было установлено отсутствие ограничений доступа к вредоносной информации на компьютерах, используемых несовершеннолетними. По результатам проверки руководителю организации было внесено представление, нарушения устранены, а виновное должностное лицо привлечено к дисциплинарной ответственности[4].

Таким образом, в условиях цифровизации общества проблема распространения деструктивной информации приобретает особую остроту, особенно в контексте

[1] Прокуратурой проведена проверка исполнения законодательства Министерства образования и науки Республики Ингушетия / [Электронный ресурс] // Главное Управление Генеральной прокуратуры Российской Федерации по Северо-Кавказскому и Южному федеральным округам : [сайт]. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_glskfoyufo/mass-media/news/archive/?item=99584606 (дата обращения: 28.10.2025).

[2] Выявлены нарушения законодательства о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью. / [Электронный ресурс] // Администрация муниципального образования «Муниципальный округ Сарапульский район Удмуртской Республики» : [сайт]. URL: https://sarapulrayon.ru/press-tsentr/prokuratura-informiruet/vyyavleny-narusheniya-zakonodatelstva-o-zashchite-detey-ot-informatsii-prichinyayushchey-vred-ikh-zdorovyu-_3397 (дата обращения: 28.10.2025).

[3] Прокуратура Таттинского района выявила нарушения законодательства об образовании / [Электронный ресурс] // Прокуратура Республики Саха (Якутия) : [сайт]. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_14/mass-media/news/archive/e5715273 (дата обращения: 26.10.2025).

[4] Прокуратурой города выявлены нарушения законодательства о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию / [Электронный ресурс] // Официальный сайт администрации города Радужный : [сайт]. URL: https://www.admrad.ru/prokuraturojj-goroda-vyjavleny-narushenija-zakonodatelstva-o-zashhite-detejj-ot-informacii-prichinjajushhejj-vred (дата обращения: 28.10.2025).

защиты прав и законных интересов несовершеннолетних. Отсутствие единого подхода к понятию деструктивной информации и разрозненность используемой терминологии затрудняют эффективное правовое регулирование и правоприменительную практику. Представляется целесообразным использование термина «деструктивная информация» в качестве обобщающей категории, позволяющей систематизировать различные виды опасного контента и обеспечить комплексный подход к противодействию информационным угрозам.

Прокурорский надзор занимает ключевое место в системе обеспечения информационной безопасности детей, сочетая меры реагирования и профилактики. Дальнейшее совершенствование правового регулирования, развитие единых понятийных подходов и усиление межведомственного взаимодействия будут способствовать более эффективной защите несовершеннолетних от негативного информационного воздействия в цифровой среде.

Список источников

1. Государство, общество и личность: пути преодоления вызовов и угроз в информационной сфере: монография / Н.С. Волкова, А.А. Ефремов, С.М. Зырянов и др.; отв. ред. Л.К. Терещенко; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: ИнфотропикМедиа, 2024. 352 с.

2. Шуликов К.А. Деструктивный контент: понятие, административно-правовая характеристика, виды //Вестник Нижегородского университета им. НИ Лобачевского. 2023. №. 2. С. 180.

3. Дауров А.И., Гедугошев Р.Р. Деструктивная информация в социальных сетях и мессенджерах: проблемы обнаружения и противодействия // Журнал прикладных исследований. 2022. №11. С. 92–95.

Информация об авторе

В.А. Мурзина — студентка 5 курса.

Information about author

V.A. Murzina — 5th year student.

Научная статья
УДК 343.163

ВЗАИМОСВЯЗЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ ПО ПРАВОВОМУ ПРОСВЕЩЕНИЮ И ИНФОРМИРОВАНИЮ С ПРОФИЛАКТИКОЙ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Милана Андреевна РЕБКОВЕЦ
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
milanarebkovets@yandex.ru

Научный руководитель старший преподаватель кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета Прокуратуры Российской Федерации **Анна Юрьевна СЕРГЕЕВА,** annichenko@mail.ru

Аннотация. В данной работе рассматривается взаимосвязь между деятельностью органов прокуратуры Российской Федерации по правовому просвещению и информированию с профилактикой правонарушений, отраженной в Федеральном законе «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации».

В отсутствие указания деятельности по правовому просвещению в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации» Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» конкретизирует возможности применения такой формы профилактического воздействия, как правовое просвещение, и закрепляет право за органами прокуратуры действовать в рамках собственной компетенции, которая раскрывается в организационно-распорядительных документах Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Ключевые слова: правовое просвещение, профилактика правонарушений, профилактическое воздействие, деятельность органов прокуратуры

Original article

CORRELATION BETWEEN THE ACTIVITIES OF THE PROSECUTOR'S OFFICE ON LEGAL EDUCATION AND INFORMATION WITH THE PREVENTION OF OFFENSES

Milana A. REBKOVETS
St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia
milanarebkovets@yandex.ru

Scientific adviser Senior lecturer at the Department of Prosecutorial Supervision and Prosecutor's Participation in Criminal, Civil and Arbitration Cases of St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, **A.Y. Sergeeva,** annichenko@mail.ru

Abstract. This article examines the correlation between the activities of the Prosecutor's Office of the Russian Federation on legal education and information with the prevention of offenses, reflected in the Federal Law «On the fundamentals of the system of prevention of offenses in the Russian Federation». In the absence of an indication of legal education activities in the Federal Law «On the Prosecutor's Office of the Russian Federation», the Federal Law «On the Fundamentals of the crime Prevention System in the Russian Federation» specifies the possibilities of using such a form of preventive action as legal education and assigns the right to the prosecutor's office to act within their own competence, which is disclosed in organizational and administrative documents The General Prosecutor's Office of the Russian Federation.

Keywords: legal education, crime prevention, preventive impact, activities of the prosecutor's office

Исходя из Основ государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан, утвержденных Президентом Российской Федерации 28.04.2011[1], развитие правового государства, формирование гражданского общества и укрепление национального согласия в России требуют высокого уровня развития правовой культуры. Именно государство в лице своих органов создает условия, которые обеспечивают развитие правовой грамотности и правосознания граждан. Правовой нигилизм и недостаточный уровень правовой культуры граждан является серьезной проблемой для государства, которое стремится к верховенству права.

[1] Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом Российской Федерации 28.04.2011 № Пр-1168). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Немаловажная роль в решении данной проблемы отведена органам прокуратуры Российской Федерации, которые через деятельность по правовому просвещению и информированию, непосредственно участвуют в правопросветительской деятельности граждан, в том числе и с целью профилактики правонарушений.

Правовая основа данного направления деятельности в настоящее время представляет собой совокупность различных нормативных правовых актов, а также организационно-распорядительных документов Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Анализируя Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-I «О прокуратуре Российской Федерации» (далее — Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации») необходимо отметить, что напрямую деятельность по правовому просвещению и информированию им не регламентируется, что отмечается такими учеными, как А.И. Петров, К.И. Амирбеков, В.Ю. Шобухин и другими. Тем не менее, данное направление деятельности органов прокуратуры получило правовое закрепление посредством его указания в приказах Генерального прокурора Российской Федерации.

А.Ю. Винокуров указывал на важную роль правового просвещения во взаимосвязи с одной из целей деятельности органов прокуратуры — обеспечением верховенства закона, единства и укрепления законности: достижение данной цели «только лишь постоянным выявлением нарушений закона и постановкой вопроса об устранении таковых сродни попыткам потушить лесной пожар подручными средствами» [1, с. 42].

В статье 3 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», посвященной правовым основам деятельности прокуратуры, указывается, что порядок деятельности органов прокуратуры Российской Федерации может определяться также и иными федеральными законами. Согласно пункту 1.2 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 02.08.2018 № 471 «Об организации в органах прокуратуры Российской Федерации работы по правовому просвещению и правовому информированию», деятельность по правовому просвещению необходимо рассматривать «как часть системы профилактики правонарушений»[1].

По взаимосвязи данных положений можно сделать вывод, что деятельность по правовому просвещению и информированию органов прокуратуры нашла свое правовое закрепление и в Федеральном законе от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (далее — Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»).

В соответствии со статьей 5 Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», органы прокуратуры Российской Федерации являются одним из субъектов профилактики правонарушений на территории нашего государства. Задача таких субъектов — донести до сведения граждан и организаций информацию, призванную обеспечить «защиту прав и свобод человека, общества и государства от противоправных посягательств»[2].

Согласно статье 9 вышеуказанного Федерального закона, органы прокуратуры «осуществляют профилактику правонарушений, обеспечивая надзор за исполнением законов федеральными органами исполнительной власти, <...> и их долж-

[1] Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 02.08.2018 № 471 «Об организации в органах прокуратуры Российской Федерации работы по правовому просвещению и правовому информированию» (ред. от 09.06.2025). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (в ред. от 08.08.2024). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

ностными лицами в соответствии с Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации»»[1].

В статье 17 Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» говорится о том, что профилактическое воздействие может осуществляться, наряду с другими формами, в виде правового просвещения и информирования (пункт 1 части 1). Но, рассматривая часть 2 данной статьи, можно заметить, что в пределах установленной компетенции должностные лица органов прокуратуры Российской Федерации вправе осуществлять формы профилактического воздействия, предусмотренные пунктами 2—6 части 1 статьи 17: в форме профилактической беседы, объявлять предостережения, вести профилактический учет, вносить представления, осуществлять профилактический надзор.

Возникает закономерный вопрос: вправе ли прокурор, исходя из обособленности данных пунктов, осуществлять и деятельность по правовому просвещению и информированию? Можно предположить, что законодатель, выделив некоторые государственные органы (в том числе и прокуратуру) в отдельную часть, таким образом указал на их исключительную компетенцию по данным вопросам. Но на правах общих субъектов профилактики, указанных в статье 5 Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», они также могут осуществлять и иные формы профилактического воздействия, указанные в статье 17. Это подтверждает и то, что в статье 18 вышеуказанного Федерального закона, посвященной правовому просвещению и информированию, говорится о субъектах профилактики правонарушений в целом, без разделения компетенции между органами.

В рамках реализации положений данного закона, был издан Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 05.03.2018 № 119 «Об организации в органа прокуратуры Российской Федерации работы по исполнению требований Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах профилактики правонарушений в Российской Федерации»», которым утверждается правовое просвещение и информирование как форма профилактического воздействия.

А.Ю. Винокуров в год принятия Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», сразу указал, что «нельзя не принимать во внимание такую форму профилактического воздействия, как правовое просвещение» [2, с. 620], разъясняя, что данная деятельность осуществляется органами прокуратуры еще с советского периода, но теперь получила отражение и в специализированном законе. Такого же мнения придерживается и К.И. Амирбеков, рассматривая данный закон во взаимосвязи с положениями Приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 02.08.2018 № 471 «Об организации в органах прокуратуры Российской Федерации работы по правовому просвещению и правовому информированию»: «<...> нельзя не принимать во внимание при осуществлении прокурорской деятельности предусмотренную п. 1 ч. 1 ст. 17 Закона № 182 данную форму профилактического воздействия» [3, с. 60].

В.Ю. Шобухин отмечал: «Правовое просвещение <...> с одной стороны, фактически осуществляется прокурорскими работниками, а с другой — тесно связано со всеми направлениями их деятельности» [4, с. 103]. А.Ю. Винокуров определяет место правового просвещения, с учетом «двойственной правовой природы преследуемых целей» [1, с. 46] как часть «двух участков» деятельности прокуратуры — профилактической работы и взаимодействия с органами власти и институтами гражданского общества.

Несмотря на теоретическую и законодательную неопределенность места деятельности по правовому просвещению, действующий Приказ Генерального про-

[1] Там же.

курора Российской Федерации от 02.08.2018 № 471 «Об организации в органах прокуратуры Российской Федерации работы по правовому просвещению и правовому информированию», как указывалось ранее, предписывает, чтобы работа по правовому просвещению и информированию способствовала оказанию «воспитательного воздействия в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения»[1], что вновь отсылает к профилактическому характеру данной деятельности. Но при этом, в пункте 3.1. приказа акцентируется внимание на том, что правовое просвещение — это не только «одна из форм профилактического воздействия, но и способ привития гражданам уважения к защищаемым правом социальным ценностям»[2].

В рамках профилактического воздействия рассматриваются также и направления, по которым органы прокуратуры должны в первую очередь доводить до граждан информацию об их правах: в области охраны здоровья, государственной поддержки льготных категорий граждан, семей с детьми, гарантий занятости и соблюдения трудовых прав. Также вышеуказанным приказом предписывается «усилить» просветительскую работу по предупреждению межнациональных и межконфессиональных конфликтов, профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, противодействию коррупции, терроризму и экстремизму, незаконной миграции, использованию информационно-коммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет» в противоправных целях, охране окружающей среды, поддержке предпринимателей и снижение административного давления на бизнес. В этом, несомненно, прослеживается связь правового просвещения и иных направлений деятельности органов прокуратуры.

Подводя итог, отметим, что вступление в силу Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» позволило конкретизировать основные цели и задачи не только профилактической деятельности органов прокуратуры, но и направленность деятельности по правовому просвещению и информированию, которая впервые получила закрепление в законе. Полагаем возможным в последующем указать данный вид деятельности органов прокуратуры и в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации» как немаловажную часть ненадзорной деятельности.

Список источников

1. Винокуров А.Ю. О месте правового просвещения в системе внешнефункциональной деятельности органов прокуратуры // Проблемы правового просвещения и участие в нем органов прокуратуры : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 07—08 октября 2010 года. М.: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. С. 41—46.

2. Винокуров А.Ю. К вопросу об участии органов прокуратуры в профилактике правонарушений в Российской Федерации // Административное и муниципальное право. 2016. № 7. С. 620—626.

3. Амирбеков К. И. Правовое регулирование прокурорской деятельности и полномочий прокурора по профилактике правонарушений: противоречия и пути их устранения // Российский следователь. 2019. № 2. С. 58—61.

4. Шобухин В.Ю. Правовое просвещение как перспективное направление прокурорской деятельности // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2016. № 5. С. 100—106.

Информация об авторе

М.А. Ребковец — студентка 5 курса.

Information about author

M.A. Rebkovets — 5th year student.

[1] Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 02.08.2018 № 471 «Об организации в органах прокуратуры Российской Федерации работы по правовому просвещению и правовому информированию» (ред. от 09.06.2025). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Там же.

Научная статья
УДК 347.963

СООТНОШЕНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В ГРАЖДАНСКОМ И АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Никита Алексеевич САЛЬНИКОВ[1], **Арина Александровна СЕМЕНЧЕНКО**[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
arina.semenchenko.04@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Ольга Андреевна ГУРЕЕВА**, olga-gur@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена соотношению правового регулирования участия прокурора в гражданском и административном судопроизводстве. Авторами анализируется процессуальное положение прокурора при участии в судебном процессе в соответствии с Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации и Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации. Особое внимание уделяется особенностям участия прокурора, обусловленным необходимостью защиты публичных интересов в административном судопроизводстве.

Ключевые слова: административное судопроизводство, гражданское судопроизводство, процессуальное положение прокурора, полномочия прокурора

Original article

THE RELATIONSHIP BETWEEN LEGAL REGULATION OF THE PROSECUTOR'S PARTICIPATION IN CIVIL AND ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS

Nikita A. SALNIKOV[1], **Arina A. SEMENCHENKO**[2]
[1,2] St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia
arina.semenchenko.04@mail.ru

Scientific adviser Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor **O.A. Gureeva,** olga-gur@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the relationship between the legal regulation of the prosecutor's participation in civil and administrative proceedings. The authors analyze the procedural situation of the prosecutor when participating in the judicial process in accordance with the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation and the Code of Civil Procedure of the Russian Federation. Special attention is paid to the specifics

of the prosecutor's involvement due to the need to protect public interests in administrative proceedings

Keywords: administrative proceedings, civil proceedings, procedural status of the prosecutor, powers of the prosecutor

Конституция Российской Федерации закрепляет пять видов судопроизводств: конституционное, арбитражное, уголовное, административное, гражданское. Административное судопроизводство соотносится с гражданским судопроизводством ввиду того, что изначально рассмотрение дел, возникающих из публичных правоотношений, было урегулировано нормами гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ). Законодателем была предпринята попытка разработки единого ГПК РФ, так 9 июня 2014 года была организована рабочая группа по созданию кодекса, а уже 8 декабря 2014 года концепцию комплексного ГПК РФ одобрил Комитет Госдумы по гражданскому, уголовному и процессуальному законодательству, но с марта 2015 года работа пошла на спад [1, с. 15]. Изначальной целью формирования единого кодифицированного нормативного правового акта было объединение общих положений Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ), ГПК РФ (в том числе и положений будущего Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее — КАС РФ)). Однако сам законодатель признал, что значительное число положений ГПК РФ и АПК РФ соотнести представляется крайне проблематично[1]. Так, 8 марта 2015 года был принят — КАС РФ, который исключил дела, возникшие из публичных правоотношений, из введенья ГПК РФ.

Стоит обратить внимание, что гражданское и административное судопроизводство являются принципиально разными в силу различных принципов, лежащих в основе каждого кодекса [2, с. 141]. Так, например КАС РФ фактически содержит принцип «активной роли суда», что не отражено в ГПК РФ [3, с. 139]. Кроме того, в КАС РФ несмотря на декларируемое равенство действует смешанная (императивно-диспозитивная модель), что противоречит самой сути судебного процесса в рамках ГПК РФ.

Несмотря на различие принципов, в действительности судебный процесс по КАС РФ и ГПК РФ представляется крайне похожим [4, с. 2]. Подтвердим тезис о схожести указанных судебных процессов на примере участия прокурора в административном и гражданском судопроизводстве.

Как в КАС РФ, так и в ГПК РФ право прокурора по инициированию искового производства урегулировано специальной статьей: статья 39 КАС РФ, 45 ГПК РФ. Прокурор в рамках обоих судопроизводств вправе обратиться с исковым заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц или интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований. Также в КАС РФ в отличие от ГПК РФ дополнительно установлено, что право на обращение с административным исковым заявлением от имени прокурора возможно и в случаях, предусмотренных федеральными законами. Большинство подобных случаев установлены в самом же КАС РФ[2]. Например, по административным делам о госпитализации гражданина в медицинскую

[1] Решение Комитета Государственной Думы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству от 8 декабря 2014 г. № 124(1) «О Концепции Единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации». Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] ст. 39 «Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 07.07.2025). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке административным истцом может выступать и прокурор[1].

Кроме того, КАС РФ и ГПК РФ закрепляют единые требования как к административному исковому заявлению, так и к исковому заявлению прокурора, включая необходимость обоснования невозможности самостоятельного обращения гражданина за защитой своих прав. В соответствии с ч. 6 ст. 125 КАС РФ в случае обращения прокурора в защиту прав, свобод и законных интересов гражданина в административном исковом заявлении также должны быть указаны причины, исключающие возможность предъявления административного искового заявления самим гражданином[2]. В силу ст. 45 ГПК РФ заявление в защиту прав, свобод и законных интересов гражданина может быть подано прокурором только в случае, если гражданин по состоянию здоровья, возрасту, недееспособности и другим уважительным причинам не может сам обратиться в суд[3]. Несмотря на сходство требований, в рамках административного судопроизводства закреплена обязанность прокурора, как субъекта, обладающего властными полномочиями, направлять копии административного искового заявления и документы к нему прилагающиеся лицам, участвующим в деле.

Как в КАС РФ, так и в ГПК РФ у прокурора существуют обязанности, которые являются общими для обоих видов судопроизводств, а также содержится общее исключение из этих обязанностей — оплата государственной пошлины. Сходство КАС РФ и ГПК РФ заключается еще в том, что прокурор наделен правами истца, но при этом ограничен в праве на заключение соглашения о примирении сторон и мирового соглашения. Дополнительно в КАС РФ установлена обязанность прокурора уведомлять гражданина или его представителя в случае отказа от административного искового заявления. При этом КАС РФ не определяет процедуру уведомления гражданина в случае отказа прокурора от иска. Как отмечает О.Н. Менькова, не совсем ясным на практике является вопрос о том, каким образом, в какие сроки прокурор должен сообщить материальному истцу или его законному представителю о том, что он отказывается от заявленных исковых требований в его интересах [5, с. 86]. Считаем необходимым закрепить в приказе Генпрокуратуры России от 11.01.2021 № 2 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве» (далее — Приказ № 2) точные сроки уведомления гражданина или его представителя, а также причины принятия такого решения с разъяснением процессуальных прав гражданину в случае отказа прокурора от административного иска.

Еще одним близким процессуальным институтом участия прокурора в гражданском и административном судопроизводстве является вступление в судебный процесс для дачи заключения по делу. В соответствие с приказом № 2 участие прокурора при даче заключения по делу является его обязанностью как в гражданском, так и в административном судопроизводстве. ГПК РФ закрепляет перечень дел, по которым прокурор дает заключения, а также содержит бланкетные ссылки на законы, обязывающие прокурора вступать в судебный процесс для дачи заключения по делу. К числу таких законов относятся Трудовой кодекс Российской Федерации, Семейный кодекс Российской Федерации, Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» и т. д. В то же время в КАС РФ определено, что прокурор

[1] ст. 281 «Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 07.07.2025). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] ст. 125 «Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 07.07.2025). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] ст. 45 «Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

даёт заключения по делам, установленным КАС РФ и другими федеральными законами. В соответствии с КАС РФ прокурор даёт заключение по делам [6, с. 24—25]:

об оспаривании нормативных правовых актов (ч. 4 ст. 213 КАС РФ);

о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации (ч. 3 ст. 243 КАС РФ);

о помещении иностранного гражданина, подлежащего депортации или реадмиссии, в специальное учреждение или о продлении срока пребывания иностранного гражданина, подлежащего депортации или реадмиссии, в специальном учреждении (ч. 3 ст. 268 КАС РФ);

об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы (ч. 3 ст. 272 КАС РФ);

о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке (ч. 4 ст. 283 КАС РФ) и по другим делам.

Кроме того, в административном и гражданском судопроизводстве установлено ограничение, запрещающее прокурору давать заключение по делу, если дело возбуждено на основании его административного искового заявления или искового заявления. В рамках административного судопроизводства такой запрет закреплен в статье 39 КАС РФ. Кроме того, в соответствии с пунктом 6 Приказа № 2 прокурор обязан исключать случаи дачи заключения по делу, в котором орган прокуратуры выступает в качестве истца, ответчика, третьего или заинтересованного лица[1]. Фактически такой же запрет наложил Конституционный Суд Российской Федерации в отношении гражданского процесса, в случаях если прокурор является прямо или косвенно заинтересованным лицом, то он не имеет права давать заключение по делу[2]. Указанное ограничение представляет собой новеллу именно в законодательстве об административном судопроизводстве. Ранее для гражданского судопроизводства такой нормы не существовало, она была введена только с принятием КАС РФ в 2015 г.

Таким образом, участие прокурора в гражданском и административном судопроизводстве характеризуется значительным сходством, но вместе с тем, в административном судопроизводстве существуют особенности, обусловленные необходимостью защиты публичных интересов. Публичные правоотношения обладают спецификой в силу того, что одним из участников выступает субъект, наделенный властными полномочиями, именно поэтому государство должно определять особый механизм защиты прав и свобод человека и гражданина.

Список источников

1. Старилов Ю.Н. Принятие кодекса административного судопроизводства российской федерации — важнейший этап судебной реформы и модернизации административно-процессуального законодательства // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2015. №2 (21). С. 8—15. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prinyatie-kodeksa-administrativnogo-sudoproizvodstva-rossiyskoy-federatsii-vazhneyshiy-etap-sudebnoy-reformy-i-modernizatsii.

2. Терехова Л.А. Закрепление принципов судопроизводства в кодексе административного судопроизводства и в гражданском процессуальном кодексе // Правоприменение. 2020. №3. С. 139—147. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zakreplenie-printsipov-sudoproizvodstva-v-kodekse-administrativnogo-sudoproizvodstva-i-v-grazhdanskom-protsessualnom-kodekse.

[1] п. 6 Приказа Генпрокуратуры России от 11.01.2021 № 2 (ред. от 19.10.2022) «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве». Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2012 г. № 2367-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ляшкова Сергея Васильевича на нарушение его конституционных прав положением части третьей статьи 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации». Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Гуреева О.А., Ботенко А. О. Содержание принципа «активная роль суда» в административном судопроизводстве: понятие и проблемы законодательного регулирования // КриминалистЪ. 2025. №1. С. 137—142. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-printsipa-aktivnaya-rol-suda-v-administrativnom-sudoproizvodstve-ponyatie-i-problemy-zakonodatelnogo-regulirovaniya.

4. Ахметова Т.С. Соотношение КАС и ГПК в системе законодательства России // Вопросы науки и образования. 2018. № 7 (19). С. 1—4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-kas-i-gpk-v-sisteme-zakonodatelstva-rossii.

5. Менькова О.И. К вопросу о процессуальном статусе прокурора в административном судопроизводстве // Юридическая наука. 2019. № 10. С. 85—88. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-protsessualnom-statuse-prokurora-v-administrativnom-sudoproizvodstve.

6. Булгакова Л.С., Гуреева О.А. Участие прокурора в административном судопроизводстве в схемах и таблицах: учебное пособие / Л.С. Булгакова, О.А. Гуреева. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2022.

Информация об авторах

Н.А. Сальников — студент 4 курса.
А.А. Семенченко — студентка 4 курса.

Information about authors

N.A. Salnikov — 4th year student.
A.A. Semenchenko — 4th year student.

Научная статья
УДК 342.5

СОДЕРЖАНИЕ АКТОВ ПРОКУРОРСКОГО РЕАГИРОВАНИЯ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ, СТРУКТУРА И ОСНОВНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ

Диана Дмитриевна СЕРГЕЕВА[1], **Алексей Романович УКРАИНЦЕВ**[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] dianadisergeeva@yandex.ru
[2] alexukrain999@gmail.com

Научный руководитель старший преподаватель кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, **Анна Юрьевна СЕРГЕЕВА**, annichenko@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу структуры актов прокурорского реагирования при осуществлении надзора за исполнением законов. Авторами в рамках исследования выявлены основные аспекты содержания актов надзора, возможность составления актов надзора на государственных языках республик. Высказана позиция об индивидуализации каждого акта прокурорского надзора.

Ключевые слова: содержание актов надзора, прокурор, акты прокурорского надзора, составление актов надзора, индивидуализация актов надзора

Original article

CONTENT OF PROSECUTOR'S REAGENTS ACTS DURING OVERSIGHT OF LAW ENFORCEMENT, STRUCTURE AND BASIC REQUIREMENTS FOR REGISTRATION

Diana D. SERGEEVA[1], Alexey R. UKRAINTSEV[2]
[1,2] St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia
[1] dianadisergeeva@yandex.ru
[2] alexukrain999@gmail.com

Scientific adviser Senior Lecturer at the Department of Prosecutorial Supervision and Prosecutor's Participation in the Consideration of Criminal, Civil and Arbitration Cases of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, **A.Yu. Sergeeva,** annichenko@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the structure of acts of prosecutorial response in the implementation of supervision over the execution of laws. As part of the research, the authors identified the main aspects of the content of acts of supervision, the possibility of drafting acts of supervision in the state languages of the republics. The authors expressed their opinion on the individualization of each act of prosecutorial supervision.

Keywords: content of supervisory acts, prosecutor, acts of prosecutorial supervision, compilation of supervisory acts, individualization of supervisory acts

В Федеральном законе от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»[1] (далее — Закон о прокуратуре) существуют отдельные требования к актам прокурорского реагирования при осуществлении надзора за исполнением законов (далее — акты надзора), однако какого-либо единственно верного понимания оформления актов законодательством не предусмотрено, ввиду чего на территории всей страны подходы к написанию актов различны.

Достоверно определено, что акты надзора допустимо оформлять лишь в письменной форме [1, с. 190], поскольку она позволяет фиксировать сроки направления документа, изложенные требования к поднадзорному объекту, сроки исполнения данных требований прокурора. Кроме того, в соответствии с приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 29.12.2011 № 450 «О введении в действие Инструкции по делопроизводству в органах и учреждениях прокуратуры Российской Федерации» (далее — Инструкция по делопроизводству) п. 5.1.2 Инструкции по делопроизводству определяет, что акты должны быть оформлены на общем бланке[2], то есть не могут быть устными.

Также каждый акт надзора должен содержать основные реквизиты: наименование прокуратуры; исходящий номер документа и дату составления; наименование акта; наименование органа и (или) Ф.И.О., должность лица, которому был направлен акт; должность, классный чин и Ф.И.О. работника прокуратуры, подписавшего акт; сведения об исполнителе, что следует из анализа п. 5.1.2 Инструкции по делопроизводству и приложением № 35 к рассматриваемому пункту[3].

[1] Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 29.12.2011 № 450 «О введении в действие Инструкции по делопроизводству в органах и организациях прокуратуры Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 29.12.2011 № 450 «О введении в дей-

Вместе с тем п. 1.4 Инструкции по делопроизводству регламентировано, что делопроизводство ведется на русском языке, а также возможно использование языка республики, на территории которой находится прокуратура или организация[1]. Между тем ст. 17 Закона Российской Федерации от 25.10.1991 № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» — «Официальная переписка и иные формы официальных взаимоотношений между государственными органами, организациями, предприятиями, учреждениями субъектов Российской Федерации с адресатами в Российской Федерации ведутся на государственном языке Российской Федерации»[2]. Соответственно, изначально следует оформить акт надзора на русском языке и затем, в случае необходимости, перевести на государственный язык республики.

К одному из признаков акта реагирования при осуществлении надзора за исполнением законов относится определенное содержание акта — любой из существующих актов надзора должен иметь вводную, описательно-мотивировочную и резолютивную части [1, с. 190].

Вводная часть содержит в себе название акта надзора, указание при помощи чего было выявлено нарушение или получена информация о возможности совершения правонарушения для направления предостережения.

В описательно-мотивировочной части излагаются установленные нарушения закона, а также место и время совершения указанных правонарушений либо достоверные данные о возможности совершения правонарушения. Кроме того, в случае если известны виновные в нарушении лица, то их данные, должность и в чем выразилось нарушение с их стороны — указанная информация должна фигурировать в рассматриваемой части акта.

В этой же части дается юридическая квалификация допущенные правонарушений, ссылки на нарушенное законодательство, целесообразно указать правовые позиции Верховного и Конституционного Суда России по рассматриваемому вопросу. Проводится анализ причин совершенного правонарушения.

Кроме того, допустимо разъяснение ответственности объекту надзора за неисполнение законных требований прокурора в случае наличия оснований допускать такое неисполнение.

В конце рассматриваемой части дается ссылка на статью Закона о прокуратуре, которой регламентируется каждый акт прокурорского надзора.

В резолютивной части указываются требования прокурорского работника о рассмотрении акта реагирования в установленный законом срок, о принятии мер по устранению причин и условий, способствующих совершению правонарушений, предупреждению и недопущению их впредь, о принятии конкретных мер по устранению нарушений, а также указывается на необходимость ответа в орган прокуратуры, если он необходим.

Нельзя не обратить внимание на ведомственные приказы в данной сфере. Так, п. 16 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 07.12.2007 № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» отчасти регламентирует содержание актов надзора в целом — прокурорам предписано указывать правовую сущность выявленных нарушений закона с указанием их негативных последствий, причин и условий, которые им способствовали, а также ставить вопрос об их устранении

ствие Инструкции по делопроизводству в органах и организациях прокуратуры Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[1] Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 29.12.2011 № 450 «О введении в действие Инструкции по делопроизводству в органах и организациях прокуратуры Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Закон Российской Федерации от 25.10.1991 № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

и ответственности виновных лиц, принимать участие в рассмотрении внесенных актов прокурорского реагирования[1].

Типовая форма для составления акта прокурорского надзора установлена лишь для предостережения приложением к Указанию Генерального прокурора Российской Федерации от 06.07.1999 № 39/7 «О применении предостережения о недопустимости нарушения закона»[2], для других актов типовые формы не предусмотрены. В теории прокурорского надзора существуют споры о необходимости составления определенных форм для актов надзора. Так, профессор Е.Р. Ергашев принципиально считает, что акт надзора не должен иметь типовую форму, поскольку каждый акт считается индивидуальным ввиду разных нарушений, характеру и способу изложения [2, с. 186]. Противоположного мнения придерживается Т.Н. Кесареева [3, с. 20], которая указывает на то, что резолютивная часть протеста и представления практически идентична и можно было бы оформить данную часть типовой формой в целях единообразного применения данных актов надзора. Обе позиции исследователей, на наш взгляд, обоснованы, однако мнение последнего автора представляется как полумера, поскольку разумнее либо сделать единую типичную форму всего акта либо оставить так, как существует. Однако создание целых типовых форм для актов надзора повлекло бы обязанность для прокурорских работников составлять все акты прокурорского реагирования при осуществлении надзора по определенному шаблону, что, на наш взгляд, негативно бы сказалось на содержании актов, поскольку сузились бы возможности указания в актах каких-либо отдельных моментов, которые нужны будут в одном деле, но шаблоном они не будут предусмотрены.

Подводя итог, акт прокурорского надзора должен быть оформлен письменно в соответствии с Инструкцией по делопроизводству на русском языке и при необходимости переведен на государственный язык республики, иметь вводную, описательно-мотивировочную и резолютивную части, а также быть в каждом случае индивидуализирован.

Список источников

1. Сергеева Д.Д. Признаки актов прокурорского реагирования, проблемы отграничения от смежных понятий / Д.Д. Сергеева, А.Р. Украинцев // Альманах молодого исследователя. 2025. № 19. С. 189—192.

2. Ергашев Е.Р. К дискуссии о понятии, признаках, свойствах акта прокурорского реагирования / Е.Р. Ергашев // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 4 (9). С. 182—187.

3. Кесареева Т.П. Акты прокурорского реагирования при осуществлении надзора за исполнением законов и законностью правовых актов. М. 2019. 120 с.

Информация об авторах

Д.Д. Сергеева — студентка 5 курса.
А.Р. Украинцев — студент 5 курса.

Information about authors

D.D. Sergeeva — 5th year student.
A.R. Ukraintsev — 5th year student.

[1] Приказ Генерального прокурора России от 07.12.2007 № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Указание Генерального прокурора Российской Федерации от 06.07.1999 № 39/7 «О применении предостережения о недопустимости нарушения закона. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Научная статья
УДК 342.92

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИНИЦИАТИВНОЙ ФОРМЫ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ О ЗАЩИТЕ ИНТЕРЕСОВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В СЛУЧАЕ ОТКАЗА ЗАКОННОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ОТ МЕДИЦИНСКОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА, НЕОБХОДИМОГО ДЛЯ СПАСЕНИЯ ЖИЗНИ

Дарья Романовна УВАРОВА
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
dasha.uvarova.67@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Ольга Андреевна ГУРЕЕВА**, olga-gur@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению форм участия прокурора в судебном разбирательстве о защите интересов несовершеннолетнего в случае отказа законного представителя от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни. Автором анализируются проблемы отсутствия законодательного закрепления полномочия прокурора по обращению в суд с административным исковым заявлением в защиту прав несовершеннолетнего пациента.

Ключевые слова: административное судопроизводство, медицинское вмешательство, прокурор, несовершеннолетние

Original article

SOME ASPECTS OF THE PROSECUTOR'S INITIATIVE PARTICIPATION IN A COURT PROCEEDING ON PROTECTING THE INTERESTS OF A MINOR IN THE EVENT OF A LEGAL REPRESENTATIVE'S REFUSAL TO UNDERGO MEDICAL INTERVENTION NECESSARY TO SAVE THE LIFE

Daria R. UVAROVA
St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia
dasha.uvarova.67@mail.ru

Scientific adviser Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines at the St. Petersburg Law Institute (Branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor **O.A. Gureeva**, olga-gur@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the forms of the prosecutor's participation in the trial on the protection of the interests of a minor in the event of the legal representative's refusal to provide medical intervention necessary to save the life. The author analyzes the problems of the lack of legislative consolidation of the prosecutor's authority to file an administrative claim in court against a minor patient.

Keywords: administrative proceedings, medical intervention, prosecutor, minors

Нормативным правовым актом нашего государства, обладающим высшей юридической силой, Конституцией Российской Федерации, регламентировано право каждого человека на охрану здоровья и медицинскую помощь[1]. Указанное положение находит свое отражение и в международных документах. Например, согласно ст. 25 Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г., каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи[2]. Во исполнение вышеперечисленных постулатов, в Российской Федерации был принят Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», официально обозначивший основные сферы деятельности органов государственной власти Российской Федерации, ее субъектов, органов местного самоуправления и подведомственных им медицинских организаций по обеспечению достойного уровня жизни населения.

Несомненно, охрана жизни и здоровья совершеннолетних граждан остается приоритетным направлением политики государства. Однако, как только в структуре общественных отношений появляется фигура несовершеннолетнего, внимание медицинских организаций заметно обостряется. И это происходит неспроста, ведь подрастающее поколение — то приближающееся будущее социума, которое будет обеспечивать его привычное функционирование. Как следствие, одним из принципов охраны здоровья граждан Российской Федерации выступает приоритет охраны здоровья детей.

Дети, в их силу физиологических особенностей, менее защищены от воздействий внешнего мира, а потому забота об их здоровье возложена на законных представителей. Акцентируя внимание на правовой категории «законные представители», следует отметить следующее. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 64 Семейного кодекса Российской Федерации (далее — СК РФ), родители являются законными представителями своих детей и выступают в защиту их прав и интересов в отношениях с любыми физическими и юридическими лицами, в том числе в судах, без специальных полномочий[3]. Перечень лиц, являющихся законными представителями, помимо родителей, дополняется также усыновителями, опекунами и иными лицами, которым это право предоставлено федеральным законом (ч. 2 ст. 54 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее — КАС РФ)[4]. Следовательно, исходя из формально закрепленных правовых норм, обеспечение интересов детей должно быть предметом основной заботы их законных представи-

[1] Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. : текст с изм. и доп. на 4 октября 2022 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.11.2025).

[2] Всеобщая декларация прав человека (принята 10 декабря 1948 г. Генеральной Ассамблеей ООН). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.11.2025).

[3] Семейный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ : текст с изм. и доп. на 23 ноября 2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.11.2025).

[4] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации : Федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ : текст с изм. и доп. на 31 июля 2025 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.11.2025).

телей. Тем не менее, имеют место быть и такие случаи, когда стремления законного представителя идут вразрез с интересами, а в некоторых случаях и жизненной необходимостью ребенка. Наиболее ярким примером может служить письменное оформление матерью отказа на медицинское вмешательство в организм своего малолетнего ребенка, при условии, что это необходимого для спасения жизни последнего. В 2019 году сообщалось: «В Иркутске осудили 30-летнюю женщину, которая не позволяла лечить своего ВИЧ-инфицированного ребенка, что привело к его смерти. Женщина не разрешила проводить своему новорожденному ребенку необходимую иммунную терапию, которая бы блокировала репликативную активность ВИЧ и развитие сопутствующих заболеваний»[1].

При подобном отказе законного представителя от медицинского вмешательства в отношении несовершеннолетнего медицинская организация имеет право обратиться в суд для защиты интересов такого лица. Порядок судебного разбирательства регламентирован главой 31.1 КАС РФ — «Производство по административным делам о защите интересов несовершеннолетнего или лица, признанного в установленном порядке недееспособным, в случае отказа законного представителя от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни». Перечень субъектов, наделенных правом обращения в суд с административным исковым заявлением по рассматриваемой категории дел, четко законодателем не определен, что порождает возникновение некоторых правовых коллизий, в том числе — о роле прокурора. Так, ст. 285.1 КАС РФ регламентировано: «Административное исковое заявление о защите интересов несовершеннолетнего или лица, признанного в установленном порядке недееспособным, может быть подано в суд в случае отказа одного из родителей или иного законного представителя несовершеннолетнего, не достигшего возраста, с которого пациент самостоятельно дает информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство в соответствии с законодательством об охране здоровья, либо законного представителя лица, признанного в установленном порядке недееспособным, от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни представляемого лица. Административное исковое заявление предъявляется к административному ответчику — лицу, отказавшемуся от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни представляемого лица»[2]. Указание на административного истца по данной категории дел прослеживается в правовой норме, определяющей порядок рассмотрения административного дела по административному исковому заявлению (ст. 285.3 КАС РФ): «Административное дело по административному исковому заявлению рассматривается судом в течение пяти дней со дня принятия административного искового заявления к производству суда, а при наличии ходатайства медицинской организации о медицинском вмешательстве в экстренной форме — в день поступления административного искового заявления».

Таким образом, административным истцом по данной категории дел выступает медицинская организация, в которую непосредственно обратились за помощью несовершеннолетний и его законный представитель. Приведенный тезис не вызывает сомнений и кажется авторам убедительным в силу специфики возникших между сторонами отношений. Между тем, по нашему мнению, отсутствие упоминания в ст. 285.1 КАС РФ закрытого перечня субъектов, наделенных правом обраще-

[1] В Иркутске осудили женщину за отказ лечить ВИЧ-инфицированного ребенка / Аргументы и факты-Иркутск : [сайт]. URL: https://irk.aif.ru/incidents/v_irkutske_osudili_zhenshchinu_za_otkaz_lechit_vich-inficirovannogo_rebenka?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D. (дата обращения: 07.11.2025).

[2] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации : Федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ : текст с изм. и доп. на 31 июля 2025 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения: 07.11.2025).

ния в суд с административным исковым заявлением, свидетельствует о возможной предпосылке законодателя по включению в ближайшем будущем в данный список и прокурора.

Вследствие вышеизложенного, неоднозначным остается вопрос об инициативной форме участия прокурора в административных делах о медицинском вмешательстве, необходимом для спасения жизни несовершеннолетнего, при наличии отказа законного представителя от такого вмешательства. Правовым основанием участия прокурора в рассмотрении дел судами выступает норма ст. 35 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»: «Прокурор в соответствии с процессуальным законодательством Российской Федерации вправе обратиться в суд с заявлением или вступить в дело в любой стадии процесса, если этого требует защита прав граждан и охраняемых законом интересов общества или государства»[1]. Кроме того, известно, что в соответствии со ст. 39 КАС РФ, административное исковое заявление в защиту прав, свобод и законных интересов гражданина, являющегося субъектом административных и иных публичных правоотношений, может быть подано прокурором только в случае, если гражданин по состоянию здоровья, возрасту, недееспособности и другим уважительным причинам не может сам обратиться в суд.

Е.В. Буянова отмечает, что инициативная форма участия прокурора для этой категории административных дел законом не предусмотрена ввиду того, что несовершеннолетний, в интересах которого прокурор мог бы подавать административное исковое заявление, не является субъектом административных и иных публичных правоотношений [1, с. 95]. Высказанное автором утверждение отсылает нас к ст. 5 КАС РФ, определяющей административную процессуальную правоспособность, дееспособность и правосубъектность. Соответственно, процессуальной правоспособностью обладают несовершеннолетние, в возрасте от 14 до 18 лет, лишь по некоторым категориям дел (например, глава 31.2 «Производство по административным делам, связанным с пребыванием несовершеннолетнего в центре временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел»). Рассматривая правовой статус несовершеннолетних пациентов, не достигших возраста 14 лет, то следует согласиться с мнением Е.В. Буяновой и подчеркнуть: такие пациенты не являются субъектами административных процессуальных отношений.

Прокурор, согласно ст. 285.3 КАС РФ, дает заключение по данному делу.

Полагаем необходимым дополнить главу 31.1 КАС РФ полномочием прокурора по обращению в суд с административным исковым заявлением в связи со следующим.

Во-первых, необходимо отметить, что заключения прокурора недостаточно для всестороннего исследования сложившихся обстоятельств дела. В частности, это подтверждается тем, что деятельность органов прокуратуры обусловлена, прежде всего, такой главной целью как защита прав и свобод человека и гражданина. Тогда, в случае возникновении угрожающего жизни состояния здоровья несовершеннолетнего пациента, органы прокуратуры, формулируя заключение по административному делу не принимаю во внимание риск скоропостижной смерти ребенка-пациента, а «перекладывают ответственность» на медицинскую организацию, уполномоченную КАС РФ вступать в судебный процесс в качестве истца по данной категории дел.

К тому же, персонал медицинских организаций может допускать формальный подход к подписанию информированных отказов на лечение и вовсе не обращать-

[1] О прокуратуре : Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-I : текст с изм. и доп. на 3 февраля 2025 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.11.2025).

ся в суд в порядке ст. 285.1 КАС РФ, так как это является правом, а не обязанностью соответствующей медицинской организации. Подобное бездействие способно привести к неминуемым последствиям для несовершеннолетнего, так как никакой другой субъект, кроме прокурора, не сможет оказать ребенку необходимую юридическую или иную помощь.

Некоторую сложность реализации инициативного полномочия прокурора по обращению в суд в защиту интересов несовершеннолетнего в случае отказа законного представителя от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни, представляет поиск информации об обращении родителя, усыновителя, опекуна или попечителя в медицинскую организацию за оказанием помощи в отношении ребенка, усыновленного, опекаемого или подопечного. Впрочем, прокурор не ограничен в средствах получения необходимых данных, которыми служат, например: обращения граждан, сообщения средств массовой информации, результаты проведенных проверок, материалы гражданских, административных и уголовных дел. Т.И. Афанасьева полагает: «При обращении с иском прокуратура обладает необходимыми полномочиями и правовыми средствами для сбора юридически значимой информации для обеспечения доказательственной базы по административному иску» [2, с. 45]. Считаем целесообразным наладить взаимодействие в указанном ключе с органами опеки и попечительства.

В-третьих, обращение прокурора в суд с административным исковым заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов несовершеннолетнего, не получившего необходимую медицинскую помощь, позволит минимизировать факты сокрытия имеющей значения для дела документации персоналом медицинской организации. Речь идет о письменном отказе от медицинского вмешательства. Круг юридически значимых обстоятельств, подлежащих установлению по делам о медицинском вмешательстве в отношении несовершеннолетних, определен в ст. 285.4 КАС РФ:

1) требуется ли гражданину, в защиту интересов которого подано административное исковое заявление, медицинское вмешательство в целях спасения жизни;

2) имелся ли отказ законного представителя гражданина, в защиту интересов которого подано административное исковое заявление, от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни представляемого лица.

Соответственно, возможно такое положение дел, при котором медицинский работник, получивший отказ законного представителя несовершеннолетнего от медицинского вмешательства, просто-напросто уничтожает данный документ и, таким образом, утаивает факт обращения вышеуказанных субъектов за медицинской помощью в целом.

К тому же, как уже упоминалось выше, ст. 285.1 КАС РФ сформулирована законодателем таким образом, что к субъектам, правомочным вступать в судебный процесс в качестве административного истца по главе 31.1 КАС РФ, возможно отнести и медицинскую организацию, и прокурора, и органы опеки и попечительства. Несомненно, диспозиция нормы статьи 285.1 КАС РФ требует доработки.

Обобщая изложенное, следует заключить: отсутствие полномочия прокурора по инициированию судебного разбирательства о защите интересов несовершеннолетнего в случае отказа законного представителя от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни, в главе 31.1 КАС РФ значительно ограничивает правовые возможности органов прокуратуры Российской Федерации. Напротив, включение в ст. 285.1 КАС РФ прокурора как фигуры, наделенной правом обращения в суд, позволит устранить существующие в настоящее время факты бездействия медицинского персонала и равнодушное, а порой и явно пренебрежительное отношение законного представителя к несовершеннолетнему, находящему с ним в родственных или иных семейных связях.

Список источников

1. Буянова Е.В. Некоторые аспекты судебной защиты интересов несовершеннолетнего в случае отказа законного представителя от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни // Мир науки и мысли. The World of Science and Ideas. Юридические науки. 2023. № 3. С. 92—101.
2. Афанасьева Т.И. Прокурор в административных делах о медицинском вмешательстве, необходимом для спасения жизни: не решенные в законодательстве вопросы // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 5 (162). С. 41—50.

Информация об авторе

Д.Р. Уварова — студентка 4 курса.

Information about author

D.R. Uvarova — 4th year student.

VI. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТДЕЛЬНЫХ ОТРАСЛЕЙ ПРАВА

Научная статья
УДК 349.6

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВ ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Антон Антонович АНТОНОВ[1], **Екатерина Андреевна ПРОТАСОВА**[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] Antonovantonag2@gmail.com
[2] Protasovaalla9@gmail.com

Научный руководитель старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета Прокуратуры Российской Федерации **Марина Борисовна КАБАНОВА**, 9578942@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются вопросы реализации конституционных экологических прав граждан в Российской Федерации. Основное внимание уделено актуальным тенденциям правоприменительной практики Верховного Суда Российской Федерации в 2024–2025 гг. Авторами внесены предложения о необходимости формирования более эффективной системы охраны окружающей среды, благодаря последовательной позиции высшей судебной инстанции.

Ключевые слова: экологические права граждан, судебная защита, Верховный Суд Российской Федерации, правоприменительная практика, возмещение вреда окружающей среде

Original article

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF ENVIRONMENTAL RIGHTS OF CITIZENS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Anton Antonovich ANTONOV[1], **Ekaterina A. PROTASOVA**[2]
[1,2] St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia
[1] Antonovantonag2@gmail.com
[2] Protasovaalla9@gmail.com

Scientific adviser Senior Lecturer Department of State and Legal Disciplines, of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation **M.B. Kabanova**, 9578942@mail.ru

Abstract. The article analyzes the issues of the implementation of the constitutional environmental rights of citizens in the Russian Federation. The main focus is on the current trends in the law enforcement practice of the Supreme Court of the Russian Federation in 2024-2025. The authors have made proposals on the need to form a more effective environmental protection system, thanks to the consistent position of the highest judicial authority.

Keywords: environmental rights of citizens, judicial protection, the Supreme Court of the Russian Federation, law enforcement practice, and compensation for environmental damage

В Конституции России закреплён комплекс экологических прав граждан, включающий право на благоприятную окружающую среду, доступ к объективной информации о её состоянии, а также компенсацию вреда, причинённого в результате экологических правонарушений. Тем не менее провозглашение этих прав в законе и их действенная защита на практике представляют собой два существенно различающихся этапа становления правового механизма. Полагаем, что при наличии развёрнутой системы экологического законодательства, случаи ущемления соответствующих прав по-прежнему встречаются.

В данной статье акцент сделан на анализе фактических тенденций в сфере правоприменения. Именно эти тенденции позволяют наметить векторы дальнейшего развития экологических прав.

Источники экологического права в Российской Федерации разработаны в едином взаимосвязанном комплексе и включают в себя Конституцию Российской Федерации[1], а также основополагающие отраслевые акты — Земельный[2], Водный[3] и Лесной[4] кодексы. Центральным законом, который регулирует и конкретизирует права граждан в сфере экологии является Федеральный закон от 10 января 2002 года № 7ФЗ «Об охране окружающей среды»[5], а именно статья 11 настоящего закона. Если говорить о судебной защите, то в п. 2 ст. 11 сказано, что «граждане имеют право предъявлять в суд иски о возмещении вреда, причинённого окружающей среде вследствие нарушений обязательных требований». Однако данная норма носит декларативный характер и не содержит процессуальных механизмов, соответствующих специфике экологического вреда. Отсутствие федерального закона, регулирующего коллективные и косвенные иски в защиту экологических прав, а также четких процедур доказывания причинения вреда здоровью от загрязнения окружающей среды, создает правовой вакуум, который вынуждена заполнять судебная практика.

По нашему мнению, реализация экологических прав граждан в России сталкивается с рядом системных барьеров. Во-первых, возникают существенные процессуальные сложности: трудно доказать причинно-следственную связь между действиями ответчика и экологическим вредом, а также провести или оспорить экспертные исследования. Во-вторых, суды нередко демонстрируют формальный

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

[2] Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 N 136-ФЗ (ред. от 30.01.2026). Доступ из справ.-правовой системы «Консультантплюс».

[3] Водный кодекс Российской Федерации от 03.06.2006 № 74-ФЗ (ред. от 19.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 23. Ст. 2381.

[4] Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 № 200-ФЗ (ред. от 19.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 50. Ст. 5278.

[5] Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 24.04.2025) «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 2. Ст. 133.

подход, акцентируя внимание на процедурных нарушениях (например, сроках отбора проб или оформлении документации), а не на факте загрязнения[1]. В-третьих, существуют проблемы легитимации коллективных интересов: общественные объединения сталкиваются с неопределённостью своей процессуальной правоспособности, жёсткими требованиями к доказательствам и отсутствием чётких критериев определения «неопределённого круга лиц» в экологических спорах [1, с. 109]. Данные пробелы, выделенные нами как наиболее частые, требуют комплексного подхода для их решения.

При изучении обзоров практики Верховного суда Российской Федерации за 2024—2025 гг. позволяет выявить устойчивые тенденции, способствующие формированию более благоприятных правовых курсов в сфере защиты экологических прав граждан.

Первой тенденцией, на наш взгляд, стоит выделить смещение акцента формальных требований на установление материальной истины. Верховный Суд Российской Федерации последовательно проводит линию на преодоление излишнего процессуального формализма. В ряде постановлений подчёркивается недопустимость отказа в удовлетворении требований о возмещении экологического ущерба исключительно по мотивам незначительных процедурных нарушений — при наличии объективных доказательств факта причинения вреда. Например, было отмечено, как пробы, собранные с соблюдением всех требований, но с нарушением сроков, стали допустимым доказательством[2].

Такой подход демонстрирует приоритет содержания над формой: оценка доказательств осуществляется сквозь призму их достоверности, а не механического соответствия формальным критериям [1, с. 110].

Вторая тенденция, на которую мы обратили внимание, это расширение круга субъектов ответственности и реализации принципа «загрязнение платин». Судебная практика эволюционирует в сторону более широкого толкования круга ответственных лиц. В случаях, когда непосредственный виновник загрязнения не установлен, ответственность может быть возложена на органы публичной власти, уполномоченные управлять соответствующими земельными участками (например, муниципальные администрации)[3]. Данный подход способен одновременно решить 2 задачи: исключить возможность уклонения от ответственности, а также способствует стимулированию органов власти на местах к усиленному контролю за состояние подведомственных им территорий.

Следовательно, данный принцип получает более широкую интерпретацию, охватывая не только прямые нарушения экологического законодательства, но и лиц, на которых возложены обязанности надлежащего управления природными ресурсами.

Третьей тенденцией выделим последовательное ужесточение требований к регулированию хозяйственной деятельности, направленной на предотвращение экологических нарушений: толкование норм о обязанной государственной экологической экспертизе, уточнение методик расчета платы за негативное воздействие на окружающую среду и другие[4].

---

[1] Обзор судебной практики по вопросам применения законодательства об охране окружающей среды (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 24.06.2022) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 9. 2022.

[2] Судебные споры о возмещении ущерба окружающей среде [Электронный ресурс] // Bartolius. 2026. 19 января. URL: https://bartolius.ru/news_comm/sudebnye-spory-o-vozmeshhenii-ushherba-okruzhayushhej-srede/.

[3] Обзор практики Верховного суда по делам об экологических спорах за 2024 год [Электронный ресурс] // Право.ru. 2025. 1 ноября. URL: https://pravo.ru/ecology/case/260895.

[4] Обзор экологических дел Верховного Суда РФ за сентябрь — октябрь 2025 года [Электронный ресурс] // PROFIZ.RU: Экология и безопасность. 2025. № 6. URL: https://www.profiz.ru/es/6_2025/obzorvs6_26/.

Обозначенные тенденции подтверждают развитие положительной экологической судебной практики. Верховный суд Российской Федерации выстраивает свою позицию, опираясь на защиту интересов окружающей среды, расширение круга ответственных субъектов, усиление регулятора строгости и иные[1]. Представляется, что дальнейшее развитие данных подходов будет способствовать формированию более эффективной системы охраны природных ресурсов и предотвращения экологических правонарушений.

Список источников

1. Николаева М.В. Роль суда в защите экологических прав граждан / М.В. Николаева // Молодой ученый. 2025. № 36 (587). С. 108–112.

Информация об авторах

А.А. Антонов — студент 2 курса.
Е.А. Протасова — студентка 2 курса.

Information about authors

A.A. Antonov— 2nd year student.
E.A. Protasova — 2nd year student.

Научная статья
УДК 342.9

ГЛАСНОСТЬ И ОТКРЫТОСТЬ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА КАК ПРИНЦИП АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Кристина Ивановна ДЕМЧЕНКО[1], Ульяна Александровна НЕМКИНА[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] kristinadema2004@gmail.com
[2] unemkina00@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Ольга Андреевна ГУРЕЕВА,** olga-gur@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу принципа гласности и открытости в административном судопроизводстве. Авторы рассматривают нормативное содержание принципа, его конституционные основы и функциональное значение как инструмента общественного контроля. Особое внимание уделяется ограничениям открытости, связанным с защитой государственной и иной охраняемой законом тайны, а также дискуссионным вопросам аудиофиксации закрытых заседаний. В работе исследуется влияние цифровизации на реализацию данного принципа, делается вывод о необходимости дальнейшего совершенствования процессуальных гарантий.

Ключевые слова: принципы административного судопроизводства, гласность, открытость, судебное разбирательство, аудиофиксация, публичность правосудия

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. № 1. 2018.

Original article

TRANSPARENCY AND OPENNESS OF JUDICIAL PROCEEDINGS AS A PRINCIPLE OF ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS

Kristina I. DEMCHENKO[1], Ulyana A. NEMKINA[2]
[1,2] St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia
[1] kristinadema2004@gmail.com
[2] unemkina00@mail.ru

Scientific adviser Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor **O.A. Gureeva,** olga-gur@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the principle of transparency and openness in administrative proceedings. The authors consider the normative content of the principle, its constitutional foundations and functional significance as an instrument of public control. Particular attention is paid to the limitations of openness related to the protection of state and other legally protected secrets, as well as controversial issues of audio recording of closed meetings. The paper examines the impact of digitalization on the implementation of this principle, and concludes that further improvement of procedural safeguards is necessary.

Keywords: principles of administrative proceedings, transparency, openness, judicial proceedings, audio recording, publicity of justice

Административное судопроизводство представляет собой «самостоятельный вид правосудия по рассмотрению и разрешению в особом процессуальном порядке административно-правовых споров между гражданами, организациями и органами публичной власти в целях защиты прав, свобод и законных интересов частных лиц от нарушений со стороны органов публичной власти» [1, с. 38]. Конституция Российской Федерации определяет административное судопроизводство в самостоятельный вид судопроизводства (ч. 2 ст. 118). Из этого следует, что, как и во всех отраслях правовой системы Российской Федерации оно имеет основные принципы, отражающие особенности рассматриваемой области.

Характеристика принципов права раскрывается через два ключевых аспекта: их интеграцию в единую систему и закрепление в нормативных правовых актах. Сущность системности заключается в том, что принципы образуют целостный и взаимосвязанный комплекс, обладающий свойствами необходимыми и достаточными для регулирования судопроизводства. Именно этот комплекс формирует твердую основу для деятельности судебных органов. Все последующие положения более частного характера, нашедшие свое закрепление в отдельных нормах процессуального законодательства, являются логическим развитием исходных установок. Так по мнению Чечина Н.А., «правовой принцип как руководящая идея отличается от научных и философских принципов тем, что всегда находит свое конкретное выражение в норме или нормах права, идея, не зафиксированная нормой права, не может стать правовым принципом» [2, с. 384].

В статье 6 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее — КАС РФ) закреплены принципы административного судопроизводства, в частности, к ним относятся гласность и открытость судебного разбирательства. Нормативное содержание принципа гласности, включая его характеристики и формы реализации, регламентированы в статье 11 КАС РФ. Гласность обеспечи-

вается проведением открытого судебного заседания. Обозначенная процессуальная установка имеет прямую конституционную основу, закрепленную в части 1 статьи 123 Конституции Российской Федерации.

В своей разъяснительной практике Пленум Верховного Суда Российской Федерации последовательно указывает на многосторонний позитивный эффект от реализации принципов открытости и гласности. С функциональной точки зрения, данные принципы выступают инструментом формирования в социуме представлений о системе правосудия, создают условия для осуществления гражданского надзора за деятельностью судебных институтов, укрепляют авторитет судебной власти в общественном сознании и, в конечном счете, служат неотъемлемым условием отправления правосудия, отвечающего критериям справедливости и публичности.

Случевский В.К. придавал гласному судопроизводству «роль объединителя общества в борьбе с преступностью, мотиватора участников процесса к добросовестному исполнению своих обязанностей» [3, с. 534].

Вышинский А.Я. считал, что гласность, по своей сути, представляет собой «публичность судебных заседаний и открытое выполнение всех процессуальных действий, направленных на организацию общественного внимания» [4, с. 167].

Продолжая данную мысль, М. С. Строгович отмечает, что «гласность судебного разбирательства формирует положение, при котором суд, с одной стороны, находится под контролем общественного мнения, с другой — сам выступает организатором общественного мнения» [2, с. 384].

Несмотря на законодательное закрепление принципов гласности и открытости в административном судопроизводстве, возможна ли их полная реализация?

Одним из средств достижения исследуемого принципа является право лиц, участвующих в деле и иных лиц фиксировать ход судебного разбирательства письменно или с помощью средств аудиозаписи. С разрешения суда допускается трансляция судебного заседания. В Приказе Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 17.10.2017 № 182 (ред. от 11.12.2020) «Об утверждении Порядка организации и проведения в судах трансляции судебных заседаний по радио, телевидению и в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»» закреплен порядок обеспечения проведения трансляции судебных заседаний лицами, присутствующими в открытом судебном заседании.

Несмотря на это, закон запрещает использовать систему видеоконференцсвязь и системы веб-конференции в закрытых судебных заседаниях. Рассмотрение дел в закрытом судебном заседании выступает исключением и применяется, если в административном деле содержится информация, содержащая государственную или иную охраняемую законом тайну, к тому же допускается в случае удовлетворения ходатайства лица, участвующего в деле, ссылающегося на необходимость сохранения коммерческой или иной охраняемой законом тайны, на содержащиеся в административном деле сведения конфиденциального характера, на неприкосновенность частной жизни граждан или иные обстоятельства, гласное обсуждение которых может помешать правильному разбирательству административного дела либо повлечь за собой разглашение указанных тайн и нарушение прав и законных интересов гражданина. Исходя из приведенных положений участники судебного разбирательства частично ограничиваются в осуществлении гласности и открытости судебного разбирательства.

При этом законодатель не содержит норм ограничивающих лиц, участвующих в деле и иных лиц в использовании аудиозаписи как средства фиксации процессе. По поводу данного положения в науке имеются различные мнения и имеют сходные черты с нормами ГПК РФ.

С.А. Трефилов считает, что законодательный запрет аудиофиксации судебного заседания лицами, участвующими в деле, отвечает целесообразности и цели сокрытия данных, разглашаемых в ходе процесса, и не является ограничением принципа

гласности. Тогда встает вопрос о лишении участников судебного разбирательства контроля за ходом процесса и последующей гарантией принесения объективных замечаний на действия суда или лиц, участвующих в деле, на протокол судебного заседания. При этом, Трефилов отмечает, что при ограничении аудиозаписи нужно внести меру по обязательной фиксации закрытого заседания самим судом [5, с. 133].

Тогда у лиц, участвующих в деле, сохраняется возможность оценить действия всех участников судебного разбирательства.

А.Р. Султанов же в свою очередь указывает на правильность отсутствия нормы, которая запрещала бы даже ведение аудиозаписи участниками судебного разбирательства в закрытом заседании, так как это обеспечивает гарантию достоверности и не искаженности судебного процесса [6, с. 145].

Кроме того, стоит отметить, что стремительное развитие информационных технологий и внедрение их в административное судопроизводство способствует развитию принципа гласности, что является важным при рассмотрении судами дел, затрагивающих интересы общества и государства. Как было отмечено ранее при необходимости судом может быть использована видеоконференцсвязь или веб-конференции, которые необходимы при удаленности и невозможности личного присутствия лица в судебном заседании. Однако использование данных систем может также выступать и ограничителем принципа гласности по причине отсутствия возможности подключения лица к заседанию в таком формате.

Следовательно, принцип гласности и открытости судебного разбирательства наделяет лиц, участвующих в деле и иных лиц возможностью контролировать деятельность судей и побуждает их выполнять обязанности при осуществлении правосудия в соответствии с законодательством. При этом, несмотря на закреплении положений, которые дают широкий круг прав для участников судебного разбирательства, существует необходимость в более тщательном закреплении некоторых аспектов пунктов данного принципа.

Список источников

1. Басов С.Л. Основные положения Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации : конспект лекции для ДПО / С.Л. Басов. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. 64 с.

2. Чечина Н.А. Принципы советского гражданского процессуального права и их нормативное закрепление / Н.А. Чечина // Избранные труды по гражданскому процессу. СПб. 2004. 656 с.

3. Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса : Судоустройство — судопроизводство / [Соч.] В. Случевского, преп. уголов. судопроизводства в Уч-ще правоведения, чл. консультации М. Ю., и. д. тов. обер-прокурора Уголов. касс. деп. Сената. 4-е изд., доп. и испр. Санкт-Петербург : тип. М.М. Стасюлевича, 1913. 670 с.

4. Вышинский А.Я. Курс уголовного процесса... [Текст] / А. Я. Вышинский. Москва: Юридич. изд-во Наркомюста РСФСР, 1927 («Мосполиграф», 16-я тип.). 222 с.

5. Трефилов С.А. Аудиозапись в закрытом судебном заседании: ее соответствие некоторым принципам гражданского процессуального права // Экономические и гуманитарные исследования. 2020. № 4(28). С. 132—136.

6. Султанов А.Р. Проблемы ведения аудиопротоколирования в закрытых судебных заседаниях// Вестник гражданского процесса. 2022. № 4. С. 141—152.

Информация об авторах

К.И. Демченко — студентка 4 курса.
У.А. Немкина — студентка 4 курса.

Information about authors

K.I. Demchenko — 4th year student.
U.A. Nemkina — 4th year student.

Научная статья
УДК 379.8

ВСЕРОССИЙСКИЙ ФИЗКУЛЬТУРНО-СПОРТИВНЫЙ КОМПЛЕКС «ГОТОВ К ТРУДУ И ОБОРОНЕ» (ГТО): ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВАНИЯ В СИСТЕМЕ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Маргарита Алексеевна ИВИНА
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
margaritaivina89@gmail.ru

Научный руководитель старший преподаватель кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации **Татьяна Владимировна ПОДДУБНАЯ**, poddubnayatatiana21@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена роли Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» (ГТО) как системообразующего элемента физкультурно-массовой работы в образовательных организациях. Автор акцентирует внимание на проведении анализа комплексного характера ГТО, рассматривает его не только как спортивно-нормативную базу, но и как полноценный институт, основанный на конкретных нормативно-правовых актах. Предлагаются пути оптимизации правового и организационного механизмов применения комплекса ГТО для повышения его эффективности.

Ключевые слова: ГТО, физическая культура, образовательные организации, нормативно-правовая база, физическое воспитание, мотивация, безопасность, законодательство

Original article

ALL-RUSSIAN PHYSICAL CULTURE AND SPORTS COMPLEX “READY FOR WORK AND DEFENSE” (GTO): LEGAL AND ORGANIZATIONAL FOUNDATIONS IN THE SYSTEM OF PHYSICAL EDUCATION IN EDUCATIONAL ORGANIZATIONS

Margarita A. IVINA
St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor’s Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia
margaritaivina89@gmail.ru,

Scientific adviser senior lecturer of the Department of General Humanities and Social and Economic Disciplines of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor’s Office of the Russian Federation, Candidate Master of Sports in Athletics, lawyer 3rd class **T.V. Poddubnaya,** poddubnayatatiana21@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the role of the All-Russian Physical Culture and Sports Complex "Ready for Labor and Defense" (GTO) as a system-forming element of physical culture and mass work in educational organizations. The author focuses on analyzing the complex nature of the TRP, considers it not only as a sport's regulatory framework, but also as a full-fledged institution based on specific regulatory legal acts. It also suggests ways to optimize the legal and organizational mechanisms of the TRP to increase its effectiveness.

Keywords: TRP, physical education, educational organizations, regulatory framework, physical education, motivation, safety, legislation

Сохранение тревожной тенденции в состоянии здоровья подрастающего поколения в России является одной и насущных проблем. В условиях развития информационных технологий, применения дистанционного формата обучения в вузах, уровень физической подготовленности студентов снижается в связи с низкой двигательной активностью. По данным Минздрава России, лишь около 12 % выпускников школ могут быть отнесены к категории практически здоровых[1]. В этой связи стратегическая задача укрепления здоровья нации требует консолидированных усилий, где системе образования отводится ключевая роль. В 2013 г. руководство страны и региональные руководители выступили с инициативой возрождения комплекса «Готов к труду и обороне» (ГТО) в России в современном формате. Возрожденный Указом Президента Российской Федерации Всероссийский физкультурно-спортивный комплекс ГТО позиционируется как основа национальной системы физического воспитания[2]. Однако его интеграция в практику образовательных организаций сопряжена с комплексом правовых и организационных коллизий, требующих научного осмысления.

Правовую основу Комплекса ГТО образует многоуровневая система нормативных правовых актов. Фундаментом выступает Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», который в ст. 2 и ст. 31.1 определяет ГТО как основу физического воспитания граждан, устанавливая его цели и задачи[3].

Конкретизация положений закона осуществляется подзаконными актами. Ключевыми из них являются:

Указ Президента Российской Федерации от 24.03.2014 № 172 «О Всероссийском физкультурно-спортивном комплексе «Готов к труду и обороне» (ГТО)», который инициировал процесс возрождения Комплекса[4];

Постановление Правительства РФ от 11.06.2014 № 540, утвердившее Положение о ГТО. Этот документ детально регламентирует структуру Комплекса (ступени, нормативы, требования), порядок проведения испытаний и награждения знаками отличия[5].

[1] Данные о состоянии здоровья детей в России. Статистический сборник Минздрава России. М., 2022.

[2] Указ Президента Российской Федерации от 24.03.2014 № 172 «О Всероссийском физкультурно-спортивном комплексе «Готов к труду и обороне» (ГТО)» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 13. Ст. 1452.

[3] Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 50. Ст. 6242.

[4] Указ Президента Российской Федерации от 24.03.2014 № 172 «О Всероссийском физкультурно-спортивном комплексе «Готов к труду и обороне» (ГТО)» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 13. Ст. 1452. Постановление Правительства Российской Федерации от 11.06.2014 № 540 «Об утверждении Положения о Всероссийском физкультурно-спортивном комплексе «Готов к труду и обороне» (ГТО)» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 24. Ст. 3027.

[5] Постановление Правительства Российской Федерации от 11.06.2014 № 540 «Об утверждении Положения о Всероссийском физкультурно-спортивном комплексе «Готов к труду и обороне» (ГТО)» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 24. Ст. 3027.

Как справедливо отмечает правовед А.Н. Корнев, именно на уровне данного Постановления формируется «административный регламент реализации общественной инициативы», что создает почву для потенциальных конфликтов между провозглашенной добровольностью и ведомственным стремлением к достижению количественных показателей [1, с. 45].

Кроме того, механизм внедрения ГТО в образовательных организациях регулируется ведомственными приказами Министерства спорта и Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, которые определяют порядок тестирования, учета результатов и взаимодействия с центрами тестирования.

С организационной точки зрения ГТО призван выполнять системообразующую функцию. По мнению ведущего специалиста, в области теории физической культуры Л.И. Лубышевой, комплекс выступает в роли «интегративного социального института», который связывает в единую цепь учебные занятия, внеурочную деятельность и самостоятельную подготовку учащихся [2, с. 125].

Эмпирические данные, полученные в результате социологического исследования, подтверждают значительный мотивационный потенциал ГТО. Согласно исследованию, проведенному Всероссийским институтом изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в 2023 году, около 65 % опрошенных студентов считают, что дополнительные баллы к ЕГЭ являются действенным стимулом для сдачи нормативов Комплекса[1]. Этот механизм, закрепленный на уровне приказов Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, легализует прямую связь между спортивными достижениями и академическими перспективами.

Однако на пути организационной интеграции возникают серьезные препятствия. Анализ, проведенный научным коллективом под руководством О.В. Филатовой, выявил ряд системных проблем [3, с. 13]:

дефицит инфраструктуры: только 40 % сельских школ обладают необходимым оборудованием для подготовки ко всем видам испытаний ГТО;

кадровый вопрос: нагрузка по подготовке и приему нормативов ложится на учителей физической культуры, часто без соответствующего дополнительного финансирования и методической поддержки.

Несмотря на прямую норму о добровольности участия в Комплексе (п. 4 Положения о ГТО), на практике нередки случаи административного давления. Парадоксальным образом, ситуация развивается в двух разнонаправленных векторах. С одной стороны, в ведомственных вузах (например, подведомственных Министерству обороны, МВД или МЧС России) существует строгая система обязательной ежесеместровой сдачи нормативов по физической подготовке, которые приравнены к стандартам ГТО[2]. Однако здесь это давление не воспринимается как нечто избыточное, поскольку является легитимной и органичной частью профессиональной подготовки, четко регламентированной ведомственными актами и воспринимаемой студентами как необходимое требование будущей профессии.

С другой стороны, в общеобразовательных школах, где принцип добровольности должен соблюдаться неукоснительно, давление приобретает скрытые, неформальные и особенно проблемные формы. Администрация школ, руководствуясь стремлением к высоким показателям участия в региональных рейтингах, нередко инициирует проведение «добровольно-принудительных» испытаний, когда сдача нормативов ГТО фактически встраивается в учебный процесс или подается как обязательное массовое мероприятие.

[1] Всероссийский опрос ВЦИОМ «Отношение молодежи к комплексу ГТО». 2023. URL: https://wciom.ru (дата обращения: 16.11.2025).

[2] Приказ Министра обороны Российской Федерации от 21 апреля 2009 г. № 200 «Об утверждении Наставления по физической подготовке в Вооруженных Силах Российской Федерации».

Как указывает социолог Д.С. Егоров, в 30 % случаев по данным анонимного опроса педагогов, сдача нормативов в школах организуется в формате, не оставляющем выбора для учащегося [4, с. 80]. Это создает риски формализации процесса и дискредитации самой идеи Комплекса.

Таким образом мы можем сказать, что в некоторых вузах «обязательность» является прозрачной, легальной и профессионально обоснованной, а в школах она маскируется под добровольность, что создает риски формирования у учащихся негативного восприятия комплекса ГТО и подрывает доверие к институциональным механизмам.

Решением данной проблемы может стать более четкая правовая регламентация процедуры информированного согласия участников и их родителей (для несовершеннолетних).

Проведение таких испытаний, как туристский поход, бег на длинные дистанции или плавание, сопряжено с рисками для жизни и здоровья. В случае несчастного случая ответственность ложится на образовательную организацию в соответствии с Федеральным законом от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в РФ»[1] и гражданским законодательством. Для минимизации данных рисков требуется не только неукоснительное соблюдение правил техники безопасности, но и наличие квалифицированных кадров, медицинского сопровождения и страховых полисов для всех участников. Правовой пробел заключается в отсутствии единого федерального стандарта безопасности при проведении испытаний ГТО.

Указанные выше инфраструктурные и кадровые проблемы создают неравенство возможностей для учащихся из разных регионов и типов населенных пунктов. Это противоречит конституционному принципу равенства прав (ст. 19 Конституции Российской Федерации) и требует выработки механизмов выравнивания условий, например, через целевые субсидии регионам и развитие программы модернизации школьной спортивной инфраструктуры.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что Всероссийский физкультурно-спортивный комплекс «Готов к труду и обороне» представляет собой сложный, многоаспектный феномен, интегрированный в правовое и образовательное поле России. Он обладает значительным потенциалом для систематизации и активизации физкультурно-массовой работы в образовательных организациях.

Однако для полной реализации этого потенциала необходимо устранение выявленных правовых и организационных дисфункций. В качестве рекомендаций можно предложить следующие варианты:

закрепить на законодательном уровне четкий механизм, обеспечивающий реальную, а не декларативную добровольность участия в ГТО;

разработать и утвердить единый федеральный стандарт безопасности жизни и здоровья при подготовке и сдаче нормативов Комплекса;

создать целевую программу по развитию материально-технической базы для реализации ГТО, особенно в сельских и малокомплектных школах.

Список источников

1. Корнев А.Н. Административно-правовой статус физкультурно-спортивного комплекса ГТО в России / А. Н. Корнев // Вестник спортивного права. 2020. № 3. С. 45.

2. Лубышева Л.И. Социология физической культуры и спорта : учебное пособие / Л.И. Лубышева. Москва : Академия, 2019. 320 с.

3. Филиппова О.В. Организационно-педагогические условия внедрения комплекса ГТО в общеобразовательных организациях сельской местности / О.В. Филиппова, С.А. Иванов // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2021. № 5. С. 12–15

[1] Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2012.

4. Егоров Д.С. Социальные практики внедрения комплекса ГТО: между добровольностью и принуждением / Д.С. Егоров // Социологические исследования. 2022. № 8. С. 78–87.

Информация об авторе

М.А. Ивина — студентка 1 курса.

Information about author

M.A. Ivina — 1st year student.

Научная статья
УДК 349

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРНЕТ-ПЕРЕПИСКИ КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Владимир Алексеевич КОЛТУНЦЕВ
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург, Россия
vkoltuntsev@yandex.ru

Научный руководитель старший преподаватель кафедры гражданского права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, **Вероника Сергеевна БЕЗЗАТЕЕВА,** bezzateeva@inbox.ru

Аннотация: в статье рассматриваются правовой статус, судебная практика, возможность применения и способы упрощения использования переписки в арбитражном процессе.

Ключевые слова: правовой статус переписки как доказательства, доказательство, законодательство Российской Федерации в области арбитражного процесса

Original article

THE USE OF INTERNET CORRESPONDENCE AS EVIDENCE IN ARBITRATION PROCEEDINGS

Vladimir A. KOLTUNTSEV
St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, St. Petersburg, Russia
vkoltuntsev@yandex.ru

Scientific adviser Senior Lecturer at the Department of Civil Law of St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, **V.S. Bezzateeva**, bezzateeva@inbox.ru

Abstract. The article discusses the legal status, judicial practice, possibility of application, and ways to simplify the use of correspondence in arbitration proceedings.

Keywords: legal status of correspondence as evidence, evidence, legislation of the Russian Federation in the field of arbitration proceedings

Перед рассмотрением интернет-переписки как доказательства в арбитражном процессе нужно дать понятие электронной переписки — это совокупность единичных электронных сообщений, которые были отправлены друг другу участниками таких, условно «виртуальных» общественных отношений [1, с. 178].

Правовое регулирование доказательства в виде электронной переписки регулируются п. 2 ст. 434 ГК РФ (Далее ГК РФ) и ст. 75 АПК РФ (далее — АПК РФ). Согласно ст. 434 ГК РФ Договор в письменной форме может быть заключен путем составления одного документа (в том числе электронного), подписанного сторонами, или обмена письмами, телеграммами, электронными документами либо иными данными в соответствии с правилами абзаца второго пункта 1 статьи 160 настоящего Кодекса[1]. Это означает, что договор можно заключить двумя способами. Составить один документ, в том числе электронный, который будет подписан сторонами, либо обмен документами — письмами, телеграммами, телексами, телефаксами и иными документами, в том числе электронными. Так же можно ссылаться на 55 статью ГПК РФ при использовании онлайн переписки, так как электронная переписка.

Это означает что договор можно заключить без физического контакта лиц, и использование данной переписки и документа может являться доказательством в судебном процессе.

Если рассматривать АПК РФ, то ст. 75 данного кодекса гласит, что документы, полученные посредством факсимильной, электронной или иной связи, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также документы, подписанные электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, допускаются в качестве письменных доказательств в случаях и порядке, которые предусмотрены настоящим Кодексом, другими федеральными законами, иными нормативными правовыми актами или договором[2]. Следуя из этой статьи можно подтвердить возможность использовать электронные переписки как доказательства по делу.

Практика применения АПК показывает, что информация из сети интернет может являться доказательством. В деле №А07-27851/2024 суд отмечает, что такие доказательства по смыслу статьи 75 АПК РФ представляют собой письменные доказательства и оцениваются арбитражным судом наряду с остальными доказательствами. То есть доказательства из интернета являются в том числе письменными доказательствами.

Из правоприменительной практики усматривается активное принятие судами лог-файлов и скриншотов программ в качестве доказательств исполнения обязательства истцом (заявителем). Например, определением Арбитражного суда Ростовской области от 16.02.2023 по делу № А53- 28418-1/2022 требование конкурсного кредитора ПАО Банк «ВТБ» включено в реестр требований кредиторов должника-физического лица, при этом подача заявки и согласие с условиями кредитного договора подтверждено лог-файлами и скриншотами программы. В указанном определении отмечено на то, что указанные документы подтверждают действия должника и кредитора в режиме дистанционного обслуживания [2, с.188].

Лог-файлы — это хронология совершенных событий, происходивших в системе.

Чтобы обезопасить себя, нужно дать переписке юридическую силу. Есть несколько факторов, которые помогут это сделать: закрепление данной почты за контрагентом в договоре, наличие данной почты на официальных ресурсах и привязка ее к контрагенту, если данная почта фигурировала в процессуальных документах,

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая : Фед. закон от 8 авг. 1994 г. № 51-ФЗ : текст в ред. от 31 июля 2025 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации : Фед. закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ : текст в ред. от 15 декабря 2025 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

которые она направила в суд, если данная почта фигурировала по другому делу и ее принадлежность к контрагенту можно подтвердить.

Если говорить про смс-переписку или переписку в мессенджерах, то стоит упомянуть об отсутствии такой практики в договорных отношениях, но, чтобы она действительно имела юридическую силу, нужно закрепить сам факт возможности взаимодействия с контрагентом по переписке в конкретном мессенджере и с конкретными контактами.

Также информация в электронной переписке должна относиться к сути дела, формулировки конкретными и не вырванными из текста.

В пример можно привести дело, когда сообщения в мессенджере Viber помогли восстановить сроки исковой давности. Ответчик заключил договор купли-продажи в рассрочку и в период с 2017 по 2020 обещал погасить образовавшийся долг, когда появятся деньги. По истечении трехлетнего срока, отведенного на исковую давности, должник перестал выходить на диалог, поток обещаний прекратился. Судом было оценено не каждое сообщение в отдельности, а общее содержание переписки (более 30 сообщений от должника за три года), из совокупного прочтения которых устанавливалось намерение погасить долг в ближайшее время: уточнение реквизитов, упоминание объекта договора купли-продажи, имени кредитора. Такими действиями был восстановлен срок исковой давности, и ответчик был обязан выплатить долг.

Данное направление является новым в правовой сфере, поэтому нужно изменить формат заключение договоров. Онлайн-переписки — это основной способ общения между людьми на расстоянии, поэтому нужно придумать механизм использования их в доказательной базе путем возможности дать перепискам юридическую силу. Для таких договоров как: о передаче имущества в пользование (аренда, наём, безвозмездное пользование и др.), о выполнении работ, оказании услуг (подряд, возмездное оказание услуг и др.), предусматривающие передачу денег или других родовых вещей на условиях возврата (заём, кредит), нужно создать обязательный пункт договора, в котором стороны должны дать свои контактные данные для взаимодействия по электронной переписке. Это может быть как электронная почта, так и контакт в мессенджере. Так же нужно обязательно обозначит принадлежность данного в договоре контакта, то есть кому именно принадлежит данный контакт.

Эти меры будут направлены на облегчения доказательства принадлежности контактов к лицам участвующим в сделках, а также сделают эти переписки юридически обоснованными доказательствами в судебном процессе. Это сделает систему правосудия более приспособленной к современным реалиям.

Список источников

1. Саблина Ю.В. Смс сообщения и переписка в мессенджерах как доказательства в гражданском процессе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. №6—2. С. 178—181.

2. Пивцаев Е.И. Предоставление электронных доказательств как способ упрощения арбитражного судопроизводства // Образование и право. 2023. №5. С. 186—190.

Информация об авторе

В.А. Колтунцев — студент 2 курса.

Information about author

V.A. Koltuntsev — 2nd year student.

Научная статья
УДК 346.62

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Екатерина Дмитриевна КРАСНОВА[1], **Илья Андреевич ШЕСТАВИН**[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] yekaterina.krasnova.01@list.ru
[2] i.shestavin@yandex.ru

Научный руководитель доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Виталий Викторович ФИРСОВ**, vitaliy-viktorovich@list.ru

Аннотация. В статье рассматриваются существующие в настоящее время некоторые актуальные проблемы государственного финансового контроля в Российской Федерации. В частности, поднимается вопрос о принятии специального федерального закона, закрепляющем в себе легальное определение понятия государственный финансовый контроль, критерии его эффективности, а также систему органов государственного финансового контроля. Также предлагается разработать и принять концепцию государственного финансового контроля, которая определит его ключевые задачи и приоритетные направления развития.

Ключевые слова: государственный финансовый контроль, бюджетная система, органы финансового контроля, бюджетные средства

Original article

ACTUAL PROBLEMS OF STATE FINANCIAL CONTROL IN THE RUSSIAN FEDERATION

Ekaterina Dmitrievna KRASNOVA[1], **Ilya Andreevich SHESTAVIN**[2]
[1,2] St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia
[1] yekaterina.krasnova.01@list.ru
[2] i.shestavin@yandex.ru

Scientific adviser Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor **V.V. Firsov**, vitaliy-viktorovich@list.ru

Abstract. The article examines some current current problems of state financial control in the Russian Federation. In particular, the issue of the adoption of a special federal law is being raised, which establishes the legal definition of the concept of state financial control, criteria for its effectiveness, as well as the system of state financial control bodies. It is also proposed to develop and adopt a concept of state financial control, which will define its key tasks and priority areas of development.

Keywords: state financial control, budget system, financial control bodies, budget funds

Государственный финансовый контроль выступает одним из ключевых элементов современной бюджетной системы Российской Федерации. Он обеспечивает эффективное государственное управление, а также способствует успешному выявлению правонарушений при использовании объектами финансового контроля бюджетных средств.

Однако несмотря на развитость институтов финансового контроля в нашей стране, российское законодательство в этой области по-прежнему содержит в себе немало проблем, разрешение которых имеет практическое значение для отечественной бюджетной системы.

Рассмотрим более подробно некоторые проблемы государственного финансового контроля в Российской Федерации. К первой проблеме по данной тематике можно отнести отсутствие в российском законодательстве, регулирующем сферу финансового контроля, легального определения понятия «государственный финансовый контроль».

Статья шестая Бюджетного кодекса Российской Федерации закрепляет множество терминов, относящихся к бюджетной сфере, и определений к ним, однако термина «государственный финансовый контроль» там нет, что, на наш взгляд, является существенным законодательным пробелом. Финансовому контролю посвящена отдельная глава Бюджетного кодекса, которая, к сожалению, также не закрепила дефиниции данного термина[1]. Такая ситуация создаёт широкий простор для различных толкований понятия в научной среде и расширяет возможности его доктринального толкования.

На наш взгляд, наиболее точным определением государственного финансового контроля, которое могло бы найти своё закрепление в законодательстве, является определение, предложенное Е.Ю. Грачевой. По её мнению, государственный финансовый контроль — это регламентированная нормами права деятельность уполномоченных государственных органов по проверке своевременности и точности финансового планирования, обоснованности и полноты поступления доходов в соответствующие фонды денежных средств, правильности и эффективности их использования в целях достижения стоящих перед обществом задач [1, с. 31].

Ко второй проблеме государственного финансового контроля в Российской Федерации можно отнести отсутствие в нашей стране программного документа, определяющего его долгосрочные перспективы и приоритетные направления развития.

Некоторые исследователи, в частности М.И. Магомедов и М.Б. Раджабова, называют такой документ «Концепцией государственного финансового контроля». По их мнению, Концепция могла бы включить в себя комплекс общепринятых точек зрения на цели, задачи, формы, методы организации и осуществления государственного финансового контроля [2, с. 134]. Мы согласны с такой позицией. Достижение экономической стабильности нашего государства во многом зависит от наличия подобной Концепции. Этот документ позволит эффективно защищать финансовые интересы Российской Федерации и успешно отвечать на стоящие перед страной вызовы современности.

К числу проблемных вопросов государственного финансового контроля можно также отнести отсутствие в законе универсальных критериев его эффективности. На эту проблему в теории финансового права сформировано множество научных позиций. Наиболее распространённой является точка зрения, согласно которой эффективность финансового контроля выражается в виде соотношения практически достигнутого результата, с одной стороны, и фактических затрат на его достижение, с другой. Таким образом, эффективным считается такой государственный контроль,

[1] Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 г. № 145-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 03.08.1998 г. № 31.

итогом которого является максимально положительный результат при минимальных затратах, направленных на его проведение.

А.Н. Бадалова и Я.С. Гевандова считают, что отсутствие законодательного закрепления критериев и оценки эффективности государственного финансового контроля снижает продуктивность его осуществления [3, с. 53]. Мы согласны с мнением авторов и полагаем необходимым закрепить вышеизложенный критерий эффективности финансового контроля на законодательном уровне.

Ещё одной значимой проблемой является множественность и громоздкость системы органов государственного финансового контроля. В Российской Федерации в той или иной мере государственный финансовый контроль осуществляют: Счётная палата, Федеральное казначейство, Федеральная налоговая служба, Министерство финансов, Центральный Банк, Федеральная служба по финансовому мониторингу, контрольно-счётные органы субъектов и другие.

Деятельность этих органов регулируется объёмным массивом законодательства. К примеру, Счетная палата функционирует на основании Федерального закона от 05.04.2013 № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации»[1], Регламента Счётной палаты Российской Федерации, утверждённого постановлением Коллегии Счётной палаты от 07.06.2013 №3ПК[2], а также иных актов.

Вышеперечисленные органы призваны осуществлять контрольно-ревизионную деятельность в пределах, строго установленных законом. Однако сложная структура и разветвленность органов государственного финансового контроля зачастую приводит к тому, что они действуют несогласованно и разобщено. Как отмечают Л.З. Абдокова и А.А. Амадаев, не является исключением и дублирование отдельных функций субъектов контроля, которые имеют разную ведомственную принадлежность и уровень подчинения [4, с. 15].

Например, компетенция Министерства финансов заметно пересекается в сфере налогов и сборов с Федеральной налоговой службой. Кроме того, сильно перекликаются полномочия Правительства и Центрального банка в вопросе проведения денежной, финансовой и кредитной политики государства. Компетенция Центрального банка, в свою очередь, совпадает с полномочиями Федерального казначейства в сфере валютного регулирования и так далее.

Интересно, что не все исследователи считают, что дублирование полномочий органов государственного финансового контроля является проблемой. Например, В.В. Владимиров считает, что такая ситуация для государственного аппарата типичная. По его мнению, для системы государственного финансового контроля свойственно дублирование органов, которые используют разные подходы, и методы реализации контроля в сходных областях своей деятельности [5, с. 25].

В свою очередь отметим, что работа по устранению дублирующих функций органов государственного финансового контроля в нашей стране ведётся. Так, в 2013 году была упразднена Федеральная служба по финансовым рынкам[3]. Её полномочия были переданы Центральному Банку. А в 2016 году была ликвидирована Федеральная служба финансово-бюджетного надзора. Её функции были разделены

[1] Федеральный закон от 05.04.2013 г. № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 08.04.2013 г. № 14 ст. 1649.

[2] Регламент Счетной палаты Российской Федерации (утв. постановлением Коллегии Счетной палаты Российской Федерации от 07.06.2013 г. № 3ПК) // Счётная палата Российской Федерации : официальный сайт. URL: https://ach.gov.ru/documents/standarts/ (дата обращения: 01.08.2025).

[3] Указ Президента Российской Федерации от 25.07.2013 № 645 «Об упразднении Федеральной службы по финансовым рынкам, изменении и признании утратившими силу некоторых актов Президента Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 29.07.2013 г. № 30 (часть II) ст. 4086.

между несколькими органами[1]. Вопросами финансово-бюджетной сферы стало заведовать Федеральное Казначейство, а валютным контролем стали заниматься Федеральная таможенная и налоговая службы.

Однако отсутствие единой системы органов государственного финансового контроля и по сей день остаётся острой проблемой российского законодательства. Как отмечает Л.С. Федоткина, в настоящее время в России нет ни одного нормативного правового акта, который бы четко определял полный список органов государственного финансового контроля и устанавливал бы их иерархию [6, с. 48]. На наш взгляд, это влечет за собой несогласованность в деятельности данных органов, что в свою очередь приводит к неэффективному контролю за использованием бюджетных средств и случаям их нецелевого использования.

Решение проблемы отсутствия в нашей стране четкой иерархии органов финансового контроля некоторые авторы видят в создании специализированного Высшего органа по финансовому контролю [7, с. 22]. Однако единства мнений в научной среде по данному вопросу нет.

И.В. Балашова и К.С. Приходько полагают, что практическое осуществление этого предложения может привести к дальнейшему «разбуханию» уже существующего массива контролирующих органов. По их мнению, текущую проблему можно решить посредством дальнейшего укрепления правового статуса уже существующей в России Счетной палаты, статус которой как контрольного органа закреплен Конституцией Российской Федерации[2] [8, с. 16]. Мы согласны с позицией авторов, компетенцию этого органа можно было бы расширить за счет новых полномочий, например, по координации деятельности субъектов государственного финансового контроля. Кроме того, Счетную палату Российской Федерации можно было бы наделить правом законодательной инициативы по вопросам финансового контроля, что также позитивно сказалось бы на развитии бюджетной сферы страны в целом.

Таким образом, в области государственного финансового контроля наличествует немало законодательных пробелов, разрешить которые можно посредством принятия Федерального Закона «О государственном финансовом контроле». Этот нормативный правовой акт может закрепить в себе в том числе: легальное определение понятия «государственный финансовый контроль», критерии его эффективности, систему органов государственного финансового контроля и многое другое. Принятие данного закона поможет организовать и систематизировать институт финансового контроля, повысит его эффективность и значимость в жизни российского государства.

Список источников

1. Грачева Е.Ю., Соколова Э. Д. Финансовое право: учебник для среднего профессионального образования. 5-е изд., испр. и доп. М.: НОРМА ИНФРА-М, 2021. 272 с.

2. Магомедов М.И., Раджабова М.Б. Государственный финансовый контроль: проблемы и пути решения // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. 2023. № S1. С. 132–137.

3. Гевандова Я.С., Бадалова А.Н. Проблемы государственного финансового контроля в Российской Федерации // Научные исследования, 2016. № 4 (5). С. 52—54.

4. Абдокова Л.З., Амадаев А.А. Проблемы развития государственного финансового контроля в РФ // Вестник Академии знаний, 2020. № 3 (38). С. 14—16.

5. Владимиров В.В. Об особенностях деятельности органов государственного финансового контроля в Российской Федерации // Официальные материалы для бухгалтера. Комментарии и консультации. 2009. № 14. С. 24—31.

[1] Указ Президента Российской Федерации от 02.02.2016 № 41 «О некоторых вопросах государственного контроля и надзора в финансово-бюджетной сфере» // Собрание законодательства Российской Федерации от 08.02.2016 г. № 6 ст. 831.

[2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31.

6. Федоткина Л.С. Проблемы осуществления государственного финансового контроля за использованием бюджетных средств // Наука Красноярья, 2023. Т. 12, № 3. С. 44—53.
7. Кононова К.С. Пути совершенствования государственного финансового контроля // Актуальные проблемы права, государства и экономики: VII Межвузовская научная конференция студентов, Санкт Петербург: тезисы выступлений. Ч. 3. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. 164 с.
8. Балашова И.В., Приходько К.С. Основные проблемы государственного финансового контроля // Сфера услуг: инновация и качество, 2019. № 45. С. 14–21.

Информация об авторах

Е.Д. Краснова — студентка 3 курса.
И.А. Шествин — студент 3 курса.

Information about authors

E.D. Krasnova — 3rd year student.
I.A. Shestavin — 3rd year student.

Научная статья
УДК 343.535

МЕЖДУНАРОДНАЯ БАНКРОТНАЯ ВЗАИМНОСТЬ В РОССИЙСКОЙ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

Екатерина Михайловна КУЗНЕЦОВА
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
e.ku2netsova2311@yandex.ru

Научный руководитель доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Михаил Юрьевич ПОРОХОВ,** more03@inbox.com

Аннотация. Статья посвящена актуальным вопросам реализации принципа взаимности в трансграничном банкротстве. Анализируется соответствующая практика отечественных (арбитражных) и иностранных судов на примере России и Нидерландов. Делается вывод о наличии высокого стандарта доказывания существования взаимности по делам о трансграничном банкротстве в российской судебной практике.

Ключевые слова: трансграничное банкротство, Россия, иностранный элемент, международное право, взаимность, признание

Original article

INTERNATIONAL BANKRUPTCY RECIPROCITY IN RUSSIAN JUDICIAL PRACTICE

Ekaterina M. KUZNETSOVA
St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia
e.ku2netsova2311@yandex.ru

Scientific adviser Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the St. Petersburg Law Institute (Branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor **M.Yu. Porokhov,** more03@inbox.com

Abstract. The article is devoted to the current issues of the implementation of the principle of reciprocity in cross-border bankruptcy. The relevant practice of domestic (arbitration) and foreign courts is analyzed on the example of Russia and the Netherlands. It is concluded that there is a high standard of proof for the existence of reciprocity in cross-border bankruptcy cases in Russian judicial practice.

Keywords: cross-border bankruptcy, Russia, foreign element, international law, reciprocity, recognition

Трансграничное банкротство в России представляет собой довольно неоднозначный институт. Трансграничное банкротство — это отношения, связанные с несостоятельностью (банкротством) должника, осложнённые иностранным элементом, который выражается в следующих признаках: имущество должника находится в одной или нескольких юрисдикциях, кроме страны, где открыт процесс банкротства; кредиторы должника могут быть иностранными лицами; в производстве участвуют органы и суды различных государств. В российской правовой доктрине и законодательстве (в частности, в Федеральном законе от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Федеральный закон № 127-ФЗ, Закон о банкротстве) трансграничное банкротство рассматривается как банкротство, осложнённое последствиями международного характера и требующее применения норм национального и международного права для координации различных юрисдикций и процедур. Основой регулирования выступают принципы международного частного права и соответствующие межгосударственные договоры.

Предпосылки к его развитию заложены в п. 6 ст. 1, п. 1 абз. 3 ст. 213.26 Закона о банкротстве. Однако системный анализ указанных норм позволяет прийти к выводу о недостаточности и несовершенстве правового регулирования отношений, складывающихся в процессе такого банкротства. Указанное приводит к излишней идеализации данного института, в том числе возникновению у кредиторов определенной «иллюзии» относительно возможности беспрепятственно обратить взыскание на имущество должника за рубежом.

Для уяснения существующих коллизий и пробельности в правовом регулировании трансграничного банкротства на территории Российской Федерации отметим следующее.

Согласно абз. 1 п. 6 ст. 1 Закона о банкротстве, решения судов иностранных государств по делам о несостоятельности признаются на территории РФ в соответствии с ее международными договорами.

При этом, в случае отсутствия международных договоров Российской Федерации решения судов иностранных государств по делам о несостоятельности признаются на территории РФ на началах взаимности, если иное не предусмотрено федеральным законом (абз. 2 п. 6 ст. Закона о банкротстве).

Так, закон устанавливает два альтернативных предварительных условия признания иностранных банкротств: основное условие — наличие международного договора, субсидиарное условие — взаимность» [1, с. 22]. Если установление факта наличия международного договора относительно понятно, то толкование принципа взаимности обуславливает возникновение некоторых вопросов.

Отметим, что указанный принцип является одним из общепризнанных принципов международного права, берущих свое начало из принципа международной

вежливости. В нормах российского материального права принцип взаимности нашел свое отражение в ст. 1189 ГК РФ. В материально-правовом контексте под принципом взаимности следует понимать правило о том, что иностранное право подлежит взаимному применению в целях развития сотрудничества между государствами. При этом если одно государство отказывается от применения в соответствующих случаях норм права другого государства, то такое другое государство также отказывается применять право первого на своей территории[1]. Иными словами, данный принцип предполагает взаимное сотрудничество государств по признанию прав и интересов частных лиц, а права таких лиц могут определяться не только иностранным правом, но и решением иностранного суда (что корреспондирует п. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации: а именно каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод)[2].

Говоря о видах принципа взаимности, отметим, что доктрина апеллирует двумя формами: позитивная (предполагает опровержимую презумпцию наличия взаимности, то есть признания и исполнения иностранных актов другим государством) и негативная (доказывание наличия взаимности исполнения актов государства, где испрашивается исполнение) [2, с. 4]. Начиная с XIX столетия, большинство российских ученых и судей последовательно поддерживают узкую трактовку принципа взаимности, то есть исходят из негативной взаимности[3]. На современном этапе российские суды, солидаризируясь и основываясь, в том числе, на приведенных нами выводах доктрины, исходят из принципа негативной взаимности и требуют доказательств исполнения (или возможности исполнения) на территории иностранного государства решений российских судов»[4]. Наличие взаимности тем самым не презюмируется, а требует доказывания: «Существование взаимности между двумя государствами должно быть доказано таким же образом, каким доказываются всякие другие положительные факты» [3, с. 19]. Указанное также отмечается в определении Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 07.06.2002 № 5-Г02-64, а также Решении Европейского суда по правам человека, в соответствии с которыми «признание на началах взаимности означает, что решение иностранного суда может быть признано и приведено в исполнение на территории Российской Федерации, если решения российских судов признаются в таком иностранном государстве»[5].

Поэтому целесообразно говорить, что российские суды требуют доказательств исполнения на территории иностранного государства российских решений (причем речь идет не о признании судебных решений вообще, а о признании решений по делам о банкротстве), то есть придерживаются узкого понимания принципа взаимности. Не презюмируемая взаимность требует доказывания «таким же образом, каким доказываются всякие другие положительные факты» [1, с. 22].

Проанализируем реализацию принципа взаимности на примере отношений между Россией и Нидерландами.

Так, по одному из дел арбитражный суд признал в России решение суда первой инстанции Кюрасао (составная часть Королевства Нидерланды) о признании банкротом иностранного частного фонда (финальный судебный акт)[6]. Приведенный

[1] Постановление ФАС Московского округа от 29.07.2009 № КГ-А41/6930-09 по делу № А41-9613/09. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Там же.

[3] Международная банкротная взаимность в российской судебной практике // zakon.ru [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2020/9/21/mezhdunarodnaya_bankrotnaya_vzaimnost_v_rossijskoj_sudebnoj_praktike (дата обращения: 12.02.2026).

[4] Там же.

[5] Постановление ЕСПЧ от 21.10.2010 Дело «Петр Королев (Petr Korolev) против Российской Федерации» (жалоба № 38112/04). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[6] Определение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 21 января 2016 года по делу № А56-42444/2015. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

акт, как отмечается в юридической литературе, во-первых, демонстрирует, что «в рамках, заданных п. 6 ст. 1 Закона о банкротстве, правовой инструментарий признания иностранных банкротств может работать вполне эффективно. Во-вторых, он содержит позицию суда по вопросу об установлении взаимности как условия экзекватуры: суд опирался на предоставленное заявителем заключение специалиста по данному вопросу, а также на судебные решения о признании российского банкротства в Нидерландах» [4, с. 140]. При этом суды указали, что отсутствие заключенного между Российской Федерацией и Нидерландами международного договора о взаимном признании судебных решений само по себе не является основанием для отказа в признании, и в этом случае судам необходимо основывать свое решение на наличии соблюдения странами принципа взаимности. В подтверждение взаимности в суд первой инстанции были представлены судебный акт города Амстердама, при вынесении которого было учтено требование к Г., основанное на решении Никулинского городского суда города Москвы (С/13/653973/ KG ZA 18-953 CdK/JvS). Со стороны кредитора также представлены прецеденты Верховного Суда Российской Федерации, согласно которым ВС РФ устанавливает соблюдение принципа взаимности между Российской Федерации и Королевством Нидерланды[1].

Однако наряду с указанным судебная практика также свидетельствует о том, что российские суды предъявляют крайне высокие требования взаимности для признания иностранных актов [5, с. 42]. При этом в ряде судебных решений нередко использовалась следующая формулировка: «Взаимность всегда выражается только в международном договоре, а признание в обход взаимности без международного договора представляет собой нарушение публичного порядка»[2].

В связи с чем также справедлив вывод о том, что в России действует режим непризнания иностранных банкротств в силу высокого стандарта доказывания существования взаимности, а также отсутствия международных договоров. Поэтому обоснованно заключить, что раз «признание данной категории иностранных судебных решений (касающихся вопроса трансграничного производства) напрямую не предусмотрено договорами о правовой помощи, а также учитывая, что по общему правилу доказательства взаимности признания российских решений Сторонами в иностранной юрисдикции в большинстве случаев не представляются (отсутствие взаимности), российские суды отказываются распространять правовые последствия иностранного банкротства на территорию Российской Федерации» [6, с. 88].

Вновь останавливаясь на примере взаимоотношений Российской Федерации и Голландии, полагаем, что приведенное выше решение Арбитражного суда может подлежать отмене на основании следующего.

В первую очередь, международные отношения данных стран нельзя охарактеризовать как дружеские и основывающиеся на началах взаимности, поскольку Голландия последние несколько лет ведет деятельность по введению различных санкционных мер в отношении России, в том числе в части международной экономики. В частности, в период с 2014 года по настоящее время в отношении Российской Федерации Европейским Союзом (Голландия — государство-член ЕС) осуществлялись различные меры давления, выражавшиеся в введении многочисленных пакетов санкций, в том числе в части: ограничений торговых операций с российскими

[1] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 19.06.2019 по делу № А40-68312/2018 .Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] «Признание иностранных банкротств в России: вопрос о применении международных договоров о правовой помощи» // legascom.ru [Электронный ресурс]. URL: https://legascom.ru/notes/6927-priznanie-inostrannykh-bankrotstv-v-rossii-vopros-o-primenenii-mezhdunarodnykh-dogovorov-o-pravovoj-pomoshchi (дата обращения: 12.02.2026).

контрагентами[1], заморозки российских активов[2], экспортных ограничений, занесением в санкционные списки российских физических и юридических лиц и проч.

Во-вторых, в настоящее время между государствами какой-либо международный договор, регулирующий вопросы экономического взаимодействия государств, не заключен. Российской доктриной также воспринята позиция, подчеркивающая отсутствие соответствующих заключенных международных договоров по вопросам трансграничного банкротства (в том числе между РФ и Голландией): «Учитывая, что у России нет ни одного международного договора по вопросам трансграничной несостоятельности, можно констатировать, что мы находимся вне сферы системного правового регулирования рассматриваемых правоотношений» [7, с. 91]. Представители юридического сообщества также отмечают, что «мало того, что Россия не восприняла ни один из модельных законов ЮНСИТРАЛ (юридический орган ООН в области права международной торговли) о трансграничном банкротстве, о признании иностранных банкротств, даже применение общего принципа COMI (банкротство по месту нахождения основных интересов компании) незнакомо российскому законодателю»[3].

В этой связи, в настоящее время, принимая во внимание изложенные доводы, а также учитывая усложнившуюся структуру международных отношений в свете санкционного давления со Стороны государств Европейского Союза по отношению к России, начала взаимности между Россией и Голландией по вопросам банкротства отсутствуют.

Подводя итог, отметим, что институт трансграничного банкротства нуждается в дальнейшем совершенствовании. В частности, процесс доказывания принципа взаимности в каждом конкретном случае разнится, сводясь при этом, как правило, к ее недоказанности[4], что превращает рассматриваемый институт в юридическую фикцию, особенно в условиях современной геополитической ситуации.

Ко всему прочему, анализ судебной практики свидетельствует о наличии определённых закономерностей доказывания принципа взаимности, которые применяются сторонами по делу о признании иностранного банкротства. Так, в первую очередь требуются добытые силами и средствами заинтересованных кредиторов доказательства возможности приведения судебных актов российских судов по делам о банкротстве на территории определенного государства. Во вторую очередь — документально подтвержденная (а при необходимости апостиллированная) информация о наличии у должника активов в определенной стране (в том числе по открытым источникам). В третью очередь — согласие кредиторов на финансирование мероприятий, связанных с поиском и обращением взыскания на активы должника за рубежом.

Поэтому нам представляется, что альтернативный путь решения проблемы — это самостоятельное приведение кредиторами в исполнение решения суда по гражданскому делу на территории иностранного государства.

---

[1] История санкций Евросоюза против России // tass.ru [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/info/23229017 (дата обращения: 12.02.2026).

[2] В Нидерландах заморозили российские активы на €200 млн из-за санкций // РБК [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/politics/18/03/2022/6233c7789a7947955bf039f6 (дата обращения: 12.02.2026).

[3] Почему суды допускают банкротство зарубежных компаний в Российской Федерации // pravo.ru [Электронный ресурс]. URL: https://pravo.ru/story/247541/ (дата обращения: 21.04.2025).

[4] Определение Московского областного суда от 03.04.2019г., Постановление АС Уральского округа от 09.10.2019г., Определение АС г. Москвы от 24.07.2019г., утв. Постановлением АС Московского округа от 02.09.2019г

Список источников

1. Собина Л.Ю. Международные тенденции и особенности признания иностранных банкротств в России / Л. Ю. Собина // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. № 11. С. 21—25.
2. Литвинский Д.В. Вопросы признания и исполнения решений судов иностранных государств (на основе анализа права Франции и России): автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2003. 24 с.
3. Энгельман И.Е. Об исполнении иностранных судебных решений в России / / Соч. проф. Дерпт. ун-та И.Е. Енгельмана. — Санкт-Петербург : тип. Правит. сената, 1884. 49 с.
4. Мохова Е.В. Трансграничные банкротства за рубежом и в России: в поисках баланса между универсализмом и территориальностью. Закон, 2016, № 5. С. 137—149.
5. Балданов Р.В. Принцип взаимности в делах о признании иностранных банкротств // Арбитражный и гражданский процесс, 2024, № 8. С. 40—43.
6. Костин А.А. Признание иностранных решений об открытии процедуры банкротства на основании международных договоров о правовой помощи (анализ российского и иностранного опыта) // Закон. 2022. № 5. С. 75—92.
7. Мохова Е.В. Компетентный суд и применимое право при привлечении директора должника к ответственности в трансграничном банкротстве // Закон. 2018. № 7. С. 86—106.

Информация об авторе

Е.М. Кузнецова — студентка 4 курса.

Information about author

E.M. Kuznetsova — 4th year student.

Научная статья
УДК 340.1

МЕТОДИКА ПОДДЕРЖАНИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ ФОРМЫ ПРОКУРОРСКОГО РАБОТНИКА В УСЛОВИЯХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Даяна Аясовна КУУЛАР
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
dayakasss@gmail.com

Научный руководитель старший преподаватель кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, **Татьяна Владимировна ПОДДУБНАЯ**, poddubnayatatiana21@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особенностей профессиональной деятельности прокурорских работников, оказывающих влияние на состояние их физической и психоэмоциональной сферы. Проанализированы основные факторы служебной нагрузки, связанные с гиподинамией, высоким уровнем стресса, продолжительной интеллектуальной работой и нерегулярным рабочим режимом. Обоснована необходимость разработки и внедрения методики поддержания физической формы, адаптированной к специфике прокурорской деятельности. Предлагаемая методика включает аэробные и силовые упражнения, рабочие физкультпаузы, а также элементы психофизической разгрузки. Показано, что комплексная физическая подготовка способствует повышению профессиональной надежности,

стрессоустойчивости, снижению утомляемости и профилактике профессионального выгорания.

Ключевые слова: физическая подготовка, прокурорский работник, профессиональная деятельность, стрессоустойчивость, методика тренировок

Original article

METHODS OF MAINTAINING THE PHYSICAL FITNESS OF A PROSECUTOR IN THE CONTEXT OF PROFESSIONAL ACTIVITY

Dayana A. KUULAR
St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia
dayakasss@gmail.com

Scientific adviser Senior lecturer at the Department of General Humanitarian and Socio-Economic Disciplines of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, **T.V. Poddubnaya**, poddubnayatatiana21@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the consideration of the features of professional activity of prosecutors, which have an impact on the state of their physical and psychoemotional sphere. The main factors of service load associated with hypodynamia, high level of stress, prolonged intellectual work and irregular working hours are analyzed. The necessity of developing and implementing a methodology for maintaining physical fitness, adapted to the specifics of prosecutorial activity, is substantiated. The proposed methodology includes aerobic and strength exercises, working physical pauses, as well as elements of psychophysical unloading. It has been shown that comprehensive physical training contributes to increased professional reliability, stress resistance, reduced fatigue, and prevention of professional burnout.

Keywords: physical training, prosecutor's office employee, professional activity, stress resistance, training methodology

Профессиональная деятельность прокурорского работника связана с высокой степенью ответственности, необходимостью анализа большого объема информации и регулярным принятием юридически значимых решений. Работа над процессуальными документами, участие в судебных заседаниях, надзорные проверки и взаимодействие с гражданами предполагают значительную интеллектуальную и эмоциональную нагрузку, что отрицательно отражается на физическом и психическом состоянии работника.

С каждым днем увеличиваются объемы работы прокурорских работников и вместе с этим и профессиональные требования к ним. Отсутствие закрепленных методик организации физической подготовки повышает риск ухудшения здоровья служащего и снижает эффективность в целом надзорной деятельности органов прокуратуры, поскольку прокурорские работники образуют целую систему надзорного органа, и нарушение анатомической целостности отдельного работника сказывается на работе всего государственного органа. В этой связи проблема разработки научно обоснованной методики поддержания физической формы прокурорских работников приобретает особую актуальность.

Цель исследования заключается в разработке и научном обосновании методики поддержания физической формы прокурорского работника, обеспечивающей по-

вышение уровня работоспособности в условиях интенсивной профессиональной деятельности.

Согласно статье 40.1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» одним из требований, предъявляемых к лицам, назначаемым на должности прокуроров, интерпретируется способность по состоянию здоровья исполнять служебные обязанности[1]. Из положения законодательства вытекает, что поддержание необходимого уровня физической подготовленности, обеспечивающей устойчивость к психоэмоциальным перегрузкам, способность длительно сохранять работоспособность, качественно и своевременно выполнять задачи является необходимым условием.

Регулярная физическая активность способствует улучшению когнитивных функций — памяти, внимания, быстроты реакции, что особенно значимо для работников юридической сферы. Исследования демонстрируют прямую зависимость между уровнем физической подготовленности и эффективностью выполнения задач, связанных с анализом правовых документов и принятием решений [1, с. 330]. Физическая активность также повышает устойчивость к стрессу, снижает тревожность и способствует эмоциональной стабилизации, что является важным фактором профилактики профессионального выгорания.

Исследователи отмечают, что сочетание умственного перенапряжения и гиподинамии приводит к снижению работоспособности, ухудшению внимания и повышенному риску профессионального выгорания [2, с. 4]. Гиподинамия — один из наиболее выраженных профессиональных факторов. Большая часть рабочего времени проходит за столом (или в зале суда) или компьютером (возможно зрительное утомление при работе с мелкими текстами), что вызывает статическое напряжение мышц спины и шеи, ухудшает кровообращение и способствует развитию заболеваний опорно-двигательного аппарата. В то же время прокурорская деятельность требует устойчивой концентрации внимания, эмоциональной стабильности и высокого уровня стрессоустойчивости, что возможно только при удовлетворительном физическом состоянии [3, с. 42]. Хронический стресс, ведущий к мышечным зажимам (особенно в области шеи), выступает также фактором риска снижения общего самочувствия. Помимо перечисленных факторов существует нарушение режима питания (перекусы на ходу с высоким содержанием быстрых углеводов, избыток кофеина), что в значительной степени сказывается на состоянии здоровья, вызывая негативные последствия.

Эффективная методика поддержания физической формы прокурорских работников строится на определенных принципах: регулярность, компенсаторность и интеграция. Под регулярностью в контексте рассматриваемого исследования понимается постоянное повторение физических нагрузок. Лучше всего делать упражнения 20 минут ежедневно, чем раз в неделю 2 часа. Интенсивность не всегда является определяющим фактором эффективности, поскольку чрезмерные или несбалансированные нагрузки могут приводить к быстрому утомлению и снижению мотивации. Компенсаторность предполагает, что упражнения должны быть направлены на те группы мышц, которые страдают от сидения (спина, шея, задняя поверхность бедра). Интеграция интерпретируется как встраивание физической деятельности в рабочий процесс без отрыва от производства.

Методика должна включать несколько комплексов мероприятий. Первым из них можно выделить гимнастику в течение рабочего дня — «физкультпаузы». Упражнения «скрыты» от окружающих, доступны в условиях любого рабочего кабинета и

[1] О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 : текст с изм. и доп. на 3 февраля 2025 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

не требуют специального оборудования, их выполнение позволит нормализовать кровообращение. Рекомендуется брать небольшой перерыв каждые 2 часа и выполнять сидя на стуле, напрягая мышцы на 10-15 секунд по 5-7 раз. Далее, чтобы избежать шейного остеохондроза, следует надавить лбом на ладонь, сопротивляясь рукой (статическое напряжение мышц шеи без движения головы), удерживать так 10 секунд. То же самое — давя затылком на сцепленные в замок руки. Следующее упражнение — сидя, максимально округлить спину, потянувшись лопатками назад, затем максимально прогнуться вперед, сводя лопатки. Это позволит разгрузить поясницу, уязвимая и подверженная различным заболеваниям. Перекаты с пятки на носок под столом предотвратит варикоз (заболевания вен).

Кардионагрузки — комплекс мероприятий, укрепляющие сердечно-сосудистую систему, подверженная постоянному стрессу при осуществлении возложенных полномочий на прокурорского работника. Ходьба минимум 30 минут в день в быстром темпе позволит укрепить мышцы. Следует использовать часть обеденного перерыва или парковать автомобиль дальше от здания органов прокуратуры. Аэробные тренировки (бег, плавание, велотренажер) можно выполнять 3—4 раза в неделю по 20-40 минут, что позволит снизить кортизол (гормон стресса) и повысить выносливость.

Силовые упражнения с собственным весом 2 раза в неделю (отжимания, приседания, планка) позволят укрепить мышечный корсет. С целью укрепления мышц спины, коррекции осанки и снятии болей в пояснице рекомендуемыми упражнениями служит гиперэкстензия, «лодочка», лежа на полу, тяга верхнего блока [4, с. 325]. Планка — универсальное комплексное упражнение, направленное на укрепление мышц живота, спины, ног, рук и плеч. Приседания и выпады улучшат кровообращения в малом тазу.

Что касается питания, вместо кофеина следует пить чистую питьевую воду, или после чашки кофе обязательно выпивать стакан воды, что позволит избежать обезвоживания. В качестве перекуса вместо потребления «быстрых» углеводов (батончики шоколада, печенье и др.) использовать орехи или горький шоколад, поскольку сахар резко поднимает уровень глюкозы и также резко снижает, что значительно сказывается на энергии и настроении работника. Единственным способом контролировать питание при ненормированном графике — брать еду с собой.

Эффективным дополнением становятся методы психофизической разгрузки — дыхательные упражнения, зрительная гимнастика, которые позволят снизить эмоциональное напряжение и повысить устойчивость к стрессу. Существует множество практик, одним из которых является «Дыхание по квадрату»: вдох 4 секунды — задержка 4 секунды — выдох 4 секунды — задержка 4 секунды. Упражнение позволит успокоиться, собраться и не поддаться эмоциям и его следует применять при стрессовых ситуациях, например, перед судебными заседаниями, при приеме «буйных» граждан или граждан с психическими отклонениями (невменяемыми).

Таким образом, физическая подготовка является важным инструментом поддержания работоспособности и психоэмоционального благополучия прокурорского работника. Комплексная методика, включающая аэробные, силовые и восстановительные упражнения, а также физкультпаузы и психофизическую разгрузку, способствует повышению эффективности служебной деятельности, снижению усталости и профилактике профессионального выгорания. Формирование у работников прокуратуры устойчивой привычки к регулярной физической активности является значимым направлением укрепления профессиональной надежности.

Список источников

1. Тищенко К.С. Роль физической подготовки в обеспечении профессиональной деятельности юриста // Молодой ученый. 2023. № 40 (487). С. 329—331.
2. Агеевец А.В. Актуальные направления специальной подготовки прокурорских работников в современных условиях // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2023. № 1 (215). С. 3—6.
3. Поддубная Т.В., Рябчук В.В., Пучкова М.В. Сравнительный анализ уровня физической подготовленности студентов юристов... // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2025. № 3. С. 39—47.
4. Бабенкова А.И., Пахомов В.И., Вертинский К.Д. Физическая подготовка сотрудников правоохранительных органов... // Управленческий учет. 2025. № 6. С. 321—326.

Информация об авторе

Д.А. Куулар — студентка 4 курса.

Information about author

D.A. Kuular — 4th year student.

Научная статья
УДК 342.7

КОНСТИТУЦИОННАЯ ЗАЩИТА ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В АЛИМЕНТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ

София Андреевна КУЧЕРЯВЕНКО[1], Матвей Юрьевич ПОПОВ[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] sofiakucheryavenko@yandex.ru
[2] matvejvolk797@gmail.com

Научный руководитель доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, кандидат юридических наук, доцент, юрист 1 класса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, **Яна Константиновна ЧЕПЕНКО**, chepenko55@mail.ru

Аннотация. В представленной статье осуществляется комплексный анализ правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации по вопросу обеспечения эффективной судебной защиты прав несовершеннолетних детей в алиментных правоотношениях.

Ключевые слова: защита прав несовершеннолетних, алиментные обязательства, судебный приказ, приказное производство, Конституционный Суд Российской Федерации, правовая определенность

Original article

CONSTITUTIONAL PROTECTION OF THE RIGHTS OF MINORS IN ALIMONY OBLIGATIONS

Sofia A. KUCHERAVENKO[1], Matvey Y. POPOV[2]
[1,2] St. Petersburg Law Institute (Branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia
[1] sofiakucheryavenko@yandex.ru
[2] matvejvolk797@gmail.com

Scientific adviser Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, First-Class Lawyer of the Saint Petersburg Law Institute (Branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, **Ya.K. Chepenko,** chepenko55@mail.ru

Abstract. The presented article provides a comprehensive analysis of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, through the lens of ensuring effective judicial protection of the rights of minor children in alimony-related legal relationships.

Keywords: protection of minors' rights, alimony obligations, court order, summary proceedings, Constitutional Court of the Russian Federation, legal certainty

Защита прав детей является одной из самых дискуссионных и общественно значимых тем, которая регулярно раскрывается на крупнейших научных конференциях, международных форумах и правовых симпозиумах. Фундаментальная Конвенция ООН о правах ребенка закрепляет широкий спектр прав детей на жизнь, достойное существование и гармоничное развитие личности. В Российской Федерации правовой статус ребенка подтверждается не только нормами международного права, но и, прежде всего, Конституцией Российской Федерации. Помимо обеспечения личных свобод, Конституция закрепляет принципы социальной политики: государственную поддержку семьи, материнства, отцовства и детства, гарантируя защиту института семьи со стороны государства. Важнейшим механизмом правовой защиты является предусмотренная основным законом возможность оспаривания неконституционных норм. Если та или иная законодательная норма противоречит положениям Конституции Российской Федерации, граждане вправе инициировать процедуру проверки ее легитимности, обратившись в Конституционный Суд Российской Федерации.

В рамках исследования проведен анализ того, какие именно правовые нормы, связанные с правами ребенка, наиболее часто стали предметом рассмотрения в Конституционном Суде Российской Федерации. В ходе оценки результатов выделилось несколько ключевых групп дел, однако лидирующую позицию заняли дела, касающиеся социального обеспечения в России, включая выплаты алиментов на несовершеннолетних детей.

Так, В.Д. Зорькин анализируя проблемы реализации принципов социального государства указывает на то, что около трети всех рассматриваемых в Конституционном Суде России жалоб относится к вопросам социальной справедливости [1, с. 47].

Для детального раскрытия темы необходимо четко определить юридическую природу данного термина. Согласно Методическим рекомендациям ФССП РФ от 10.03.2006 № 12/01-2115-НВ «О порядке исполнения исполнительных документов о взыскании алиментов», алименты представляют собой денежные средства, направленные на содержание несовершеннолетних детей или совершеннолетних нетрудоспособных членов семьи. Однако, в гражданско-правовой доктрине алименты трактуются как: «правоотношения, возникающие из соглашений сторон или решений суда, в соответствии с которыми один член семьи обязан предоставлять содержание другому члену, а последний вправе его требовать» [2, с. 39—40].

Далее в исследовании нами рассматривается конкретный прецедент пересмотра дела, связанный с признанием законодательных норм об алиментах не соответствующими Конституции Российской Федерации, что повлекло за собой существенные изменения в правоприменительной практике.

В России обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства (статья 7; статья 38, части 1 и 2). Более того, дети определены как важнейший приоритет государственной политики России (статья 67.1, часть 4)[1].

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации.

Данные конституционные установки не являются декларативными; они требуют создания действенных правовых механизмов, обеспечивающих их реализацию. Одним из ключевых инструментов материального обеспечения ребенка в случае распада семьи выступает институт алиментных обязательств, предстающих как «установленная законом обязанность определенных членов семьи содержать других, нуждающихся в этом членов своей семьи» [2, с. 40], эффективность данного института напрямую зависит от слаженности материальных и процессуальных норм.

Одним из способов защиты прав на получение алиментов является судебный приказ, как «судебный акт, который выносится в рамках упрощенного - приказного вида гражданского судопроизводства, минуя судебные разбирательства, но при этом соблюдается ряд процессуальных гарантий и принципов гражданского судопроизводства» [3, с. 2191220].

Однако Постановление КС РФ от 20 ноября 2023 года № 53-П по жалобе Н.П. Хомутининой показало, что упрощенный порядок взыскания алиментов может содержать противоречия, оборачивающиеся против интересов ребенка. Опираясь на положения о социальном характере государства, Конституционный Суд подчеркнул, что защита семьи и детства требует приоритетного учета интересов несовершеннолетних. Право на судебную защиту (ст. 46 Конституции Российской Федерации) должно быть не формальным, а эффективным, обеспечивающим реальное получение содержания в полном объеме и за весь законный срок.

Проблема кроется в самой конструкции приказного производства (гл. 11 ГПК РФ). Это упрощенная процедура для бесспорных требований, где судья единолично выдает приказ в течение пяти дней без вызова сторон. Хотя взыскание алиментов — классический повод для такой процедуры, именно её «упрощенность» стала препятствием для защиты прав в конкретном деле.

Неотъемлемой частью государственной защиты является гарантированное ст. 46 Конституции Российской Федерации право каждого на судебную защиту. Конституционный Суд Российской Федерации раскрывает его содержание, указывая, что данное право «предполагает наличие конкретных институциональных и процессуальных механизмов, которые позволяли бы реализовать его в полном объеме». Это означает, что доступ к правосудию должен быть не только формально открыт, но и эффективен, то есть способен приводить к реальному восстановлению нарушенного права. В контексте взыскания алиментов эффективность судебной защиты измеряется не фактом вынесения судебного акта, а возможностью получения ребенком причитающегося содержания в полном объеме и за весь срок, установленный законом.

Для понимания сути выявленной Конституционным Судом проблемы необходимо детально рассмотреть нормативную конструкцию приказного производства и ее применение в конкретном деле. Согласно главе 11 ГПК РФ, приказное производство представляет собой «упрощенный порядок рассмотрения мировым судьей определенных категорий требований взыскателя, носящих бесспорный характер»[1]. Взыскание алиментов на несовершеннолетних детей, не связанное с установлением отцовства, является классическим основанием для выдачи судебного приказа (ст. 122 ГПК РФ). Процедура характеризуется отсутствием судебного разбирательства и вызова сторон; судебный приказ выносится судьей единолично в течение пяти дней и одновременно является исполнительным документом (ст. 121 и 126 ГПК РФ).

Гарантией прав должника в этой ускоренной процедуре является предусмотренный ст. 128 ГПК РФ короткий десятидневный срок для представления возражений

[1] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 22.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации.

относительно исполнения приказа. При поступлении таких возражений в установленный срок судья в соответствии со ст. 129 ГПК РФ отменяет судебный приказ, разъясняя взыскателю право предъявить требование в исковом порядке. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 27 декабря 2016 года № 62 разъяснил, что определение об отмене судебного приказа обжалованию не подлежит, но должник вправе представить возражения и за пределами десятидневного срока, обосновав уважительность причин пропуска[1]. Проблема предоставления, возражений, за пределами десятидневного срока отмечается рядом учёных: так, Г.М. Минасян, указывает что нередки случаи, когда должник в силу не зависящих от него обстоятельств не получает копию судебного приказа такая ситуация несет за собой риски для обоих сторон [3, с. 128—129]. Т.В. Ярошенко придерживаясь позиции Г.М. Миносяна о необходимости установления особой процедуры извещения должника о вынесении судебного приказа [4, с. 1—3].

Именно в этой точке — на стыке восстановления срока для должника и невозможности обжалования для взыскателя — и зародилась коллизия.

В деле Н.П. Хомутининой судебный приказ от 2013 года был отменен спустя семь лет по возражению должника, заявившего о позднем получении копии из-за работы вахтой. Попытки обжаловать отмену были отклонены судами, так как ГПК РФ не предусматривает оспаривание таких определений.

При подаче последующего иска заявительница столкнулась с ограничением ст. 107 СК РФ, позволяющей взыскать алименты лишь за три года до обращения. В итоге период выплат сократился: вместо 2013 года они были назначены только с конца 2017 года.

Проявился системный сбой: добросовестный взыскатель, полагавшийся на законную силу приказа, потерял выплаты за четыре года из-за действий должника. КС РФ констатировал, что такая процедура не обеспечивает эффективную защиту детей, и пересмотрел оспариваемые нормы, разделив решение на несколько ключевых блоков.

Во-первых, Суд признал нормы ГПК РФ о кассации законными и сосредоточился на главном — порядке отмены и обжалования судебного приказа.

Во-вторых, КС РФ подтвердил право взыскателя обжаловать отмену приказа, если должник восстановил сроки без уважительных причин. Это решение обязало суды проверять добросовестность должника, обеспечивая баланс интересов.

В-третьих, Суд признал ст. 129 ГПК РФ неконституционной в части взыскания алиментов. Проблема не в самой норме, а в правовом вакууме: отмена приказа спустя годы лишает взыскателя выплат за прошлый период, что недопустимо при защите прав детей.

В мотивировочной части указано, что текущий порядок поощряет недобросовестных плательщиков и лишает взыскателя законной защиты. В связи с этим законодателю предписано внести изменения в ГПК РФ.

На период до введения новых законов Суд установил временный механизм: если приказ об алиментах отменен по просроченным возражениям должника, исковые требования могут быть удовлетворены за весь период, указанный в этом приказе.

Кроме того, в целях эффективного восстановления прав конкретной заявительницы Конституционный Суд установил, что правоприменительные решения, принятые по делу Н.П. Хомутининой в исковом производстве, подлежат пересмотру в установленном порядке.

Во исполнение позиции КС РФ принят Федеральный закон от 26.10.2024 г. № 356-ФЗ, закрепивший в ст. 129 ГПК РФ право на получение алиментов за про-

[1] О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2016 г. № 62 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. № 3.

шлый период в случае отмены судебного приказа. Новая норма гарантирует, что отмена приказа не ухудшит положение взыскателя. Постановление КС РФ № 53-П стало примером глубокой диагностики системной проблемы: Суд обеспечил баланс между процессуальной формой и материальными правами несовершеннолетних.

Во-первых, Конституционный Суд подтвердил и конкретизировал высший приоритет защиты детства, прямо связав его с эффективностью процессуальных механизмов. Что согласуется с мнением Н.В. Гуль о важности детей как будущего каждой нации и человечества в целом [5, с. 1—3]. Суд ясно дал понять, что соразмерность ограничений права на судебную защиту оценивается через призму реального, а не формального восстановления нарушенного права ребенка на содержание.

Во-вторых, Суд продемонстрировал эффективный инструмент исправления законодательных пробелов — выявление конституционно-правового смысла. Признав, что статья 129 ГПК РФ в ее системном взаимодействии с нормой семейного права порождает неконституционную практику, Суд не отменил ее, а переосмыслил и одновременно обязал законодателя внести коррективы, фактически создав правовую модель для будущей нормы.

В-третьих, предписание о пересмотре дела заявительницы и установление прямого действия временного правила вплоть до изменения закона обеспечили незамедлительную защиту не только для Н.П. Хомутининой, но и для всех лиц, оказавшихся в аналогичной ситуации, предотвратив дальнейшие нарушения.

Наконец, оперативное внесение изменений в ГПК РФ свидетельствует о действенности решений Конституционного Суда и их реальном влиянии на законотворческий процесс. Новая ч. 3 ст. 129 ГПК РФ стала прямым следствием и законодательным закреплением позиции Суда, что является наглядным примером диалога между судебной и законодательной властью в интересах укрепления конституционных гарантий.

Таким образом, рассматриваемое Постановление КС РФ утверждает принцип, согласно которому процессуальная экономия и упрощение не могут достигаться ценой ослабления материально-правовых гарантий для социально уязвимых категорий, каковыми являются несовершеннолетние дети. Оно укрепляет понимание того, что истинная эффективность правосудия в социально значимых спорах измеряется его способностью обеспечить реальное, а не иллюзорное восстановление права.

Список источников

1. Зорькин В.Д. Социальное государство в России: проблемы реализации / В. Д. Зорькин // Сравнительное Конституционное Обозрение. 2008. № 1. С. 46—50.

2. Тарасов Ю.А. Взыскание алиментов на несовершеннолетних детей / Ю.А. Тарасов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2012. № 4—1 (43). С. 39—42.

3. Минасян Г.М. Судебный приказ как разновидность судебного акта: некоторые актуальные вопросы и пробелы в законодательстве / Г.М. Минасян // Образование и право. 2022. № 3. С. 219—222.

4. Ярошенко Т.В. Особенности института судебного приказа в гражданском процессе //Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2010. №. 9. С. 61—65.

5. Гуль Н.В. Конституционное право на защиту семьи, материнства и детства / Н. В. Гуль // Трибуна молодого ученого. 2004. № 4. С. 130—140.

Информация об авторах

С.А. Кучерявенко — студентка 1 курса.
М.Ю. Попов — студент 1 курса.

Information about authors

S.A. Kucheryavenko — 1st year student.
M.Y. Popov — 1st year student.

Научная статья
УДК 342.9

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА АКТИВНОЙ РОЛИ СУДА В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Мария Игоревна МАХАРИНСКАЯ[1], Софья Игоревна СОКОЛОВСКАЯ[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] shulgina044@mail.ru
[2] itssokolovskaya@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, кандидат юридических наук, доцент, Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации **Ольга Андреевна ГУРЕЕВА**, olga-gur@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению принципа состязательности сторон при активной роли суда, а также его значению для административного судопроизводства. Актуальные проблемы рассматриваемой темы связаны с существующей правовой неопределенностью судебной активности.

Ключевые слова: административное судопроизводство, принципы, активная роль суда, судебная активность, состязательность сторон

Original article

PROBLEMS OF IMPLEMENTING THE PRINCIPLE OF THE ACTIVE ROLE OF THE COURT IN ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS

Maria I. MAKHARINSKAYA[1], Sofia I. SOKOLOVSKAYA[2]
[1,2] St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia
[1] shulgina044@mail.ru
[2] itssokolovskaya@mail.ru

Scientific adviser Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines, Candidate of Law, Associate Professor, Adviser of Justice of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation **O.A. Gureeva,** olga-gur@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of the principle of adversarial parties with an active role of the court, as well as its significance for administrative court proceedings. The actual problems of the topic under consideration are related to the existing legal uncertainty of judicial activity.

Keywords: administrative proceedings, principles, the active role of the court, judicial activity, the adversarial nature of the parties

В современной российской правовой системе административное судопроизводство, в отличие от гражданского и арбитражного процесса, обладает специфи-

ческим свойством — отношениями власти и подчинения, в которых одна сторона выступает выразителем воли государства, а другая являет собой гражданина или организацию [1, с. 5]. Однако такие правоотношения порождают ряд противоречий, которые основаны на неравенстве сторон в пользу публично-властного субъекта. Так, классическая состязательность, основанная на диспозитивных началах, значительно ограничивается процессуальной активностью суда, исследуемый принцип закреплен в статье 6 Кодекса об административном судопроизводстве Российской Федерации (далее — КАС РФ). Однако его практическая реализация сталкивается с двойственностью толкования, проблемами баланса с другими принципами и недостатками правового регулирования.

Прямое нормативное выражение рассматриваемый принцип находит в ч. 2 ст. 14 КАС РФ. Легальной дефиниции, что следует понимать под активной ролью суда, не содержится в действующем законодательстве, однако, исходя из диспозиции указанной статьи и смысла основных задач административного судопроизводства, можно заключить, что закон возлагает на суд комплекс полномочий, среди которых: руководство судебным процессом, разъяснение прав и обязанностей сторонам, предупреждение их об ответственности, оказания содействия в целях всестороннего и полного установления фактических обстоятельств по административному делу для обеспечения интересов законности и правопорядка.

Актуальной проблемой является степень реализации состязательности сторон при активной роли суда. Состязательность является важным признаком справедливого правосудия [2, с. 40], который проявляется на всех стадиях судебного процесса, а в особенности — на стадии судебного разбирательства. Состязательность проявляется посредством активного участия заинтересованных лиц в отстаивании своих требований и возражений по административному делу. Авторами отмечены, что специфическая особенность административного судопроизводства — это изначальное неравенство правового статуса субъектов по делу. Можно предположить, что законодатель, закрепляя принцип активной роли суда, сделал попытку обеспечения равенства сторон в судебном процессе [3, с. 139], таким образом, суд способствует слабой стороне разбирательства по административному делу. Так, функционирование принципа состязательности в его современной интерпретации детерминировано активной позицией суда, который, не подменяя стороны, организационно и руководяще воздействует на процесс, обеспечивая его эффективность и соответствие целям правосудия.

С одной стороны, активная роль суда создает угрозу принципу состязательности и, как следствие, судебной беспристрастности. Чрезмерная активность суда в сборе доказательств, особенно в интересах одной из сторон, ставит под сомнение объективность отправления правосудия. Так, суду следует воздерживаться от восполнения процессуальной пассивности стороны, чтобы не нарушать принципа состязательности и равноправия. С другой стороны, состязательность участников процесса при активной роли суда понимается как эффективный метод ведения судебного разбирательства, который позволяет в условиях изначального неравенства статусов полноценно обеспечить защиту правовых интересов и достижение истины по административному делу. Активная роль суда — необходимая гарантия действительной, а не формальной состязательности. Она призвана компенсировать системное неравенство процессуальных возможностей, обеспечивая тем самым реализацию конституционного права на справедливое судебное разбирательство.

Принцип активной роли суда практически имплементируется через конкретные материально-правовые нормы КАС РФ. Анализ ключевых статей позволяет выявить не только системный характер принципа, но и его внутренние противоречия,

а также существующую правовую неопределенность, которые неизбежно порождают проблемы правоприменения. Например, в ч. 1 ст. 63 КАС РФ суд наделен правом истребовать доказательства по своей инициативе в целях правильного разрешения административных дел. В то же время, на основании ст. 13 КАС РФ, суд при рассмотрении административного дела обязан непосредственно исследовать все доказательства по нему. Кроме того, согласно ст. 143 КАС РФ председательствующий в судебном заседании принимает меры по обеспечению надлежащего порядка в судебном заседании посредством распоряжений, которые носят обязательный характер для всех участников судебного разбирательства и лиц, присутствующих в судебном заседании. В соответствии со ст. 119 КАС РФ в случае нарушения участником судебного разбирательства порядка в судебном заседании председательствующий вправе объявить нарушителю предупреждение либо удалить его от имени суда из зала судебного заседания на все время судебного заседания либо на его часть. Таким образом, проведенный анализ правовых норм демонстрирует, что активная роль суда в административном судопроизводстве не формирует его жесткую модель поведения, а напротив, носит ситуативный характер в зависимости от индивидуальных фактических обстоятельств каждого административного дела, это значит, что суду необходимо самостоятельно выбрать надлежащие правовые инструменты, которые позволят обеспечить цели и задачи правосудия.

Итак, фундаментальной проблемой принципа активной роли суда выступает его правовая неопределенность. В КАС РФ судебная активность преимущественно толкуется через формулировки «вправе» и «может». На основе чего создается режим процессуального усмотрения, который не регламентирует конкретные случаи, требующие обязательного проявления инициативы суда. Вместе с тем, встречаются также нормы, толкующие судебную активность через следующие формулировки: «должен» и «обязан». Таким образом, активная роль суда не может быть однозначно квалифицирована ни как субъективное право, ни как императивная обязанность суда, что подтверждает двойственную природу данного принципа.

Другой актуальной проблемой в рассматриваемой теме является столкновение двух принципов административного судопроизводства: активной роли суда и его беспристрастности. При этом беспристрастность предполагает не пассивное невмешательство в судебное разбирательство по административному делу, а обеспечение реального процессуального равноправия сторон. Условия административного разбирательства таковы, что одна из сторон наделена государственно-властными полномочиями, соответственно, любая инициатива суда, которая направлена на выяснение фактических обстоятельств по делу, может быть воспринята как принятие им позиции «слабой» стороны. Так, усиление судебной активности в отношении одной из сторон создает угрозу нарушения принципа беспристрастности.

Резюмируя изложенное, мы полагаем, что острую необходимость в совершенствовании текущего российского законодательства применительно к данному вопросу. Е.А. Сапрыкина предлагает внести отдельную статью, которая призвана очертить границы судебной активности [4, с. 76], однако, предложенная редакция повторяет положения ч. 2 ст. 14 КАС РФ и не нивелирует существующую правовую неопределенность пределов активной роли суда.

Эффективное решение проблемы видится в дополнительной конкретизации кодифицированных норм Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации о сущности принципа активной роли суда, но без повторения их содержания. При этом внесенные изменения и дополнения не должны нарушать норм Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации». Так, принцип активной роли суда имеет системообразующее значение для КАС РФ, выступая не просто

одним из многих процессуальных начал, а фундаментальной основой, определяющей саму природу и специфику административного судопроизводства.

Список источников

1. Административное судопроизводство: учебное пособие / С.Л. Басов, Н.А. Васильчикова, И.И. Головко, О.А. Гуреева, Э.Р. Исламова; отв. ред. В.В. Лавров. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2017. 212 с.
2. Никитин С.В. Административное судопроизводство: учебник / под ред. С.В. Никитина. М.: Проспект, 2024. 384 с.
3. Гуреева О.А., Ботенко А.О. Содержание принципа «активная роль суда» в административном судопроизводстве: понятие и проблемы законодательного регулирования // Криминалистъ. 2025. № 1 (50). С. 137—142.
4. Сапрыкина Е.А. Принцип активной роли суда в административном судопроизводстве // Журнал административного судопроизводства. 2017. № 3. С. 74—77.

Информация об авторах

М.И. Махаринская — студентка 4 курса.
С.И. Соколовская — студентка 4 курса.

Information about authors

M.I. Makharinskaya — 4th year student.
S.I. Sokolovskaya — 4th year student.

Научная статья
УДК 342.9

СОСТОЯНИЕ АФФЕКТА КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, СМЯГЧАЮЩЕЕ АДМИНИСТРАТИВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Виталия Сергеевна НИКИТИНА
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
vitaliya.n.05@bk.ru

Научный руководитель старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук **Луиза Сираджеддиновна БУЛГАКОВА**, 6luiza@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена состоянию аффекта как смягчающего обстоятельства в административном праве. Рассматриваются психологическая природа аффекта, его отличие от уголовно-правовой трактовки, проблемы его доказывания. Автор обосновывает, что норма ст. 4.2 КоАП РФ фактически не применяется, и предлагает направления совершенствования законодательства.

Ключевые слова: административное право, состояние аффекта, смягчающее обстоятельство, доказывание, административная ответственность

Original article

STATE OF AFFECT AS A CIRCUMSTANCE THAT AMELIORATES ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY

Vitaliya S. NIKITINA
St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia
vitaliya.n.05@bk.ru

Scientific adviser Senior Lecturer at the Department of State and Legal Regulation of St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences **L.S. Bulgakova**, 6luiza@mail.ru

Abstract. The article is dedicated to the state of affect as a mitigating circumstance in administrative law. It examines the psychological nature of affect, its distinction from the criminal law interpretation, and the challenges associated with proving it. The author argues that the provision of Article 4.2 of the Administrative Offences Code of the Russian Federation is, in fact, not applied, and suggests ways to improve the legislation.

Keywords: administrative law, state of emotional disturbance, mitigating circumstance, proof, administrative liability

Актуальность выбранной темы обусловлена необходимостью всестороннего анализа правовой природы и практической значимости состояния сильного душевного волнения (аффекта) как обстоятельства, смягчающего административную ответственность, предусмотренного ст. 4.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушений[1]. При рассмотрении каждого дела об административном правонарушении судья, орган или должностное лицо, в производстве которых находится дело, обязаны установить и оценить всю совокупность обстоятельств, влияющих на меру и размер налагаемого наказания. Такой тщательный подход не только способствует соблюдению прав гражданина, но и минимизирует основания для обжалования вынесенного справедливого решения по делу. Установление юридически значимых фактов, примерный перечень которых приведен в ст. 4.2 КоАП РФ, позволяет говорить об особом порядке применения мер административной ответственности. Данное положение объясняется снижением степени общественной опасности совершенного противоправного деяния. Действующим законодательством предусмотрено, что судья, орган, должностное лицо, рассматривающие дело об административном правонарушении, могут признать смягчающими и другие обстоятельства, не указанные в КоАП РФ или в законах субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях. По нашему мнению, приведенное положение позволяет правоприменителю при назначении наказания учитывать множество фактов, совокупность которых позволит избрать меру и объем наказания, полностью соответствующих тяжести совершенного деяния.

Законодатель закономерно установил в ст. 26.1 КоАП РФ необходимость выяснения конкретных обстоятельств по делу об административном правонарушении, к числу которых относятся и смягчающие обстоятельства. Однако к существенному недостатку правового регулирования следует отнести отсутствие в ст. 29.10 КоАП РФ, определяющей содержание постановления по делу об административ-

[1] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ: текст с изм. и доп. на 9 января 2026 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ном правонарушении, требования об обязательном указании на обстоятельства, смягчающие административную ответственность. В результате возникает риск, что органы и должностные лица, перечисленные в главе 23 КоАП РФ, при назначении наказания могут не учесть обстоятельства, влияющие на его вид и размер.

Единого определения понятия «аффект» нет ни в психологии, ни в психиатрии, ни в юриспруденции. А.Н. Леонтьев определяет аффект как эмоциональное состояние, для которого характерно бурное и относительно кратковременное протекание [1, с. 22]. С.Л. Рубинштейн придерживается схожей позиции и понимает под аффектом бурно и стремительно протекающий эмоциональный процесс, обладающий взрывным характером, который может дать неподчиненную сознательному волевому контролю разрядку в действии [2, с. 357]. Другие исследователи высказываются о том, что поведение человека в состоянии аффекта представляет собой целостное психическое явление, своеобразный симптомокомплекс поведенческих и вегетосоматических признаков, дополняемых субъективными переживаниями, частичными изменениями сознания, восприятия и памяти [3, с. 51]. По нашему мнению, аффект выражается в нарушении правильного восприятия действительности, переживаемого лицом представления в сознании. Такое нарушение возможно только при наличии сильного чувства (гнева, горя, изумления и т. п.), которое неожиданно возникает и вторгается в обычное для лица восприятие. В результате происходит частичное помрачнение сознания, приводящее к несоответствию эмоций (побудительной силы) и воли (силы, организующей психическую деятельность). Несмотря на это, в таком состоянии лицо способно осознавать характер своих действий и воздерживаться от совершения правонарушения. Тем самым аффект относится к одному из психических состояний личности, способных отражать уровень его психической активности в конкретный промежуток времени.

Предпосылкой возникновения аффекта является экстремальная обстановка, характеризующаяся тем, что психофизиологические параметры личности выходят за рамки повседневного функционирования. Например, совершение действий, которые в нормальном состоянии невозможны. Известны случаи, когда потерпевшие, будучи в состоянии аффекта, оказывали сопротивление правонарушителям, значительно превосходящим их по физической силе. Л.С. Выготский справедливо отмечает, что индивид становится заложником критической ситуации, в которой для самосохранения должен действовать, но не знает, как и что делать [1, с. 23]. Как правило, включается стереотипное мышление, побуждающее человека в короткие сроки интуитивно и не вполне осознанно принять то или иное благоприятное решение на основании его личного опыта. Свое выражение аффект находит в изменении двигательной системы (торможение или перевозбуждение, нарушение координации движений), вегетативных реакциях (изменение пульса и дыхания, спазма периферических кровеносных сосудов, появление холодного пота и др.), а также психических процессов, в частности, работы сознания, мышления, памяти. Внешне аффект проявляется в резких, иногда хаотичных действиях, бурных эмоциях, сопровождающихся утратой волевого контроля.

В науке различают два основных вида аффекта — физиологический (психологический) и патологический. Особенности первого и будут рассмотрены ниже, поскольку именно данный вид не исключает вменяемость при совершении административного правонарушения или преступления. Определение «физиологический» было введено, чтобы подчеркнуть отличие нормального аффекта от патологического и показать, что его основу составляют естественные нейродинамические процессы [4, с. 42]. Главное отличие от патологического аффекта состоит в том, что сознание нарушено в меньшей степени, возможно фрагментарное восприятие произошедшего, а действия, обусловленные автоматизмом, носят более целена-

правленный характер [5, с. 25]. Второй же вид приводит к полной невменяемости и исключает привлечение к административной или уголовной ответственности.

Характерные черты аффекта проявляются через его дезорганизующие психику свойства и заключаются в следующем. Во-первых, нарушение двигательных функций организма, проявляющееся в повторении одного и того же действия, совершаемого автоматически, или впадением в оцепенение. Под воздействием аффективного состояния мобилизуются резервные силы организма, в результате чего совершаются действия, несвойственные человеку в нормальном состоянии. Во-вторых, кратковременность протекания обусловливается высоким напряжением организма и своеобразием течения эмоциональных переживаний. Во-третьих, внезапность возникновения и стремительное развитие такого состояния для лица, которое не способно предвидеть его наступление. В-четвертых, резкие изменения в сознании, а именно сужение его сферы. Данный признак проявляется в концентрации мышления на источнике эмоционального возбуждения, с возможными последующими агрессивными действиями, направленными против него. В-пятых, снижение интеллектуального и волевого контроля за своим поведением в результате нервно-психического напряжения. В-шестых, нарушение когнитивных способностей, сопровождаемое провалами в памяти, рассеиванием внимания в отношении происходящих событий, неверном восприятии времени, замедлении мыслительных процессов. В-седьмых, явные признаки изменения внешности человека, в виде побледнения или покраснения тела, резкого расширения или сужения зрачков, учащенного сердцебиения, поверхностного дыхания, потливости, дрожания рук и прочее.

Интерес представляет сравнительный анализ состояния сильного душевного волнения в уголовном и административном праве. Уголовный кодекс (далее — УК РФ) оперирует понятием «аффект» при установлении пониженной ответственности за убийство (ст. 107 УК РФ) и причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью (ст. 113 УК РФ)[1]. В КоАП РФ таких составов не установлено, и состояние аффекта применимо ко всем видам административных правонарушений. Следует учитывать, что в ст. 61 УК РФ так же, как и в ст. 4.2 КоАП РФ, закреплен открытый перечень смягчающих обстоятельств. Отличие лишь в том, что в КоАП РФ законодателем закреплено совершение административного правонарушения в состоянии сильного душевного волнения, в то время как в УК РФ такое положение отсутствует. Разграничивая аффект в административном и уголовном праве, законодатель в привилегированных составах УК РФ устанавливает особые условия совершения преступления: причины протекания состояния аффекта, момент появления умысла, особенность причинения вреда потерпевшему. Толкование упомянутых норм УК РФ позволяет выделить следующие признаки состояния аффекта в уголовном праве: внезапное возникновение; причина возникновения — противоправные или аморальные действия (бездействия) потерпевшего (насилие, издевательство или тяжкое оскорбление); умысел на совершение преступления возникает и реализуется непосредственно в момент протекания аффекта у виновного; причинение вреда под влиянием именно сильного душевного волнения. Применительно к административному праву законодатель ограничился лишь указанием на сильное душевное волнение и не установил специальных критериев; полагаем, что признаки аффекта выводятся из его общего определения и аналогичны рассмотренным выше.

Отдельного внимания заслуживает трактовка дефиниции «аффекта», даваемая судами при рассмотрении административных и уголовных дел. Разрешая дело об административном правонарушении, суд исходил из того, что под аффектом пони-

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: текст с изм. и доп. на 20 января 2026 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

мается особое эмоциональное состояние человека, представляющее собой чрезвычайно сильное кратковременное эмоциональное возбуждение, вспышку таких эмоций, как страх, гнев, ярость, отчаяние, бурно протекающую и характеризующуюся внезапностью возникновения, кратковременностью протекания, значительным характером изменений сознания, нарушением волевого контроля над действиями[1]. Тем самым суд опирается на общие исследования состояния аффекта в науке. По уголовному делу для инкриминирования деяния, совершенного в состоянии аффекта, суд выяснил следующие обстоятельства: установлено наличие данного состояния с помощью проведения судебно-психиатрической экспертизы, которая определила форму протекания аффекта — разрядка эмоциональной напряженности вследствие пролонгированной психотравмирующей ситуации; состояние аффекта было вызвано длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным поведением потерпевшей; именно в состоянии эмоционального напряжения у лица возник умысел на причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшей; в момент совершения деяния сильное душевное волнение оказало существенное влияние на сознание и значительно ограничило способность обвиняемого к осознанию своих противоправных действий и их произвольную регуляцию[2]. Таким образом, ключевое различие рассматриваемого понятия в административном и уголовном праве заключается в том, что в УК РФ в отличие от КоАП РФ законодатель предусмотрел обязательные признаки, без которых установление состояния сильного аффекта исключается.

Наибольший интерес вызывает проблема доказывания состояния аффекта в административном праве. В отличие от уголовного процесса, проблема доказывания состояния сильного душевного волнения при осуществлении производства по делам об административных правонарушениях изучена недостаточно. Более того, действующее законодательство не дает однозначного ответа на этот вопрос.

Очевидно, что для признания правоприменителем совершенного административного правонарушения в состоянии аффекта необходимо опираться на специальные познания в области психологии, психиатрии. В связи с этим требуется проведение комплексной судебной психолого-психиатрической (КСППЭ) или судебно-психологической экспертизы. Порядок проведения экспертизы по делу об административном правонарушении в КоАП РФ не установлен. Однако в ст. 26.4 КоАП РФ закреплено, что она может быть назначена на любой стадии по решению суда, органа или должностного лица, в производстве которых находится дело, а также по ходатайству правонарушителя или потерпевшего. Помимо того, что результаты экспертного заключения способствуют установлению состояния аффекта, они, в силу ст. 26.2 КоАП РФ, относятся к доказательствам. На основании этого необходимо учитывать распределение бремени доказывания обстоятельств по делу. В соответствии со ст. 1.5 КоАП РФ действует общее правило: бремя доказывания всех обстоятельств, имеющих значение, лежит на властном государственном органе или должностном лице, действующем от его имени. В таком случае уполномоченное лицо обязано выяснить и проверить обстоятельства, свидетельствующие о наличии у правонарушителя состояния сильного душевного волнения, учитываемого впоследствии при выборе вида и размера наказания. Исключение, предусмотренное упомянутой статьей, заключается в следующем: по определенным категориям административных правонарушений бремя доказывания перекладывается на лицо, в отношении которого ведется производство по делу. Следовательно, именно этому лицу требуется привести доказательства о совершении им правонарушения

[1] Решение Бугурусланского районного суда Оренбургской области от 5 сентября 2018 г. по делу № 12[1]-71/2018. URL: https://sudact.ru/regular/doc/v1kJS2MhATQK/ (дата обращения: 12.01.2026).

[2] Приговор Авиастроительного районного суда г. Казани от 10 февраля 2025 г. по делу № 1-377/2024, 1-59/2025. URL: https://sudact.ru/regular/doc/l4GB7V6TgDx8/ (дата обращения: 12.01.2026).

в состоянии аффекта. Нельзя обойти вниманием анализ судебной практики, свидетельствующий о том, что суды не признают совершение правонарушения в состоянии аффекта в связи с отсутствием в материалах дела данных, подтверждающих его наличие[1]. Это также касается обжалования постановлений по делу. Так, в своем решении суд указал на то, что лицом не представлены достаточные доказательства состояния аффекта, а также отметил, что правонарушитель не утратил ориентацию в окружающем мире и четко помнит все свои действия после возникновения источника, вызвавшего эмоциональное напряжение[2]. В случае представления лицом, привлекаемым к ответственности, экспертного заключения, подтверждающего состояние аффекта, судья учел бы данное обстоятельство при избрании меры наказания.

Как отмечают исследователи, назначение судебно-психиатрической экспертизы редко используется как способ получения доказательств по делам об административных правонарушениях [6, с. 32—33]. Данное обстоятельство объясняется сложностью и длительностью сбора материалов, которые необходимо предоставить эксперту, большими сроками производства судебно-психиатрической экспертизы, а также весьма короткими сроками давности привлечения к административной ответственности.

На основании вышеизложенного следует, что в научной литературе недостаточно освещен вопрос о состоянии аффекта в административном праве, а также о процедуре его установления по делу. Анализ правоприменительной практики показал, что норма, предусматривающая данное смягчающее обстоятельство, фактически не применяется и является «мертвой». Сложившаяся ситуация обусловлена сложностью доказывания, большими временными и финансовыми издержками, а также значительной загруженностью судей, органов государственной власти и должностных лиц, которые обязаны уложиться в законодательно установленные сроки при производстве по делу, не нарушив при этом процедуру и права лиц, участвующих в деле. Очевидно, что назрела необходимость реформирования законодательства в рассматриваемой сфере. Проведенное исследование дополняет доктринальные изыскания и расширяет теоретическую и практическую базу административного права, а также подтверждает необходимость дальнейшего изучения данной темы.

Список источников

1. Павлова Е.В. Психология экстремальных ситуаций и состояний (психологическая помощь): сборник учебно-методических материалов. / Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2017. 98 с.

2. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. / Санкт-Петербург: Питер. 2000. 712 с.

3. Морозова Ю.В. Юридическая психология: учебное пособие для обучающихся по программам специалитета и магистратуры. / Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации. 2021. 99 с.

4. Аффект: практика судебной психолого-психиатрической экспертизы: хрестоматия / Гос. науч. центр социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского; авт.-сост. Ф.С. Сафуанов, Е.В. Макушкин. / Москва: Генезис. 2013. 309 с.

5. Горьковая И.А. Основы судебно-психологической экспертизы: учебное пособие. / Санкт-Петербург, 2003. 128 с.

6. Будникова А.С. Доказывание состояния невменяемости по делам об административных правонарушениях // Вестник экономики и права. / 2020. № 38. С. 29–37.

[1] Решение Красноярского краевого суда от 23 мая 2023 г. по делу № 7П-233/2023. URL: https://sudact.ru/regular/doc/WHoc7ANr5MoR/ (дата обращения: 12.01.2026); Решение Железнодорожного районного суда г. Ростова-на-Дону от 28 января 2020 г. по делу № 12-477/2019, 12-52/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/SQYPUiBDDwdC/ (дата обращения: 12.01.2026); Постановление Заельцовского районного суда г. Новосибирска от 26 сентября 2018 г. по делу № 5-156/2018. URL: https://sudact.ru/regular/doc/6rsFYX80Ahdn/ (дата обращения: 12.01.2026).

[2] Решение Ашинского городского суда Челябинской области от 17 марта 2025 г. по делу № 12-34«А»/2025, 12-46/2025, 3-27/2025. URL: https://sudact.ru/regular/doc/zpKL5eGhhmLa/ (дата обращения: 12.01.2026).

Информация об авторе

В.С. Никитина — студентка 3 курса.

Information about author

V.S. Nikitina — 3rd year student.

Научная статья
УДК 34.05

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ КОНСТИТУЦИИ КНР И КОНСТИТУЦИИ РФ)

Валерия Сергеевна ПЕНКИНА
Юридический институт ФГБОУ ВО
«Пензенский государственный университет», Пенза, Россия
valeriapenkina0601@gmail.com

Научный руководитель заместитель директора по научной деятельности Юридический институт ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» к.ю.н., доцент, доцент кафедры «Государственно-правовые дисциплины», кандидат юридических наук, доцент, **Алена Леонидовна ГУСЕВА,** artguseva@mail.ru

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ конституционных основ развития экономических отношений в Китайской Народной Республике и Российской Федерации. Исследуется роль конституций как верховных правовых актов, закрепляющих базовые принципы экономического строя, формы собственности, гарантии предпринимательской деятельности и роль государства в экономике. Проведённый анализ выявляет как существенные различия в идеологических и правовых подходах к конституционному регулированию экономики, так и определённые сходства, такие как признание роли государства в стратегическом управлении и социальной ориентации экономического развития.

Ключевые слова: Конституция КНР, Конституция РФ, экономические отношения, сравнительное конституционное право, формы собственности, рыночная экономика, социалистическая рыночная экономика, экономическая система, государственное регулирование экономики, правовые основы предпринимательства

Original article

CONSTITUTIONAL FOUNDATIONS OF ECONOMIC RELATIONS DEVELOPMENT (ON THE EXAMPLE OF THE CONSTITUTION OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA AND THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Valeria S. PENKINA
Law Institute Penza State University, Penza, Russia
valeriapenkina0601@gmail.com

Scientific adviser Deputy Director for Research Activities Law Institute of Penza State University PhD, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines, PhD, Associate Professor, **A.L. Guseva**, artguseva@mail.ru

Abstract. The article provides a comparative analysis of the constitutional foundations for the development of economic relations in the People's Republic of China and the Russian Federation. It examines the role of constitutions as supreme legal acts that establish the basic principles of the economic system, forms of ownership, guarantees for entrepreneurial activities, and the role of the state in the economy. The analysis reveals both significant differences in ideological and legal approaches to constitutional regulation of the economy, as well as certain similarities, such as the recognition of the state's role in strategic management and the social orientation of economic development.

Keywords: Constitution of the People's Republic of China, Constitution of the Russian Federation, economic relations, comparative constitutional law, forms of ownership, market economy, socialist market economy, economic system, state regulation of the economy, legal foundations of entrepreneurship

Конституция, как главный закон страны, утверждает базовые принципы политического, социального и экономического устройства. Именно конституционные нормы формируют правовую основу и определяют направление развития общественных отношений, включая экономические. Сравнение конституционных основ экономики в Китае и России представляет большой научный интерес, поскольку демонстрирует особенности двух уникальных моделей развития, возникших на пересечении разных правовых традиций, исторического опыта и идеологий.

Китай и Россия — две крупные державы, которые в XX веке прошли масштабные социально-экономические изменения. Переход от плановой экономики к рыночным принципам стал возможен благодаря конституционным реформам в обеих странах: принятие Конституции Российской Федерации 1993 года и конституционные поправки в КНР, закрепившие модель «социализма с китайской спецификой», создали новую правовую базу для экономического взаимодействия.

После Второй мировой войны возникла институционально-социальная концепция конституционализации, предполагающая влияние государства на экономику с помощью экономических, административных, стимулирующих, фискальных и других инструментов. В социалистических странах сложилась своя модель конституционно-правового регулирования экономики, сформировавшаяся к 80-м годам XX века. Ее ключевой особенностью стало конституционное закрепление экономической системы, основанной на социалистической государственной собственности на средства производства. Согласно статье 6 Конституции КНР 1982 года, основой социалистической экономической системы КНР является социалистическая общественная собственность на средства производства, то есть общенародная и коллективная собственность трудящихся. Для социалистических конституций характерен классовый характер экономической системы, предусматривающий приоритет рабочего класса как коллективного собственника средств производства.

Рассматривая социалистическую конституционную модель регулирования в Китае, важно отметить, что, как отмечает В.В. Невинский, после либеральных реформ она представляет собой уникальную «социалистическую рыночную экономику», объединяющую традиционные для социалистических конституций положения о приоритете государственной собственности с разрешением и даже поддержкой рыночных форм экономической деятельности. Конституция КНР 1982 года играет ключевую роль в установлении правовых основ китайской экономико-правовой модели, а поправки, направленные на модернизацию экономики и общества, вносились в нее пять раз, затронув в общей сложности 40 конституцион-

но-правовых норм[1]. Так, конституционная поправка 1988 года установила «возможность развития частного хозяйства» (статья 11), что открыло путь к формированию плюралистического экономического строя в условиях действия социалистического законодательства. Поправка 1993 года закрепила конституционный принцип «социалистической рыночной экономики», заменив централизованное планирование, свойственное социалистическим конституционным моделям регулирования экономики. Поправка 1999 года закрепила «частный сектор экономики» как часть «социалистической рыночной экономики». Поправка 2004 года признала равноценность защиты социалистической и частной собственности (часть 2 статьи 11). Наконец, поправки в более чем 20 статей, внесенные в 2018 году, в основном касались модернизации политической системы Китая, но косвенно также повлияли на укрепление частного сектора, защиту частноправовых интересов в предпринимательстве, стимулирование частной инициативы в экономике [1, с. 32].

Впервые конституционное регулирование экономических отношений возникло в Конституции РСФСР 1918 года, заложившей основы социалистического подхода к экономике. Ключевые принципы, рассматриваемые через призму конституционной экономики, нашли отражение в следующих нормах: национализация земли, промышленности и банков, а также упразднение частной собственности[2]. Она практически полностью национализировала объекты собственности, отменяя частную собственность, включая личное имущество. Эти нормы интересны тем, что они узаконили ранее невиданную систему, где хозяйствование подчинено общественным интересам, а частные интересы игнорировались.

Конституция СССР 1977 года закрепила экономические принципы во второй главе «Экономическая система общества»[3]. Она определяла: основу экономической системы, государственную собственность как общее достояние, собственность колхозов и кооперативов, руководство экономикой на основе госпланов, допускавшее хозяйственную самостоятельность предприятий, и трудовую деятельность, основанную на личном труде. Помимо прав, она также устанавливала обязанности в экономической сфере, например, бережное отношение к социалистической собственности [2, с. 89].

Действующая Конституция Российской Федерации 1993 года признает человека, его права и свободы высшей ценностью. Государство создает условия для достойной жизни и развития личности[4]. Это изменило содержание норм, регулирующих экономику, в части защиты прав и свобод, включая право частной собственности и независимые способы ведения бизнеса [3, с. 5]. Конституция Российской Федерации 1993 года допускает частную, государственную, муниципальную и иные формы собственности на землю и природные ресурсы, а также охраняет право частной собственности. Стоит отметить, что она попыталась сформировать основу для рыночной экономики через приоритет частной собственности и соблюдения прав и свобод человека. Современная Конституция значительно отличается от Конституции 1977 года.

---

[1] Конституция Китайской Народной Республики. Принята на 1-ой сессии Всекитайского Собрания народных представителей первого созыва 20 сентября 1954 года — Пекин : Издательство литературы на иностранных языках, 1954. 23 с.

[2] Первая советская конституция (конституция РСФСР 1918 года) : сборник документов / под ред. А.Я. Вышинского. Москва : Юридическое изд-во НКЮ СССР, 1938. 462 с.

[3] Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977) // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

[4] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // Официальный текст Конституции РФ опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации. http://pravo.gov.ru, 06.10.2022.

Конституция влияет на экономику, и это воздействие зависит от уровня экономического развития. Поправки 2020 года скорректировали изначальную систему, основанную на свободных рыночных отношениях, в сторону смешанной экономики с регулируемым рынком, где часть ресурсов централизована государством для нивелирования недостатков рыночных механизмов [4, с. 167].

В обновленной редакции Конституции Российской Федерации подчеркивается стремление к стимулированию стабильного экономического подъема и улучшения качества жизни населения, укреплению взаимопонимания между властью и обществом. Гарантии уважения к человеческому достоинству и труду, обеспечение баланса прав и обязанностей граждан, а также продвижение социального партнерства и различных форм солидарности становятся приоритетными.

В отличие от предыдущих конституционных положений, на государство теперь возложена прямая ответственность за создание благоприятных условий для экономического прогресса и повышения уровня жизни граждан. Активно продвигаются концепции социального партнерства и солидарности, что отражает новый подход к взаимодействию государства и общества. Конституционные изменения 2020 года конкретизировали принципы экономической системы страны с целью совершенствования законодательства в сфере социально-экономических отношений. Из-за специфики исторического контекста, сложившегося при принятии Конституции Российской Федерации в 1993 году, чёткие границы экономического регулирования не были сразу установлены[1].

Если провести сравнительный анализ Конституций КНР и Российской Федерации, можно заметить две своеобразные юридические конструкции, каждая из которых отражает уникальный путь трансформации экономических структур. Несмотря на общее прошлое, эти модели демонстрируют принципиально разные подходы, закреплённые на высшем нормативном уровне. Обе конституции признают отказ от плановой экономики и подтверждают переход к рыночным механизмам. Основные различия тут глубже и системнее.

Прежде всего — идеологические и политические основы. В Китае конституционная модель основана на руководящей роли Коммунистической партии и преданности социалистическим идеалам. Рыночные механизмы здесь рассматриваются как инструмент для развития производительных сил в рамках социализма. В России же, наоборот, заложены политический плюрализм и идеологический нейтралитет, как результат отказа от прошлой системы.

Что касается собственности, в Китае общественная собственность — фундамент экономической системы, а частный сектор развивается под контролем государства. В России же приоритет отдан многообразию и равноправию всех форм собственности.

Конституционная динамика — тут тоже разница. Китайская Конституция более гибкая и легко адаптируется к новым условиям, изменения вносятся для закрепления результатов реформ. Российская Конституция, после поправок 2020 года, акцентирует суверенитет и социальные гарантии, но базовые экономические положения, утверждающие рыночные принципы, остаются неизменными с 1993 года.

Цель у этих конституций тоже разная. В Китае — построение модернизированного социалистического государства под руководством партии. В России — создание условий для достойной жизни и свободного развития человека.

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // Официальный текст Конституции РФ опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации. http://pravo.gov.ru, 06.10.2022.

Проведенный сравнительный анализ конституционных основ экономических отношений КНР и РФ позволяет не только выявить глубокие системные различия в идеологических и правовых подходах, но и наметить перспективы для устойчивого экономического сотрудничества двух держав. Обе конституции, несмотря на разную философию, легитимизировали переход к рыночным механизмам и закрепили роль государства в стратегическом управлении и социальной ориентации экономики. Эта общность целей — обеспечение суверенного развития и повышение благосостояния граждан — создает прочную правовую платформу для углубления взаимовыгодного партнерства.

Устойчивое сотрудничество между Россией и Китаем, основанное на взаимном уважении конституционных моделей, может развиваться по нескольким ключевым направлениям. Во-первых, это координация в сферах, где закреплена ведущая роль государства: в области стратегической инфраструктуры (транспортные коридоры, энергетические сети), высоких технологий и обеспечения продовольственной безопасности. Во-вторых, конституционные гарантии защиты различных форм собственности и предпринимательства в обеих странах создают предсказуемые условия для совместных инвестиционных проектов и развития межрегиональных связей.

Особый интерес для России представляет успешный конституционно-правовой опыт Китая по адаптации базовых экономических принципов к вызовам времени. Китайская модель «социалистической рыночной экономики» демонстрирует уникальную гибкость, позволяющую сочетать стратегическое государственное планирование и регулирование с динамичным развитием частного сектора и привлечением иностранных инвестиций. Для России может быть полезен китайский опыт последовательных конституционных поправок, которые не ломали систему, а точечно закрепляли результаты реформ, обеспечивая правовую стабильность и преемственность курса на модернизацию. В частности, полезным представляется детальное конституционное закрепление механизмов социального партнерства и солидарности, а также баланса между экономической эффективностью и социальной справедливостью.

В заключение, конституции КНР и Российской Федерации, отражая уникальные пути трансформации, не являются барьером, а, напротив, задают правовые рамки для стратегического и устойчивого экономического взаимодействия. Российская социально-ориентированная рыночная экономика и китайская социалистическая рыночная экономика могут взаимодополнять друг друга в рамках евразийского партнерства. Заимствование и адаптация отдельных элементов успешного китайского опыта в области конституционно-правового обеспечения долгосрочных национальных целей развития, при сохранении собственной идентичности, могли бы способствовать укреплению экономического суверенитета и повышению конкурентоспособности Российской Федерации в XXI веке. Дальнейшее углубление сравнительно-правовых исследований в этой области представляется крайне актуальным для выработки оптимальных моделей правового регулирования в условиях глобальных вызовов.

Список источников

1. Стаханова Е.Ю. Модели конституционного регулирования экономики: сравнительно-правовой анализ / Е.Ю. Стаханова // Юридический аналитический журнал. 2024. Т. 19, № 2. С. 32—43.

2. Процевский В.А. Влияние конституционных норм-принципов на конституционную экономику / В.А. Процевский, Е.В. Горлов, С.А. Запорожец // Lex Russica (Русский закон). 2022. Т. 75, № 5 (186). С. 89—97.

3. Левакин И.В. Конституционно-правовые основы экономической системы России и конституционная реформа 2020 г / И.В. Левакин // Российское право онлайн. 2021. № 1. С. 5—9.

4. Яблонский И.В. Конституционная реформа в России: пересмотр или модернизация социально-экономической основы Российского государства? / И.В. Яблонский, И.К. Харитонов // Общество и право. 2020. № 2(72). С. 167—171.

Информация об авторе

В.С. Пенкина — студентка 2 курса.

Information about author

V.S. Penkina — 2nd year student.

Научная статья
УДК 342.1

ПРАВОВОЙ СТАТУС МЕЖДУНАРОДНЫХ НАБЛЮДАТЕЛЕЙ В РОССИЙСКОМ ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Рафик Арменович СТЕПАНЯН[1], Лилия Алексеевна ПРОКОПЕНКОВА[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] rafikstepanan5@gmail.com
[2] prokopenkova.liya@mail.ru

Научный руководитель старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации **Марина Борисовна КАБАНОВА,** 9578942@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые аспекты правового положения международных наблюдателей, включая порядок их аккредитации, права и обязанности, особенности осуществления наблюдения за избирательным процессом в Российской Федерации. Особое внимание уделяется анализу нормативно-правовой базы, регулирующей деятельность международных наблюдателей на выборах в России.

Ключевые слова: международные наблюдатели, избирательный процесс, правовое регулирование, выборы, избирательная система

Original article

LEGAL STATUS OF INTERNATIONAL OBSERVERS IN THE RUSSIAN ELECTORAL PROCESS

Rafik A. STEPANYAN[1], Lilia A. PROKOPENKOVA[2]
[1,2] St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia
[1] rafikstepanan5@gmail.com
[2] prokopenkova.liya@mail.ru

Scientific adviser Senior Lecturer at the Department of State and Legal Disciplines of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation **M.B. Kabanova**, 9578942@mail.ru

Abstract. The article examines key aspects of the legal status of international observers, including the procedure for their accreditation, rights and obligations, and the specifics of monitoring the electoral process in the Russian Federation. Special attention is paid to the analysis of the regulatory framework governing the activities of international election observers in Russia.

Keywords: international observers, electoral process, legal regulation, elections, electoral system

Участие независимых наблюдателей в выборах является необходимым атрибутом избирательного процесса как в государствах со сложившейся политической системой, так и в государствах, создающих или перестраивающих свои политические системы.

Так, Ю.А. Веденеев считает, что «международные избирательные стандарты образуют рамки правового регулирования избирательных отношений в целом и в этом качестве рассматриваются как закрепленный международным правом общий нормативный минимум внутригосударственного правового регулирования избирательных прав граждан» [1, с. 56].

Обращаясь к российскому законодательству, необходимо выделить Федеральный закон от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее — Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав»), который закрепляет основные избирательные права, в том числе статус международных наблюдателей, кроме того, легальное определение «иностранного (международного) наблюдателя на выборах»[1].

В соответствии с п. 43 ст. 2 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав» «наблюдатель иностранный (международный) (иностранный (международный) наблюдатель) — представитель иностранной или международной организации, наделенный правом осуществлять в порядке, установленном Федеральным конституционным законом от 28 июня 2004 № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации», федеральным законом, наблюдение за подготовкой и проведением выборов в федеральные органы государственной власти и референдума Российской Федерации».

Обратимся к Копенгагенскому совещанию Конференции по человеческому измерению, в котором указано, что «присутствие международных наблюдателей на выборах повышает авторитетность избирательного процесса, их беспристрастная, деполитизированная и профессиональная работа способствует дальнейшему развитию обеспечения избирательных прав и свобод граждан. Российская Федерация, руководствуясь национальным законодательством, общепризнанными принципами и нормами международного права приглашает иностранных (международных) наблюдателей, чтобы гарантировать свободное выражение воли народа на демократических выборах»[2].

Одним из основополагающих нормативных актов, регулирующих вопросы международного наблюдения за избирательными процессами, является Конвенция о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в госу-

[1] Выборы в мире: международное наблюдение / И.Б. Борисов, А.Г. Головин, А.В. Игнатов; под общ. ред. И.Б. Борисова. СПб.: ИВЭСЭП, 2015. 168 с.

[2] Документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ : материалы совещания [Текст] / Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Копенгаген, 1990. 78 с.

дарствах-участниках Содружества Независимых Государств (далее — Конвенция). Данный документ был подписан 7 октября 2002 года, прошел процедуру ратификации в Российской Федерации 2 июля 2003 года и вступил в силу 11 ноября того же года, официально закрепив свои положения.

Рассмотрим ключевые аспекты международного наблюдения, закрепленные в соответствующей Конвенции. Так, статья 14 предусматривает наличие четких структурированных и исчерпывающих перечней прав и обязанностей наблюдателей. Кроме того, в соответствии со статьей 7 Конвенции государство, на территории которого проводятся выборы, имеет право отозвать аккредитацию международных наблюдателей в случае нарушения ими национального законодательства или общепризнанных принципов и норм международного права. Также, статья 15 гласит, что международные наблюдатели обязаны формировать свои заключения на основе фактических данных и объективного анализа ситуации[1].

В Российской Федерации право иностранных граждан на участие в качестве наблюдателей в избирательных процессах впервые было официально закреплено в Распоряжении Президента Российской Федерации от 6 ноября 1993 г. N 719-рп «Об обеспечении деятельности иностранных наблюдателей в ходе проведения выборов в Федеральное собрание и всенародного голосования по проекту Конституции Российской Федерации.

Правовой статус международных наблюдателей в Российской Федерации был окончательно определен после принятия ряда федеральных нормативных правовых актов: Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 23.05.2025) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», Федеральный закон от 10.01.2003 № 19-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О выборах Президента Российской Федерации» и Федеральный закон от 22.02.2014 № 20-ФЗ (ред. от 23.05.2025) «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации».

По нашему мнению, в настоящее время процесс международного наблюдения за избирательными процедурами сталкивается с рядом специфических вызовов и препятствий, требующих детального анализа и комплексного подхода к их преодолению. Одним из таких вызовов является ограниченная возможность воздействия на реализацию выработанных рекомендаций. Международные наблюдатели могут фиксировать нарушения и предлагать рекомендации, однако они не обладают полномочиями для обязательного исполнения своих предписаний.

Кроме того, существует проблема, связанная с поствыборным мониторингом. Многие организации сосредоточивают своё внимание на наблюдении в день проведения выборов, оставляя без должного внимания такие важные аспекты, как процесс подсчёта голосов, рассмотрение жалоб и апелляций, а также долгосрочная реализация рекомендаций. Эти проблемы могут быть вызваны как объективными факторами, такими как различия в национальных правовых системах и культурных контекстах, так и субъективными аспектами, включая политические интересы и манипуляции.

Так, в соответствии со статьей 30 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», международные наблюдатели проходят процедуру аккредитации в Центральной избирательной комиссии Российской Федерации.

Гражданин Российской Федерации, представитель иностранных или международных организаций, может быть аккредитован в качестве международного наблюдателя исключительно на основании, которое принимается по факту получения приглашения от уполномоченных субъектов. К таким субъектам относятся органы

[1] Конвенция о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах-участниках СНГ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 48.

государственной власти, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, правительственные и неправительственные организации, а также частные лица с признанным авторитетом в области защиты прав и свобод человека и гражданина, например, члены Совета по правам человека ООН, члены международной амнистии. Приглашение должно быть официально опубликовано после принятия решения о назначении выборов.

Нельзя не упомянуть основания для отказа в аккредитации иностранных наблюдателей на выборах Президента Российской Федерации. Так, в случае, если иностранная организация, направившая наблюдателя, не обладает правоспособностью, необходимой для осуществления наблюдения на выборах Президента Российской Федерации в соответствии с законодательством Российской Федерации, представитель иностранной организации не предоставил полный комплект документов, либо представил документы, содержащие неполные или недостоверные сведения, цели и задачи иностранной организации, а также её деятельность на территории Российской Федерации, включая деятельность её представителя, противоречат Конституции Российской Федерации и российскому законодательству, ранее представитель иностранной организации или сама организация были лишены аккредитации в качестве иностранных наблюдателей на территории Российской Федерации вследствие грубых нарушений Конституции Российской Федерации, законодательства Российской Федерации, международных правовых актов или принципов наблюдения за выборами, что фактически приводит к отказу в аккредитации иностранных наблюдателей на выборах Президента Российской Федерации[1].

Говоря о международных избирателях, нельзя не обратиться к понятию «международное наблюдение». Оно представляет собой систематический процесс, в рамках которого представители иностранных государств и международных организаций осуществляют сбор, анализ и консолидацию данных, связанных с выборами. Основная цель данного процесса заключается в оценке соответствия избирательных процедур и процессов международным избирательным стандартам, а также в формулировании объективных выводов.

Процесс международного наблюдения за выборами можно структурировать на несколько ключевых этапов. Первоначальным этапом является сбор информации, охватывающей все аспекты организации и проведения выборов, включая, но не ограничиваясь, регистрацией избирателей, подготовкой избирательных участков, процессом голосования и подсчетом голосов. Затем следует этап аналитической обработки собранных данных, включающий их систематизацию и выявление закономерностей. На следующем этапе проводится сравнительный анализ результатов с требованиями международных избирательных стандартов и рекомендациями международных организаций. В завершение данного процесса формулируются и официально обнародуются выводы о степени соответствия порядка организации и проведения выборов международным стандартам, что способствует повышению прозрачности и легитимности избирательного процесса.

Исходя из этого, мы понимаем, что международное наблюдение — это сложный и многоэтапный процесс, который направлен на обеспечение прозрачности и легитимности избирательного процесса посредством независимой оценки его соответствия международным стандартам и нормам.

Таким образом, правовой статус международных наблюдателей способствует обеспечению их эффективного участия в избирательном процессе при соблюдении принципов независимости, беспристрастности и невмешательства в избира-

[1] Постановление ЦИК РФ от 12 мая 2011 г. № 10/98-6 «О Разъяснениях порядка деятельности иностранных (международных) наблюдателей при проведении выборов Президента Российской Федерации и об удостоверении иностранного (международного) наблюдателя» // Вестник ЦИК РФ. 2011. № 24.

тельные процедуры. К тому же особое значение их положения повышает авторитет, прозрачность и легитимности избирательного процесса.

Список источников

1. Веденеев Ю.А. Развитие избирательной системы Российской Федерации: проблемы правовой институционализации // Журнал российского права. 2005. № 6. С. 47—57.

Информация об авторах

Р.А. Степанян — студент 2 курса.
Л.А. Прокопенкова — студентка 2 курса

Information about authors

R.A. Stepanyan — 2nd year student.
L.A. Prokopenkova — 2nd year student.

Научная статья
УДК 339.13

РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦЕН НА ЖИЗНЕННО ВАЖНЫЕ ЛЕКАРСТВА

Дарья Вячеславовна ТЕРЕЩЕНКО
Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева (Северо-Западный филиал), Санкт-Петербург, Россия
tereschenko27281@gmail.com

Научный руководитель профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева (Северо-Западный филиал), доктор экономических наук, доцент **Николай Геннадьевич ПРИВАЛОВ**, ns-privalov@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу моделей государственного регулирования цен на жизненно важные лекарственные препараты. Актуальность исследования обусловлена противоречием между необходимостью обеспечения доступности препаратов и финансированием инноваций. Цель работы – выявление преимуществ, недостатков и условий эффективного применения прямых и косвенных методов контроля цен. В результате анализа установлено, что оптимальной является гибридная политика, сочетающая элементы разных подходов с учетом специфики национального фармацевтического рынка.

Ключевые слова: регулирование цен на лекарства, доступность лекарственных препаратов, референтное ценообразование, ценностно-ориентированное ценообразование, фармацевтический рынок

Original article

PRICE REGULATION FOR VITAL MEDICINES

Darya V. TERESHCHENKO
Lebedev Russian State University of Justice (North-Western Branch), St. Petersburg, Russia
tereschenko27281@gmail.com

Scientific adviser Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, Lebedev Russian State University of Justice (Northwestern Branch), Doctor of Economics, Associate Professor **N.G. Privalov**, ns-privalov@mail.ru

Abstract. The article is devoted to a comparative analysis of models of state regulation of prices for vital medicines. The relevance of the study is due to the contradiction between the need to ensure the availability of drugs and the financing of innovations. The purpose of the work is to identify the advantages, disadvantages and conditions for the effective use of direct and indirect methods of price control. As a result of the analysis, it was found that a hybrid policy combining elements of different approaches, taking into account the specifics of the national pharmaceutical market, is optimal.

Keywords: regulation of drug prices, availability of medicines, reference pricing, value-based pricing, pharmaceutical market

Актуальность данной работы обусловлена ростом расходов в области здравоохранения, существенная часть которых связана с закупкой лекарственных препаратов. Это создаёт проблему, которая заключается в противоречии между общественной потребностью в доступности жизненно важных лекарств и экономической необходимостью финансирования дорогостоящих фармацевтических инноваций. Особую остроту данной проблеме придают актуальные примеры, такие как высокая стоимость терапии онкологических и орфанных заболеваний, а также ВИЧ и СПИДа.

Цель работы заключается в проведении сравнительного анализа существующих моделей регулирования цен на лекарства критической важности. Для её достижения предполагается решить ряд задач. Необходимо рассмотреть основные методы государственного вмешательства в ценообразование. Далее на основе проведённого анализа данных методов планируется выявить ключевые преимущества, недостатки и практические условия эффективного применения каждого из рассматриваемых подходов.

Стоит начать с прямого регулирования в сфере обеспечения населения лекарственными препаратами, основным инструментов в котором является установление предельных цен. Данный механизм предполагает определение максимально допустимой цены производителя для каждого лекарственного препарата в рамках его регистрационного удостоверения. В Российской Федерации такое регулирование применяется выборочно и распространяется исключительно на препараты, включённые в перечень жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов (ЖНВЛП). Указанный перечень формируется и утверждается ежегодно Правительством Российской Федерации[1]. Для позиций из этого списка действует обязательная процедура государственной регистрации предельных отпускных цен.

Параллельно с контролем отпускных цен государство регулирует размер торговых наценок, что формирует комплексный подход к сдерживанию конечной стоимости лекарств для потребителя. В России как оптовые, так и розничные надбавки на препараты из перечня ЖНВЛП ограничиваются пределами, которые устанавливаются властями субъектов Федерации. Например, максимальная розничная надбавка в Московской области не может превышать 18%, в то время как в Ростовской области этот лимит составляет 25% [1, с. 255].

Прямое регулирование позволяет власти напрямую контролировать ключевые рыночные параметры. Его основным достоинством является возможность эффек-

[1] Распоряжение Правительства РФ от 18.12.2025 №3867-р «Об утверждении перечня жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов, а также перечней лекарственных препаратов для медицинского применения и минимального ассортимента лекарственных препаратов, необходимых для оказания медицинской помощи» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс] URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 29.01.2026).

тивного сдерживания цен на всех этапах движения товара — от производителя до конечного потребителя, что обеспечивает предсказуемость и упорядоченность. Однако чрезмерное вмешательство государство заметно ослабляет естественные рыночные механизмы, в результате чего зафиксированная цена теряет способность гибко реагировать на изменения спроса и предложения, что может приводить к дефициту или перепроизводству [2, с. 44].

Помимо прямого регулирования, на практике широко применяются косвенные методы контроля цен на лекарственные препараты, направленные на создание экономических стимулов для их сдерживания.

Одним из наиболее распространённых методов образования цен на лекарственные препараты является внешнее референтное ценообразование. Его суть заключается в установлении допустимого уровня цены на препарат в конкретной стране путем её сравнения с ценами в заранее определённой «корзине» других (референтных) государств. Критериями для отбора таких стран-референдентов обычно служат географическая близость, сопоставимый уровень экономического развития и схожесть систем здравоохранения. Например, многие страны Восточной Европы ориентируются на цены в европейских странах (Германии или Франции), что позволяет связывать внутренние цены с уровнем более развитых рынков, не прибегая к прямому диктату [3, с. 37].

Другим ключевым методом выступает внутреннее референс-ценообразование. Оно представляет собой метод регулирования, при котором для группы сходных лекарственных препаратов устанавливается единая максимальная цена, чаще всего определяемая как уровень возмещения затрат в рамках обязательного медицинского страхования. Данная модель распространена в особенности в странах Европейского Союза (Великобритания, Швеция, Нидерланды и т. д.). Ключевой особенностью является распределение финансовой ответственности: если пациент выбирает препарат, розничная цена которого превышает установленный референтный уровень, он обязан самостоятельно оплатить разницу между фактической стоимостью и суммой, компенсируемой страховой системой. Данный метод ценообразования создаёт экономический стимул для выбора более доступных альтернатив, эффективно сдерживая расходы системы здравоохранения [4, с. 16].

Референтные ценообразования позволяют сохранить гибкость рынка и лучше сбалансировать спрос и предложение. Тем не менее, косвенное регулирование также сопряжено с определёнными рисками. К ним относится потенциальное сворачивание производства отдельных препаратов, ставших экономически невыгодными, а также рост цен на лекарства, не входящие в перечни строгого контроля. Кроме того, сохраняется опасность сокращения прибыли компаний, которую они могли бы направить на научные исследования и разработку новых лекарств [5, с. 32—33].

Современным и активно развивающимся подходом является ценностно-ориентированное ценообразование. В его основе лежит принцип установления цены не на основе издержек производства, а в соответствии с доказанной клинической и экономической ценностью препарата для пациента и системы здравоохранения в целом. При этом оцениваются такие параметры, как повышение выживаемости, улучшение качества жизни, снижение числа госпитализаций и возможность избежать более дорогостоящих вмешательств [6, с. 6—7].

Одной из центральных проблем в области ценообразования на лекарственные препараты является необходимость дифференциации подходов для инновационных препаратов и их копий. Существенная разница в их стоимости обусловлена самой структурой затрат: до 80% цены оригинального лекарства формируется за счёт расходов на многолетние исследования его эффективности и безопасности, в то время как лишь около 20 % приходится на синтез действующего вещества. Джене-

рики (копии препаратов), не несущие бремени этих первоначальных инвестиций, закономерно оказываются значительно дешевле. Однако повсеместная ориентация на их использование порождает сложные вопросы, касающиеся долгосрочных терапевтических и экономических результатов лечения [4, с. 22].

Проведённый сравнительный анализ моделей регулирования цен на лекарственные препараты демонстрирует, что как прямые, так и косвенные методы обладают значимым потенциалом. Прямое регулирование, примером которого в России служит контроль над ценами в перечне ЖНВЛП, позволяет государству сдерживать конечную стоимость для потребителя, обеспечивая доступность лекарства. Однако жёсткость данного подхода может приводить к угрозе сокращения ассортимента. Косвенные методы, такие как внешнее и внутреннее референтное ценообразование, интегрируют национальный рынок в глобальный и создают стимулы для выбора более доступных лекарств. Их недостатками являются риск импорта нежелательных ценовых тенденций и потенциальное замедление внедрения инноваций.

Критически важным остаётся поиск баланса между краткосрочной задачей финансовой доступности и долгосрочной целью развития фармацевтической отрасли и биофармацевтических исследований.

Список источников

1. Найденов Н.Д. Особенности ценообразования на фармацевтические товары из списка жизненно важных лекарственных препаратов в Российской Федерации / Н.Д. Найденов, Т.А. Найденова // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 11—2. С. 253—262.

2. Клименкова А.А., Геллер Л.Н., Скрипко А.А., Гравченко Л.А., Коржавых Э.А. Фармацевтические услуги: состояние и тенденции развития // Фармация и фармакология. 2021. №1. С. 32—53.

3. Грентикова И.Г., Гришаева О.В., Большаков В.В., Мальцева Е.М. // Фундаментальные исследования. 2022. №5. С. 35—39.

4. Толкачёва Д.Г., Торгов А.В., Маргазова А.С. Обзор зарубежных подходов к государственному регулированию цен на воспроизведенные лекарственные препараты // Современная фармаэкономика и фармакоэпидемиология. 2018. №10 (4). С. 15—24.

5. Мусина Н.З., Федяева В.К., Ивахненко О.И., Хачатрян Г.Р., Герасимова К.В. Анализ систем ценообразования и ценового регулирования стоимости лекарственных препаратов в зарубежных странах // Медицинские технологии. Оценка и выбор. 2017. №2 (28). С. 30—39.

6. Толкушин А.Г., Давыдовская М.В., Ягудина Р.И. Концепция определения равновесной цены инновационных лекарственных препаратов на основе их реальной ценности — value-based pricing // Ремедиум. 2017. №12. С. 6—14.

Информация об авторе

Д.В. Терещенко — студентка 2 курса.

Information about author

D.V. Tereshchenko — 2nd year student.

Научная статья
УДК 349

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА

Арина Евгеньевна ТОЛСТЯКОВА
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
arishka.ks16@gmail.com

Научный руководитель старший преподаватель кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, **Татьяна Владимировна ПОДДУБНАЯ**, poddubnayatatiana21@gmail.com

Аннотация. Данная статья посвящена анализу законодательного регулирования физической культуры и спорта в РФ. На основе анализа совокупного законодательства проводится анализ юридических документов в порядке убывания юридической силы, производится сопоставительный анализ документов как на одном, так и на разных юридических уровнях.

Ключевые слова: Конституция, физическая культура, спорт, Олимпийские игры

Original article

ON THE LEGAL REGULATION OF PHYSICAL CULTURE AND SPORTS

Arina E. TOLSTYAKOVA
St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia
arishka.ks16@gmail.com

Scientific adviser Senior Lecturer of the Department of General Humanities and Socio-Economic Disciplines of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, **T.V. Poddubnaya,** poddubnayatatiana21@gmail.com

Abstract. This article is devoted to the analysis of legislative regulation of physical culture and sports in the Russian Federation. Based on the analysis of the combined legislation, the legal documents are analyzed in descending order of legal force, and a comparative analysis of documents at both the same and different legal levels is performed.

Keywords: Constitution, physical culture, sports, Olympic Games

На момент сегодняшнего дня спорт является важным приоритетом развития государства и занимает одно из ключевых мест в инженерии социальной политики[1]. Данная мысль представляется исключительно логичной, поскольку спорт влияет на метаболическое здоровье, является отличной профилактикой диабета, укрепляет

[1] Об утверждении состава Совета при Президенте Российской Федерации по развитию физической культуры и спорта: указ Президента Российской Федерации от 18 июля 2018 г. № 432. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

лёгочно-сердечную систему, препятствует развитию остеопороза на любом этапе жизни, способствует увеличению продолжительности жизни и качества старости [1, с. 1—6].

Понимая актуальность развития данной стороны общественной жизни, высшие политические институты государственной власти Российской Федерации также принимают меры по регулированию. Меры регулирования выражаются в принятии нормативно-правовых актах как законных, так и подзаконных. Для дальнейшего рассуждения необходимо установить иерархию внутренних законов Российской Федерации, которая выглядит следующим образом и перечислена в порядке убывания силы: главным источником является Конституция РФ, ФКЗ, ФЗ, указы и распоряжения Президента, постановлении и распоряжения Правительства, законы субъектов Российской Федерации, НПА органов местного самоуправления.

Конституция Российской Федерации. Главный закон Российской Федерации регулирует спорт в нескольких аспектах. Статья 37 Конституции устанавливает, что труд в Российской Федерации свободен, то есть труд тренера или профессионального спортсмена работающий по трудовому договору также свободен [2, с. 88]. Статья 41 регулирует вопросы связанные с массовым здоровьем населения, в том числе государство финансирует программы развития спорта и физической культуры. Также статья 72 Конституции устанавливает, что общие вопросы спорта находятся в совместном ведений федерального центра и регионов. Это и обуславливает дальнейшую возможность локализации законодательства, о которой мы поговорим далее.

Федеральные Конституционные законы. В настоящий момент не существует федерального конституционного закона, который напрямую регулируют спортивную деятельность. Однако ФКЗ РФ регулируют политические институты, которые регулируют спорт, то есть фактически ФКЗ РФ косвенно регулируют спорт. Например, ФКЗ «О правительстве Российской Федерации» в статье 16 устанавливается, что Правительство планирует и реализует меры по развитию спорта[1].

Федеральные законы. Основным Федеральным законом в сфере спорта и физической культуры является ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» от 04 декабря 2007 года № 329-ФЗ[2]. Данный ФЗ содержит терминологический аппарат: массовый спорт, национальные виды спорта, паралимпийское и сурдлимпийское движения, правила видов спорта, спортивная федерация, спорт высших достижений, спортивные сооружения. Устанавливает круг субъектов физической культуры и спорта: спортсмены, тренеры, спортивные клубы, федерации, Олимпийский комитет. Чётко определяются права, обязанности и ответственность организаторов физкультурных и спортивных мероприятий, полномочия Российской Федерации, субъектов Федерации и муниципальных образований в области физической культуры и спорта. Так, например, Российская Федерация осуществляет ключевые полномочия в сфере физической культуры и спорта, включая разработку и реализацию государственной политики и федеральных программ развития спорта, организацию подготовки спортивных сборных команд России и их участия в международных соревнованиях, государственную аккредитацию общероссийских спортивных федераций, нормативное регулирование системы спортивных званий и квалификаций судей и тренеров, а также строительство и развитие федеральной спортивной инфраструктуры и обеспечение спортивных сборных науч-

[1] О Правительстве Российской Федерации: Федеральный Конституционный закон от 06 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ: в ред. от 22 октября 2025 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О физической культуре и спорте в Российской Федерации: федеральный закон от 04 декабря 2007 г. № 329-ФЗ: в ред. от 28 ноября 2025 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

но-методической, медицинской и антидопинговой поддержкой. Регионы обладают схожими полномочиями, но уже в рамках своей региональной юрисдикции. Органы местного самоуправления поощряют спорт в рамках своих муниципальных образований, организуют проведение и сдачу нормативов ГТО.

Также закон закрепляет юридический статус спортивной подготовки, регулирует занятия физической культурой и спортом в школах, на работе.

Несмотря на огромный круг полномочий в тексте закона всего 43 статьи. Критики отмечают, что нормы носят декларативный характер [3, с. 172]. Стоит признать их правоту ведь фактическим регулятором спортивной деятельности выступает Министерство Спорта Российской Федерации, которое и выпускает инструкции, основываясь на ФЗ.

Ещё одной проблемной особенностью является то, что последние существенные изменения в закон были внесены в 2014 году в связи с присоединением республики Крым в состав Российской Федерации[1]. Спорт за это время успел преобразиться: стали носить массовый характер спонсорские договоры, появился институт трансфера спортсменов, появились новые элементы в массовом и корпоративном спорте, а также закон не решил и старые проблемы, например со статусом тренера в Российской Федерации [3, с. 174]. Совокупность данных факторов образует пробельность законодательства и уводит потенциальные правовые отношения в квазиправовые или в другие отрасли права.

Указы Президента. Как мы и оговаривали ранее фактическую функцию детализации дают подзаконные акты, например Указ Президента Российской Федерации от 30 декабря 2024 №1128 «О мерах социальной поддержки граждан Российской Федерации, имеющих высокие спортивные результаты или способствовавших их достижению»[2]. Данный подзаконный акт устанавливает специальные стипендии для титулованных спортсменов и их тренеров. Выплаты положены чемпионам и призерам Олимпийских, Паралимпийских и Сурдлимпийских игр, а также победителям других крупных соревнований, назначаются на один год или на пожизненный срок от 25 до 60 тысяч рублей в зависимости от достижений.

Кроме того, Указ Президента Российской Федерации от 18 июля 2018 года № 432 регламентирует деятельность аналитического органа при Президенте Российской Федерации — Совета при Президенте Российской Федерации по развитию физической культуры и спорта[3]. Данный орган занимается анализом нынешнего состояния спорта в Российской Федерации, фактически подготавливает проекты инструкции и занимается координацией спортивного регулирования на федеральном, региональном и местном уровнях.

Постановления Правительства. Более же обширную степень регулирования оказывает Правительство Российской Федерации. Постановление Правительства Российской Федерации от 30 сентября 2021 № 1661 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие физической культуры и спорта» и о признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» ставит целью увеличение

[1] Об особенностях правового регулирования отношений в области физической культуры и спорта в связи с принятием в Российскую Федерацию Республики Крым и образованием в составе Российской Федерации новых субъектов - Республики Крым и города федерального значения Севастополя: Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 211-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О мерах социальной поддержки граждан Российской Федерации, имеющих высокие спортивные результаты или способствовавших их достижению: указ Президента Российской Федерации от 30 декабря 2024 г. № 1128. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Об утверждении состава Совета при Президенте Российской Федерации по развитию физической культуры и спорта : указ Президента Российской Федерации от 18 июля 2018 г. № 432 : в ред. от 22 октября 2025 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

как международных спортивных достижений РФ, так и увеличение числа граждан занимающихся спортом до 70 %[1]. Данные цели планируется осуществить за счёт финансирования и вложения денежных средств в нужные области, которое будет осуществляться по правилам установленным данным постановлением.

Постановление от 26 августа 2025 года №1274 утвердило финансирование программы земский тренер, по которой квалифицированный специалист может получить от 1 миллиона рублей денежной компенсации[2].

Распоряжение Правительства Российской Федерации от 10 апреля 2025 № 881-р регулирует развитие студенческого спорта за счёт дополнительного финансирования в том числе из внебюджетных фондов[3]. Данное постановление также обозначает порядок межотраслевой координации образовательных учреждений и органов исполнительной власти, постановление устанавливает, что будут построена дополнительная инфраструктура для занятий спортом. За реализацию целей будет отвечать ответственный исполнитель — Министерство Спорта Российской Федерации, что является распространённой мерой для Постановлений Правительства в области спортивного регулирования.

Законы субъектов. На настоящий момент, в большинстве субъектов Российской Федерации приняты законы, регулирующие спортивную деятельность, но не во всех субъектах [4, с. 18]. Как правило, документы типовые и отличаются между собой в небольших нюансах — однако, как правило, закон представляет собой дословное цитирование полномочий, предоставленных федеральным законом [5, с. 57]. Несмотря на это документы различаются, например, по характеру полномочий и порядку их распределения.

Например, Закон Курганской области «О физической культуре и спорте в Курганской области»[4] чётко устанавливает, что данный закон регулируется областной думой, Правительство осуществляет общее руководство, устанавливает цели, непосредственное исполнение — Министерство спорта субъекта. В законе чётко определены обязанности каждого из органов. Закон Республики Саха (Якутии) «О физической культуре и спорте в Республике Саха (Якутия)» носит скорее декларативный характер, устанавливая общие принципы закона, но не порядок их реализации[5]. Данной закон скорее носит рамочный характер и служит для конкретизации дальнейшего нормотворчества в подзаконных НПА. Что примечательно, закон республики даёт себе дополнительные права, например, могут устанавливаться меры поддержки с учётом специфики коренных народов. С точки зрения юридической техники было бы крайне проблемно конкретизировать данные меры в законе, в связи с чем на наш взгляд законодатель принял правильное решение оставить конкретизацию в подзаконных актах.

НПА органов местного самоуправления. В большинстве своём представляют постановления главы муниципалитета о порядке финансирования конкретной

[1] Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие физической культуры и спорта» и о признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации от 30 сентября 2021 г. № 1661 : в ред. от 15 ноября 2025 г. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

[2] О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 30 сентября 2021 г. № 1661: постановление Правительства Российской Федерации от 26 августа 2025 г. № 1274. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Об утверждении межотраслевой программы развития студенческого спорта на период до 2030 года и плана мероприятий по ее реализации: распоряжение Правительства Российской Федерации от 10 апреля 2025 г. № 881-р. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] О физической культуре и спорте в Курганской области закон Курганской области от 10 ноября 2008 г. № 405. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[5] О физической культуре и спорте в Республике Саха (Якутия): закон Республики Саха (Якутия) от 18 июня 2009 г. № 696-З № 327-IV. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

спортивной инфраструктуры, в соответствии с местным бюджетом, организацию и проведения местных соревнований, регулирует административные процедуры.

В заключение можно сказать, что законодательство о спорте в Российской Федерации регулируется как на законном, так и на подзаконном уровнях, как на федеральном, так и на региональном и муниципальных уровнях. Среди всех приведённых инстанций иерархии прослеживается тенденция, что чем более локальный уровень регулирования, тем регулирование более конкретное.

Список источников

1. Шутьева Е.Ю. Влияние спорта на жизнь и здоровье человека // Концепт. 2017. № 4. С. 1—6.
2. Тумасян А.В. Конституционно-правовые основы физической культуры и спорта в России // Наука, образование и культура. 2018. № 1 (25). С. 87—89.
3. Рогачев Д.И. Актуальные проблемы структуры и содержания действующего федерального закона «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // Право и государство: теория и практика. 2020. № 7 (187). С. 171–178.
4. Коваленко Е.Ю. История развития законодательства о физической культуре и спорте в России // Российско-азиатский правовой журнал. 2021. № 1. С. 14–21.
5. Зуев В.Н. Спортивное законодательство Тюменской области в социализации населения региона // Известия вузов. Социология. Экономика. Политика. 2012. № 2. С. 56–60.

Информация об авторе

А.Е. Толстякова — студентка 4 курса.

Information about author

A.E. Tolstyakova — 4th year student.

ТРЕБОВАНИЯ К АВТОРСКОМУ ОРИГИНАЛУ

Уважаемые Авторы, перед направлением статьи для опубликования в журнале «Альманах молодого исследователя» просим вас ознакомиться с содержанием разделов «Редакционная политика» и «Редакционная этика» на сайте Института.

К рассмотрению принимаются статьи, ранее не публиковавшиеся в других изданиях и не находящиеся на рассмотрении в других редакциях. Предоставляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы.

Все поступившие для опубликования в «Альманахе молодого исследователя» статьи проходят рецензирование, а также проверку оригинальности текста системой «Антиплагиат».

Рукопись научной статьи (далее — рукопись, статья) представляется в электронном виде в формате, поддерживаемом Microsoft Word версии 2007 или выше (формат — rtf).

Рекомендуемый объем статьи от 0,3 до 0,4 авторского листа (12 000–16 000 знаков с пробелами). Учитывается объем всего направляемого материала: информация об авторе, аннотация, текст, список источников.

Перед текстом статьи указывается УДК.

Статья в обязательном порядке должна включать следующие структурные элементы:

– название статьи;
– сведения об авторе (авторах);
– аннотацию;
– ключевые слова;
– список источников.

Материалы, предназначенные для опубликования, направляются в редакционную коллегию журнала на электронный адрес: almanakh2016@mail.ru.

Отдельными файлами предоставляются:

текст статьи (см. подробно в образце оформления статьи). Название файла: Фамилия И.О. статья (например, Иванов И.И. статья); файл необходимо сохранять в формате RTF;

отсканированная рецензия научного руководителя, заверенная печатью учебного заведения (в случае отсутствия рецензии научного руководителя материалы не рассматриваются). Название файла: Фамилия И.О. рецензия (например, Иванов И.И. рецензия);

согласие на обработку персональных данных автора и на размещение полнотекстовой версии статьи впервые в открытом доступе в сети Интернет. Название файла: Фамилия И.О. согласие (например, Иванов И.И. согласие).

Публикация статей осуществляется в авторской редакции. За ошибки и неточности научного и фактического характера ответственность несет автор (авторы).

Требования к оформлению статьи:

текст должен быть набран в редакторе Word for Windows;

стиль оформления основного текста должен содержать следующие установки: гарнитура «Times New Roman Cyr»; расстояние между строками текста – 1,5 интервала, между текстом и заголовками – 1 строка, заголовок – прописными; размер шрифта – 14, абзацный отступ – 0,75; выравнивание – по ширине; перенос – автоматический; поля: верхнее, нижнее, левое, правое – 25 мм; нумерация страниц – внизу по центру;

библиографические записи в перечне затекстовых библиографических ссылок нумеруют и располагают в порядке цитирования источников. В тексте статьи даются

отсылки к необходимому номеру библиографической записи из составленного списка, которые приводятся в квадратных скобках. Если отсылка к источнику информации в тексте статьи встречается несколько раз, то в квадратных скобках повторно указывается его номер из списка (без каких-либо изменений в самом библиографическом списке). В случае прямого цитирования обязательно указывают номер страницы (например: [1, с. 25], [1, с. 59–60]);

перечень затекстовых библиографических ссылок помещают после основного текста статьи с предшествующими словами «Список источников», в перечень затекстовых библиографических ссылок включаются только источники, которые упоминаются или цитируются в основном тексте статьи (общее количество источников не должно превышать 5–7);

в список источников включаются только научные публикации; ссылки на интернет-ресурсы, публикации в средствах массовой информации, нормативно-правовые акты и т. п. указываются в постраничных сносках;

библиографическая запись затекстовых ссылок, а также отсылки на затекстовые библиографические ссылки оформляют по ГОСТ Р 7.0.5.

В статье могут быть внутритекстовые и подстрочные примечания. Внутритекстовые примечания помещают внутри основного текста статьи в круглых скобках. Подстрочные примечания помещают внизу соответствующей страницы текста статьи;

внутритекстовые и подстрочные примечания, содержащие библиографические ссылки, оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5;

рисунки, иллюстрации, фотографии должны быть представлены в распечатке и отдельным файлом в электронном виде. При фактическом размере изображения в публикации они должны иметь полиграфическое разрешение не менее 300 точек/дюйм; для обозначения номера нормативного акта в тексте и сносках используется знак «№»;

для обозначения кавычек используется знак «»;

текст статьи должен быть оригинальным (не менее 60 % оригинальности по результатам системы «Антиплагиат»);

текст статьи должен соответствовать правилам русского языка (наличие чрезмерного количества орфографических, грамматических, речевых, логических, синтаксических, пунктуационных ошибок является основанием для отказа в публикации работы).

Рекомендации авторам по составлению аннотации и выбору ключевых слов

Аннотация – краткая характеристика научной статьи с точки зрения ее назначения, содержания, вида, формы и других особенностей.

Аннотация выполняет следующие функции: позволяет получить представление об основном содержании научной статьи, определить ее релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту статьи; характеризует тему, основные проблемы научной статьи, цели работы и ее результаты; используется в информационных, в том числе автоматизированных системах для поиска информации.

Аннотация включает характеристику темы, основной проблемы (проблем), объекта, цели исследования, основных результатов. Рекомендуемый объем аннотации – до 80 слов.

Ключевые слова характеризуют основное смысловое содержание статьи, служат ориентиром для читателя и используются для поиска статей в электронных базах, поэтому должны отражать дисциплину (область науки, в рамках которой написана статья), тему, цель и объект исследования.

В качестве ключевых слов могут использоваться как одиночные слова, так и словосочетания в единственном числе и именительном падеже. Рекомендуемое количество ключевых слов – 5–7 на русском языке, количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Научная статья
УДК 340.5

СУДЕБНЫЙ ПРЕЦЕДЕНТ В РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ

Дени Ширваниевич БИСУЛТАНОВ
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
deni.bisultanov.2014@mail.ru

Научный руководитель профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор **Илья Львович ЧЕСТНОВ,** ilchestnov@yandex.ru

Аннотация. Со второй половины XX века всё больший интерес у учёных возникает к вопросу о наличии или отсутствии такого не характерного для романо-германской правовой системы источника права, как судебный прецедент. В данной статье будет подниматься дискуссионный вопрос о роли и значении судебного прецедента в странах романо-германской правовой системы.

Ключевые слова: источник права, судебный прецедент, общее право, романо-германская правовая система, англосаксонская правовая система

Original article

JUDICIAL PRECEDENT IN THE ROMAN-GERMAN LEGAL SYSTEM

Deni Sh. BISULTANOV
St. Petersburg Law Institute (branch) University
of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia
deni.bisultanov.2014@mail.ru

Scientific adviser Professor at the Department of theory and history of state and law of St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Science (Law), Full Professor **I.L. Chestnov**, ilchestnov@yandex.ru

Abstract. Since the second half of the 20th century, scientists have become increasingly interested in the question of the presence or absence of such a source of law, uncharacteristic for the Romano-Germanic system, as a judicial precedent. This article will raise a debatable question about the role and judicial precedent in the countries of the Romano-Germanic judicial system.

Keywords: source of law, judicial precedent, common law, Romano-Germanic legal system, Anglo-Saxon legal system

Текст, текст, текст [1, с. 258]. Текст, текст, текст, текст, текст[1], текст.
Текст, текст, текст, текст [2], текст, текст.

Список источников

1. .....
2. .....

Информация об авторе

Д. Ш. Бисултанов – студент 1 курса.

Information about author

D. Sh. Bisultanov – 1st year student.

[1] источник.....